This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

99:8 // Pamiatnik Pushkinu
Б-907

ВѢНОКЪ

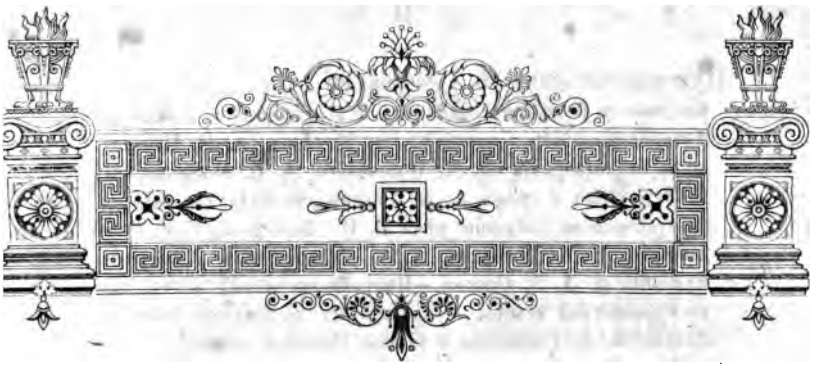
НА

ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ

Пушкинскіе дни въ Москвѣ, Петербургѣ и провинціи.
Адресы, телеграммы, привѣтствія, рѣчи чтенія и стихи по поводу открытія памятника Пушкину.
Отзывы печати о значеніи Пушкинскаго торжества.
Пушкинская выставка въ Москвѣ. Новыя данныя о Пушкинѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.
1880

PG3353
S V5
92:8(c)1
Инв. Аб 16990
1947
1958 г.
A-24965-43
1956
1944



СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Памяти А. С. Пушкина 1

II. Значеніе Пушкинскаго торжества. 13

III. Пушкинскіе дни въ Москвѣ 17

5-е іюня въ Москвѣ: засѣданіе комитета по сооруженію памятника Пушкину.—**6-е іюня въ Москвѣ:** служба по усопшемъ поэтѣ; рѣчь митрополита Макарія.—Торжественное открытіе памятника Пушкину.—Торжественное собраніе въ университетѣ: рѣчи Н. С. Тихонравова, В. О. Ключевскаго и Н. А. Стороженка.—Думскій обѣдъ депутаціямъ: рѣчи И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, преосвящ. Амвросія, Н. А. Некрасова и др.—Литературно-музыкально-драматическій вечеръ въ благородномъ собраніи.—Народныя чтенія въ политехническомъ музеѣ.—**7-е іюня въ Москвѣ:** первое засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности: рѣчи С. А. Юрьева, Луи Лежера, М. И. Сухомлинова, С. М. Шпилевскаго, Я. К. Грота, И. С. Тургенева. — Обѣдъ отъ Общества Любителей Россійской Словесности: тосты С. А. Юрьева и А. Н. Островскаго.—**8-е іюня въ Москвѣ:** второе засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности: рѣчи Н. А. Чаева, Ѳ. М. Достоевскаго, И. С. Аксакова, П. В. Анненкова, Н. В. Калачова, П. И. Бартенева и А. А. Потѣхина.

Стр.

IV. Пушкинскій день въ Петербургѣ 65

6-е іюня въ Петербургѣ: панихида въ Исаакіевскомъ соборѣ.— Литературное утро: чтенія О. Ѳ. Миллера, А. И. Незеленова; стихотворенія Я. П. Полонскаго, А. Н. Майкова, Н. С. Курочкина и графа А. А. Голенищева-Кутузова.—Обѣдъ въ купеческомъ собраніи: рѣчи В. И. Модестова, Г. К. Градовскаго, В. А. Полетики, Л. А. Полонскаго.— Автографъ Пушкина къ А. А. Орлову.—Импровизированный литературно-музыкальный вечеръ. — Телеграмма къ Виктору Гюго. — Письмо И. А. Гончарова о вліяніи Пушкина на него.

V. Чествованіе памяти Пушкина въ провинціи . . . 83

Панихида на могилѣ А. С. Пушкина 26-го мая 1880 года.— Чествованіе памяти поэта въ Кіевѣ, Одессѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Тулѣ, Самарѣ, въ селѣ Балаковѣ, Псковѣ, Царскомъ Селѣ, Кишиневѣ, Орлѣ и Тифлисѣ.

VI. Наша печать по поводу открытія памятника Пушкину. 107

Отзывы „Московскихъ Вѣдомостей“, „Современныхъ Извѣстій“, „Русскихъ Вѣдомостей“, „Голоса“, „Страны“, „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, „Берега“, „Новаго Времени“, „St.-Petersburger Zeitung“, „St.-Petersburger Herold“, „Врачебныхъ Вѣдомостей“, „Недѣли“, „Тверскаго Вѣстника“ и „Обзора“.

Итоги Пушкинскаго празднества: „Русскій Курьеръ“, „Молва“, „Голосъ“, „Страна“, „Современныя Извѣстія“, журналы: „Вѣстникъ Европы“ и „Слово“.

Статья П. В. Анненкова **„Общественные идеалы А. С. Пушкина“**. 149

Статья крестьянина Желнобобова „Крестьянскій Пушкинъ“. 158

VII. Текстъ адресовъ, телеграммъ и привѣтствій по поводу открытія памятника Пушкину. 163

Списокъ депутатовъ отъ разныхъ учрежденій и обществъ при открытіи памятника Пушкину. — Значки для обозначенія депутацій.—Привѣтствіе Петербургской Думы 5 іюня.—Поздравительныя телеграммы, полученныя 5 іюня.—Телеграммы, полученныя Московскимъ городскимъ головою. — Телеграммы, полученныя Московскимъ университетомъ.—Адресы, полученные Обществомъ Любителей Россійской Словесности. — Списокъ учрежденій и лицъ, принесшихъ вѣнки въ засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности 7-го іюня.— Голосъ крестьянина Желнобобова. — Признательность депутатовъ Московскому городскому Обществу.

Стр.

VIII. Акты, относящіеся до исторіи открытія памятника Пушкину 195

Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину.—Актъ передачи памятника въ вѣдѣніе Московскаго городскаго управленія.

IX. Текстъ рѣчей и чтеній по поводу открытія памятника Пушкину 208

Слово митрополита Макарія.—Рѣчи на думскомъ обѣдѣ: И. С. Аксакова, М. Н. Каткова и Н. А. Некрасова. — Чтеніе Н. А. Стороженка.—Рѣчь академика М. И. Сухомлинова.—Чтеніе Я. К. Грота.—Рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго.—Чтеніе А. И. Незеленова.—Рѣчи В. О. Ключевскаго, О. М. Миллера, Н. А. Чаева.—Рѣчь М. И. Осокина.— Письмо Пушкина къ А. А. Орлову.

X. Стихи на открытіе памятника Пушкину 297

Стихотворенія Я. П. Полонскаго, А. Н. Майкова, А. Н. Плещеева, Н. С. Курочкина, Д. И. Минаева, графа А. А. Голенищева-Кутузова, г-жи Львовой.—Стихи гг. Яхонтова, Аверкіева, Ѳ. Миллера, В. Соллогуба, И. Кондратьева, Н. Гейнце.

XI. Пушкинская выставка 321

XII. Замѣтки и новыя данныя о Пушкинѣ, вызванныя торжествомъ въ честь его памяти 329

О родословной Пушкина.—Автографъ „Моя родословная“.—Пушкинъ и Скобельцинъ.—Знакомство съ Пушкинымъ Л. Обера.—Мѣсто дуэли Пушкина. — Исторія болѣзни Пушкина.—Изъ неизданныхъ записокъ Пушкина.

I.

Памяти А. С. Пушкина.

День торжественнаго открытія памятника Александру Сергѣевичу Пушкину — народное русское торжество, праздничный день русскаго общества и особенно русской литературы. Только со времени незабвеннаго поэта русская литература сблизилась съ жизнью и стала необходимою принадлежностью и потребностью общества. Съ именемъ Пушкина связанъ не только пышный расцвѣтъ русской поэзіи, но и торжество русской общественной мысли, пробившей себѣ выходъ наружу путемъ борьбы съ невѣжествомъ, ложью и злонамѣренностью. Исходъ этой борьбы, начатой поэтомъ, неудалось ему видѣть. Тѣмъ дороже, тѣмъ священнѣе для насъ образъ его, украшенный страдальческою кончиною. Въ немъ начало нашего литературнаго совершенствованія, имъ открывается исторія нашего общественнаго развитія.

Русская поэзія, до появленія Пушкина, по словамъ великаго критика, гремѣла одами на иллюминаціи, писала нѣжные стишки „къ милой“ и была совершенно счастлива этими идилическими занятіями. „Дѣйствительностью ея была мечта, а потому ея дѣйствительность была чисто аркадская, въ которой невинное блѣяніе барашковъ, ворвѣнокъ на памятникъ пушкину. 1

кованіе голубковъ, поцѣлуи пастушковъ и пастушекъ и сладкія слезы чувствительныхъ душъ прерывались только неменѣе невинными возгласами: „пою“, или „о ты, священна добродѣтель!“ и т. п. Невинность была всесовершеннѣйшая, а оттого, разумѣется, эта поэзія была и нравственна въ высшей степени: общество пило, ѣло, веселилось.

Таково было состояніе общества, услаждавшагося музою предшествовавшихъ Пушкину поэтовъ. И ни одинъ изъ этихъ поэтовъ не могъ быть учителемъ Пушкина въ полномъ смыслѣ слова. Державинъ былъ „поэтомъ, для котораго не было общества“, и Пушкинъ былъ правъ, говоря, что въ поэтическомъ паренiи Державинъ „часто кричалъ пѣтухомъ“, какъ Ломоносовъ поэзію превращалъ въ „забаву“ или „должностное упражненіе“. Въ созданіяхъ Жуковскаго поэзія являлась нестолько искусствомъ, сколько служительницею и провозвѣстницею тайнъ внутренней жизни, хотя направленіе и духъ романтической музы Жуковскаго были неопредѣленны, полны мечтательности и призрачности, стремленій къ чему-то невѣдомому и заоблачному. Въ поэтическомъ призваніи Батюшкова, далеко неуспѣвшемъ расцвѣсть окончательно, „тирская багряница эпикурейца робко пряталась подъ власяницу суроваго аскетика“, легкомысленная жажда наслажденія смѣнялась мрачнымъ, тяжелымъ сомнѣніемъ. Батюшковъ, какъ сказалъ о немъ Пушкинъ:

Философъ нѣжный и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперстникъ милыхъ Аонидъ...

Совсѣмъ иною представляется поэзія Пушкина. Великая историческая заслуга его заключается именно въ томъ, что почвою его произведеній служила живая дѣй-

ствительность и всегда плодотворная идея. Русская поэзія, по выраженію Баратынскаго, возведена Пушкинымъ на ту степень между поэзіями всѣхъ народовъ, на которую Петръ Великій возвелъ Россію между державами.

Чтобъ оцѣнить вполнѣ, чѣмъ обязано русское общество незабвенному поэту, надо знать, при какихъ условіяхъ приходилось дѣйствовать этой геніальной личности, своимъ словомъ освятившей и укрѣпившей многія изъ тѣхъ идей, которыя впослѣдствіи вдохновили къ дѣятельности лучшихъ людей Россіи и послужили залогомъ нашего общественнаго развитія.

Еще на школьной скамьѣ, пятнадцатилѣтній Пушкинъ понималъ всю неприглядность будущаго своего положенія, какъ русскаго писателя. Въ стихотвореніи „Къ другу стихотворцу“, 1814 года, онъ говорилъ о писателяхъ:

Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужка подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Эти „горести“ не заставили себя ждать, какъ только поэтъ, при появленіи на литературной аренѣ, попробовалъ осуществить свою мечту, вдохновлявшую его еще въ бытность въ лицеѣ —

Свой духъ воспламенивъ жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изобразить
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажить.

Всѣмъ, конечно, извѣстны стихи его на „Вольность“, послужившіе поводомъ къ высылкѣ поэта изъ Петербурга. Бившая ключомъ молодая сила устремилась на первый предметъ, привлекшій къ себѣ ея неопытное любопытство и сразу подверглась обузданію.

„Пушкинъ былъ искрененъ — заѣчаетъ князь Вяземскій — но не былъ сектаторомъ въ убѣжденіяхъ или предубѣжденіяхъ своихъ, а тѣмъ болѣе не былъ сектаторомъ чужихъ предубѣжденій. Пушкинъ любилъ чистую свободу, какъ любить ее должно, какъ не можетъ не любить ее каждое молодое сердце, каждая благорожденная душа. Но изъ того не слѣдуетъ, чтобъ каждый свободолюбивый человѣкъ былъ непремѣнно и готовымъ революціонеромъ".

Въ виду такого свидѣтельства современника, близко знавшаго Пушкина, для насъ непонятны опасенія, высказанныя, въ 1824 году, въ письмѣ графа Нессельроде къ одесскому генералъ-губернатору, графу Воронцову, о томъ, что поэтъ „слишкомъ проникся вредными началами, такъ пагубно выразившимися при первомъ вступленіи его на общественное поприще" и потому не можетъ быть оставленъ безъ надзора.

Живая, впечатлительная натура Пушкина никогда не была въ состояніи вполнѣ освободиться отъ гордыхъ, независимыхъ стремленій молодости, несмотря ни на какія обстоятельства, несмотря даже на то, что, напримѣръ, послѣднее мѣсто ссылки поэта, Псковъ, былъ „хуже Сибири" и „здѣсь — писала П. А. Осипова Жуковскому — пылкой головѣ не усидѣть". Еще въ 1821 году, Пушкинъ писалъ къ П. Я. Чаадаеву:

...Прошолъ я мрачный путь,
Печали раннія мою тѣснили грудь.
Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою,
И жизнь перенесу стоической душою...
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Прійду, прійду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ.

Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ.

Даже въ послѣдніе годы жизни, когда житейскія обстоятельства, семейное положеніе, среда, въ которой приходилось вращаться поэту, казалось, должны были заставить его отрѣшиться отъ принятаго имъ направленія, тогда, однако, Пушкинъ оставался гордымъ своею независимостью и не забывалъ порывовъ своей молодости. Ленѣе, чѣмъ за годъ до смерти, онъ писалъ:

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспоривать налоги.
Или мѣшать... другъ съ другомъ воевать...
Иныя, лучшія мнѣ дороги права:
. . . . . никому
Отчета не давать, себѣ лишь самому
Служить и угождать...
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи...
...Вотъ счастье! вотъ права!

Самымъ свѣтлымъ утѣшеніемъ для Пушкина въ обрушившейся на его голову невзгодѣ служило сознаніе, что лучшіе люди Россіи были на его сторонѣ. Многіе изъ нихъ хлопотали за него.

„Имя твое—пишетъ князь П. А. Вяземскій Пушкину, идѣвшему въ селѣ Михайловскомъ подъ тройнымъ надзоромъ—сдѣлалось народною собственностью. Чего тебѣ недостаетъ? — Я знаю — чего; но покорись силѣ обстоятельствъ и времени... Если приперло тебя потѣснѣе другаго, то вини свой пьедесталъ, который выше другаго. Будемъ безпристрастны: не самъ ли ты частью виноватъ въ своемъ положеніи? Ты сажалъ цвѣты, не сообразясь съ климатомъ. Морозъ сдѣлалъ свое, вотъ и

все. Ты любуешься въ гоненіи. У насъ оно, какъ и авторское ремесло, еще не есть почетное званіе. Ты, можетъ быть, силенъ у насъ одною своею славою, тѣмъ, что тебя читаютъ съ удовольствіемъ, съ жадностью; но несчастіе у насъ не имѣетъ силы ни на грошъ... Въ библіотекѣ отведена тебѣ первая полка, но мы еще не дожили до поры личнаго уваженія... Опозиція у насъ безплодное и пустое ремесло во всѣхъ отношеніяхъ: она можетъ быть домашнимъ рукодѣліемъ про себя, но промысломъ ей быть нельзя... Она не въ цѣнѣ у народа. Повѣрь, что о тебѣ помнятъ по твоимъ поэмамъ, но объ опалѣ твоей въ годъ и двухъ разъ не поговорятъ, кромѣ друзей твоихъ; но ты имъ не ею дорогъ... Всѣ поклоняемся мы одному счастью, а благородное несчастіе не имѣетъ еще кружка своего въ мѣсяцесловѣ народа ребяческаго, немного или много дикаго, и воспитаннаго въ однихъ гостиныхъ и прихожихъ... Пушкинъ по характеру своему, Пушкинъ, какъ блестящій примѣръ превратностей различныхъ, ничтоженъ въ русскомъ народѣ; за выкупъ его никто не дастъ алтына, хотя по шести рублей и платится каждая его стихотворческая отрыжка".

Пушкинъ хорошо зналъ современное ему общество. Онъ постоянно вращался среди „лучшихъ" людей того времени и глубоко презиралъ ихъ за то, что они

Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.

Но не цѣпи и темницы необходимы, по мнѣнію Пушкина, для исправленія людей. Сила слова, сатира, клеймящая пороки, литературное обличеніе—вотъ единственно, чѣмъ можно и должно пользоваться, по сознанію

поэта, для борьбы съ общественными недостатками и пороками.

О муза пламенной сатиры!
Прійди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремячей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
И не поэтамъ мирныхъ дамъ,
Готовлю язву эпиграмъ!
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята подлецы,
Впередъ всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда!
А если же кого забуду —
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широкомѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!

Пушкинъ горячо вѣрилъ въ спасительную силу слова. Онъ указывалъ на необходимость „потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы сословіе писателей не было притѣснено, и мысль, священный даръ божій, не должна быть рабой и жертвой безсмысленной и своенравной управы“. Еще въ 1824 г. поэтъ давалъ совѣты цензору, отличающіе его взглядъ на предѣлы этой „управы“:

Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ отъ тебя,
Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
Права свои храни по долгу своему;

Но скромной истинѣ, но мирному уму,
И даже глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты въ плодахъ досужаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
Престоловъ, алтарей и нравовъ сопостата,
То славы автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

Подъ вліяніемъ того же чувства, какимъ воодушевленъ былъ Пушкинъ въ борьбѣ съ обскурантами, онъ старался пробудить современный ему литературный міръ отъ сонной апатіи, допустившей занять привилегированное положеніе въ журналистикѣ разнаго рода клевретамъ, льстецамъ и поборникамъ своекорыстныхъ цѣлей. Не ограничиваясь полемикой, въ которой злая эпиграма поэта не разъ заставляла раненыхъ и уязвленныхъ ею бросать развратное перо, онъ задумалъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ общественнымъ и политическимъ, которымъ, однако, не довелось увидѣть свѣтъ божій, благодаря запрещенію „Литературной Газеты“ Дельвига. Поэтъ, однако, не могъ отказаться отъ мысли „ближняго любя, давать намъ смѣлые уроки“. И вотъ когда къ терору монополистовъ, подвизавшихся на журнальномъ поприщѣ, присоединились политическія обстоятельства, вызывавшія напряженное вниманіе русскаго общества, Пушкинъ задумываетъ изданіе собственной политической газеты. Въ ней онъ, по словамъ П. В. Анненкова, собирался привлечь лучшія надежнѣйшія силы современнаго литературнаго міра къ общей работѣ по выясненію существующихъ порядковъ русской жизни, по толкованію смысла правительственныхъ мѣръ и распоряженій, по развитію въ обществѣ твердыхъ политическихъ идей и

особенно понятій о своемъ достоинствѣ, обязанностяхъ и роли въ государствѣ. Но въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, на пути къ осуществленію такого плана встрѣтилось препятствіе со стороны подозрительности графа Бенкендорфа, „завѣдывавшаго ходомъ и направленіемъ общественной мысли“. Разъигравшаяся передъ этимъ исторія изъ-за стихотворенія „Анчаръ“ (древо смерти) заставила Пушкина отказаться отъ намѣренія издавать самостоятельный и независимый органъ общественной мысли. „Бодрость Пушкина — говоритъ г. Анненковъ — не устояла при мысли, что ему предстоитъ каждодневно садиться на скамью подсудимыхъ и разъяснять непонятыя надзоромъ слова и фразы“. Всякое бодрое слово, вдохновенная рѣчь повели бы къ опалѣ. Съ обязанностью честнаго журналиста Пушкинъ неразрывно связывалъ репутацію „порядочнаго человѣка“ и всячески старался отдѣлаться отъ званія издателя газеты, вдохновляемой изъ канцеляріи Бенкендорфовъ.

Выступая защитникомъ терпимости убѣжденій, Пушкинъ взывалъ о снисходительности къ крайностямъ и заблужденіямъ неопытной молодости. Кому неизвѣстны его слова, обращенныя непосредственно къ императору Николаю Павловичу, въ защиту молодаго поколѣнія? Пушкинъ прямо говорилъ императору по поводу 14 декабря 1825 года: „Надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью жизни, со всею пылкостью первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностью принимать всякія впечатлѣнія.“

Въ невѣжествѣ усматривалъ Пушкинъ главное зло современной ему жизни. Извѣстно стихотвореніе, въ кото-

ромъ поэтъ излагаетъ свои впечатлѣнія, поразившія его въ сельскомъ „Уединеніи“:

Вездѣ слѣды довольства и труда,
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Поэту не удалось видѣть свою мечту исполнившеюся. Эта жизнь, сильная, крѣпкая физически, полная геніяс свѣтлая надеждами, сдѣлалась жертвой людской зависти и пошлой клеветы.

Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!
Убитъ!.. къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,
И жалкій лепетъ оправданья—
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть тлѣвшійся пожаръ!...
Что жь? Веселитесь!.. Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!

Тайна, окружающая несчастный конецъ Пушкина, еще не вполнѣ разслѣдована. Но во всякомъ случаѣ, по сло-

князя П. А. Вяземскаго, знавшаго ходъ дѣла, можно рждать положительно, что „злорадству и злорѣчію ть мало поживы отъ безпристрастнаго изслѣдованія и рытія существенныхъ обстоятельствъ этого печальнаго тія“. По разсказу Муравьева, молва приписывала ть Пушкина грязной интригѣ, въ которой дѣятелями ись „люди высшаго слоя общества“. Противъ нихъ- Іермонтовъ и направилъ горячія строки, вылившіяся его глубоко оскорбленной души:

А вы, надменные потомки
Извѣстныхъ подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судія, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла онъ знаетъ наперед.
Тогдя напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Въ этихъ стихахъ выразилось то негодованіе, какое сило весь Петербургъ къ виновникамъ несчастія, гшаго Россію. По словамъ Муравьева, „было даже ѣніе взрыва народной ненависти къ убійцѣ Пушкина“. ко теперь поняли, чего лишилась Россія со смертью кина! „Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда созрѣваніе совершалось — говоритъ Жуковскій—про- , достигнувъ до той поворотной черты, на которой

душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертью не оторвалось что-то родное отъ сердца?“

Нужно ли прибавлять, что преждевременная кончина величайшаго изъ русскихъ поэтовъ и одного изъ могучихъ борцовъ за русскую мысль является для насъ незамѣнимою утратой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тяжкимъ, неизгладимымъ укоромъ обществу, несумѣвшему оцѣнить эти силы въ ихъ полномъ расцвѣтѣ? Незабвенная заслуга Пушкина заключается въ томъ, что литература возведена имъ на высокое, подобающее ей мѣсто. Онъ показалъ намъ великость значенія литературы, которое, если чѣмъ и ослабляется, то единственно узостью круга ея дѣйствія. Будемъ же утѣшаться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что мы стараемся расширить этотъ кругъ спасительнаго дѣйствія и благотворнаго вліянія литературы, оставаясь вѣрными духу правды и гуманности, за которыми русское слово пошло неудержимо съ того времени, какъ его оживила пушкинская муза.

Составитель.

II.

Значеніе Пушкинскаго торжества.

Дни празднованія торжественнаго открытія памятника А. С. Пушкину запишутся неизгладимыми чертами въ исторіи русской литературы. Это дни святаго восторга, вдохновеннаго трепета, охватившаго русскую интеллигенцію передъ чистымъ образомъ своего генія, которому впервые удалось проложить новые пути къ окрѣпленію и свободному развитію нашей общественной мысли. Память великаго поэта пробудила въ насъ спавшую энергію; она сблизила все мыслящее общество въ одномъ свободномъ влеченіи, — внѣ всякой опеки, воскресить тѣ высокіе идеалы, какіе завѣщаны намъ великимъ поэтомъ и до сихъ поръ заслонялись отъ общественнаго вниманія. Всѣ „партіи“ и тенденціи, всякая рознь, всѣ „заднія мысли“ неминуемо отошли въ сторону, хотя бы уже потому, что съ свѣтлою памятью Пушкина не могло вязаться мрачное слово злобы и мщенія. Оттого и на празднествахъ въ честь Пушкина раздавалось только утѣшительное слово мира и братской любви. Во всѣхъ разнообразныхъ привѣтствіяхъ, обращенныхъ къ поэту, поражало не торжество ораторскаго искусства; въ нихъ выступала выше всего сердечная, какая-то братская теплота обществен-

ной манифестаціи въ честь мирнаго сподвижника мысли и слова. Тѣ, кто не имѣлъ возможности лично поклониться поэту, соединялись съ чествовавшими въ одномъ чувствѣ и чаяніи чего-то лучшаго, свѣтлаго.

Въ громадномъ количествѣ телеграммъ и привѣтствій, присланныхъ по поводу празднества, звучала также одна нота, чтобы русскій человѣкъ пересталъ чувствовать себя одинокимъ среди своего общества и народа. Свѣтила иностранной литературы прислали привѣтъ „благородному празднику“, въ которомъ всѣ еще неиспорченныя души съ живымъ участіемъ могутъ чувствовать себя объединенными. О представителяхъ русской науки и литературы и говорить нечего. „Нынче на нашей улицѣ праздникъ!“— этими словами А. Н. Островскій мѣтко обобщилъ одушевлявшія ихъ чувства.

Праздникъ, дѣйствительно, вышелъ вполнѣ литературно-общественный. Все на немъ было „общественное“: и починъ въ устройствѣ памятника, и участіе въ чествованіи, общественная мысль и общественное слово. Торжество не знало ни опеки, ни формы и внѣшней окраски, какую могло бы сообщить ему канцелярски-бюрократическое отношеніе къ дѣлу. Здѣсь, по справедливому замѣчанію одного очевидца, „общественное желаніе впервые развернулось у насъ на безусловно законной почвѣ и въ безусловно законныхъ, безукоризненно законныхъ предѣлахъ, съ такою широкою свободою. Съѣхавшіеся чувствовали себя полноправными гражданами, впервые вкушавшими сладость блестяще обставленнаго исполненія святаго, гражданскаго долга.“ Каждый изъ ораторовъ на празднествѣ выражалъ особое пожеланіе, но всѣ сходились въ одномъ, что настоящее торжество должно явиться „радостнымъ благовѣстомъ нашего мужающаго, наконецъ, самосознанія“, что въ

лицѣ Пушкина чествуется русская народность и просвѣщеніе, „чаемое примиреніе прошлаго съ настоящимъ“. Вотъ почему можно сказать, что Пушкинскій праздникъ открываетъ собою новую эру въ проявленіи симпатій нашего общества къ лучшимъ людямъ нашей отчизны. Въ этомъ отношеніи подпиской на памятникъ другому русскому генію, Н. В. Гоголю, достойно завершилось московское торжество.

Нижеслѣдующее описаніе празднованія открытія памятника великому поэту является, безъ сомнѣнія, лишь слабымъ воспроизведеніемъ того, чѣмъ въ дѣйствительности ознаменовались отнынѣ приснопамятные „Пушкинскіе дни“ въ обѣихъ столицахъ и въ другихъ городахъ Россіи. Но составитель описанія имѣлъ въ виду дать хотя приблизительное понятіе о томъ, какъ русская интеллигенція умѣетъ цѣнить заслуги минувшихъ дѣятелей, дорогихъ ея отчизнѣ.

Помимо рѣчей, чтеній, стиховъ, адресовъ, телеграммъ и привѣтствій, вызванныхъ открытіемъ памятника Пушкину, составитель счелъ не лишнимъ суммировать всѣ сколько-нибудь выдающіеся отзывы нашей печати о значеніи чествованія Пушкина, а также ознакомить читателя съ тѣми изъ журнальныхъ статей, которыя представляютъ новыя черты изъ жизни и дѣятельности поэта.

Само собою разумѣется, здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе высказанныхъ въ печати взглядовъ на значеніе Пушкинскаго торжества. Тѣмъ не менѣе задача безпристрастнаго хроникера не могла ограничиться лишь указаніемъ на одни лишь солидарныя мнѣнія различныхъ органовъ нашей печати. Сверхъ того, при настоящемъ описаніи помѣщается обзоръ Пушкинской

выставки, устроенной въ Москвѣ Обществомъ Любит
Россійской словесности. Наконецъ, въ заключеніе
ставитель собралъ всѣ наиболѣе любопытныя зам
о Пушкинѣ, появившіяся въ печати по поводу откр
памятника великому поэту.

III.

ПУШКИНСКІЕ ДНИ ВЪ МОСКВѢ

5, 6, 7 и 8-е іюня 1880 г.

5-е іюня 1880 г. въ Москвѣ

НАКАНУНѢ ОТКРЫТІЯ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.

5-е іюня въ Москвѣ.

ніе комитета по сооруженію памятника: пріемъ депутацій и чтеніе академика Я. К. Грота.

Московское торжество открылось 5-го іюня публичным засѣданіемъ Высочайше утвержденнаго комитета по сооруженію памятника, въ 2 часа попо, въ залѣ Московской Городской Думы, подъ предльствомъ Его Императорскаго Высочества принца Георгіевича Ольденбургскаго и съ участіемъ мосаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта кн. рукова.

о засѣданіе посвящено было пріему депутацій, прихъ въ Москву отъ разныхъ учрежденій и обществъ. депутацій было 106, а депутатовъ 244. (См. пеь ихъ въ VII отд., № 1).

бычная большая зала думскихъ засѣданій приняла ничную обстановку. Размѣщенные на одной изъ поныхъ стѣнъ залы портретъ Государя Императора, а бимъ сторонамъ его портреты Екатерины II и Алека I, были декорированы зеленью и цвѣтами, какъ напротивъ воздвигнута эстрада, а на ней, на высо-

комъ пирамидальномъ пьедесталѣ, поставленъ громадный бюстъ Пушкина. Пьедесталъ былъ обтянутъ синимъ сукномъ и перевитъ широкими бѣлыми атласными лентами. Затѣмъ, вокругъ пьедестала и бюста была устроена цѣлая бесѣдка изъ экзотическихъ растеній и цвѣтовъ. Бюстъ выдѣлялся эффектно среди широколиственныхъ пальмовыхъ вѣтвей. Предъ бюстомъ впереди эстрады, на большомъ коврѣ, былъ поставленъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, убраннымъ по краямъ золотымъ позументомъ съ бахромой.

Ровно въ 2 часа пополудни засѣданіе было открыто. За столомъ, кромѣ предсѣдательствовавшихъ въ собраніи принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и московскаго генералъ-губернатора кн. Долгорукова, заняли мѣста члены Высочайше утвержденнаго комитета по сооруженію памятника, статсъ-секретарь Ѳ. П. Корниловъ и академикъ Я. К. Гротъ и нѣкоторыя высокопоставленныя лица, а также московскій городской голова. Рядомъ, на почетныхъ мѣстахъ, помѣстились ближайшіе члены семьи покойнаго поэта: вторая дочь А. С. Пушкина, Наталія Александровна графиня Меренбергъ, старшая дочь Марія Александровна Гартунгъ, вдова генералъ-маіора, сынъ поэта Александръ Александровичъ Пушкинъ, командиръ нарвскаго гусарскаго полка, и второй сынъ, Григорій Александровичъ Пушкинъ, отставной военный, псковскій землевладѣлецъ. Сверхъ того, въ залѣ, во всю длину продольныхъ стѣнъ, на нѣсколькихъ рядахъ стульевъ размѣстились приглашенныя лица обоего пола изъ именитыхъ обывателей первопрестольной столицы.

Пріемъ депутацій происходилъ такимъ образомъ. Въ моментъ открытія засѣданія, всѣ члены депутаціи собрались въ боковой большой залѣ, примыкающей къ залѣ торжественнаго собранія. Одинъ изъ членовъ распоряди-

тельной городской комиссіи, г. Плевако, вызывалъ депутаціи по бывшему у него списку. Тѣ депутаціи, которыя заблаговременно заготовили адресы, не читая ихь при передачѣ, произносили нѣсколько словъ. Нѣкоторыя ограничивались краткимъ заявленіемъ, что чувства учрежденій, избравшихъ ихъ депутатами, выражены въ предъявленномъ адресѣ. Прежде другихъ привѣтствія произносили представители дворянства. Петербургскій губернскій предводитель дворянства гр. Бобринскій сказалъ, что онъ очень счастливъ, что на его долю выпало выраженіе благоговѣйнаго уваженія петербургскихъ дворянъ къ памяти великаго поэта. Привѣтствіе отъ петербургскаго городскаго общественнаго управленія произнесъ товарищъ городскаго головы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Л. Я. Яковлевъ (см. въ VII-мъ отд., № 3).

Затѣмъ слѣдовали привѣтствія отъ университетовъ, Александровскаго лицея Цесаревича Николая, архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Инженерной и Юридической академій, Общества Любителей Россійской Словесности, петербургскихъ педагогическихъ женскихъ курсовъ и женскихъ гимназій.

Особенное вниманіе обратили на себя двѣ депутаціи, соединившіяся въ одну, отъ Петербургскаго и Московскаго Юридическихъ Обществъ. Представителемъ первой былъ предсѣдатель петербургскаго окружнаго суда А. Ѳ. Кони, а второй—А. М. Евреинова. Появленіе дамы въ качествѣ депутата отъ спеціальнаго ученаго общества—явленіе, во всякомъ случаѣ, характерное; г-жа Евреинова—докторъ правъ Лейпцигскаго университета и состоитъ предсѣдателемъ одного изъ отдѣленій Московскаго Юридическаго Общества.

Привѣтствіе отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы было произнесено его пред-

ставителемъ, извѣстнымъ ученымъ, г. Фишеромъ фонъ-Вальдгеймъ (см. въ VII-мъ отд., № 7).

Отъ имени корпораціи московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ сказалъ нѣсколько словъ г. Шайкевичъ. Антропологическое Общество представлялъ его президентъ г. Щуровскій, Общество Садоводства—генералъ-маіоръ Ахшарумовъ, петербургскую драматическую трушу Императорскихъ театровъ артисты гг. Бурдинъ и Нильскій.

Въ заключеніи шли депутаціи отъ литературнаго фонда, журналовъ и газетъ. Кромѣ московскихъ газетъ, имѣвшихъ каждая нѣсколькихъ депутатовъ, петербургскія газеты, каждая въ отдѣльности, имѣли по одному представителю. Были представители и отъ газетъ, выходящихъ въ Петербургѣ на иностранныхъ языкахъ.

Рѣчи, произносившіяся депутатами, были кратки и въ сущности одного содержанія. Только ректоръ Московскаго университета сказалъ нѣсколько горячихъ словъ, вышедшихъ изъ общей формы поздравительныхъ привѣтствій, пожелавъ процвѣтанія русской мысли и укрѣпленія русской науки, создающей дѣятелей русской мысли.

По окончаніи пріема депутацій, членъ Комитета академикъ Я. К. Гротъ сообщилъ о множествѣ полученныхъ привѣтствій по телеграфу и почтѣ. Такъ, между прочимъ, получена телеграма отъ находящихся за границей членовъ Комитета—К. К. Грота и М. Н. Похвиснева; изъ сѣверной Венгріи отъ татрскихъ Словаковъ. Телеграмма послѣднихъ гласитъ: „неизгладимой памяти величайшаго поэта родной Россіи, любимца словацкихъ поэтовъ, возглашаютъ душевное громозвучное ура татрскіе Словаки“. Получена также телеграмма изъ Берлина отъ профессора славянскихъ нарѣчій Ягича, который, между прочимъ, заявилъ о намѣреніи издать лучшіе переводы изъ

Пушкина на хорватскомъ и хорутанскомъ нарѣчіяхъ и составить библіографію статей о немъ. (Другія телеграммы, полученныя 5-го іюня, см. въ VII-мъ отд., № 4).

Торжественный актъ 5-го іюня былъ завершенъ сообщеніемъ Я. К. Грота, представляющимъ собою исторію всего хода сооруженія памятника Пушкину. Въ этомъ сообщеніи (см. отд. VIII, № 1) нельзя не отмѣтить того факта, что какъ починъ сооруженія памятника принадлежалъ обществу, такъ и требуемыя матеріальныя средства также пришли изъ общества. Тѣмъ не менѣе, доброхотныхъ пожертвованій все-таки вполнѣ хватило на созданіе краснваго и величественнаго памятника, ничуть не уступающаго другимъ подобнымъ сооруженіямъ. Оказался даже остатокъ въ 19 тысячъ. Этотъ остатокъ предполагается употребить на изданіе пушкинской хрестоматіи или альманаха съ его стихами или чего нибудь въ этомъ родѣ, для распространенія въ публикѣ по дешевой цѣнѣ.

День открытія памятника Пушкину.

Служба по Пушкинѣ.—Рѣчь митрополита Макарія.—Моментъ открытія памятника Пушкину. — Актъ передачи его городу Москвѣ. — Торжественный актъ въ университетѣ.—Рѣчи Н. С. Тихонравова, В. О. Ключевскаго и Н. А. Стороженка. — Думскій обѣдъ, данный депутатамъ. — Рѣчи И. С. Аксакова и М. Н. Каткова; преосвященнаго Амвросія и графа А. А. Бобринскаго. — Тостъ М. М. Ковалевскаго.— Литературно-музыкально-драматическій вечеръ.— Народныя чтенія въ политехническомъ музеѣ.

На другой день, 6-го іюня, къ 10 часамъ назначенъ былъ съѣздъ въ Страстной монастырь. Тверская площадь стояла совсѣмъ пустою. Всякое движеніе по ней было прекращено и къ проѣзду допускались только экипажи лицъ, принимавшихъ участіе въ торжествѣ. Широкая дорога, густо усыпанная зеленью и живыми цвѣтами, вела черезъ веселый и зеленый монастырскій дворъ, отъ монастырскихъ воротъ въ верхнюю, расположенную во второмъ этажѣ церковь. Служба, молебствіе и панихида длились около двухъ часовъ. Обѣдню служилъ извѣстный церковный витія митрополитъ Московскій Макарій, въ сослуженіи епископовъ дмитровскаго Амвросія и ревельскаго Николая и многочисленнаго духовенства. Кромѣ Его Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, на богослуженіи присутствовали только что прибывшій изъ Петербурга управляющій министерствомъ народнаго

просвѣщенія статсъ-секретарь А. А. Сабуровъ, статсъ-секретари Сольскій и Корниловъ. Послѣ литургіи и нанихиды по Пушкинѣ, владыка митрополитъ произнесъ знаменательное слово (см. отд. IX, № 1).

Между тѣмъ многочисленныя толпы народа и депутаты собирались на площадь предъ Страстнымъ монастыремъ.

Съ ранняго утра, накрапывалъ небольшой дождикъ, небо было покрыто тучами. Но за полчаса до начала богослуженія погода разъяснилась. Кругомъ памятника красовалась гирлянда изъ зелени, на которой симметрически были расположены на бѣлыхъ щитахъ, также обвитыхъ зеленью надписи: Русланъ, Людмила, Пиковая Дама, Братья-Разбойники, Каменный Гость, Капитанская Дочка, Кавказскій Плѣнникъ, Цыгане, Графъ Нулинъ, Бахчисарайскій Фонтанъ, Скупой Рыцарь, Полтава, Мѣдный Всадникъ, Русалка. Правѣе памятника предъ церковью Дмитрія Солунскаго поставлена была эстрада, покрытая краснымъ сукномъ. Здѣсь должна была произойти передача памятника отъ комитета по устройству его городскому управленію. На пути отъ Страстнаго монастыря къ памятнику, на протяженіи около 50 саженъ, шпалерами расположились цехи городскіе со своими знаками, и многочисленные депутаты съ вѣнками на рукахъ.

По всей площади отъ памятиика до рельсовъ конной дороги виднѣлись флаги красные, бѣлые, синіе, на которыхъ золотыми буквами начертаны наименованія разныхъ учрежденій и обществъ, приславшихъ депутаціи на празднество. Депутаціи помѣстились у этихъ знаменъ (см. VII-й отд., № 2). Мало по-малу наполнились мѣста въ амфитеатрахъ для публики, воздвигнутыхъ вокругъ памятника. За канатами, перейти которые допускались лишь

лица, принадлежавшія къ церемоніалу или снабженныя особыми билетами, помѣщались массы народа; окна и крыши усѣяны были людьми.

Предъ самымъ окончаніемъ богослуженія, на площади предъ памятникомъ раздались звуки гимна, „Коль славенъ“, и возвѣстили приближеніе торжественной минуты. Исполненіе оркестромъ этого гимна было подхвачено воспитанниками учебныхъ заведеній; оркестромъ и хоромъ дирижировалъ Н. Г. Рубинштейнъ.

И вотъ раздаются звуки народнаго гимна, подхваченные толпой. На эстраду вступаютъ Его Императорское Высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій съ членами комитета, въ сопровожденіи московскаго генералъ-губернатора, статсъ-секретаря А. А. Сабурова и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, а также членовъ семейства великаго поэта. Членъ Высочайше утвержденнаго комитета по сооруженію памятника статсъ-секретарь Ѳ. П. Корниловъ произноситъ слѣдующія слова:

„Геній великаго Пушкина есть лучшее, прекраснѣйшее олицетвореніе русскаго народнаго духа и мысли Заслуги Пушкина родному слову и права его на признательность потомства сознаны не только Россіей, но и всѣмъ образованнымъ міромъ.

„Державный Вождь и Отецъ русскаго народа, Государь Императоръ разрѣшилъ подписку на сооруженіе памятника народному поэту, и пожертвованія стеклись со всѣхъ концовъ обширной Россіи.

„Высочайше утвержденный подъ главнымъ наблюденіемъ Е. И. В. принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго комитетъ потрудился съ любовью. Непосредственными исполнителями порученнаго комитету дѣла были русскіе люди: ваятель, академикъ Опекушинъ, строитель академикъ Богомоловъ и мастеръ каменнаго дѣла Бариновъ.

„Нынѣ представляя на судъ Россіи оконченный сооруженіемъ памятникъ, комитетъ счастливъ, что ввѣряетъ охраненіе этого народнаго достоянія заботливости городскаго управленія древнепрестольной Москвы златоверхой.

„Да здравствуетъ на многія лѣта Государь Императоръ, верховный цѣнитель заслугъ русскихъ людей! Да процвѣтаетъ и благоденствуетъ Святая Русь и да множатся русскіе люди, составляющіе славу и гордость своего отечества!“

Тотчасъ затѣмъ сняты были веревки съ парусинной пелены, окутывавшей памятникъ; она заколебалась подъ вѣтромъ,—вся площадь замерла въ ожиданіи. И вотъ пелена падаетъ сперва къ ногамъ статуи поэта, потомъ совсѣмъ съ памятника... Какъ живой предсталъ предъ ними столь знакомый намъ по портретамъ и бюстамъ, дорогой, родной образъ поэта. Трудно передать впечатлѣніе, овладѣвшее тогда всѣми. Звонъ колоколовъ, стройное пѣніе народнаго гимна, площадь, покрытая разнообразными массами всякаго люда, начиная отъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, знамена, вѣнки перевитые лентами, и наконецъ эта чудная статуя,—все это представляло невообразимо-очаровательное зрѣлище. Тутъ только можно было оцѣнить произведеніе Опекушина.

За первою минутой общаго оцѣпененія громкое *ура* огласило площадь. У одного изъ сыновей поэта, присутствовавшихъ при торжествѣ, — градомъ, въ три ручья лились слезы. И, дѣйствительно, рѣдко кому суждено испытать такія минуты! А перекатное *ура* все гремѣло по площади.

Едва нѣсколько умолкла эта невольная овація, какъ статсъ-секретарь Корниловъ прочелъ актъ, подписанный Его Высочествомъ Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ

Ольденбургскимъ, имъ, Корниловымъ, и академикомъ Я. К. Гротомъ, о передачѣ памятника въ вѣдѣніе города Москвы. (См. VIII-й отдѣлъ № 2). Городской голова С. М. Третьяковъ отвѣчалъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Отъ лица Московской Городской Думы имѣю счастіе выразить глубокую благодарность Вашему Императорскому Высочеству и Высочайше утвержденному Комитету за исходатайствованіе державной воли воздвигнуть памятникъ А. С. Пушкину въ нашей древней столицѣ—мѣстѣ его рожденія. Принявъ памятникъ этотъ въ свое владѣніе, Москва будетъ хранить его какъ драгоцѣннѣйшее народное достояніе, и да воодушевляетъ изображеніе великаго поэта насъ и грядущія поколѣнія на все доброе, честное, славное»!

Августѣйшій Предсѣдатель бывшаго Комитета по сооруженію памятника, подойдя къ членамъ семьи великаго поэта, каждаго изъ нихъ поздравилъ въ отдѣльности. Затѣмъ его Высочество, въ сопровожденіи генералъ-губернатора, управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, высокопоставленныхъ лицъ и семейства Пушкина, обошли памятникъ.

На одной боковой сторонѣ пьедестала памятника начертано:

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ».

На противоположной сторонѣ:

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ».

Въ это же время началось возложеніе вѣнковъ. Моментально часть пьедестала и все подножіе вокругъ памятника были покрыты массою вѣнковъ. Образовалась цѣлая гора. Участники церемоніала вынуждены были

спѣшить на торжественный актъ въ Университетѣ, но публика долго не расходилась, любуясь этимъ новымъ „народнымъ достояніемъ“.

Когда кончилось торжество, толпа хлынула къ памятнику и кинулась на вѣнки. Спѣшили сорвать кто лавровый, кто дубовый листокъ, кто цвѣтокъ съ вѣнка на память о торжествѣ. Много вѣнковъ такимъ образомъ разобрано. По бульварамъ видѣли множество людей, возвращавшихся съ листьями и цвѣтами отъ вѣнковъ Пушкина.

Въ 2 часа пополудни послѣдовалъ торжественный актъ въ большой залѣ Московскаго Университета, въ присутствіи Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретаря А. А. Сабурова, государственнаго контролера статсъ-секретаря Сольскаго, членовъ комитета по сооруженію памятника, статсъ-секретаря Корнилова, академика Грота, многихъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ и представителей отъ всѣхъ прибывшихъ депутацій. Портреты Государя Императора, Александра I и Екатерины II были декорированы зеленью и цвѣтами. Хоры были заняты студентами университета. Засѣданіе было открыто г. ректоромъ университета, Н. С. Тихоправовымъ, который объявилъ, что университетъ избралъ въ свои почетные члены: Я. К. Грота, академика и члена комитета по сооруженію памятника, за его многочисленные труды по разработкѣ исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій, П. В. Анненкова—за образцовое, по своему времени, изданіе имъ сочиненій Пушкина и собраніе многихъ матеріаловъ, какъ для біографіи поэта собственно, такъ и для исторіи, литературнаго движіня, Россіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ вообще, зна-

мепитаго русскаго писателя И. С. Тургенева, обогатившаго русскую литературу великими художественными произведеніями. Присутствующіе, встрѣтивъ появленіе ректора громкими и продолжительными рукоплесканіями, привѣтствовали новыхъ почетныхъ членовъ университета также восторженными знаками одобренія. Особенно шумную овацію вызвало имя И. С. Тургенева; г. министръ, пожавшій любезно руку всѣмъ тремъ вновь избраннымъ членамъ, нѣсколько разъ поцѣловался съ маститымъ нашимъ романистомъ. Затѣмъ г. ректоръ, напомнивъ собранію, что въ средѣ его находятся дѣти и внуки Пушкина, поклонился въ ихъ лицѣ потомкамъ великаго поэта,—знакъ вниманія, который былъ восторженно принятъ собраніемъ.

Наконецъ, когда общее волненіе успокоилось, г. Тихонравовъ началъ свою рѣчь къ публикѣ заявленіемъ, что московскій университетъ пригласилъ ближайшихъ потомковъ Пушкина почтить своимъ присутствіемъ его настоящее собраніе и, поклонившись въ ихъ сторону, привелъ при этомъ слова поэта: „безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда нашего сердца?“ Тѣ, къ кому обращено было это привѣтствіе, вставали и кланялись, а принцъ Ольденбургскій и другія почетныя лица подходили къ нимъ съ поздравленіями. Затѣмъ г. ректоръ въ прекрасныхъ словахъ досказалъ свою рѣчь о значеніи Пушкина въ исторіи русской поэзіи. Упомянувъ о томъ переворотѣ въ исторіи западной литературы, который послѣдовалъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ, когда прежній классицизмъ уступилъ мѣсто романтизму, приведшему въ свою очередь къ сознанію національности, г. Тихонравовъ перешелъ къ разсмотрѣнію тѣхъ вліяній, подъ которыми создавался геній Пушкина, начи-

ная съ періода дѣтства и юности. Первыми образцами для Пушкина, служили французскіе поэты; въ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ еще придерживался пріемовъ и правилъ классицизма и благоговѣлъ предъ Державинымъ и другими стихотворцами Екатерининской эпохи. Но такой подражательный періодъ продолжался у Пушкина весьма не долго,—уже во многихъ его лицейскихъ стихотвореніяхъ чувствуется иная струя, иное вѣяніе. Мало по-малу онъ уже начинаетъ относиться къ Державину отрицательно, признаетъ въ немъ только бойкость стиха и пышныя фразы. Оставивъ далеко за собою узкія рамки классицизма, Пушкинъ является выразителемъ новыхъ идей и вѣяній, проникшихъ въ русское общество. Отдавая дань байронизму, онъ не увлекается имъ и остается истинно русскимъ поэтомъ, содѣйствуя воспитанію русскаго общества въ духѣ новыхъ идей и пролагая новые пути развитія для русской рѣчи. Встрѣченный нападками со стороны критики, которая не могла понять и оцѣнить новаго направленія, Пушкинъ продолжалъ идти „дорогою свободной, куда влекъ его свободный умъ“, выражая только сожалѣніе объ отсутствіи у насъ серьезной критики. По мѣрѣ развитія своего таланта, Пушкинъ становился все болѣе и болѣе на народную почву, сталъ почерпать сюжеты своихъ произведеній изъ русской исторіи и жизни, выказывая при разработкѣ ихъ глубокое пониманіе русскаго духа и русской національности. Пушкинъ первый оцѣнилъ Гоголя и указалъ на значеніе „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“; онъ былъ непосредственнымъ предшественникомъ Гоголя и безъ него Гоголь не могъ бы явиться. Присяжные критики того времени долго не могли вполнѣ оцѣнить значеніе поэзіи Пушкина и только Бѣлинскій раскрылъ великія заслуги поэта, оказавъ тѣмъ могущественное вліяніе

на развитіе въ нашемъ обществѣ настоящаго пониманія искусства. Въ заключеніе ораторъ, указавъ на то, что поэты не старѣются подобно ученымъ и что произведенія остаются вѣчными, выразилъ мысль, что поэзія Пушкина будетъ оказывать еще долго воспитательное вліяніе на наше общество и освѣщать своими лучами его развитіе.

Вторымъ читалъ преемникъ знаменитаго С. М. Соловьева по каѳедрѣ русской исторіи, молодой профессоръ В. О. Ключевскій. Г. Ключевскій выяснялъ и освѣщалъ историческій элементъ пушкинскаго творчества. Основное положеніе лектора отличалось новизною и оригинальностію. Г. Ключевскій не усматривалъ серьезно-историческаго значенія въ такихъ произведеніяхъ Пушкина, сюжетъ которыхъ цѣликомъ былъ заимствованъ поэтомъ изъ исторіи. Въ „Полтавѣ“, „Борисѣ Годуновѣ“ и др. историкъ былъ отодвинутъ на второй планъ вдохновленнымъ пѣвцомъ. Факты въ нихъ приносились въ жертву картинамъ. Но за то въ повѣсти, написанной бѣгло, между дѣломъ, безъ всякихъ изслѣдовательскихъ претензій,— въ „Капитанской дочкѣ“,—Пушкинъ сталъ на такую исторически-описательную высоту, такъ мастерски справился съ своей задачею и такъ правдиво воспроизвелъ эпоху, что его же спеціальный трактатъ по этому предмету „Исторія пугачевскаго бунта“ можетъ быть разсматриваемъ только какъ подробное примѣчаніе къ „Капитанской дочкѣ“ Далѣе г. Ключевскій выставилъ длинную галлерею пушкинскихъ типовъ, тонко и вѣрно указалъ на духовную преемственность Чацкаго въ Онѣгинѣ и выяснилъ неоцѣнимое значеніе для исторіи пушкинскихъ лицъ, какъ образцовъ своего времени.

По словамъ г. Ключевскаго, въ поэмахъ и романахъ Пушкина выставлены многіе типы XVIII и начала XIX вѣка, которые наглядно знакомятъ насъ съ характеромъ эпохи. Арапъ Петра Великаго, Троекуровъ, капитанъ

Мироновъ, поручикъ Гриневъ—все это типы, представляющіе большой интересъ для историка. Евгеній Онѣгинъ представляетъ намъ типъ человѣка, воспитаннаго въ гуманныхъ идеяхъ начала Александровской эпохи и разочаровавшагося въ своихъ идеалахъ послѣ двадцать пятаго года. Для историка чрезвычайно важны такіе поэтическіе образы,—они составляютъ важное и существенное дополненіе къ историческимъ актамъ и мемуарамъ современниковъ (см. полный текстъ рѣчи въ IX-мъ отд.).

За г. Ключевскимъ говорилъ Н. А. Стороженко, тоже профессоръ московскаго университета по каѳедрѣ иностранной литературы, о томъ вліяніи, какое оказывали на поэзію Пушкина европейскіе мыслители и художники какъ Вольтеръ, Байронъ, Шекспиръ и другіе (см. текстъ этой рѣчи въ IX-мъ отд., № 5). Вообще нужно замѣтить, что всѣ читавшіяся рѣчи какъ въ университетѣ, такъ и въ другихъ собраніяхъ были общедоступны по изложенію, интересны и произносились съ живымъ воодушевленіемъ, привлекавшимъ къ себѣ вниманіе публики.

Въ заключеніе г. Тихонравовъ сообщилъ, что изъ различныхъ мѣстъ получено много телеграммъ съ привѣтствіями по случаю открытія памятника Пушкину и что, между прочимъ, получена одна телеграмма изъ Праги, отъ чешскихъ художниковъ и писателей, которые заявляютъ о своемъ сочувствіи чествованію памяти великаго славянскаго поэта. „Честь и слава, говорятъ чехи, тому народу, который не забываетъ великихъ сыновъ своихъ“ (см. эти телеграммы въ VII-мъ отд.).

Торжественный актъ въ университетѣ окончился въ четыре часа по полудни.

Въ шестомъ часу, приглашенныя лица съѣхались въ благородное собраніе на обѣдъ, устроенный московскимъ городскимъ обществомъ депутаціямъ, прибывшимъ

на открытіе памятника Пушкину. Главными гостями были, конечно, дѣти и внуки виновника торжества, его дочери Марья Александровна Гартунгъ и графиня Наталья Александровна Меренбергъ и сыновья Александръ и Григорій Александровичи Пушкины съ дѣтьми.

На обѣдѣ присутствовало болѣе двухсотъ лицъ обоего пола, въ томъ числѣ прибывшіе на праздникъ депутаты разныхъ учрежденій, ученыхъ обществъ, органовъ печати, ученые и литераторы.

Изъ офиціальныхъ лицъ присутствовали: управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія стасъ-секретарь А. А. Сабуровъ, прибывшій на праздникъ съ особаго Высочайшаго соизволенія, командующій войсками Московскаго военнаго округа графъ Бреверн-де-Лагарди съ супругой, московскій комендантъ А. К. Фридрихсъ, командующій гренадерскимъ корпусомъ П. А. Шуваловъ съ супругой, попечитель Московскаго учебнаго округа князь Н. П. Мещерскій, гражданскій губернаторъ В. С. Перфильевъ и другіе. Въ числѣ лицъ особенно замѣтныхъ были преосвященные Амвросій и Николай.

Тостъ за здоровье Государя Императора былъ поднятъ статсъ-секретаремъ А. А. Сабуровымъ приблизительно въ слѣдующихъ словахъ:

„За здоровье Того, Кто радуется всякою русскою радостію, скорбитъ всякимъ рускимъ горемъ, и Чье имя произносится съ благоговѣніемъ на всемъ пространствѣ русской земли“.

Восторженное „ура“ покрыло эти слова и слилось со звуками народнаго гимна.

Второй тостъ провозгласилъ городской голова С. М. Третьяковъ за здоровье отсутствовавшаго принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, главнаго устроителя воздвигнутаго памятника. Слѣдующіе два тоста были провозгла-

шены имъ же за отсутствовавшаго московскаго генералъ-губернатора и за управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Имъ же провозглашены еще два тоста: одинъ за присутствовавшихъ членовъ комитета по сооруженію памятника—Ѳ. П. Корнилова и Я. К. Грота, и другой, за членовъ семьи великаго поэта. Не трудно понять, какой искренній откликъ нашли въ средѣ присутствовавшихъ слова С. М. Третьякова, высказавшаго радость Москвы по поводу того, что, чествуя память дорогаго поэта, она привѣтствуетъ, какъ своихъ гостей, членовъ его семейства. Старшій представитель этой семьи, командиръ Нарвскаго гусарскаго полка, А. А. Пушкинъ, по полномочію отъ остальныхъ членовъ, въ нѣсколькихъ одушевленныхъ словахъ выразилъ признательность Москвѣ за гостепріимство и радушіе. Слова его были покрыты рукоплесканіями.

Затѣмъ И. С. Аксаковъ произнесъ рѣчь о Пушкинѣ, какъ о поэтѣ, познакомившемъ Европу съ Россіей и соединившемъ теперь въ Москвѣ, этомъ центрѣ народной русской жизни, собравшихся сюда съ разныхъ концовъ Россіи, представителей ея умственнаго развитія (см. текстъ рѣчи въ IX-мъ, отд., № 2).

За И. С. Аксаковымъ всталъ М. Н. Катковъ, сидѣвшій за столомъ противъ И. С. Тургенева, и началъ говорить сначала тихо, такъ, что издали несовсѣмъ было слышно, но потомъ разговорился и поднялъ голосъ. Онъ говорилъ о примиреніи „партій“, о настоящей минутѣ, какъ самой удобной для примиренія. (Текстъ это рѣчи см. въ IX-мъ отд., № 3).

Затѣмъ говорилъ рѣчь преосвященный Амвросій. Упомянувъ, между прочимъ, о рѣчи г. Ключевскаго, читанной на университетскомъ актѣ, въ которой профессоръ указалъ на различные типы русскихъ людей въ твореніяхъ Пуш-

кина, складывавшіеся въ духѣ подражительности Западу, преосвященный замѣтилъ, что въ Пушкинѣ было затаенное желаніе, чтобы русскіе со временемъ стали сами собою, то-есть настоящими русскими. Въ заключеніе преосвященный провозгласилъ тостъ за объединеніе въ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ всѣхъ русскихъ людей.

Графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій (с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства) сказалъ:

„Милостивыя государыни, милостивые государи! Позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ: легко говорится, когда знаешь заранѣе, что то, что имѣешь высказать, давно накопилось во многихъ сердцахъ; легко говорится, когда предвидишь, что за сказанною рѣчью послѣдуетъ несмолкаемое дружное у р а!

„Всѣ мы, милостивые государи, депутаты съѣхавшіеся въ Москву со всѣхъ концовъ Россіи, мы долго будемъ помнить настоящіе торжественные дни; мы съ сердечною благодарностью сохранимъ въ памяти воспоминаніе о тепломъ пріемѣ и радушномъ встрѣченномъ нами привѣтѣ. Мы будемъ вспоминать задушевное гостепріимство нашихъ дорогихъ хозяевъ и эту роскошную московскую хлѣбъ-соль; мы передадимъ пославшимъ насъ, какъ горячо умѣетъ Москва встрѣчать и чествовать гостей своихъ.

„Господа! Позвольте предложить вамъ выпить за здоровье представителей великой Москвы, любезныхъ нашихъ хозяевъ!“

Академикъ Я. К. Гротъ сообщилъ, что оставшіеся въ живыхъ два лицейскіе товарища Пушкина, канцлеръ князь Горчаковъ и г. Комовскій, поручили ему выразить ихъ искреннее соболѣзнованіе, что не могутъ лично присутствовать на торжествѣ открытія памятника.

Затѣмъ А. Н. Майковъ прочелъ свое стихотвореніе, помѣщаемое ниже (см. X-й отд., № 2).

Молодой московскій профессоръ М. М. Ковалевскій предложилъ въ очень изящной формѣ тостъ за русскую литературу. Было сказано нѣсколько словъ г. Кашпиревымъ. Наконецъ, представитель историко-филологическаго факультета Н. А. Некрасовъ произнесъ рѣчь, въ которой коснулся педагогической стороны въ литературной дѣятельности Пушкина (см. IX-й отд., № 4).

Въ заключеніе городской голова С. М. Третьяковъ прочелъ полученныя имъ во.время обѣда телеграммы (см. въ VII-й отд., № 5).

День открытія памятника завершился литературно-музыкальнымъ и драматическимъ вечеромъ, даннымъ отъ „Общества любителей россійской словесности“ въ залѣ благороднаго собранія. Залъ былъ полонъ совершенно. Музыкальную часть взялъ на себя Н. Г. Рубинштейнъ, подъ управленіемъ котораго оркестръ исполнилъ нѣсколько увертюръ. Въ вокальной части участвовали г-жи Климентова и Каменская, и гг. Мельниковъ и Самаринъ; а изъ писателей — гг. Достоевскій, Писемскій, Островскій, Тургеневъ, Анненковъ, Потѣхинъ и Григоровичъ. Всѣ исполнители были встрѣчаемы и провожаемы дружными аплодисментами, но особенно горячо былъ привѣтствованъ Тургеневъ, который былъ вызванъ семь разъ и на шумное *bis* прочелъ весьма прочувствованно стихи, написанные Пушкинымъ въ 1835 году:

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ,
А алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Стихотвореніе это было очень кстати и прекрасно отвѣтствовало общему настроенію, почему и вызвало лую бурю.

Въ заключеніе былъ поставленъ апоѳеозъ: на большой сценѣ стоялъ бюстъ Пушкина, освѣщен электрическимъ свѣтомъ и окруженный зеленью. Арти и писатели, участвовавшіе въ вечерѣ, проходили по редно мимо бюста и клали у его подножія вѣнки звукахъ торжественнаго марша.

Описаніе торжества 6-го іюня въ Москвѣ не было полно, если бы мы оставили безъ упоминанія народныя нія, посвященныя памяти великаго поэта и происходив въ зданіи политехническаго музея.

Программа чтеній была такова: 1) жизнеописаніе А Пушкина, прочтенное г. Челюкановымъ; 2) гимнъ К славенъ, пропѣтый хоромъ пѣвчихъ чайнаго торго Перлова; 3) „Полтава“ — отрывки изъ поэмы Пушки прочитанные г. Кратчемъ и сопровождавшіеся тѣневы картинами и толковымъ объясненіемъ историческихъ ф товъ, 4) народный гимнъ Боже, царя храни! исп ненный тѣмъ же хоромъ прикащиковъ.

Зала, предназначенная для чтеній, украшена б множествомъ растеній и живою зеленью, среди кото утопалъ бюстъ виновника торжества.

7-е іюня 1880 г. въ Москвѣ.

Торжественное засѣданіе

и

обѣдъ общества любителей россійской словесности

7-е іюня 1880 г. въ Москвѣ.

Засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности: рѣчи С. А. Юрьева, Луи Лежера, М. И. Сухомлинова, профессора Шпилевскаго, И. С. Тургенева.—Обѣдъ Общества Любителей Россійской Словесности: тосты С. А. Юрьева, А. Н. Островскаго и другихъ.

Второй день торжества въ память Пушкина, 7-е іюня, открытъ былъ засѣданіемъ въ „Обществѣ Любителей Россійской Словесности“.

Ровно въ часъ дня, громадная зала благороднаго собранія наполнилась тысячами слушателей. Въ глубинѣ залы устроена небольшая временная сцена, на которой играли и читали наканунѣ вечеромъ; на авансценѣ поставлена высокая каѳедра, сзади ея—бюстъ Пушкина, весь покрытый вѣнками, кругомъ развѣшены гирлянды изъ лавровъ. Передъ сценой сдѣлана эстрада, покрытая краснымъ сукномъ и украшенная растеніями. На этой эстрадѣ помѣстились всѣ присутствовавшіе члены общества любителей словесности. Первымъ взошелъ на каѳедру предсѣдатель общества С. А. Юрьевъ.

„Съ смущеніемъ, полнымъ благоговѣнія передъ величіемъ настоящаго торжества, насъ здѣсь соединившаго—такъ началъ онъ свою рѣчь—открываю я это засѣданіе общества любителей россійской словесности, существующаго болѣе полустолѣтія, съ 1814 года, и единственнаго въ Россіи, въ числѣ членовъ котораго въ прежнія времена блистали имена славныхъ двигателей русской мысли и русскаго слова: Карамзина, Жуковскаго и другихъ, въ наше время блистаютъ неменѣе славные представители художественной мысли, и художественнаго слова — имена которыхъ я не произношу, потому что они на устахъ всѣхъ; наконецъ, общества, членомъ котораго съ 1830 года состоялъ величайшій нашъ народный поэтъ воспоминаніями о которомъ наполнены теперь наши помыслы. Нѣтъ для народа торжествъ выше тѣхъ, которы соединены съ воспоминаніями о великихъ людяхъ, двинувшихъ впередъ его жизнь и просвѣщеніе. И изъ этихъ воспоминаній наиболѣе возвышающее душу есть воспоминаніе о великомъ народномъ поэтѣ“.

Послѣ этого вступленія, г. Юрьевъ, замѣтивъ, что день открытія памятника былъ назначенъ первоначально въ день рожденія поэта, и указавъ причину отсрочки, высказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о почившей Государынѣ. Выяснивъ потомъ, значеніе народнаго поэта вообще и его отношеніе къ народу, ораторъ перешелъ къ характеристикѣ Пушкина, какъ народнаго поэта. „Пушкинъ—сказалъ онъ—перечувствовалъ все, что можетъ и какъ можетъ чувствовать русскій человѣкъ, отъ благоговѣйной любви къ нашей сѣдой старинѣ до пламеннаго сочувствія къ общечеловѣческимъ сторонамъ реформъ Петра Великаго отъ глубокаго воспріятія въ свое сердце смиреннаго нравственнаго идеала простого русскаго человѣка, со дна души котораго онъ поднялъ образъ старца Пимена, до во-

сторженнаго увлеченія неукротимо-вольнолюбивыми идеалами Байрона, исполненными блеска и силы; отъ страстнаго наслажденія широко-шумною блестящею жизнью города, дворца, до любви къ матери—пустынѣ, про которую воздыхалъ нашъ русскій перехожій человѣкъ. Нѣтъ русской народной особенности, нѣтъ глубокаго народнаго инстинкта, которые бы не жили въ душѣ Пушкина и не нашли бы себѣ яркаго поэтическаго выраженія въ его созданіяхъ... Пушкинъ чувствовалъ музыку народной русской души и потому-то нѣкоторыя его стихотворенія одѣты тѣми элегическими звуками, которыми звучитъ русская пѣсня, разливающаяся въ безбрежномъ пространствѣ и стремящаяся въ даль, въ какую-то свѣтлую высь: Не диво, что этотъ могучій русскій духъ не подчинился всецѣло, несмотря на всю силу своей воспріимчивости, вліянію геніальныхъ западныхъ поэтовъ и великихъ идеаловъ, выработанныхъ жизнью западныхъ народовъ, но переработалъ эти идеалы, отдѣливъ изъ нихъ то, что составляетъ святыню для всего человѣчества и то, что родственно русской душѣ, откинувъ то, что составляетъ чужую для насъ ихъ особенность. Все общечеловѣческое слилъ онъ въ своихъ созданіяхъ съ тѣмъ прекраснымъ, святымъ, что заложено въ основаніе природы нашего русскаго духа, и далъ намъ въ своихъ твореніяхъ великій поэтическій синтезъ тѣмъ направленіямъ мысли, которыя до сихъ поръ борются между собою въ сознаніи нашего общества.

„Пушкинъ стоялъ на рубежѣ двухъ періодовъ историческаго развитія нашей народной жизни; онъ пришелъ къ намъ въ тотъ моментъ, когда сила нашего государства, созданная великими усиліями народа, стала на высшую точку своего внѣшняго могущества и долженъ былъ начаться поворотъ творческихъ силъ народа на устроеніе

его внутренней жизни, на началахъ самодѣятельности правды и нравственной красоты. Прозорливый умъ поэт измѣрилъ эту страшную высоту, на которую была под нята русская государственная сила безстрашною волею ца ря-исполина, и ту сіяющую ужасами бездну внутренняя го нестроенія, надъ которою нависла эта сила". Ука завъ, далѣе, на то, какъ поэтически вѣрно очертилъ Пуш кинъ исполинскую фигуру Петра, этого царя-работника г. Юрьевъ продолжалъ: „Ждалъ нетерпѣливо Пушкинъ чтобъ тяжесть крѣпостного ига, подавляющая творческі силы народа, была сброшена, открыла просторъ этим могучимъ силамъ. Онъ писалъ:

«Увижу-ль я, друзья, народъ не угнетенный
И рабство, павшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?»

„Проникнутый чувствомъ, требующимъ самобытност народной, нося въ груди всѣ творческія силы народа, он создалъ въ 1825 году драму „Борисъ Годуновъ", въ ко торой русскій человѣкъ впервые явился въ нашей лите ратурѣ такимъ, каковъ онъ есть. Съ этого времени Пуш кинъ погрузился въ изученіе русской жизни; онъ уж вступилъ въ святая святыхъ народнаго духа, как смерть похитила его. Россія одѣлась горемъ... Изучени созданій Пушкина ставитъ насъ на ту высоту, съ кото рой предъ нами освѣщаются всѣ сокровенныя внутренні силы, слагавшія прошедшую жизнь русскаго народа открывается кругозоръ на возможное для насъ будуще Но изучали ли мы нашего величайшаго поэта? или мы какъ дѣти, любовались видимой красотой его поэзіи, ил прикладывали къ гиганту коротенькія мѣрки нашихъ у кихъ взглядовъ, страстныя требованія минуты, капризе глумились надъ этимъ колоссомъ духа? Да будетъ ина-

съ этого дня! Войдемъ въ святыню храма, воздвигнутаго нашимъ великимъ поэтомъ, который громко взываетъ къ намъ: не угашайте духа и дѣйствуйте, все прочее приложится, и жизнь проникнется правдой и красотою; одѣнется она и озарится солнцемъ свободы, исполненной братской любви другъ къ другу. Не угашайте духа!“

Едва смолкли рукоплесканія, покрывшія эту рѣчь, какъ раздались снова съ страстною силой. На каѳедру, съ листкомъ бумаги въ рукахъ, взошелъ депутатъ французской республики, профессоръ Луи Лежеръ. Рукоплесканія долго не давали ему говорить. Наконецъ все смолкло и Лежеръ прочелъ по-русски, съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ:

„Милостивыя государыни, милостивые государи! Посылая делегата на настоящее литературное торжество, министерство народнаго просвѣщенія французской республики хотѣло этимъ выразить и свою симпатію умственному движенію Россіи и свое удивленіе вашему великому народному поэту. Имя Пушкина такъ же хорошо извѣстно во Франціи, какъ имена Байрона, Гете, Манцони. Мы смотримъ на Пушкина, какъ на величайшаго представителя русскаго народнаго генія и съ гордостью можемъ припомнить имя одного изъ нашихъ знаменитыхъ писателей, Мериме, который наибольше содѣйствовалъ распространенію славы Пушкина въ нашемъ отечествѣ. Мы чувствуемъ себя счастливыми, что настоящее торжество, къ сожалѣнію, омраченное недавней вашей утратой, нашедшей живой отголосокъ и во Франціи, даетъ намъ новый случай выразить то горячее неизмѣнное сочувствіе, съ которымъ мы слѣдимъ за судьбами Россіи. Въ настоящее время во Франціи существуетъ цѣлая группа людей, которая изучаетъ произведенія русскихъ писателей съ такимъ же живымъ интересомъ, съ какимъ прежде

изучались памятники литературъ классическихъ. Милостивые государи! отъ имени этой группы, я обращаюсь къ вамъ мое слово и смѣю васъ увѣрить, что честь представлять французскій народъ въ эту торжественную минуту останется однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни. Не намъ, иностранцамъ, говорить въ настоящемъ собраніи о Пушкинѣ: мы здѣсь затѣмъ, чтобъ слушать васъ, поучаться у васъ, благодарить васъ за радушный искренно-братскій пріемъ, который мы находимъ въ Россіи".

Долго не умолкали рукоплесканія и Лежеру приходилось нѣсколько разъ вставать и раскланиваться.

Затѣмъ слово было предоставлено депутату академіи наукъ и петербургскаго университета, М. И. Сухомлинову, рѣчь котораго помѣщена ниже вполнѣ (см. IX-й отд., № 6).

Послѣ г. Сухомлинова, депутатъ казанскаго университета, г. Шпилевскій, въ коротенькой, но красивой рѣчи заявилъ, что калмыки и тѣ считаютъ Пушкина первымъ поэтомъ, они учатся въ школѣ по его „Сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ", а при большемъ общеніи съ нашими окраинами будетъ расширяться область вѣчной славы Пушкина.

Вслѣдъ затѣмъ, секретарь общества, Н. П. Аксаковъ прочелъ слѣдующія телеграммы и письма:

1) Письмо на имя г. Тургенева отъ нѣмецкаго романиста Бертольда Ауербаха, въ которомъ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Прекрасно и поучительно, что изъ Россіи входитъ, въ настоящее время, въ міръ вѣсть о чествованіи генія и, притомъ, генія бывшаго и остающагося далекимъ отъ новомодной или, скорѣе, варварски старомодной исключительности, по которой въ царствѣ духа народы не должны болѣе творить и дѣйствовать в-

соединяющемъ и примиряющемъ міръ взаимоотношеніи свободнаго даванія и свободнаго же полученія. Благороденъ праздникъ вашъ, въ которомъ всѣ неиспорченныя еще гуманностью души съ живымъ участіемъ могутъ чувствовать себя объединенными, такъ какъ воздвигается памятникъ Пушкину, поэту, который при сохраненіи національной своей самобытности и своеобразности, принадлежитъ къ міровой литературѣ, имѣвшей Гете своимъ провозвѣстникомъ".

2) Письмо на имя г. Тургенева, отъ Виктора Гюго который выражаетъ сожалѣніе, что, по многочисленности занятій не можетъ воспользоваться лестнымъ приглашеніемъ, но проситъ заявить, что онъ будетъ духомъ присутствовать въ Москвѣ въ теченіи всего литературнаго празднества.

3) Письмо на имя г. Тургенева отъ англійскаго поэта Теннисона, который проситъ его передать всѣ лучшія пожеланія имѣющему совершиться торжеству.

4) Отъ берлинскаго профессора Ягича.

5) Отъ загребской академіи наукъ.

6) Письмо изъ Новаго-Сада.

7) Письмо основателя русскаго музея въ Пильзнѣ; въ письмѣ этомъ сказано: „Сердечный привѣтъ святой Руси! Память Пушкина пребудетъ во вѣки незабвенна. Дай Боже, чтобы его языкъ и его вѣра сдѣлались языкомъ и вѣрою всѣхъ славянъ!".

8) Изъ Львова, отъ редакціи „Слова". „Присутствуя мысленно—пишетъ редакція—предъ воздвигнутымъ памятникомъ великаго поэта, мы, русскіе галичане, воздаемъ почесть русскому генію, славѣ нашего и всего славянскаго рода"

9) Изъ Загреба „Дивное имя великаго вашего поэта

возносится и прославляется и въ хорватскомъ народ
Вмѣстѣ съ вами, мы возглашаемъ „славу“ Пушкину!“.

10) Изъ Праги, отъ литературнаго общества „Свати
боръ“: „Блестящая звѣзда на небѣ славянской поэзіи
перестанетъ свѣтить также и намъ, чехамъ“.

11) Изъ Бѣлграда, отъ редактора Стояна Маркович
„Слава русскимъ—говоритъ Марковичъ—которые тан
цѣнятъ своихъ пѣснотворцевъ. И мы привѣтствуемъ ег
русская слава и гордость суть также наша слава и на
ша гордость“.

12) Телеграмма изъ Бѣлграда, подписанная восемь
лицами.

13) Изъ Бѣлграда, отъ общества „Побратимство“, к
торое говоритъ: „слава безсмертному и любезному ру
скому и всеславянскому поэту Пушкину! Да здравствуе
братское согласіе и единомысліе между всѣми славянам
Такъ единодушно восклицаетъ все славянство“.

14) Изъ Бѣлграда, отъ сербскаго ученаго общест
„Сербское ученое общество привѣтствуетъ сооруженіе па
мятника дивному пѣвцу. Это образъ того блестящаго св
тила, которое пламенѣетъ братскою любовью, въ котором
ярко отражаются вѣра и мощь славянскаго духа, его ча
нія и грядущее. Слава Пушкину! Да здравствуетъ народ
который производитъ и умѣетъ чествовать такихъ сы
новъ!“.

15) Изъ Праги, отъ общества „Славія“: „Присоед
няемъ и свое „ура!“ первой звѣздѣ славянскаго Парна
са; честнымъ же стремленіямъ вашимъ желаемъ успѣх
и преуспѣянія“.

16) Отъ харьковскаго университета.

17) Отъ университета святаго Владиміра.

18) Адресъ учителей народныхъ школъ Московска
уѣзда.

19) Адресъ отъ имени русскаго крестьянства, подписанный крестьяниномъ Тверской Губерніи Желнобобовымъ (см. отд. VII, № 10).

20) Стихотвореніе, присланное изъ Саратова.

Прочитавъ выдержки изъ приведенныхъ писемъ, секретарь общества заявилъ, что обществомъ получена, сверхъ того, масса телеграммъ отъ редакцій, частныхъ лицъ и гимназій. (См. отд. VII, № 7 и 8).

Затѣмъ, по просьбѣ профессора Лежера, секретарь прочелъ записку о томъ, что министръ народнаго просвѣщенія Французской Республики, по случаю пушкинскаго праздника, положилъ украсить академическими пальмами, въ званіи officiers, du ministère de l'instruction publique, какъ представителей русской литературы, русской науки и русскаго искусства въ Москвѣ, гг. Юрьева, Тихонравова и Рубинштейна. За этимъ заявленіемъ слѣдовало чтеніе академика Грота, имѣвшее предметомъ изъ нѣкоторыхъ чертъ жизни и поэзіи Пушкина выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ нѣкоторыя стороны его дѣятельности (См. отд. IX, № 7). Послѣ прочитаннаго, затѣмъ, поэтомъ Я. П. Полонскимъ стихотворенія (см. отд. X, № 1), сдѣланъ былъ перерывъ засѣданія на десять минутъ.

По возобновленіи засѣданія, предсѣдатель комиссіи по устройству настоящаго торжества, г. Поливановъ, прочелъ списокъ учрежденій и лицъ принесшихъ въ засѣданіе вѣнки (см. этотъ списокъ въ VII отд., № 9).

Наконецъ на кафедрѣ появился И. С. Тургеневъ. Не нужно говорить о томъ, какую бурю вызвало это появленіе. Г. Тургеневъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Сооруженіе памятника поэту,—сооруженіе, на праздникъ котораго сошлись представители всѣхъ обществъ, всѣхъ учрежденій,—должно быть отмѣчено особымъ вни-

маніемъ. Любовь къ поэту привела сюда всѣхъ предста вителей, и сознаніе того, что Пушкинъ былъ первым русскимъ художникомъ-поэтомъ, — сплотило ихъ.

„Художественное воспроизведеніе идеала лежитъ в основѣ жизни первобытныхъ народовъ, представляетъ одн изъ коренныхъ свойствъ ихъ. Оно является въ саме ранніе періоды развитія. Уже въ каменный періодъ когда первобытный человѣкъ начертилъ на каменном осколкѣ грубое изображеніе медвѣдя, онъ пересталъ бы дикаремъ. Когда же творческая сила сіяетъ выраженіем своего искусства, тогда народъ получаетъ мѣсто в исторіи человѣческихъ обществъ и вступаетъ въ братск обмѣнъ съ другими. Физіономію народу даетъ толь искусство, его душа, не умирающая и переживающая с ществованіе самого народа. Что осталось намъ отъ Грец отъ древней Греціи?—Ея душа: поэзія ея перваго по Гомера, ея искусство.

„Пушкинъ — нашъ первый поэтъ. Но поэзія имѣе два начала: воспріимчивость и самодѣятельность, иначе женское и мужское начала. Русскій народъ позднѣе др гихъ вступилъ въ область творчества и поэтому нача русской поэзіи получили окраску двойственности. Дво ственной была воспріимчивость, подчинявшаяся вліян своей и чуждой жизни, и неравномѣрной стала самод ятельность, доходившая иногда до порывистой геніал ности.

„Двойственность воспріимчивости отразилась на сам личности Пушкина. Рожденный въ старомъ дворянско домѣ, воспитавшійся въ лицеѣ, принадлежавшій къ высш му обществу, увлекавшійся идеями Вольтера, пережив 1812 годъ и, наконецъ, углубившійся въ глушь Россіи, Пушкинъ, казалось бы, не могъ избѣжать двойственнос

Но не то мы видимъ. Мысль его породила свободу творчества.

„Поэтическій геній Пушкина освободился и отъ подражанія европейскимъ образцамъ, и не поддѣлывался подъ народный тонъ. Второе безплодно такъ же точно, какъ и преклоненіе передъ авторитетами. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ нѣкоторыя мѣста „Руслана и Людмилы“. Если поэтъ не будетъ имѣть своего народа, онъ не будетъ его поэтомъ. Какъ же считаетъ Пушкина народъ?—Такъ же, какъ въ Германіи Гете, во Франціи—Мольера и въ Англіи—Шекспира. Ихъ, правда, читаютъ, но народъ остается все-таки ниже того уровня развитія, къ которому обращались эти писатели. Но это не можетъ быть доказательствомъ нелюбви. Слабость племени или порабощеніе его вызываетъ разобщенность съ лучшими людьми. Но, слава Богу, Россія не слаба и не порабощена. Сознавая свою силу, русскій народъ любитъ тѣхъ людей, которые указываютъ ему на его недостатки. Нѣтъ сомнѣнія, что нашимъ потомкамъ придется идти по пути, указанному Пушкинымъ, свойства поэзіи котораго совпадаютъ съ его свѣтлою личностью. Сила языка, прямодушіе съ правдивою искренностью и честность поражаютъ даже иноземцевъ. Сужденіе этихъ послѣднихъ для насъ драгоцѣнно, такъ какъ они свободны отъ увлеченія, ихъ не подкупаетъ общее поклоненіе. Бесѣдуя съ Мериме, я услышалъ отъ него слѣдующее: „Ваша поэзія ищетъ прежде всего правды, а красота является сама собою. Не то другіе поэты, гоняющіеся за эффектами и красотой: тѣ бываютъ правдивыми только тогда, когда правда подвернется имъ сама подъ руку. У Пушкина красота является изъ трезвой правды“.

Когда Мериме прочиталъ „Анчаръ“ и остановился на послѣднихъ стихахъ, онъ сказалъ: „А вотъ наши поэты

не удержались бы отъ комментарій". Мериме поражал
способность Пушкина подходить близко къ явленіям
брать ихъ, такъ сказать, „за рога", и образъ пушки
скаго Донъ-Жуана увлекалъ французскаго ученаго. Пуш
кинъ былъ центральнымъ художникомъ. Самое присвоени
чужихъ формъ совершалось имъ съ самобытностью, хот
къ сожалѣнію, иностранцы не хотятъ это въ насъ при
навать, называя эти наши свойства ассимиляціей. Лу
шимъ доказательствомъ противнаго служитъ „Скупой р
царь". Это такая смѣна страстей, такія строки, подъ к
торыми съ гордостью подписался бы Шекспиръ. Пушкин
былъ объективенъ даже въ субъективности.

Но бывши національнымъ поэтомъ, былъ ли Пушкин
всемірнымъ?—По совѣсти, не могу этого утверждат
хотя и не дерзаю отнять значеніе всемірнаго поэта
Пушкина. Ему приходилось сдѣлать слишкомъ много,
ему одному пришлось исполнить двѣ работы: установи
языкъ и создать литературу.

Затѣмъ г. Тургеневъ перешелъ къ тому, какъ цѣн
ли Пушкина современники и какъ охладѣвало къ е
поэзіи общество въ эпоху шестидесятыхъ годовъ.

Г. Тургеневъ такъ охарактеризовалъ это явленіе:

Къ Пушкину были несправедливы послѣдующія п
колѣнія,—они охладѣли, но охлажденіе это имѣетъ пр
чину въ судьбѣ народа, въ его историческомъ развити
Настало новое время, появились неожиданныя, небывалы
потребности, стало не до художественности, восхищатьс
которой могли наравнѣ съ народными нуждами толь
записные словесники. Чувства Пушкина стали анахрони
момъ. Общество пошло на торжище; нужна была метл
чтобы вымести художественность; центральный поэтъ з
мѣнился центробѣжнымъ и муза мести и печали вдохно
ляла поэтовъ.

Здѣсь г. Тургеневъ посвятилъ нѣсколько словъ памяти Бѣлинскаго, день смерти котораго (26 мая) совпадаетъ съ днемъ рожденія Пушкина. Вся зала отнеслась сочувственно къ памяти критика.

Многіе хотѣли видѣть,—продолжалъ г. Тургеневъ,—во временномъ отклоненіи упадокъ литературы. Неправда,—падаетъ только неорганическое, а все живое лишь измѣняется. Россія ростетъ; всѣ кризисы и противорѣчія доказываютъ только жизнь; а исторія и наука говорятъ намъ, что жизнь невозможна безъ борьбы! Оплакивать старое время, желать во что бы то ни стало повернуть общество къ старому могутъ только близорукіе люди. Общество идетъ впередъ, и вотъ черезъ нѣкоторое время отклоненіе съ пути исправляется и общество возвращается на тропу, указанную Пушкинымъ. Еслибы то событіе, которое совершилось вчера, еслибы открытіе памятника произошло 15 лѣтъ тому назадъ, оно было бы справедливою данью заслугамъ поэта, но между нами не было бы такого единодушія, какъ теперь. Нѣсколько поколѣній прошли послѣ Пушкина, для которыхъ его имя было только имя, но теперь къ поэту возвращается и юность, не разочарованная неудачами, и люди зрѣлаго возраста. Пушкинъ далъ очень много, и вся послѣдующая литература заняла у него слишкомъ много, а законы искусства вѣчны. Знамя его поэзіи на время затемнила пыль, но теперь опять засіялъ нобѣдный стягъ.

«Сіяй же и гласи народу русскому о правѣ его называться великимъ народомъ! Пускай у памятника Пушкина остановится всякій и скажетъ, что ему онъ обязанъ свободой, свободой нравственной. Пускай сыновья народа будутъ сознательно произносить имя Пушкина, чтобъ оно не было въ устахъ пустымъ звукомъ и чтобы каждый,

читая на памятникѣ надпись „Пушкину“, думалъ, что она значитъ—„учителю“...

Рѣчь г. Тургенева вызвала громкіе аплодисменты.

Засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности 7-го іюня, заключилось чтеніемъ А. Ѳ. Писемскаго, который, по выдержкамъ изъ повѣсти „Капитанская Дочка“ показалъ правдивость повѣствовательнаго изложенія и вѣрность историческаго взгляда Пушкина.

Въ тотъ же день состоялся парадный складчинный обѣдъ устроенный „Обществомъ Любителей Россійской Словесности“. Обѣдало 223 человѣка. Обѣденное меню былс украшено виньеткой работы художника Трутовскаго сс стихами Пушкина:

Подымемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ:
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!

Этотъ эпиграфъ могъ служить двустрочнымъ поэтическимъ обобщеніемъ всего блестящаго пиршества. Блестящимъ было оно не со стороны обстановочной роскоши. Напротивъ, обѣдъ былъ лишенъ всякой оффиціальности и выставочности, и зала далеко уступала своею нарядностью думскому обѣду, бывшему наканунѣ. Изъ лицъ, прямо не принадлежащихъ къ литературѣ или наукѣ, можно было назвать только спеціально приглашеннаго городскаго голову С. М. Третьякова и нѣсколькихъ провинціальныхъ депутатовъ отъ земства и дворянства. Но это было блестящая трапеза ума, чувства и остроумія, сплошной звонъ товарищескихъ, инстинктивно тянувшихся другъ къ другу бокаловъ и непрерывная застольная бесѣда, искренняя, веселая, фамильярная, бесѣда служителей общества и представителей идейнаго міра.

Рядъ тостовъ открылъ предсѣдатель общества, С. А. Юрьевъ, поднявшій бокалъ „за Того, Чьимъ велѣніемъ сбы-

лось задушевное желаніе поэта видѣть народъ освобожденнымъ и Кто далъ намъ возможность соорудить этому поэту памятникъ". Тостъ былъ принятъ восторженно. П. И. Бартеневъ предложилъ тостъ за членовъ семьи Пушкина, присутствовавшихъ на обѣдѣ. П. В. Анненковъ напомнилъ о лицейскихъ товарищахъ Пушкина: князѣ Горчаковѣ и г. Камовскомъ, которымъ послѣ тоста посланы были телеграммы.

Въ числѣ тостовъ, которые предложены были на обѣдѣ 7 іюня по случаю пушкинскаго торжества и возбудили сочувствіе всѣхъ присутствовавшихъ, однимъ изъ наиболѣе обратившихъ на себя вниманіе былъ тостъ предсѣдателя Общества Любителей Россійской Словесности, С. А. Юрьева. Воспроизводимъ текстъ его изъ „Современныхъ Извѣстій":

„Среди насъ теперь представитель правительства Франціи, назначенный французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія привѣтствовать насъ съ торжественнымъ событіемъ—открытіемъ памятника нашему народному поэту—и участвовать съ нами въ празднествахъ по этому поводу. Онъ извѣстилъ, что его правительство удостоиваетъ званія Officier de l'instruction publique и высшаго знака золотой пальмы, меня, какъ предсѣдателя Общества Любителей Россійской Словесности, Николая Саввича Тихонравова, какъ ректора Московскаго университета, и Николая Григорьевича Рубинштейна, какъ директора Московской консерваторіи. Не есть ли это свидѣтельство о сочувствіи французскаго народа къ русскому? Не служитъ ли это новымъ актомъ, скрѣпляющимъ такое сочувствіе между двумя народами, которое не измѣнилось, не ослабѣло, несмотря на политическія распри,—сочувствіе, которое заявляло о себѣ даже среди битвъ, когда враги на полѣ чести, русскіе и французскіе воины, схо-

дились, какъ братья, въ краткія минуты между сраженіями.

„Не есть ли это также свидѣтельство о высшей цивилизаціи французскаго народа, для котораго священенъ и дорогъ творческій геній въ области наукъ и литературы, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ? Французскій народъ знаетъ, что этими свѣточами просвѣщенія строится будущее всемірное братство народовъ и людей, наперекоръ всѣмъ раздѣляющимъ ихъ силамъ.

„Франція первая провозгласила всемірное братство и сдѣлала первый шагъ къ нему. Не можетъ въ человѣкѣ зародиться идея и овладѣть имъ, если нѣтъ въ его душѣ инстинктовъ, предрасполагающихъ къ ней. Если къ всемірному братству тяготѣетъ природа духа французскаго народа и стремится своими путями къ осуществленію ея, то къ тому же тяготѣетъ и стремится природа духа русскаго народа, но только путями, отличными отъ путей французскихъ. И бытъ, и духъ русскаго народа предуготованы къ возможному осуществленію этой великой всемірной идеи; всѣ наши народные инстинкты направлены къ ней. Русскій народъ не зналъ вражды между городомъ и сельскимъ населеніемъ, не зналъ феодальнаго права и теперь не знаетъ ни замкнутыхъ въ себѣ сословныхъ корпорацій, ни исключительности національной. Каждаго иноземца принимаетъ онъ въ свою среду, какъ брата, и обмѣнивается съ нимъ духовными сокровищами. Самыя народныя для русскаго народа войны суть войны за освобожденіе народовъ, и безкорыстно проливаетъ онъ свою кровь за угнетенныхъ. Человѣчность, стремленіе къ братству и общность—вотъ наша природа. И не въ этомъ ли лежитъ источникъ нашего сочувствія къ французскому народу, провозгласившему братство? За братство между

народами и людьми, за славу и благоденствіе Франціи, за ея представителя, г. Леже!"

Г. Лежеръ отвѣтилъ тостомъ за процвѣтаніе Россіи и умственное единеніе ея съ Франціей.

Далѣе слѣдовали тосты: г. Поливанова—за депутатовъ; г. Гилярова - Платонова—за славянскія общества; И. С. Тургенева — въ память усопшихъ и за здоровье живущихъ товарищей Пушкина; г. Басистова за переводчиковъ Пушкина; г. Грота—за академика Опекушина; г. Бурдина—за творца „Бориса Годунова". Но всѣхъ одушевилъ тостъ, произнесенный нашимъ маститымъ драматургомъ, А. Н. Островскимъ.

„Памятникъ Пушкину—сказалъ г. Островскій—поставленъ; память великаго народнаго поэта увѣковѣчена, заслуги его засвидѣтельствованы. Всѣ обрадованы. Мы видѣли вчера восторгъ публики; такъ радуются только тогда, когда заслугамъ отдается должное, когда справедливость торжествуетъ. О радости литераторовъ говорить едва-ли нужно. Отъ полноты обрадованной души и я позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ о нашемъ великомъ поэтѣ, его значеніи и заслугахъ, какъ я ихъ понимаю. Строгой послѣдовательности и сильныхъ доводовъ я обѣщать не могу; я буду говорить не какъ человѣкъ ученый, а какъ человѣкъ убѣжденный. Мои убѣжденія слагались не для обнародованія, а только про себя, такъ сказать, для собственнаго употребленія; при мнѣ бы они и остались, если бы не подошелъ этотъ радостный праздникъ. На этомъ праздникѣ каждый литераторъ долженъ быть ораторомъ, обязанъ громко благодарить поэта за тѣ сокровища, которыя онъ завѣщалъ намъ. Сокровища, дарованныя намъ Пушкинымъ, дѣйствительно велики и неоцѣненны. Первая заслуга великаго поэта въ томъ, что чрезъ него умнѣетъ

все, что можетъ поумнѣть. Кромѣ наслажденія, кромѣ формъ для выраженія мыслей и чувствъ, поэтъ даетъ и самыя формулы мыслей и чувствъ. Богатые результаты совершеннѣйшей умственной лабораторіи дѣлаются общимъ достояніемъ. Высшая творческая натура влечетъ и подравниваетъ къ себѣ всѣхъ. Поэтъ ведетъ за собой публику въ незнакомую ей страну изящнаго, въ какой-то рай, въ тонкой и благоуханной атмосферѣ котораго возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства. Отчего съ такимъ нетерпѣніемъ ждется каждое новое произведеніе отъ великаго поэта? Оттого, что всякому хочется возвышенно мыслить и чувствовать вмѣстѣ съ нимъ; всякій ждетъ, что вотъ онъ скажетъ мнѣ что-то прекрасное, новое, чего нѣтъ у меня, чего недостаетъ мнѣ; но онъ скажетъ, и это сейчасъ же сдѣлается моимъ. Вотъ отчего и любовь, и поклоненіе великимъ поэтамъ; вотъ отчего и великая скорбь при ихъ утратѣ; образуется пустота, умственное сиротство: не кѣмъ думать, не кѣмъ чувствовать.

«Но легко сознать чувство удовольствія и восторга отъ изящнаго произведенія; а подмѣтить и прослѣдить свое умственное обогащеніе отъ того же произведенія — довольно трудно. Всякій говоритъ, что ему то или другое произведеніе нравится; но рѣдкій сознаетъ и признается, что онъ поумнѣлъ отъ него. Многіе полагаютъ, что поэты и художники не даютъ ничего новаго, что все ими созданное было и прежде гдѣ-то, у кого-то,—но оставалось подъ спудомъ, потому что не находило выраженія. Это—неправда. Ошибка происходитъ оттого, что всѣ вообще великія научныя, художественныя и нравственныя истины очень просты и легко усвояются. Но, какъ онѣ ни просты, все-таки предлагаются только творческими умами, а обыкновенными умами только усвоиваются, и то не

угъ и не во всей полнотѣ, а по мѣрѣ силъ каждаго. шкинымъ восхищались и умнѣли, восхищаются и умотъ. Наша литература обязана ему своимъ умственнымъ томъ, и этотъ ростъ былъ такъ великъ, такъ быстръ, историческая послѣдовательность въ развитіи литерары и общественнаго вкуса была какъ будто разрушена, зъ съ прошедшимъ разорвана. Этотъ прыжокъ былъ не ъ замѣтенъ при жизни Пушкина; современники хотя и тали его великимъ поэтомъ, считали своимъ учителемъ, настоящими учителями ихъ были люди предшествовавго поколѣнія, съ которыми они были очень крѣпко свыы чувствомъ безграничнаго уваженія и благодарности. къ ни любили они Пушкина, но все таки въ сравненіи старшими писателями онъ казался имъ еще молодъ и довольно солиденъ; признать его одного виновникомъ страго поступательнаго движенія русской литературы чило для нихъ: обидѣть солидныхъ и во многихъ отноніяхъ дѣйствительно весьма почтенныхъ людей. Все , понятно, иначе не могло быть. Зато слѣдующее полѣніе, воспитанное исключительно Пушкинымъ, когда нательно оглянулось назадъ, увидѣло, что предшественники его и многіе современники для нихъ ужъ даже прошедшее, а далекое давнопрошедшее. Вотъ когда ѣтно стало, что русская литература въ одномъ человѣкѣ выросла на цѣлое столѣтіе. Пушкинъ засталъ русскую литературу въ періодъ ея молодости, когда она еще ла чужими образцами, и по нимъ выработывала формы, лишенные живаго, реальнаго содержанія,—и что же? произведенія — ужь не историческія оды, не плоды га, уединенія, или меланхоліи; онъ кончилъ тѣмъ оставилъ самъ образцы, равные образцамъ литераъ зрѣлыхъ, образцы, совершенные по формѣ и по сатному, чисто народному содержанію. Онъ далъ серь-

езность, поднялъ тонъ и значеніе литературы, воспиталъ вкусъ въ публикѣ, завоевалъ ее и подготовилъ для будущихъ литераторовъ, читателей и цѣнителей. Другое благодѣяніе, оказанное намъ Пушкинымъ, еще важнѣе и значительнѣе. До Пушкина наша литература была подражательная; вмѣстѣ съ формами, она принимала отъ Европы разныя, исторически сложившіяся тамъ направленія, которыя въ нашей жизни корней не имѣли, но могли приняться, какъ принялось и укоренилось многое пересаженное. Отношенія писателей къ дѣйствительности не были непосредственными, искренними; писатели должны были избирать какой-нибудь условный уголъ зрѣнія. Каждый изъ нихъ, вмѣсто того, чтобъ быть самимъ собой, долженъ былъ настроиться на какой-нибудь ладъ. Тогда еще проповѣдывалась самая беззастѣнчивая реторика; твердо стоялъ и грозно озирался ложный классицизмъ; на смѣну ему шелъ романтизмъ, но не свой, не самобытный, а наскоро пересаженный съ оттѣнкомъ чуждой намъ сентиментальности; не сошла еще со сцены никому не нужная пастораль. Внѣ этихъ условныхъ направленій поэзія не признавалась, самобытность сочлась бы или невѣжествомъ, или вольнодумствомъ. Высвобожденіе мысли изъ подъ гнета условныхъ пріемовъ — дѣло не легкое, оно требуетъ громадныхъ силъ. Развѣ мы не видимъ примѣровъ, что въ самыхъ богатыхъ и самыхъ сильныхъ литературахъ и по сей часъ высокопарное направленіе имѣетъ представителей и горячо отстаивается, а реальность пропагандируется, какъ что-то новое, небывалое. Прочное начало освобожденію нашей мысли положено Пушкинымъ; онъ первый сталъ относиться къ тэмамъ своихъ произведеній прямо, непосредственно; онъ захотѣлъ быть оригинальнымъ и былъ, —

былъ самимъ собою. Пушкинъ, какъ всякій великій писатель, оставилъ за собою школу послѣдователей.

„Онъ завѣщалъ имъ искренность, самобытность, завѣщалъ каждому рускому писателю быть русскимъ. Вѣдь не только легко сказать! Это значитъ, что онъ, Пушкинъ, раскрылъ русскую душу. Конечно, для послѣдователей путь его труденъ; но если литература наша проигрываетъ количествомъ, то выигрываетъ качествомъ. Немного нашихъ произведеній идетъ на оцѣнку Европы, но въ этомъ немногомъ оригинальность наблюдательности, самобытный складъ мысли замѣчены и оцѣнены по достоинству. Теперь остается пожелать Россіи болѣе такихъ талантовъ, пожелать русскому уму поболѣе развитія, простора, а путь, по которому идти талантамъ, указанъ нашимъ великимъ поэтомъ. Предлагаю гостъ за русскую литературу, которая пошла и идетъ по пути, указанному Пушкинымъ. Выпьемъ весело за вѣчное искусство, за литературную семью Пушкина, за русскихъ литераторовъ! Выпьемъ очень весело этотъ тостъ. Нынче на нашей улицѣ праздникъ!“

8-го іюня 1880 г. въ Москвѣ.

Второе торжественное засѣданіе

Общества Любителей Россійской Словесности

8-го іюня въ Москвѣ.

Второе засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности: рѣчи Н. А. Чаева, Ѳ. М. Достоевскаго, И. С. Аксакова, П. В. Анненкова, Н. В. Калачева, П. И. Бартенева и А. А. Потѣхина.

Третій день пушкинскаго праздника, 8-го іюня, ознаменовался вторымъ торжественнымъ засѣданіемъ Общества Любителей Россійской Словесности. Засѣданіе это открылось рѣчью временнаго предсѣдателя, Н. А. Чаева.

Пушкинъ, по мнѣнію оратора, богатырь-оратай. Народъ справедливо говоритъ, что не поле родитъ, а нива. Эту-то ниву и воздѣлалъ могучій геній поэта. Весьма удачно подобранными эпитетами характеризовалъ г. Чаевъ пушкинскую поэзію, весну русской поэзіи. Въ твордѣ Онѣгина вылился народный духъ. Образъ русской красавицы—Татьяны навѣянъ вѣковыми грезами. Пушкинъ былъ путеводною звѣздою для русскаго искусства вообще: музыка Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго вдохновлена чудными образами и дивными стихами поэта. Продолжительныя рукоплесканія покрыли рѣчь г. Чаева (см. текстъ этой рѣчи, въ IX-мъ отд.).

На трибунѣ появился Ѳ. М. Достоевскій.

Взрывъ рукоплесканій встрѣтилъ знаменитаго художника и троекратно перекатился по залѣ. Передать рѣчь Достоевскаго невозможно: глубже и блистательнѣе ея нельзя себѣ ничего представить; форма въ ней такъ слилась съ содержаніемъ, что никакой отчетъ не дастъ и приблизительнаго понятія объ ея силѣ. Къ тому же она произнесена была неподражаемо-хорошо. (см. текстъ рѣчи въ IX-мъ отд., № 8).

Когда Достоевскій кончилъ, вся зала духовно была у ногъ его. Онъ побѣдилъ, растрогалъ, увлекъ, примирилъ. Онъ доставилъ минуту счастія и наслажденія душѣ и эстетикѣ. За эту-то минуту и не знали, какъ благодарить его. У мужчинъ были слезы на глазахъ, дамы рыдали отъ волненія, стонъ и громъ оглашали воздухъ, группа словесниковъ обнимала высокодаровитаго писателя, а нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ спѣшили къ нему съ лавровымъ вѣнкомъ и увѣнчали его тутъ же, на эстрадѣ, среди дошедшихъ до своего апогея овацій. Было между прочимъ и то, что какой-то молодой человѣкъ изъ слушателей, при послѣднихъ словахъ Достоевскаго, стремительно рванулся изъ залы, выбѣжалъ въ боковую комнату и тамъ упалъ въ обморокъ. Человѣческое слово не можетъ претендовать на бо́льшую силу!

Общество Любителей Россійской Словесности тутъ-же единогласно выбрало могучаго оратора своимъ почетнымъ членомъ.

Послѣ рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго засѣданіе было прервано. По его возобновленіи на каѳедрѣ появился А. Н. Плещеевъ, прочитавшій свое прочувствованное стихотвореніе въ честь Пушкина. По требованію присутствовавшихъ, поэтъ прочелъ вторично свое произведеніе. (см. 1-й отд., № 4-й).

И. С. Аксаковъ сказалъ, что едва ли кто-нибудь изъ присутствовавшихъ испытываетъ такой восторгъ отъ рѣчи Достоевскаго, какъ самъ г. Аксаковъ. Послѣдній собирался говорить именно на тэму, такъ художественно, такъ геніально обработанную Достоевскимъ. Отнынѣ вопросъ о томъ, народный-ли Пушкинъ поэтъ—рѣшенъ окончательно, и толковать больше нечего. Благославимъ память великаго писателя, насъ всѣхъ объединившаго. (При этихъ словахъ раздались единодушныя и сильныя рукоплесканія). Г. Аксаковъ хотѣлъ прочесть только часть своей рѣчи, но публика настоятельно требовала всей. Народность для образованнаго русскаго человѣка, — сказалъ между прочимъ г. Аксаковъ,—есть искомое, что немыслимо на Западѣ. Весьма удачно указалъ ораторъ и то, что, въ 1819 году, въ той же залѣ благороднаго собранія, въ которой происходятъ пушкинскія торжества, было засѣданіе того же общества любителей словесности, которое нынѣ чествуетъ поэта. На засѣданіи шла рѣчь о Буало, о томъ, что птичка научила насъ радоваться. Въ 1819 же году напечатано прелестное стихотвореніе Пушкина: Художникъ варваръ кистью сонной картину генія чертитъ... Чрезвычайно свѣжее впечатлѣніе произвела та часть рѣчи г. Аксакова, гдѣ онъ помянулъ няню Пушкина, знеменитую Арину Родіоновну, которая внесла въ поэзію творца „Бориса Годунова“ чистую струю народной жизни. Взрывъ рукоплесканій обнаружилъ горячее сочувствіе присутствовавшихъ этимъ словамъ г. Аксакова.

П. В. Анненковъ замѣтилъ, что народъ впослѣдствіи прибавитъ новыя черты въ пониманіи Пушкина, что его вліяніе будетъ расти. Ораторъ остановился довольно подробно на той мысли, что Пушкинъ былъ

только великимъ поэтомъ, но и высоко - нравственнымъ человѣкомъ своего времени.

Н. В. Калачевъ прочелъ объ историческомъ талантѣ Пушкина, въ особенности объ исторіи пугачевскаго бунта.

П. И. Бартеневъ говорилъ объ отношеніи Пушкина къ императору Николаю Павловичу.

Въ заключеніе, на кафедру взошелъ съ листкомъ въ рукахъ А. А. Потѣхинъ. Указавъ на великое значеніе для литературы воздвигнутаго Пушкину памятника и на безсмѣрность заслугъ поэта, онъ замѣтилъ, что Пушкина справедливо называютъ величайшимъ художественнымъ синтезомъ русской мысли, чувства, вообще народнаго самосознанія. Но мысль человѣческая работаетъ въ двухъ направленіяхъ; явилась и потребность анализа, съ цѣлью самоусовершенствованія. Многія застарѣлыя общественныя язвы требовали или леченія, или хирургическаго ножа. Этотъ анализъ впервые началъ другой, современный Пушкину, геній—Гоголь; съ глубокою любовью, съ болью въ сердцѣ невидимыми міру слезами совершалъ онъ свое тяжелое призваніе. Пушкинъ лучше всѣхъ своихъ современниковъ и многихъ потомковъ понималъ необходимость этого художественнаго анатомическаго ножа, вложеннаго въ руки Гоголя; не даромъ онъ говорилъ: „Это не мое дѣло, это Гоголь сдѣлаетъ лучше меня“. „Мы думаемъ,—заключилъ г. Потѣхинъ,—что, почтивши память Пушкина, нашего несравненнаго, любимѣйшаго, великаго поэта, нашей гордости и славы, мы ничѣмъ не утѣшимъ столько его великую тѣнь, какъ положивъ въ эти дни всенароднаго чествованія его памяти начало всенародной подписки на памятникъ Гоголю. И пожелаемъ, господа, да будетъ Москва пантеономъ русской литературы, да воздвигнется памятникъ Гоголю въ центрѣ Россіи, Москвѣ!“ Когда

смолкли послѣдовавшія за этою рѣчью рукоплесканія, и Потѣхинъ заявилъ, что онъ дѣлаетъ это предложеніе не отъ своего лица, а отъ лица всѣхъ собравшихся здѣсь литераторовъ. При громѣ рукоплесканій и восторженныхъ крикахъ „б р а в о“, было закрыто засѣданіе, давшее такъ много честнаго и свѣтлаго.

Когда публика стала расходиться, въ боковыхъ залахъ на столикахъ, были положены листы для подписки на памятникъ Гоголю. Въ нѣсколько минутъ листы эти по крылись подписями. Этой подпиской достойно завершился великій праздникъ.

Наконецъ,того-же 8-го числа, состоялся въ благородномъ собраніи послѣдній литературно-музыкальный вечеръ по той же программѣ, какъ и первый, съ тѣмъ только при бавленіемъ, что артистъ московскихъ театровъ г. Самаринъ кромѣ разыгранной имъ сцены изъ „Скупаго Рыцаря“ прочелъ „Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ“. Другое прибавленіе къ программѣ состояло въ чтеніи петербургскимъ артистомъ г. Горбуновымъ сцены въ корчмѣ изъ «Бориса Годунова». Вообще нужно замѣтить, что пальма первенства въ искусствѣ чтенія на всѣхъ происходившихъ собраніяхъ принадлежала не литераторамъ, что впрочемъ, и понятно, потому что артисты больше въ этомъ упражняются. И. С. Тургеневу на этомъ вечерѣ опять были сдѣланы шумныя овваціи и поднесенъ такой же вѣнокъ какой утромъ получилъ Ѳ. М. Достоевскій.

Этимъ и окончились четыре торжественные дня. Но отголоски отъ нихъ раздаются и до сихъ поръ въ различныхъ слояхъ мѣстнаго общества,—интересные, характеристичные отголоски, которыми могутъ быть дополнены и разъяснены въ нѣкоторыхъ частяхъ иныя рѣчи ораторовъ, естественно увлекавшихся громаднымъ значеніемъ совершившагося событія.

IV.

ПУШКИНСКІЙ ДЕНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

6-Е ІЮНЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Панихида по Пушкинѣ.—Литературное утро: чтенія А. И. Незеленова, О. Ѳ. Миллера, стихи Я. П. Полонскаго, графа А. А. Голенищева-Кутузова, Н. С. Курочкина и А. Н. Майкова.—Складчинный обѣдъ; рѣчи: Г. К. Градовскаго, В. А. Полетики, В. И Модестова.—Импровизированный художественно-литературный вечеръ. — Телеграмма къ Виктору Гюго.—Письмо И. А. Гончарова.

Не одна Москва приняла живое и серьезное участіе въ торжествѣ открытія памятника великому русскому поэту, Петербургъ, съ своей стороны, не могъ пропустить день національнаго праздника безъ отклика и праздновалъ вмѣстѣ съ Москвою, память и славу Пушкина. Празднованіе это, происходившее 6-го іюня, началось молитвою въ Исаакіевскомъ соборѣ, куда собрались члены государственнаго совѣта, многія высокопоставленныя лица, городской голова, представители городскаго управленія и военнаго вѣдомства; особенно много офицеровъ генеральнаго штаба, профессора, представители общественныхъ учрежденій, масса публики и много дамъ. Ровно въ $11^{3}/_{4}$ часовъ началась панихида: ее служилъ въ соборѣ извѣстный протоіерей, отецъ Васильевъ.

Колѣнопреклоненные молящіеся, стройное задушевное пѣніе двухъ хоровъ пѣвчихъ, яркій свѣтъ паникадилъ, свѣчи молящихся—все это въ совокупности представляло величественное зрѣлище, вполнѣ достойное памяти великаго поэта—гражданина. По окончаніи панихиды, въ помѣщеніе старосты Исаакіевскаго собора, генерала Богдановича, были приглашены къ завтраку представители духовенства, университета, науки и литературы. Первый тостъ былъ провозглашенъ хозяиномъ въ честь памяти Пушкина; при этомъ въ сосѣдней залѣ два громадныхъ соединенныхъ хора пѣвчихъ пропѣли вѣчную память. Послѣ этого отецъ Васильевъ произнесъ рѣчь, въ которой весьма рельефно очертилъ значеніе Пушкина какъ христіанина и поэта.

Въ два часа пополудни, въ народной аудиторіи педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, состоялось безплатное „литературное утро“, всецѣло посвященное памяти Пушкина. Большая аудиторія вся была занята искренними почитателями великаго поэта, изъ которыхъ многіе спѣшили прибыть въ аудиторію заранѣе, чтобы получить мѣсто. Многіе стояли и толпились между рядами стульевъ и у входа. Въ условленное время на эстраду, украшенную національными флагами, на которой красовалась среди цвѣтовъ статуя великаго поэта, поднялся профессоръ В. И. Модестовъ и въ краткихъ словахъ, объяснявшихъ значеніе празднества, открылъ литературное утро, которое началось рѣчью профессора А. И. Незеленова, посвященною взгляду на Пушкина, какъ человѣка и поэта. (См. ниже въ IX-мъ отд., № 9).

Рѣчь г. Незеленова вызвала единодушные долго не смолкавшія рукоплесканія, послѣ чего Н. С. Курочкинъ прочиталъ стихотвореніе, посвященное памяти Пушкина,

(см. X-й отд., № 3) и, произнеся послѣднія слова стихотворенія:

«И лавры пышные—какъ дань величію сплесть,
Съ эмблемой кроткаго незлобья—павиликой,
Въ день честный праздника для всей Руси великой!»—

возложилъ при новомъ взрывѣ апплодисментовъ на бюстъ Пушкина лавровый вѣнокъ. Можно сказать, что въ этотъ моментъ, при видѣ увѣнчаннаго лаврами бюста поэта, вся зала слилась въ одинъ восторженный порывъ для выраженія одушевлявшихъ каждаго чувствъ высокаго уваженія и признательности поэту. Затѣмъ прочтено было стихотвореніе графа А. А. Голенищева-Кутузова, также вдохновленное событіемъ дня (см. X-й отд., № 5).

Слѣдовавшая затѣмъ рѣчь принадлежала профессору О. Ѳ. Миллеру, который, характеризуя поэзію Пушкина, высказалъ, что главные элементы ея заключаются въ простотѣ и жизненной правдѣ его произведеній. Рѣчь г. Миллера видимо произвела сильное впечатлѣніе (см. текстъ ея въ IX-мъ отд.) такъ же какъ и прочитанное вслѣдъ затѣмъ имъ же прекрасное, чисто музыкальное стихотвореніе г. Полонскаго. (См. X-й отд., № 1).

Стихотвореніе г. Полонскаго было повторено по требованію публики, которая, видимо воодушевившись, пожелала еще разъ выслушать и стихи Н. С. Курочкина, что и было исполнено авторомъ. Литературное утро закончилось стихами А. Н. Майкова, прочтенными, за отсутстіемъ поэта, профессоромъ Незеленымъ. (См. эти стихи ниже въ X-мъ отд., № 2).

Обѣдъ по подпискѣ, состоявшійся въ залѣ русскаго купеческаго собранія, былъ сервированъ на 115 лицъ. Украшенный цвѣтами и вѣнкомъ бюстъ Пушкина красовался впереди эстрады музыкантовъ, занятой прекраснымъ хо-

ромъ кавалергардовъ. Столы также были убраны цвѣтами и зеленью. Послѣ втораго блюда, когда умолкли звуки знаменитой увертюры изъ „Руслана и Людмилы“ и извѣстнаго романса Глинки на слова Пушкина „Я помню чудное мгновенье“—начались тосты и рѣчи.

Профессоръ В. И. Модестовъ, какъ глава распорядителей, провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, встрѣченный обычнымъ „ура!“. Музыка проиграла „Боже, Царя храни“. Затѣмъ г. Модестовъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Мм. гг. Мнѣ выпала на долю высокая честь прежде другихъ провозгласить на этомъ торжественномъ обѣдѣ, въ которомъ приняли участіе представители столичнаго населенія, славу Пушкину, великому русскому поэту, съ именемъ котораго соединяется представленіе о томъ, что въ нашей литературѣ есть самаго высокаго и неоспоримо геніальнаго, о томъ, что составляетъ нашу законную гордость въ средѣ другихъ образованныхъ народовъ, наше неотъемлемое право на признаніе за нами значенія въ исторіи человѣческаго просвѣщенія.

„То, что представляетъ собою для Италіи—Дантъ, для Испаніи—Сервантесъ, для Португаліи—Камоэнсъ, трехсотлѣтняя память котораго шумно праздновалась на этихъ дняхъ въ Лиссабонѣ, что для Англіи Шекспиръ,—словомъ то, что другіе народы въ своихъ національныхъ литературахъ считаютъ каждый у себя самаго великаго, для насъ составляетъ Пушкинъ, высшій и самый полный представитель русскаго генія въ области поэтическаго творчества. Ни одинъ изъ русскихъ писателей съ такимъ классическимъ изяществомъ и съ такою гармоніей чарующихъ звуковъ не передавалъ въ сильномъ словѣ нашей народной думы, важнѣйшихъ моментовъ нашей исторіи, нашихъ сердечныхъ стремленій и задушевныхъ мыслей, какъ без-

смертный авторъ «Евгенія Онѣгина», «Полтавы», «Бориса Годунова» и множества лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ свѣтлая мысль, благородное чувство являются передъ нами въ новыхъ и привлекательныхъ образахъ или передаются намъ въ невѣдомыхъ прежде звукахъ то мужественной, то страстной, то нѣжной, то веселой, то грустной мелодіи.

«Не мое дѣло, да и не мѣсто здѣсь вдаваться въ подробный разборъ и оцѣнку произведеній нашего великаго поэта, тѣмъ болѣе, что этому предмету посвящено, особенно въ послѣдніе дни и недѣли, немало разсужденій нашей печати и онъ же послужилъ темой двухъ рѣчей, выслушанныхъ сегодня многочисленною публикою и еще свѣжихъ въ нашей памяти. Мой долгъ высказать лишь въ немногихъ словахъ одушевляющее насъ чувство благоговѣнія и признательности къ генію безсмертнаго поэта, „слухъ“ о которомъ (говоря его пророческими словами) ужь давно прошелъ „по всей Руси великой“, и имя котораго давно уже громко раздается въ средѣ всего образованнаго человѣчества, и провозгласить сердечный тостъ въ честь геніальнаго представителя русской литературы, во славу его безсмертныхъ твореній, тостъ за вѣчную и всемірную славу Пушкина».

Когда замолкали рукоплесканія, сопровождавшія слова г. Модестова, другой распорядитель, Г. К. Градовскій сказалъ слѣдующее:

„Мм. гг.! Мы не собрались бы здѣсь, еслибы намъ нужно было разъяснить то мѣсто, которое занимаетъ Пушкинъ въ литературѣ. Всѣ мы знаемъ и по своему цѣнимъ Пушкина. Его художественныя описанія природы, его поэтическіе пересказы народныхъ сказокъ питали и возбуждали нашу дѣтскую впечатлительность. Въ юношескіе годы мы съ Пушкинымъ приносили одухотворенныя жерт-

вы Вакху и Кипридѣ. Въ молодости наше сердце отыскиваетъ сочувственный отликъ въ его элегіяхъ и мы зачитываемся звучными стихами его „Евгенія Онѣгина“. Въ болѣе зрѣлые годы намъ становится понятнѣе и привлекательнѣе та шекспировская, міровая, неумирающая сила, которая заключается въ Пушкинскомъ „Борисѣ Годуновѣ“. Изъ этого видно уже, какъ всеобъемлющъ Пушкинъ. Его хватитъ на всѣ возрасты, на всѣ роды творчества, на всѣ вкусы. Онъ вѣчно будетъ жить съ нами и ради насъ.

„Было бы излишне напоминать, какія богатства и красоты внесъ онъ въ русскій литературный языкъ. Онъ окончательно освободилъ русскую литературу отъ псевдо-классицизма, отъ напыщенныхъ, условныхъ выраженій. Онъ родоначальникъ истиннаго реализма, до котораго доходятъ теперь другія болѣе старыя литературы. Онъ учитель и вдохновитель нашихъ поэтовъ, литераторовъ, музыкантовъ, художниковъ, артистовъ.

„Таково значеніе Пушкана, какъ литератора. А между тѣмъ, мм. гг., мы не можемъ забыть, мы обязаны это припомнить, что литературная дѣятельность Пушкина, эта плодотворная, неоцѣнимая дѣятельность, составляющая славу и гордость русскаго народа, встрѣчала очень часто неодолимыя препятствія. Они заключались въ извѣстныхъ печальныхъ условіяхъ русской печати.

„Слова „литература“ и „печать“ часто смѣшиваются. При нормальномъ положеніи такъ и должно быть. Форма и содержаніе тутъ вполнѣ сливаются. Но, къ сожалѣнію, не такъ у насъ. Въ Россіи литература можетъ быть сама по себѣ, а печать сама по себѣ. Наша печать, какъ извѣстно, доставляетъ даже примѣры вовсе не литературныхъ явленій. Напротивъ работа мысли, даже вылившіяся уже на бумагу литературныя произведенія далеко не всегда находятъ себѣ исходъ, не получаютъ соотвѣтственнаго выраженія въ пе-

чати. Мы всѣ пришли бы въ ужасъ и негодованіе, еслибы въ нашемъ присутствіи какой нибудь безумецъ или варваръ разбилъ драгоцѣнную вазу или статую, вышедшую изъ подъ рѣзца первостепеннаго художника. Такой вандализмъ немыслимъ для сколько нибудь просвѣщенныхъ людей. Придемте же, господа, въ ужасъ при одной мысли о томъ, какихъ богатствъ лишилась русская литература, благодаря только тому заблужденію, которое пріостанавливало мыслительную работу Пушкина, нарушало, разстраивало его художественныя представленія.

„И прошло съ тѣхъ поръ сорокъ три года. Мы воздвигли наконецъ памятникъ великому нашему поэту, но до сихъ поръ русская литература и русская печать находятся въ тѣхъ же первобытныхъ... нѣтъ, не первобытныхъ условіяхъ. Первобытныя условія не знаютъ стѣсненій. Пѣсня древняго русскаго человѣка, сказка, народный эпосъ, наши былины и думы не знали стѣсненій. Надъ ними не тяготѣла цензура, эта злая выдумка позднѣйшихъ временъ. Они свободно выливались изъ народнаго духа и фантазіи. Но наша литература и печать находятся въ искусственно наложенныхъ на нихъ узахъ, находятся до сихъ поръ, какъ было и при Пушкинѣ. Мы продолжаемъ держать подъ спудомъ лучшее богатство человѣка. Литература не есть достояніе литераторовъ. Это достояніе всего народа, каждаго изъ васъ и насъ. Нашъ сегодняшній праздникъ, чуждый всякой исключительности, лучше всего доказываетъ какъ дороги и близки интересы литературы всѣмъ и каждому. Это интересы вашего собственнаго ума.

„Въ день открытія памятника Пушкину, вполнѣ умѣстно поэтому пожелать, чтобы насталъ конецъ долговременному заблужденію, стоящему на дорогѣ умственной жизни Россіи. Пора же признать заслуги русской литературы и уважать ея представителей не только послѣ смерти

литераторовъ, но и при ихъ жизни, во время ихъ дѣятельности. Пора наконецъ признать заслуги русской печати.

«За процвѣтаніе и безпрепятственное развитіе русской литературы, за отвѣчающія ей юридическія основы русской печати!...»

Рѣчь эта прерывалась и сопровождалась самыми единодушными и горячими рукоплесканіями. За нею слѣдовала рѣчь В. А. Полетики:

„Мм. гг.! Не для прославленія Пушкина важно и нужно сегодняшнее празднество: никакими монументами, никакими чествованіями мы не можемъ ни увеличить, ни уменьшить ни его славы, ни его значенія для нашей народности. Сегодняшнее празднество гораздо болѣе важно и нужно для насъ самихъ, для непосредственныхъ преемниковъ того общества, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ Пушкинъ, которое изъ его устъ слышало его вдохновенныя пѣсни, которому онъ оставилъ неоцѣнимое наслѣдство и которое тѣмъ не менѣе не переставало его терзать и мучить при жизни и „позоромъ мелочныхъ обидъ“ вырыло ему преждевременную могилу.

„Великій поэтъ—это народное знамя, выраженіе народнаго сознанія, откровеніе народнаго духа, крѣпчайшая связь для національности, могущественнѣйшая ея сила и охрана. И вотъ, въ тѣ минуты, когда теченіемъ исторіи среди общества, начинаетъ обнаруживаться броженіе розни и несогласія, когда въ рукахъ его начинаетъ колебаться народное знамя, когда идеалы его мельчаютъ и омрачается его сознаніе, тогда ярче и осязательнѣе выступаютъ гражданскія заслуги великихъ людей давшихъ своими трудами и завѣтами внутреннюю связь и крѣпость своей національности.

„Сегодня вся мыслящая Россія благоговѣйно припомнитъ завѣты и идеалы Пушкина. Да будетъ же сегодняшній

аздникъ благодатнымъ лучемъ свѣта среди омраченнаго чами нашего общественнаго горизонта, да соединитъ съ всѣхъ вокругъ себя великое имя нашего народнаго эта, да никогда не умолкнутъ для нашего слуха звуки хновенныхъ пѣсенъ, да не усыпаютъ въ душѣ нашей идеалы и напутствуемые его геніемъ, который есть же геній русской народности, да пойдемъ мы твердо, ласно, рука въ руку къ той имъ же пророчески намѣной цѣли, на встрѣчу тому благодатному времени, когда его вѣщему слову:

«Надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
«Взойдешь ты, наконецъ, прекрасная заря!»

«Предлагаю тостъ за величіе, славу, мирное развитіе лагоденствіе безпредѣльно любимой нами нашей и шкина родины.»

Затѣмъ, при такомъ же сочувствіи Д. И. Минаевъ про- стихи свои, продиктованные мыслью, что Петербургъ южетъ уступить «своего поэта» всецѣло Москвѣ. (См. гд., № 5).

Это вызвало рѣчь Л. А. Полонскаго, который, пользуприсутствіемъ барона Корфа, петербургскаго городго головы выразилъ раздѣленное всѣми присутствовавши пожеланіе, чтобъ и Петербургъ съ своей стороны ился мыслью выразить свое уваженіе къ Пушкину тойнымъ его памятникомъ на одной изъ площадей ицы.

Е. А. Погожевъ и Б. Данзасъ (племянникъ секунта Пушкина) доставили почитателямъ поэта удобный чай войти, такъ сказать, въ непосредственное сношесъ Пушкинымъ. Напечатанное ниже до сихъ поръ звѣстное письмо Пушкина къ А. А. Орлову (см. XII-й

отд)., было прочтено и выслушано съ подобаю
вниманіемъ и воскресило въ памяти присутствовав
живое, колкое и остроумное слово поэта. Слѣ
пояснить, что А. А. Орловъ въ пушкинское
былъ извѣстенъ, какъ удачный составитель пород
романы Булгарина („Фиглярина“) и Полеваго. Это
кинское письмо, равно какъ и хранящееся въ семе
Данзасовъ подлинное письмо Пушкина съ вызовомъ
тесу, были предъявлены участникамъ обѣда. Точно т
благодаря г. Данзасу, они могли видѣть маску, св
съ лица поэта тотчасъ по его смерти.

За обѣдомъ не были забыты и имена Арины Р
новой, няни Пушкина, лучшаго его друга Дельви
также Бѣлинскаго, какъ прекраснаго истолкователя
кинскихъ твореній.

Изъ числа рѣчей заслуживаетъ вниманія слѣду
слово Н. П. Столпянскаго:

„Много прекрасныхъ мыслей высказано было
о чествуемомъ сегодня великомъ поэтѣ, много по
ній намъ и нашему обществу выражено. Здѣсь
Москвѣ и во всей землѣ русской нынѣшній д
никъ считаютъ народнымъ праздникомъ; но „невѣж
позоръ“, о которомъ скорбѣлъ поэтъ душою, еще не
дился съ лица земли: изъ ста человѣкъ почти девя
читать не умѣютъ!.. Пожелаемъ, да и позаботимся,
къ столѣтней годовщинѣ поэта нашъ народъ, своб
„по манію Царя“, могъ бы самъ читать прекрасные
поэта. Для 70 милліоновъ неграмотныхъ не хв
средствъ построить школы... Пожелаемъ, да позабот
какъ бы грамотность сдѣлалась достояніемъ семьи,
матери нашихъ поселянъ, какъ Арина Родіоновна
поэта и его учительница), читали бы своимъ д

чудныя сказки А. С. Пушкина и все болѣе и болѣе пробивали бы тропу къ памятнику поэта".

Не было конечно недостатка и во взаимныхъ привѣтствіяхъ. Старшина собранія П. Н. Анучинъ сказалъ слѣдующее:

„Мм. гг.! Въ качествѣ представителя спб. русскаго купеческаго собранія, я счастливъ видѣть въ нашемъ собраніи чествованіе рановременно погибшаго для славы нашей родины геніальнаго поэта. Высоко-эстетическая натура поэта искала для жизни изящной среды и свободный геній палъ, подчиняясь мнѣніямъ аристократическаго свѣта. То были иныя времена, когда отдавалось должное только аристократамъ по роду. Позднѣе выступила ни сцену „аристократія капитала". Можно опредѣлить, что наше время—лучшее время. Общество готово преклониться передъ аристократіей ума. Можно надѣяться, что литературные дѣятели заняли теперь то высокое положеніе, которое принадлежитъ имъ по праву, какъ важнымъ двигателямъ и дѣятелямъ на поприщѣ умственнаго развитія народа. Настоящій мирный праздникъ принадлежитъ ихъ же почину. Распорядители чествованія памяти народнаго поэта, примите русское спасибо и пожеланіе вамъ всего лучшаго въ жизни".

На это привѣтствіе распорядители отвѣтили тостомъ за процвѣтаніе гостепріимнаго русскаго купеческаго собранія.

Когда окончился обѣдъ, большинству оставшихся еще участниковъ его былъ изготовленъ пріятный сюрпризъ. Среди немногихъ дамъ, принимавшихъ участіе въ обѣдѣ, находилась Д. М. Леонова, извѣстная пѣвица. Она прекрасно и прочувственно продекламировала отрывокъ изъ „Бахчисарайскаго фонтана" и подъ аккомпаниментъ фортьяно артистически пропѣла нѣсколько романсовъ на

слова Пушкина. Это вызвало такое сочувствіе, служило такимъ неожиданнымъ украшеніемъ и вѣнцомъ праздника, что многіе долго еще не расходились. Собраніе получило уже вполнѣ семейный задушевный характеръ. Декламировались стихи изъ Пушкина, слушалась музыка, вдохновенная поэтомъ, и наконецъ заварилась „жжонка", гостепріимно устроенная старшинами клуба П. Н. Ануфинымъ и Н. И. Маевскимъ, которые вообще все сдѣлали, чтобъ должнымъ образомъ обставить и оживить ту часть праздника, которая выпала на долю ихъ клуба.

За жжонкою слѣдовали опять тосты, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ упомянуть очень сочувственное привѣтствіе, обращенное къ г. Протичу, какъ представителю Сербіи, единственному иностранцу, принявшему въ Петербургѣ участіе въ пушкинскомъ празднествѣ. По почину г. Шульгина, сказавшаго, что и въ Москву только одна Франція прислала оффиціальнаго представителя, присутствовавшіе пожелали хотя чѣмъ нибудь отвѣтить на этотъ знакъ участія передовой и просвѣщенной страны къ русскому національному торжеству. Вслѣдствіе этого была составлена и послана въ Парижъ слѣдующая телеграмма на имя Виктора Гюго: „Представители петербургскаго общества, сабравшіеся для чествованія памяти національнаго русскаго поэта Пушкина, пьютъ за здоровье великаго учителя (grand maître) поэзіи—Виктора Гюго". Наконецъ слѣдуетъ сказать, что еще за обѣдомъ отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ была послана поздравительная телеграмма въ Москву, на имя предсѣдателя „Общества любителей Россійской словесности", г. Юрьева.

Такъ происходило Петербургское празднество въ честь Пушкина, 6-го іюня, оставившее во всѣхъ участникахъ самое о традное впечатлѣніе.

Желательно было украсить петербургскій обѣдъ въ день открытія памятника Пушкину присутствіемъ того изъ современныхъ писателей, который наиболѣе близокъ къ пушкинскому періоду не только „по лѣтамъ“ (какъ онъ самъ полагаетъ) но и по глубокому познанію и яркому воспроизведенію внутренняго міра рускаго человѣка. Распорядители праздника обратились къ И. А. Гончарову съ колективнымъ приглашеніемъ принять почетное предсѣдательство на этомъ обѣдѣ, И. А. Гончаровъ не могъ принять этого приглашенія по нездоровью, вслѣдствіе котораго долженъ былъ немедленно оставить Петербургъ, и выразилъ это въ письмѣ къ издателю „Страны“. Письмо, въ которомъ Гончаровъ говоритъ о вліяніи на него Пушкина, имѣетъ большое значеніе и независимо отъ обстоятельства, вызвавшаго эти строки. Въ нихъ поучительно для насъ, сверхъ того, святое храненіе памяти учителя первостепенными художниками русскаго слова. Люди нашего времени весьма нуждаются въ повтореніи имъ того урока, что залогомъ и непремѣннымъ условіемъ великаго умственнаго роста націи должна служить—преемственность мысли, уваженіе къ ея воспитателямъ, дѣйствительная pietas къ именамъ славнымъ. Народная мысль никогда не выростаетъ великой, если захочетъ быть „непомнящей родства“. Вотъ текстъ этого письма:

Милостивый Государь,

Леонидъ Александровичъ.

Я глубоко тронутъ честью, которою вамъ и другимъ гг. распорядителямъ Пушкинскаго праздника угодно было оказать мнѣ избраніемъ меня въ предсѣдатели торжественнаго обѣда, и поспѣшаю выразить мою живѣйшую признательность за вниманіе ко мнѣ.

Но къ великому прискорбію моему—я захворалъ съ праздника Пасхи упорнымъ катарромъ и буквально едва

держусь на ногахъ. Медикъ немедленно высылаетъ меня отсюда и я послѣ завтра уѣзжаю, если только буду въ силахъ сдѣлать и это.

Не случись этой невзгоды со мной, я счелъ бы святою своею обязанностью, безъ всякихъ напоминаній, у подножія памятника, въ Москвѣ, вмѣстѣ съ другими писателями, поклониться памяти нашего общаго великаго образца и учителя въ искусствѣ, и моего особенно. Объясню послѣднія два слова.

Я по лѣтамъ своимъ старше всѣхъ современныхъ писателей; принадлежу къ лучшей порѣ расцвѣтанія пушкинскаго генія, когда онъ такъ обаятельно дѣйствовалъ на общество, особенно на молодыя поколѣнія.

Старики еще ворчали и косились на него, тогда какъ мы всѣ падали на колѣни передь нимъ.

Первымъ прямымъ учителемъ въ развитіи гуманитета, вообще въ нравственной сферѣ былъ Карамзинъ, а въ дѣлѣ поэзіи мнѣ и моимъ сверстникамъ, 15—16-лѣтнимъ юношамъ, приходилось, питаться Державинымъ, Дмитріевымъ, Озеровымъ, даже Херасковымъ, котораго въ школѣ выдавали тоже за поэта. И вдругъ Пушкинъ! Я узналъ его съ Онѣгина, который выходилъ тогда періодическ отдѣльными главами: Боже мой! Какой свѣтъ, какая во шебная даль открылась вдругъ—и какія правды—и по зіи, и вообще жизни, притомъ современной, понятн хлынули изъ этого источника, и съ какимъ блескомъ, какихъ звукахъ! Какая школа изящества, вкуса, впечатлительной натуры!

Лермонтовъ и Гоголь не были собственно мо учителями, я уже самъ созрѣвалъ тогда и пописы Бѣлинскій регулировалъ весь тогдашній хаосъ вку эстетическихъ и другихъ понятій и проч., тогда взглядъ на этихъ героевъ пера сталъ опредѣленн

строже. Явилась сознательная критика, а чувство къ Пушкину оставалось то же.

Искренно сожалѣя, что не буду имѣть утѣшенія выразить, вмѣстѣ съ Вами и съ другими участниками праздника, и мое благодарное сочувствіе къ памяти поэта, прошу васъ принять увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности.

И. Гончаровъ.

V.

ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ ПУШКИНА ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Чествованіе памяти Пушкина

въ

провинціи.

Панихида на могилѣ А. С. Пушкина 26-го мая 1880 года.—Чествованіе памяти поэта въ Кіевѣ, Одессѣ, Варшавѣ, Ригѣ, Тулѣ, Самарѣ, въ селѣ Балаковѣ, Псковѣ, Царскомъ Селѣ, Кишиневѣ, Орлѣ и Тифлисѣ.

Если Москвѣ выпала высокая честь быть средоточіемъ празднества въ честь Пушкина, то на дѣло Петербурга досталось распространить Пушкинскій праздникъ на всю Россію. Примѣру его въ устройствѣ „Пушкинскаго дня“ послѣдовали многіе другіе города. Помѣщаемъ ниже описаніе празднества лишь въ тѣхъ городахъ, свѣдѣнія о которыхъ проникли въ печать.

Панихида на могилѣ А. С. Пушкина 26 мая 1880 года. *)

(Въ Опочкѣ, Псковской губ.).

Вмѣсто холодной и дождливой погоды, бывшей наканунѣ, стояло прекрасное, вполнѣ майское утро, солнечное

*) Субботній нумеръ газетъ,—отъ 24-го мая,—заключавшій извѣстіе, что празднество открытія памятника въ Москвѣ, по случаю смерти Государыни Императрицы, отложено, въ Опочкѣ по обыкновенію былъ полученъ только въ понедѣльникъ, въ 10-ть часовъ утра, т. е. въ то самое время, когда желавшіе присутствовать на панихидѣ должны были уже находиться въ Святыхъ Горахъ.

и теплое, съ легкимъ вѣтеркомъ, подъ вліяніемъ котораго не чувствовалось ни малѣйшей усталости отъ проведенной въ дорогѣ, безъ сна, ночи.

Святогорскій монастырь и прилегающее къ нему поселеніе, слобода Таболенецъ (дворовъ 60), расположены на красивой, холмистой мѣстности, испещренной нивами, долинами съ лугами и мѣстами покрытой мелкою лиственною зарослью.

Весь монастырь обнесенъ каменною оградою; на одномъ изъ высокихъ холмовъ его высится, далеко на окрестность, монастырскій храмъ, а возлѣ него находится могила знаменитаго русскаго народнаго поэта.

Съ монастырскихъ возвышенностей окрестностей не видно, но за то стоитъ только подняться на близь лежащіе къ монастырю сосѣдніе, болѣе высокіе, холмы, и взору открывается свободный окружный видъ на нѣсколько верстъ. Окрестные виды монастыря по истинѣ очаровательны—особенно къ сторонѣ Михайловскаго. Съ этой стороны общая картина покатыхъ холмовъ съ часто разбросанными на нихъ деревушками, въ кругу зелени посѣянныхъ хлѣбовъ, съ зеленью луговъ въ долинахъ и рощами на возвышенностяхъ, дополняется бѣлѣющими озерами и за ними, правѣе, виднѣющеюся церковью погоста Короничъ. Прибавьте къ этому блескъ солнца прекраснаго майскаго утра—и вы невольно воскликнете съ поэтомъ, забывая хотя на минуту печальную дѣйствительность:

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья...
Вездѣ передо мной недвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины.
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда;
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,

Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада...»

На холмъ, гдѣ находится монастырскій храмъ и могила поэта, приходится подниматься по каменнымъ ступнямъ числомъ до 60-ти; площадь холма, почти круглая, по срединѣ занята храмомъ, а по сторонамъ представляетъ свободное пространство шириною сажени въ три, окружающее въ видѣ зеленой ленты зданіе храма. Съ восточной стороны храма, въ трехъ шагахъ впереди отъ стѣны главнаго алтаря, покоится нашъ великій поэтъ.

Кругомъ него—глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной.

А надъ нимъ скромный памятникъ, окруженный желѣзною, окрашенною, простой работы, рѣшеткою. Пространство, занимаемое могилою, составляетъ около 6-ти шаговъ длины и 6-ти шаговъ ширины. Основаніе памятника—простой каменный бутъ; на немъ кирпичный оштукатуренный фундаментъ, покрытый по краямъ желѣзомъ. На фундаментѣ двѣ, одна на другой и одна другой меньше, простыхъ плиты; на нихъ еще меньшаго размѣра въ объемѣ, плита изъ гранита, а уже на ней находится самый памятникъ, въ видѣ усѣченной пирамиды изъ бѣлаго мрамора съ мраморною же урною въ нишѣ и съ бронзовымъ крестомъ на сторонѣ, обращенной къ храму; подъ крестомъ два лавровыхъ вѣнка, высѣченныхъ тоже на памятникѣ.

На гранитной плитѣ къ сторонѣ храма находится надпись: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ; родился въ Москвѣ 26-го мая 1799 года, скончался въ С.-Петербургѣ 29-го января 1837 года“.

Около самой могилы, отвѣсный обрывъ, поросшій большими липовыми деревьями, изъ которыхъ семь, кучкою,

находятся какъ разъ противъ самой могилы; внизу обрыва невысокая каменная ограда, а около нея широкою желтою лентою вьется почтовая дорога (съ которой довольно ясно сквозь деревья виднѣется памятникъ), идущая изъ Острова на Новоржевъ и Великіе Луки. Съ лѣвой стороны могилы находится двѣ плиты, какъ говорятъ, надъ могилами семейства Ганнибалъ, изъ котораго родомъ Пушкинъ, но повѣрить это трудно, за невозможностью разобрать надписи сильно попортившіяся отъ времени. Далѣе, по обѣимъ сторонамъ церкви, находятся могилы монастырской братіи.

Мѣстоположеніе могилы въ высшей степени удачное и поэтичное. Сквозь деревья, на которыхъ щебечутъ птички, сквозятъ поля, рощи на холмахъ и зелень лощинъ, а по скату холмовъ виднѣются пасущіяся стада и работающіе на нивахъ крестьяне. Было бы большимъ грѣхомъ переносить, какъ предлагалось въ спб. городской думѣ, прахъ пѣвца изъ настоящаго тихаго уединеннаго пріюта на столичное, заваленное гранитомъ, и мраморомъ, кладбище.

Самое чествованіе памяти величайшаго изъ русскихъ поэтовъ мало соотвѣтствовало значенію дня. Скажу только, что была обѣдня и потомъ панихида на могилѣ. Никакихъ рѣчей, за исключеніемъ краткаго слова, сказаннаго отцомъ архимандритомъ о заслугахъ Пушкина передъ родиною.

26-го мая, въ тотъ же день въ Святогорскомъ монастырѣ была отслужена панихида отъ имени с.-петербургскаго „славянскаго благотворительнаго общества“. На могилу великаго поэта членомъ „общества“ генералъ-маіоромъ А. А. Карташевымъ былъ положенъ лавровый вѣнокъ, перевитый лентами, на которыхъ напечатаны слѣдующіе стихи:

«Поникла тихо, безъ отвѣта,
«Лавръ гордо несшая глава;
«Но живъ въ Россіи духъ поэта
«И пѣсня дивная жива».

Чествованіе открытія памятника Пушкину въ Кіевѣ.

Пушкинскій вечеръ въ кіевскомъ русскомъ драматическомъ обществѣ.

Полъ вѣка прошло со дня, когда замолкла навсегда лира нашего великаго поэта. Преждевременно сведенная въ могилу рука пѣвца не даритъ ужъ болѣе насъ дивными своими пѣснями, но память о немъ свято хранится въ русскомъ сердцѣ, оно живо бьется при звукѣ дорогаго, славнаго имени. По случаю открытія памятника Александру Сергѣевичу встрепенулась вся Россія, и пушкинскій праздникъ сдѣлался національнымъ торжествомъ въ широкомъ смыслѣ слова.

Кіевское драматическое общество почтило также скромнымъ празднествомъ этотъ знаменательный день.

При поднятіи занавѣса передъ зрителями предсталъ украшенный вѣнками бюстъ поэта, довольно эффектно декорированный зеленью и освѣщенный электрическимъ свѣтомъ. Вечеръ начался чтеніемъ г. Жданова о значеніи А. С. Пушкина въ исторіи русской драмы. Помянувъ теплымъ словомъ память великаго поэта, лекторъ въ краткихъ чертахъ обрисовалъ характеръ поэзіи Пушкина, и остановившись нѣсколько на отдѣльныхъ герояхъ драмъ, разборомъ и сопоставленіемъ ихъ старался указать на отличительныя черты поэзіи Пушкина и на значеніе его для народной русской драмы. Чтеніе было покрыто громомъ рукоплесканій.

Затѣмъ г. Андреевскій продекламировалъ стихотвореніе «Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный!», а г. Богдановъ стихотвореніе «Поэтъ и чернь»!..

Послѣ краткаго перерыва передъ зрителями предстала келья Чудова монастыря, гдѣ старецъ Пименъ заканчи-

ваетъ свою долгую лѣтопись. Мрачные монастырскіе своды, тусклая лампада, большіе образа и сгорбленный, как лунь сѣдой старикъ, погруженный въ большіе листы своей лѣтописи, производили довольно сильное впечатлѣніе „Еще одно послѣднее сказанье“... шепчутъ уста удручен наго старца. Это послѣднее сказанье и вопросы инок Григорія уносятъ мысль монаха далеко, въ дни бурной юности. Воспоминанія рисуютъ картины прошедшей кипучей жизни и старецъ, не видя напряженнаго вниманія Григорія, не чувствуетъ всей силы словъ своихъ, не чувствуетъ, что, разсказывая о Димитріѣ царевичѣ и его убійствѣ, онъ возбуждаетъ и укрѣпляетъ преступную мысль глубоко доселѣ таившуюся въ душѣ тщеславнаго юноши.. Но мѣрный благовѣстъ монастырскаго колокола зоветъ его къ молитвѣ.. Рядъ воспоминаній исчезаетъ и старецъ Пименъ идетъ воздать Творцу свою, быть можетъ, послѣднюю молитву. Теперь уже передъ зрителемъ не тотъ инокъ Григорій, борющійся съ своими видѣніями и боящійся страшнаго нашептыванія нечистаго духа: передъ нами человѣкъ, рѣшившійся на преступленіе, твердо глядящій въ будущность, славную геройскими подвигами или мрачную и позорную въ случаѣ неудачи.

Исполненіе, къ сожалѣнію, не можетъ быть названо вполнѣ удачнымъ, по словамъ „Кіевлянина“. Г. Френкель читалъ слишкомъ быстро, съ энергіей не свойственной такому старцу, какъ Пименъ, а г. Михалевичъ не далъ зрителю картины той внутренней борьбы, которая происходитъ въ душѣ Григорія, во время разсказовъ Пимена.

Второе отдѣленіе состояло изъ драмматической сцены «Моцартъ и Сальери». Говорить объ этомъ всѣмъ извѣстномъ, талантливо написанномъ этюдѣ борьбы генія съ слѣпою завистью, этого тонкаго психологическаго анализа борьбы двухъ сильныхъ страстей, поработившихъ всецѣло

героевъ сцены, мы считаемъ излишнимъ, скажемъ лишь, что постановка этой сцены оставляла желать очень многаго! Ни г. Андреевскій, ни г. Ходоровскій не были въ силахъ передать весь драматизъ своихъ ролей, но зато г. Ходоровскій прелестно исполнилъ на фортепьяно двѣ пьесы, покрытыя громомъ рукоплесканій.

Послѣ небольшаго антракта 3-е отдѣленіе программы началось тріо изъ оперы „Русалка", написанной, какъ извѣстно, на слова Пушкина. Исполняли г-жа Рапапортъ, г. Брагинъ и Андріевскій, достаточно уже извѣстные кіевской публикѣ своимъ талантливымъ исполненіемъ. Громъ рукоплесканій и требованіе повторенія были отвѣтомъ публики. Затѣмъ г-жа Львова прочла монологъ Татьяны при встрѣчѣ съ Евгеніемъ Онѣгинымъ послѣ долгой разлуки.

Послѣ этого слѣдовало снова пѣніе: г-жа Рапапортъ исполнила извѣстный романсъ Глинки на слова Пушкина «Я помню чудное мгновенье», и мужской хоръ пропѣлъ «Что смолкнулъ веселія гласъ»,—слова Пушкина, музыка Даргомыжскаго.

Для IV-го отдѣленія были выбраны сцена изъ драмы „Борисъ Годуновъ», — передъ фонтаномъ. Ночь тихая, спокойная. Густой паркъ стариннаго двора и тихо журчащій фонтанъ—вотъ обстановка, куда воображеніе поэта переноситъ объясненіе Марины съ Самозванцемъ.

Неустрашимый Дмитрій, рѣшившійся во чтобы ни стало, огнемъ и кровью проложить себѣ путь къ престолу, трепещетъ въ ожиданіи любовнаго свиданія съ Мариной. Онъ чувствуетъ, что эта женщина съ своей любовью можетъ погубить всѣ его дорогія мечты, но эта же любовь можетъ дать и силы, и энергію для тяжкой борьбы. Но вотъ и голосъ Марины! Сколько чудныхъ звуковъ, дивныхъ по своей разнообразной прелести, въ этомъ разго-

ворѣ двухъ обуреваемыхъ страстью сердецъ! Сколько мастерскихъ чертъ разнообразныхъ и глубоко вѣрныхъ въ этомъ объясненіи!

Къ сожалѣнію, г. Михалевичъ плохо зналъ роль, что конечно крайне мѣшало какъ его игрѣ, такъ и игрѣ г-жи Рапапортъ.

Пятое отдѣленіе состояло снова изъ пѣнія. Г. Андріевскій и Брагинъ прекрасно исполнили нѣсколько номеровъ, покрытыхъ вполнѣ заслуженными рукоплесканіями. Затѣмъ г-жа Львова прочла свое стихотвореніе, вызвавшее цѣлую бурю восторговъ (см. стих. въ Х-мъ отд. № 7).

Успѣхъ вечера былъ полный: небольшая зала была переполнена публикой, желающимъ приходилось отказывать, во входѣ въ залу за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ.

Празднованіе пушкинскаго дня въ фундуклеевской и подольской гимназіяхъ.

Ученицы старшихъ классовъ фундуклеевской и подольской женскихъ гимназій собраны были 6-го іюня въ фундуклеевскую гимназію. Сюда-же собрались и классныя дамы, и преподаватели обѣихъ гимназій. Въ 12½ час., совершена была въ нижней залѣ гимназіи панихида за упокой души безсмертнаго поэта нашего; затѣмъ всѣ (учащіяся, воспитательницы и наставники) отправились въ залу втораго этажа. Тамъ на пьедесталѣ поставлена была статуя А. С. Пушкина (копія той самой, которую вчера открыли въ Москвѣ). Бюстъ былъ украшенъ лавровымъ вѣнкомъ и окруженъ растеніями; у ногъ—вѣнки и букеты, а пьедесталъ былъ обвитъ гирляндами цвѣтовъ. Предъ статуею произнесены были 4-мя ученицами (2

идуклеевской и 2—кіево-подольской женской гимназіи), ые стихотворенія Александра Сергѣевича; а затѣмъ ректоромъ гимназій А. И. Линниченкомъ сказано сло- посвященное значенію А. С. Пушкина въ жизни на- го общества и въ литературѣ. Праздникъ заключенъ ным «Боже Царя храни!»

Чествованіе памяти Пушкина въ Одессѣ.

Въ день открытія памятника великому русскому на- дному поэту А. С. Пушкину, Одесса чествовала память о торжественнымъ собраніемъ въ актовой залѣ новорос- йскаго университета, при небываломъ еще въ стѣнахъ университета стеченіи публики всевозможныхъ классовъ, состояній и положеній. Починъ устройства празднества въ честь Пушкина принадлежитъ мѣстному славянскому благотворительному обществу и совѣту университета.

Послѣ панихиды по покойномъ поэтѣ, отслуженой въ университетской церкви, присутствовавшіе въ храмѣ пере- шли въ актовую залу университета. Здѣсь собрались пред- ставители мѣстной администраціи, военной власти, учеб- наго вѣдомства, профессора университета, преподаватели одесскихъ учебныхъ заведеній, представители печати, сту- денты университета, воспитанницы одесскаго питомника славянскихъ дѣвицъ и многочисленная публика, большин- ство которой составляли дамы. Засѣданіе открыто рѣчью профессора словесности, г. Некрасова: «Значеніе Пушкина для Россіи», въ которой ораторъ сдѣлалъ довольно живой очеркъ литературной дѣятельности Пушкина, а также ука- залъ, что поминки поэта представляютъ совершеннолѣтіе русской литературы и небывалое еще народное чествованіе великаго поэта.

„Воспоминаніе о незабвенномъ Пушкинѣ—говорилъ Некрасовъ—оживило русскую печать и въ частности одесскую". Потомъ профессоръ сдѣлалъ довольно мѣткую характеристику современной Пушкину критики. Сравнивая поэта съ міровыми геніями, ораторъ замѣтилъ, что не нужно забывать, что міровые европейскіе геніи находились совершенно при другихъ условіяхъ: они встрѣтили подготовленную почву; между тѣмъ, какъ на литературную дѣятельность Пушкина и на самый его характеръ оказали немалое вліянія отсутствіе общественнаго мнѣнія въ Россіи, недостатокъ развитія личности и другія, весьма неблагопріятныя условія, не давшія генію Пушкина пріобрѣсти міровое значеніе. Въ концѣ своей рѣчи, профессоръ сказалъ, что Пушкинъ имѣетъ такое же значеніе для русской народной школы, какъ Шиллеръ для нѣмцевъ, а потомъ будущая народная школа должна быть основана на геніальныхъ произведеніяхъ Пушкина.

Послѣ г. Некрасова, говорилъ профессоръ А. Кочубинскій. Тэма рѣчи—„Правда жизни и правда творчества". Рѣчь г. Кочубинскаго произнесена была съ большимъ одушевленіемъ. Ораторъ въ яркихъ, живыхъ краскахъ нарисовалъ неприглядную картину жизни великаго поэта. Эта часть рѣчи г. Кочубинскаго произвела глубокое потрясающее впечатлѣніе на присутствовавшихъ.

Потомъ слѣдовала рѣчь профессора варшавскаго университета, г. Яковлева, прочтенная секретаремъ одесскаго славянскаго благотворительнаго общества, Г. Е. Афанасьевымъ. Въ рѣчи этой, ораторъ остановился на вліяніи Пушкина на современное ему и послѣдующее общество, послѣ чего ораторъ переходитъ къ общей характеристикѣ поэзіи Пушкина. «Вся литература до Пушкина — говорилъ ораторъ — заботилась исключительно внѣшности, и дарованія истощались на красоту сло-

или стиха, а мысль отходила на задній планъ, причемъ всѣ роды умственной дѣятельности поглащались словесностью; между тѣмъ, Пушкинъ, какъ великій знатокъ человѣческой природы, воспроизводитъ въ своихъ произведеніяхъ всевозможныя движенія человѣческой души». Рѣчь эта такъ же, какъ другія рѣчи, вызвала шумныя одобренія.

Послѣ этого на каѳедру взошолъ старожилъ Одессы, Н. Г. Тройницкій (предсѣдатель одесскаго общества взаимнаго кредита), и прочелъ стихотвореніе, посвященное Гоголю, въ ознаменованіе знакомства съ нимъ при возвращеніи Гоголя изъ Италіи черезъ Одессу. Въ стихотвореніи этомъ говорится о творчествѣ Пушкина, его смерти, а также и объ отношеніяхъ Пушкина къ Италіи и проч.

Торжественное собраніе въ университетѣ закончилось чтеніемъ опредѣленій совѣта университета, посвященныхъ памяти великаго поэта. Такъ, рѣшено учредить пушкинское общество любителей словесности, а такъ же учреждается премія для студентовъ всѣхъ факультетовъ новороссійскаго университета на золотую медаль за лучшее сочиненіе о жизни Пушкина на югѣ Россіи. Предсѣдатель славянскаго общества, г. Евреиновъ, сообщилъ на торжественномъ собраніи, что, въ ознаменованіе памяти Пушкина и его слишкомъ двухлѣтняго пребыванія въ Одессѣ, рѣшено правленіемъ общества испросить разрѣшеніе на открытіе подписки для устройства фонтана съ бюстомъ Пушкина на Театральной площади, а на домѣ Сикара, на Итальянской улицѣ, въ которомъ жилъ незабвенный поэтъ, прибита мраморная доска съ надписью: «Здѣсь жилъ Пушкинъ въ 1823 году». Предполагавшееся торжественное шествіе изъ университета къ дому Сикара встрѣтило почему-то препятствія со стороны

мѣстной власти. Но, тѣмъ неменѣе, члены славянскаго общества и многіе другіе отправились къ дому, въ которомъ жилъ Пушкинъ, чѣмъ и почли память великаго поэта.

Антрепренеру лѣтнихъ театровъ, г. Форкати, пришла благая мысль устроить праздникъ въ память Пушкина постановкою отрывковъ изъ произведеній поэта: сценъ изъ «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова», «Русалки» и проч., живой картины «памятникъ Пушкину, и проч. Разукрашенные бюсты, портреты поэта, транспаранты съ означеніемъ дня рожденія и дня смерти и проч. останавливали вниманіе посѣтителей этого празднества. 5 проц. сбора г. Форкати опредѣлилъ на образованіе стипендіи имени А. С. Пушкина при одномъ изъ народныхъ училищъ въ Одессѣ. Дирижоръ оркестра, г. Ленкъ, написалъ маршъ «Пушкинъ», который и исполненъ былъ, въ 11 часовъ вечера, при постановкѣ живой картины. При входѣ въ садъ всѣмъ безплатно раздавались литографированные снимки съ памятника въ Москвѣ.

Славянское общество, заказавъ большую партію фотографическихъ снимковъ дома Сикара, гдѣ жилъ Пушкинъ, распродаетъ ихъ по 50 к. за экземпляръ. Вырученныя деньги поступятъ въ фондъ для постройки фонтана съ бюстомъ Пушкина.

Чествованіе памяти Пушкина въ Варшавѣ.

4-го іюня, отпраздновано Варшавскимъ русскимъ обществомъ знаменательное событіе сооруженія въ Москвѣ памятника нашему великому поэту. Мы выражаемся „русскимъ обществомъ“ (хотя починъ и самое устройство праздника принадлежитъ русскому собранію въ Варша-

вѣ) — потому, что безъ сочувствія здѣшняго русскаго общества предпринять съ успѣхомъ ничего подобнаго было бы невозможно. Намъ пріятно засвидѣтельствовать, что русское общество Варшавы откликнулось мысли русскаго собранія и поддержало ее такъ, какъ будто бы это устроивалось не на окраинахъ Россіи, а въ центрѣ, гдѣ живутъ только одни русскіе люди и никого болѣе. Билеты на литературно-музыкальный вечеръ въ русскомъ клубѣ были разобраны мгновенно. Еслибъ зала клуба была втрое, даже вчетверо больше—мы увѣрены, что и въ такой залѣ всѣ мѣста были бы заняты. Само собою разумѣется, что русское общество Варшавы хотѣло встрѣтиться въ этомъ случаѣ съ Москвою. Русскій клубъ получилъ предварительно увѣдомленіе изъ двухъ пунктовъ: отъ Высочайше утвержденнаго для сооруженія памятника комитета и общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ, что открытіе памятника послѣдуетъ 4 іюня. Тогда сдѣланы окончательныя приготовленія — и такъ какъ отказныхъ телеграммъ изъ упомянутыхъ пунктовъ не было—русское торжество въ Варшавѣ состоялось. Начато оно было панихидой въ православномъ соборѣ, на Долгой улицѣ, которую совершилъ архіепископъ холмскій и варшавскій Леонтій, въ присутствіи многихъ русскихъ. Въ первомъ отдѣленіи сыграна въ началѣ оркестромъ г. Левандовскаго увертюра изъ „Руслана и Людмилы“ Глинки. Затѣмъ прочтенъ „краткій очеркъ жизни Пушкина“ — Н. В. Бергомъ, Госпожа В. П. Щебальская пропѣла арію изъ „Руслана и Людмилы“ Глинки. Профессоръ П. И. Карѣевъ прочелъ о „связи поэзіи Пушкина съ современными ему произведеніями западной литературы“. Въ заключеніе разыграна на домашнемъ театрѣ клуба „сцена въ Чудовомъ монастырѣ“ изъ драмы Пушкина

„Борисъ Годуновъ“, при чемъ роль Пимена исполнена Н. В. Бергомъ, а роль Григорія—Ю. Н. Рыбачковымъ.

Второе отдѣленіе началось картиной и хоромъ изъ оперы „Русалка“ Дорогомыжскаго—исполнилъ оркестръ Левандовскаго. Затѣмъ профессоръ русской словесности въ здѣшнемъ университетѣ А. И. Смирновъ прочелъ: „О поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина“. Г-жа В. П. Щебальская пропѣла романсъ Глинки: „Я помню чудное мгновенье“. Бывшая артистка петербургскихъ театровъ И. С. Кони прочла стихотвореніе Пушкина: «Полководецъ» и балладу „Утопленникъ“. Заключено представленіемъ «Сцены у Фонтана», изъ драмы „Борисъ Годуновъ“, причемъ роль Марины исполнила г-жа Т. А. Маньковская, а роль Самозванца—Ю. Н. Рыбачковъ.

На сценѣ былъ фонтанъ среди самой роскошной живой зелени, доставленной изъ мѣстнаго ботаническаго сада, по внимательной патріотической распорядительности директора сада, А. А. Фишеръ-фонъ-Вальдгейма, уроженца Москвы и воспитанника московскаго университета.

Среди той же зелени, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ громадныхъ букетовъ изъ живыхъ цвѣтовъ, поставленъ на колоннѣ бюстъ Пушкина, украшенный лавровымъ вѣнкомъ и освѣщенный лучами электрическаго солнца. Занавѣсъ взвилась, музыка заиграла—и оглушительныя рукоплесканія потрясли залу. Въ этомъ состоялъ апоѳеозъ.

Послѣ того въ саду клуба устроена была прекрасная иллюминація. Въ одномъ пунктѣ, на луговинѣ, возвышался транспарантъ съ изображеніемъ бюста великаго поэта въ приличныхъ украшеніяхъ и надписяхъ. На другой луговинѣ стояло подобіе статуи Пушкина, воздвигнутой въ Москвѣ, имѣвшей около четырехъ саженъ въ вышину. Утопая въ живой зелени громадныхъ каштa-

новъ и озаренная притомъ разноцвѣтными огнями—статуя эта производила весьма эффектное впечатлѣніе.

Въ числѣ посѣтителей было нѣсколько поляковъ и полекъ. Учащееся юношество имѣло также своихъ представителей. Болѣе всего—университетъ. Изъ родственниковъ Пушкина была его племянница, г-жа Пане, урожденная Павлищева, дочь старшей сестры Александра Сергѣевича, Ольги Сергѣевны. Ее встрѣтилъ комитетъ, учредившій праздникъ, причемъ одинъ изъ членовъ комитета Д. К. Вендрихъ сказалъ очень живую, соотвѣтствующую обстоятельствамъ рѣчь. Былъ приглашенъ старый другъ многихъ русскихъ поэтовъ и отчасти ихъ переводчикъ—А. Э. Одынецъ, но по слабости здоровья (ему уже подъ восемьдесятъ лѣтъ) явиться не могъ и написалъ комитету письмо, исполненное извиненій и вмѣстѣ глубокой благодарности за память о немъ.

Чествованіе памяти Пушкина въ Ригѣ.

6-го іюня, въ Ригѣ, въ двѣнадцать часовъ дня, въ Петропавловскомъ соборѣ, преосвященнымъ Филаретомъ совершена панихида по Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ. Вечеромъ же, въ залѣ александровской гимназіи состоялось торжественное публичное засѣданіе рижскаго русскаго литературнаго кружка въ честь настоящаго дня. Членъ литературнаго кружка, г. Кутеповъ, прочолъ потомъ обстоятельное и добросовѣстно составленное изслѣдованіе о вліяніи поэзіи лорда Байрона на поэтическое творчество Александра Сергѣевича. Затѣмъ г. Малиновскій указалъ, въ бойкой рѣчи, на заслуги Пушкина, какъ основателя истинно-русскаго нравоописательнаго романа. Въ заключеніе празднества Л. Н. Витвиц-

кимъ было прочтено извѣстное стихотвореніе Пушкина „Памятникъ“.

8-го іюня, литературный кружокъ въ Ригѣ чество валъ въ торжественномъ публичномъ засѣданіи памят А. С. Пушкина по случаю открытія памятника ем въ Москвѣ.

Въ числѣ посѣтителей находились начальникъ гу берніи, вице-губернаторъ, помощникъ попечителя дерп скаго учебнаго округа, директоръ александровской гим назіи и другія высокопоставленныя лица, а также мно гіе члены правленія русскихъ и латышскаго обществ редакторы латышскихъ газетъ и другихъ. Засѣданіе бы открыто вступительною рѣчью предсѣдателя литерату наго кружка. Поздравивъ отъ лица литературнаго кру ка публику съ состоявшимся торжествомъ открытія п мятника безсмертному поэту, предсѣдатель обрати вниманіе собравшихся на то, что и наше мѣстное ру ское общество достойнымъ образомъ приняло участ во всенародномъ русскомъ торжествѣ, основавъ въ але сандровской и ломоносовской гимназіяхъ двѣ „пушки скія“ степендіи, каждая въ тысячу рублей. Потомъ бы прочитана телеграмма, отправленная вслѣдъ затѣмъ мо ковскому городскому головѣ.

Чествованіе памяти Пушкина въ Тулѣ.

Пушкинское празднество въ Москвѣ не осталось бе отклика и въ Тулѣ. Въ день открытія памятника велико поэту, ученики тульской гимназіи были на полови освобождены отъ занятій. Послѣ первыхъ трехъ урок всѣ классы отправились въ домовую гимназическую це ковь, гдѣ законоучителемъ была отслужена панихида

затѣмъ сказана краткая рѣчь, въ которой было передано предстоявшимъ юношамъ нѣсколько чертъ изъ жизни поэта и объяснено его значеніе, какъ писателя. Послѣ панихиды въ Москву была отправлена поздравительная телеграмма съ подписями всѣхъ учащихъ.

Вечеромъ въ тотъ же день, въ лѣтнемъ театрѣ, шелъ спектакль, посвященный памяти А. С. Пушкина и состоявшій исключительно изъ его произведеній. Передъ началомъ драматическаго представленія „Евгенія Онѣгина“ на сценѣ передъ бюстомъ поэта, увѣнчанымъ лавровымъ вѣнкомъ, были прочтены два стихотворенія: „Памятникъ“ и „Клеветникамъ Россіи“. 8-го іюня въ послѣдній день празднества, давался второй утренній спектакль, состоящій изъ „Скупаго рыцаря“ и „Русалки“.

Чествованіе памяти Пушкина въ Самарѣ.

Въ 81-ю годовщину дня рожденія величайшаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина, начальствующіе и учащіеся самарской губернской мужской гимназіи, а также частныя лица, собравшись почтить великаго сына Россіи, въ 12 часовъ дня, слушали панихиду по любимомъ и извѣстномъ дѣятелѣ Россіи. Панихида прослушана была, видимо, съ большимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ къ славному имени чествуемаго великана русской поэзіи и литературы. О. законоучитель гимназіи протоіерей І. И. Третьяковъ, предъ возглашеніемъ поэту «вѣчной памяти», обратился къ питомцамъ съ нѣсколькими словами о томъ, что, въ лицѣ чествуемаго поэта, духовно-нравственные интересы русскаго народа побуждаютъ помянуть нынѣ одного изъ замѣчательныхъ сыновъ Россіи. По окончаніи панихиды препо-

даватель словесности самарской гимназіи Михаилъ И новичъ Осокинъ сказалъ свою, не лишенную интере рѣчь о значеніи великаго поэта земли русской. Рѣчь в вызвавшая полное сочувствіе къ лектору, помѣщена же (см. въ X-мъ отд., № 14).

«Самарскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, 9-го іюня, по почину самарскихъ дамъ, въ Струковс саду, состоялось народное гулянье въ память откры памятника А. С. Пушкину. На балконѣ вокзала, к сиво убранномъ зеленью и флагами, былъ выставле поясной, прекрасно исполненный масляными краска портретъ виновника торжества, въ золоченой рамѣ, помѣстившійся тутъ же оркестръ музыки во весь вече и до глубокой ночи исполнялъ разныя пьесы, между торыми не мало положенныхъ на слова незабвенн поэта. Садъ былъ иллюминованъ разноцвѣтными фо рями; около десяти часовъ вечера сожженъ фейервер Сумма, вырученная отъ этого гулянья, будетъ обращ на учрежденіе въ самарской женской гимназіи стипен имени А. С. Пушкина.

Въ селѣ Балаковѣ, николаевскаго уѣзда, сам ской губерніи, праздновался день открытія памятника П кину. Въ 10 часовъ утра въ Христорождественскую п ковь пришли ученики мужскаго училища и учен женскаго въ сопровожденіи учителя, его помощницы и у тельницы. Вслѣдъ за ними стали приходить и др лица, преимущественно жители с. Балакова. Передъ чаломъ панихиды благочиннымъ священникомъ была с зана краткая рѣчь съ объясненіемъ причины праздн ства. Въ училище собралась почти вся „аристократ села. Въ засѣданіи мужскаго училища все было убр по праздничному: на каѳедрѣ красовался небольш портретъ Пушкина, украшенный цвѣтами. Учитель му

скаго училища, г. Рулевъ, произнесъ довольно длинную рѣчь, въ которой разсказалъ біографію Пушкина и объяснилъ пользу, принесенную поэтомъ русской словесности, коснулся отчасти его воспитанія и заключилъ совѣтомъ мальчикамъ идти такъ же твердо по пути, на который призваны, какъ твердо шелъ Пушкинъ. По окончаніи рѣчи однимъ изъ мальчиковъ былъ прочитанъ отрывокъ изъ сочиненія Пушкина „Капитанская дочка“, пѣвчіе запѣли „Боже, Царя храни“, затѣмъ мальчики и дѣвочки попеременно читали стихи и прозу изъ сочиненій Пушкина, а пѣвчіе пропѣли „Славься, славься, нашъ русскій Царь“, „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, „Тебѣ Бога хвалимъ“ и проч.

Чествованіе памяти Пушкина въ Псковѣ, Царскомъ Селѣ, Кишиневѣ, Орлѣ и Тифлисѣ.

Псковъ. — По случаю открытія памятника А. С. Пушкину, псковская городская дума, 19-го мая, постановила передать въ каѳедральный соборъ 200 р., чтобъ на проценты съ этого капитала каждый годъ, 26-го мая, было поминовеніе души поэта. Потомъ представитель дворянства псковской губерніи открылъ подписку на ежегодное поминовеніе души поэта въ Святогорскомъ монастырѣ. Вотъ все, чѣмъ почтена память Пушкина, какъ городомъ Псковомъ, такъ и псковскою губерніей.

Царское Село. 6 іюня, въ 10 час. утра, въ Царскосельской мужской гимназіи, въ присутствіи наставниковъ и воспитанниковъ, отслужена была панихида по А. С. Пушкинѣ. Передъ панихидою законоучитель гимназіи сказалъ рѣчь: а) объ отношеніи искусства вообще, и поэзіи въ частности, къ религіи, и б) о значеніи и силѣ

молитвы за умершихъ. Хоръ гимназистовъ и наставниковъ исполнилъ церковное пѣніе съ чувствомъ и вкусомъ. Послѣ панихиды директоръ гимназіи прочиталъ ученикамъ краткій біографическій очеркъ А. С. Пушкина.

Кишиневъ. Кишиневская городская дума постановила: образовать комитетъ по устройству бюста Пушкина въ липовой или такъ называемой пушкинской аллеѣ городскаго сада; этому же комитету предоставляется открыть по городу подписку для этой цѣли, но съ тѣмъ, чтобы бюстъ устроенъ былъ непремѣнно къ сентябрю нынѣшняго года. Потомъ былъ возбужденъ вопросъ о размѣрѣ пожертвованія изъ городскихъ средствъ на это дѣло и предложено было ассигновать тысячу руб.

Орелъ. Сочувствіе къ многознаменательному московскому торжеству 6-го іюня выразилось въ Орлѣ въ слѣдующемъ: отъ мѣстной военной гимназіи былъ посланъ депутатъ на празднество, а въ Орлѣ это событіе праздновалось въ стѣнахъ Александровскаго женскаго института; кромѣ того, офицеры 9-го корпуса, квартирующіе въ Орлѣ, отслужили въ мѣстномъ каѳедральномъ Петропавловскомъ соборѣ заупокойную обѣдню и панихиду по А. С. Пушкинѣ; вечеромъ корпусный командиръ пригласилъ офицеровъ къ себѣ въ ботаническій садъ (гдѣ онъ квартируетъ) и тамъ игралъ оркестръ военной музыки.

Тифлисъ. Въ засѣданіи Тифлисской думы 2 іюня 1880 г. гласный Николадзе заявилъ, что 4 іюня, въ среду, состоится въ Москвѣ открытіе памятника Пушкину. Событіе это принимаетъ характеръ общенароднаго торжества. Гласный считаетъ неумѣстнымъ распространяться о громадномъ значеніи поэта въ дѣлѣ русскаго общественнаго развитія или говорить о его вліяніи на литературу. Но онъ полагаетъ, что въ виду этого торжества необходимо вспомнить, что Пушкинъ имѣетъ для кавказ-

цевъ, еще и особенное значеніе, какъ одинъ изъ первыхъ русскихъ писателей, побывавшихъ на Кавказѣ и обратившихъ вниманіе русской литературы на этотъ край. Сочувствіе и симпатія, съ которыми великій русскій поэтъ относился въ своихъ писаніяхъ къ народностямъ, населяющимъ Кавказъ и Закавказье, и поэтическій ореолъ, которымъ онъ окружилъ нашъ край, возлагаютъ на нашъ городъ обязанность—принять участіе въ празднованіи открытія памятника Пушкину. Гласный, къ сожалѣнію, не могъ предложить—въ виду печальнаго состоянія городскихъ финансовъ—ни какихъ либо пожертвованій по этому поводу, ни отсылки депутаціи. Но онъ предложилъ возложить на городскаго голову обязанность отправить въ Москву привѣтственную телеграмму отъ имени города Тифлиса, и назвать «Пушкинскою» одну изъ тифлисскихъ улицъ, преимущественно ту, на которой жилъ А. С. Пушкинъ во время своего пребыванія въ Тифлисѣ въ 1829 г.

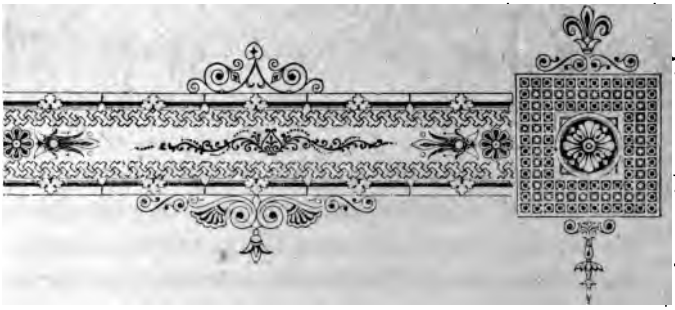
Дума единогласно присоединилась къ этому заявленію.

VI.

НАША ПЕЧАТЬ

по

ПОВОДУ ОТКРЫТІЯ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.



Наша печать

по

)ду открытія памятника Пушкину.

ень открытія памятника Пушкину «Московскія Вѣдо-
ти» посвятили памяти поэта статью.

квѣ, на Красной площади, высится памятникъ Минину и По-
гакъ начинаютъ свою статью «Моск. Вѣд.». Ихъ дѣяніе во-
вами вписано въ русскую исторію, и воздвигнутый имъ па-
ятникъ въ насъ высокое чувство народнаго самосознанія и вѣ-
ысль, управляющій судьбами нашего отечества—памятникъ
ободнаго народнаго подъема, которымъ спасено было рус-
ство и въ которомъ впервые сказалось несокрушимое един-
народа и его духъ, воспитанный церковью.
ь народа и его призваніе не исчерпываются дѣломъ госу-
нужды.
ѣло сложилось и окрѣпло, душа освобождается для само-
жизни. Развитіемъ внѣшняго могущества и вооруженною
не обезпечено существованіе народа, еще не доказано его
ществованіе. Бывали громады, скрѣпленныя внѣшнею си-
ыя, исполнивъ свое временное назначеніе, разсыпались въ
езали. Великій народъ, призванный къ жизни, обладаетъ си-

лою внутренняго единенія и проявляетъ свой духъ не въ однѣхъ забо тахъ самохраненія, но и въ развитіи даровъ человѣческой природы Чѣмъ производительнѣе творчество мысли среди народа, чѣмъ выш подъемъ духа въ его избранныхъ людяхъ, чѣмъ обильнѣе и плодотвор нѣе раскрываются въ немъ дары божіи, тѣмъ возвышеннѣе становитс его положеніе въ мірѣ, и тѣмъ онъ любезнѣе и дороже для человѣче ства. Надъ царствомъ нужды возвышается царство свободы, гд каждый самъ себѣ царь и гдѣ властвуютъ только вѣчные закон истины, блага и красоты, гдѣ народъ достигаетъ высоты человѣчества и куда утомленные трудомъ жизни обращаемъ мы взоры, ищ успокоенія, отрады и освѣженія силъ. Что была бы жизнь наша,— была ли бы возможна жизнь человѣческая,—безъ этого царства чисто свободы?

Такова роль творческой мысли въ жизни великаго народа. Эт творческая мысль русскаго народа съ особою силою выразилась въ ге ніи Пушкина. И вотъ, рядомъ съ памятникомъ Минину и Пожарском въ той же старой Москвѣ высится нынѣ другой памятникъ, посвящен ный человѣку, не водившему въ бой народныхъ ополченій, но такж народному двигателю, великому русскому народному поэту.

Въ Пушкинѣ всенародно чествуется великій даръ божій. Ему н доводилось спасать отечество отъ враговъ, но ему было дано украсить возвысить и прославить свою народность.

Языкъ есть единящая сила народа. Но древнему, глубоко знамена тельному, церковно-славянскому словоупотребленію, народъ есть языкъ языкъ есть народъ. Но въ нравственномъ мірѣ надежны и животворн связи, лишь скрѣпленныя свободой и любовью. Кто же, скажите, кто н полюбитъ русскаго языка въ стихѣ Пушкина? Кто устоитъ против «живой прелести» этого стиха?

Пушкинъ заставилъ не только своихъ, но и чужихъ, полюбить наш языкъ, и вотъ его великая заслуга.

Мы гордимся нашимъ Пушкинымъ, какъ великимъ поэтомъ. Ег поэзія не есть только переходная ступень нашего образованія, не ест только историческій моментъ, остающійся позади и внизу во мрак прошедшаго. Пушкинъ стоитъ на высотѣ всемірнаго значенія. Русскі народный поэтъ, онъ имѣетъ полное право на почетное мѣсто въ пан теонѣ всѣхъ временъ и народовъ. На произведеніяхъ его зрѣлой пор

лежитъ печать совершенства. Это міръ творчества, самородный и самобытный, какъ по веществу, такъ и по образу.

Характеризуя личность поэта, «Москов. Вѣд.» видятъ въ немъ великій образецъ нравственной высоты и независимости.

Какъ высоко, въ числѣ немногихъ, стоялъ этотъ человѣкъ, воспитанный своимъ геніемъ, надъ общимъ умственнымъ уровнемъ! Онъ чувствовалъ возраставшее охлажденіе къ нему публики, ему были досадны пересуды глупцовъ; но онъ ни разу не впалъ въ искушеніе и не унизилъ себя исканіемъ популярности. Онъ оставался въ одиночествѣ на своей высотѣ, не смущаемый ни хвалами, ни бранью. Благо тому, кто на высотѣ своего дѣла, при исполненіи своего долга, остается наединѣ со своею совѣстью! «Ты царь, живи одинъ», говорилъ себѣ Пушкинъ, и въ этомъ не гордость сказалась, но покорность высшему, что есть въ человѣкѣ, тому божественному, что слышится во глубинѣ человѣческой совѣсти, при какомъ бы то ни было дѣлѣ. Да будетъ и въ этомъ нашъ великій писатель руководящимъ образцомъ и для нынѣшняго, и для будущихъ поколѣній! Кто не испыталъ этого высокаго чувства независимости мысли непокорной ничему кромѣ долга, тотъ не знаетъ лучшаго, что дано испытать человѣку и чего не можетъ замѣнить никакое опьяненіе тщеславія.

Характеромъ своей нравственной личности, поэтъ, по мнѣнію «Москов. Вѣд.», обязанъ исключительно своему генію.

Какъ и всѣ въ то время, онъ учился «чему-нибудь и какъ-нибудь». Изъ своего воспитанія онъ вынесъ только знаніе французскаго языка, безтолковую начитанность во французскихъ авторахъ прошлаго вѣка, наполнившихъ библіотеку отца, да еще сказки своей няни. Онъ самъ изобразилъ намъ ничтожество среды, которая потомъ держала его въ своихъ оковахъ. Лишь одна была у него опора, одно спасеніе—его божественный даръ, его геній, который питалъ и направлялъ его, и былъ его карающею совѣстью, когда легкомысліе и грубая чувственность овладѣвали его воображеніемъ. Совѣсть художника спасала въ немъ и человѣка. Онъ обязанъ ей перлами своей поэзіи, и она же поднимала его нравственно. Онъ глубоко чувствовалъ двойство въ себѣ,—и свое ничтожество и высоту своего дара,—и правдивый стихъ его запечатлѣлъ это чувство.

Глубокое народное чувство, и свой историческій смыслъ, и свою

вѣру въ назначеніе русскаго народа Пушкинъ вынесъ не изъ среды, которою былъ окруженъ, но изъ своихъ вдохновеній, изъ пророческаго чутья своей геніальной души.

У насъ теперь все толкуютъ о политическихъ партіяхъ, говоритъ «Моск. Вѣд.». Не принадлежалъ ли и Пушкинъ къ какой-либо партіи. Да, принадлежалъ. Воздавая хвалу Петру Великому Пушкинъ цѣнитъ въ преобразователѣ особенно то, что онъ не презиралъ своей страны и вѣрилъ въ ея предназначеніе... «Предназначеніе русскаго народа»! это сказано Пушкинымъ.

Самодержавною рукой
Онъ (Петръ) смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной,
Онъ зналъ ея предназначенье.

Кто изъ этихъ словъ не узнаетъ партіи, къ которой принадлежалъ Пушкинъ? Онъ принадлежалъ къ русской партіи. Самое слово русская партія есть слово Пушкина. Передавая въ своемъ «Современникѣ» записки Моро-де-Бразе, иностранца, служившаго въ войскахъ Петра Великаго, Пушкинъ останавливается на сѣтованіи этого авантюриста, который упрекалъ русскаго царя въ пристрастіи къ русскимъ и дѣлаетъ такое примѣчаніе:

«Благодаримъ нашего автора за драгоцѣнное показаніе. Намъ пріятно видѣть удостовѣреніе даже отъ иностранца, что Петръ Великій и фельдмаршалъ Шереметевъ принадлежали къ партіи русской».

*** Другія московскія газеты отъ 6-го іюня тоже напечатали восторженныя статьи. «Современныя Извѣстія», говоря о праздникѣ видятъ въ этомъ событіи торжественное обнаруженіе нашего духовнаго единства.

Настоящій день—праздникъ всей образованной Россіи. Всеобщее одушевленіе, какимъ встрѣчены поминки великаго поэта, послужило вторичнымъ торжественнымъ обнаруженіемъ нашего духовнаго единства. Четыре года назадъ великія событія соединили насъ, но вызвали народный духъ въ его стихійности. Представился случай сказаться единству въ сознаніи; нужно было найдтись умственному центру, нуженъ былъ писатель, въ которомъ бы каждый изъ просвѣщенныхъ русскихъ призналъ своего родоначальника. Такимъ писателемъ былъ и остается одинъ Пушкинъ.

Духовное значеніе для насъ Пушкина газета опредѣляетъ такимъ образомъ:

Пушкинъ весь есть выраженіе, и выраженіе не себя и не своего времени, но всего русскаго человѣка, по всѣмъ сторонамъ духа и быта, по всѣмъ зародышамъ будущаго развитія. Набожность и вольномысліе, свободолюбіе и апоѳеоза власти, либерализмъ въ западномъ вкусѣ и славянофильство, даже панславизмъ: всѣ эти оттѣнки направленій найдутъ въ геніальномъ поэтѣ мѣста и цѣлыя стихотворенія, подъ которыми подпишутся. Самая вѣтренность музы Пушкина есть наша вѣтренность, историческое качество, плодъ смѣшенія непримирившихся разныхъ началъ просвѣщенія. Мы не чуемъ гармоніи, въ которую кажущійся разладъ долженъ будетъ уложиться при дальнѣйшей нашей исторіи. Но цѣльная личность поэта, остающаяся тою же при всемъ противорѣчивомъ на видъ разчлененіи, даетъ намъ гадать, что и въ общественныхъ стремленіяхъ вся разновидность, кажущаяся непримиримою, созрѣетъ когда нибудь въ высшую гармонію цѣльной народной личности. Но потому-то Пушкинъ выше еще и нашего времени.

*** «Русскія Вѣдомости» въ единодушномъ откликѣ общества на призывъ—воздать Пушкину давно подобающую ему честь справедливо видятъ признаки счастливаго поворота въ общественномъ настроеніи.

Не сказывается ли въ этомъ единодушіи затаенная, можетъ быть, не вполнѣ выясненная потребность въ освѣжающемъ дѣйствіи искусства? спрашиваетъ газета. Обществу нужно пробужденіе въ немъ тѣхъ идеальныхъ стремленій, безъ которыхъ нѣтъ ни серьезной мысли, ни разумнаго общественнаго движенія. Полусознательно, быть можетъ, оно понимаетъ, что самые вопросы, которые его тревожатъ, станутъ для него яснѣе, когда среди его раздастся снова художественное слово, вносящее чувство въ мысль и примиряющее съ жизнью.

Подобно другимъ органамъ нашей печати, «Русск. Вѣдом.» выражаютъ пожеланіе, чтобы кто-нибудь изъ нашихъ ученыхъ взялъ на себя трудъ провѣрить и очистить весь сырой, отчасти недоброкачественный матеріалъ для біографіи Пушкина.

Серьезная біографія Пушкина есть не только дань уваженія, требуемая его священной памятью; она будетъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ исторію русскаго общества, поможетъ лучше уразумѣть его прошедшее.

По случаю открывшагося въ Москвѣ національнаго празднества в честь Пушкина, всѣ петербургскія газеты, естественно, переполнен были статьями и замѣтками о Пушкинѣ.

Воздвигая памятникъ Пушкину, говоритъ «Голосъ», воздава честь его имени, мы, старъ и младъ, чувствуемъ, что его дивныя про изведенія составляютъ лучшее созданіе умственныхъ силъ русскаго на рода, наиболѣе полный и зрѣлый плодъ нашего творческаго генія. Н въ одной сферѣ жизни мы еще не достигли желаемаго величія: въ го сударственномъ устройствѣ, въ торговлѣ и промышленности, въ наукѣ и въ дѣлѣ воспитанія намъ предстоитъ сдѣлать еще многое, чтоб сравниться съ другими народами, лучше и полнѣе насъ заявившими с своемъ существованіи. Но мы поднялись на значительную высоту в искусствѣ и особенно въ изящной литературѣ, представивши міру пи сателей, которыхъ онъ считаетъ образцовыми, на ряду съ извѣстнѣй шими представителями литературнаго творчества у другихъ народовъ.

Во главѣ же всѣхъ нашихъ писателей стоитъ Пушкинъ, творческая фантазія котораго создала намъ длинный рядъ произведеній, классически законченныхъ и поистинѣ безсмертныхъ. На этихъ-то дивныхъ произведеніяхъ, въ которыхъ въ первый разъ русское слово получило свое полное благозвучіе и въ которыхъ съ неподражаемымъ изяществомъ и вѣрностью воплотились наши лучшія, наиболѣе человѣческія чувства и наши глубоко народные помыслы, воспитывались къ болѣе гуманной жизни наши отцы, воспитывались мы сами и будутъ воспитываться, какъ греки на произведеніяхъ Гомера и римляне на произведеніяхъ Виргилія, наши дѣти и отдаленные потомки.

Всѣ народы чтутъ своихъ великихъ писателей; но мы, русскіе, по мнѣнію «Голоса», должны чтить своихъ великихъ писателей даже больше, чѣмъ другіе народы, потому что у насъ литература всегда была лучшимъ, если не единственнымъ убѣжищемъ свободнаго духа, ничѣмъ незамѣнимою отрадой среди прозы жизни, мрачной и угрюмой, среди столькихъ скорбей, печалей и разочарованій? Своими безсмертными произведеніями, эти писатели говорятъ намъ объ умственныхъ силахъ, которыя таятся въ нѣдрахъ нашего народнаго духа, ожидая благопріятной поры для болѣе полнаго ихъ проявленія, пробуждаютъ наше народное сознаніе и призываютъ насъ къ благороднымъ чувствамъ и возвышеннымъ помысламъ. Русскій народъ——

это мы можемъ сказать безъ тщеславія—не уступаетъ другимъ народамъ въ пониманіи значенія литературы въ дѣлѣ своего нравственнаго и гражданскаго развитія, и умѣетъ воздавать должный почетъ людямъ и твореніямъ, въ которыхъ видитъ воплощеніе своего національнаго генія. Онъ всегда признавалъ Пушкина своимъ великимъ поэтомъ, и теперь, воздвигая ему памятникъ, совершаетъ дѣло, достойное великаго и благороднаго народа.

*** «Церк.-Общ. Вѣст.», признавая справедливость замѣчанія Бѣлинскаго, что Пушкинъ по преимуществу поэтъ и художникъ, замѣчаетъ:

Тѣмъ не менѣе, или лучше—по тому самому, въ его творенія бьетъ живая струя любви къ родинѣ, сочувствія къ человѣческимъ страданіямъ, отвращенія къ рабству и насилію, благоговѣнія предъ свободой, вѣры въ конечное торжество правды. Въ этомъ смыслѣ Пушкинъ является не только поэтомъ, но и гражданиномъ, и если по обстоятельствамъ времени, въ которое жилъ Пушкинъ, онъ не могъ выразить въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ во всей широтѣ этихъ великихъ помысловъ, тѣмъ не менѣе и въ немногихъ стихахъ его они выступаютъ со всею рельефностью и образностью, присущими всему, что выходило изъ подъ его вдохновеннаго пера.

*** Въ «Берегѣ» читаемъ:

Нынѣшній день — шестое іюня тысяча восемьсотъ восьмидесятаго года—рѣдкій день! Празднуется память великаго человѣка, великаго русскаго поэта, принадлежащаго всей Россіи, извѣстнаго и за предѣлами ея по многочисленнымъ переводамъ его твореній и по статьямъ о немъ на разныхъ иноземныхъ языкахъ.

Сегодня вся Россія празднуетъ открытіе памятника Пушкину, Александру Сергѣевичу! Сегодня вся Россія чтитъ славное имя и свѣтлую память величайшаго изъ отечественныхъ писателей.

Этотъ геніальнѣйшій русскій человѣкъ любилъ и чтилъ Россію и все русское не одними устами, но и всѣми способностями своего богато одареннаго ума, всѣмъ своимъ прекраснымъ сердцемъ. Это былъ истинный классикъ, изучившій до изумительной тонкости свой языкъ, «уразумѣвшій извитіе словесъ» родной рѣчи, какъ никто. Въ этомъ его главными помощниками и наставниками были: любовь къ своей родинѣ, тщательное изученіе ея историческихъ и современныхъ судебъ.

*

Газета справедливо жалуется на отсутствіе хорошаго критико-библіографическаго изданія твореній Пушкина.

Отсутствіе всесторонняго и полнаго изученія этихъ твореній привело къ тому, что въ день великой тризны по Пушкинѣ мы не имѣемъ обстоятельнаго, серьезнаго труда о его жизни и его твореніяхъ.

*** «St.-Petersburger Zeitung» говоритъ:

Народъ, чествующій своего поэта, чтитъ самъ себя. Истинный поэтъ, освободившійся отъ устъ подражанія иноземному творчеству, крѣпко стоитъ въ почвѣ своей народности, онъ черпаетъ изъ народа, съ тѣмъ, чтобы возвратить тому же народу въ облагороженныхъ образахъ то, что заимствовано изъ него. Въ лучшихъ и высшихъ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ національный поэтъ и потому-то нынѣшнее празднество—національное празднество, на которомъ весь русскій народъ чествуетъ своего представителя.

*** «St.-Petersburger Herold» говоритъ:

Поэту не нуженъ памятникъ изъ металла или камня, такъ какъ онъ воздвигъ себѣ болѣе прекрасный и прочный въ благородныхъ сердцахъ людей, чей духъ онъ возвышаетъ и ободряетъ и чью духовную жизнь онъ украшаетъ своими твореніями. Но людская благодарность людей стремится къ видимому выраженію своихъ чувствъ и это хорошее стремленіе служитъ источникомъ сегодняшняго празднества. Мы обязаны питать великую и искреннюю благодарность къ поэту. Кому не случалось въ работѣ и горѣ находить отдыхъ и бодрость въ вѣчныхъ произведеніяхъ благословеннаго поэта, кого не поднималъ надъ тяжкими заботами жизни полетъ его могучаго генія? Открытіе памятника должно было бы происходить въ день кончины поэта; но развѣ поэтъ умеръ, развѣ такой поэтъ, какъ Пушкинъ, можетъ умереть? Нѣтъ, онъ не умеръ, онъ продолжаетъ жить въ тысячѣ тысячъ сердецъ, которыя, проникшись его духомъ, слѣдуютъ за нимъ, облагороженные его мыслью—въ область, возвышающуюся надъ земной жизнью людей. Достаточно было кусочка свинца, чтобы уничтожить цѣлый міръ мысли и чувства, но если поэту былъ предназначенъ короткій срокъ существованія и дѣятельности, то этотъ короткій срокъ былъ настолько плодотворенъ, что заслужилъ неисчерпаемую благодарность потомства.

«Страна» пытается разъяснить смыслъ національнаго торжества, которое происходило въ Москвѣ.

Окончень памятникъ великому поэту и мы пріобрѣли изваянный образъ его на одной изъ площадей Москвы—вотъ и все.

Тѣмъ не менѣе это событіе—открытіе памятника поэту—пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

По числу своихъ участниковъ, представителей учрежденій ученыхъ, литературныхъ и городскихъ и по своимъ обширнымъ размѣрамъ, пушкинское празднество представляетъ нѣчто у насъ еще небывалое—настоящее, величавое заявленіе національнаго чувства къ одному изъ главныхъ представителей національной мысли, къ великому народному поэту. Доселѣ у насъ еще не случалось, чтобы интересу умственному приносима была обществомъ дань уваженія столь гласно и торжественно. Имя Пушкина заслуживало того. Съ большимъ правомъ, чѣмъ всякое иное, оно должно было послужить поводомъ для торжественнаго заявленія, что русское общество высоко ставитъ интересъ умственный, что мелочи дневной, корыстной борьбы не заглушаютъ роста въ русскомъ обществѣ этого высшаго интереса, что въ обществѣ, несмотря на все—жива душа. Она жива, она чутка, способна къ великому, и только проситъ дѣлъ...

Прошло 43 года послѣ смерти Пушкина. Но Россія не забыла его, какъ свою «первую любовь» по прекрасному выраженію Тютчева. Пройдетъ и еще много лѣтъ, но какія бы измѣненія ни совершились въ нашей жизни, память поэта останется такою же священною для каждаго русскаго.

Литература есть откровеніе народнаго духа. Родоначальникъ новой русской литературы, Пушкинъ стоитъ на той высотѣ, которая имѣетъ свойство соединять взгляды. Въ обыденной жизни, въ сферѣ мелкихъ интересовъ, мы смотримъ въ разныя стороны. Только нѣчто истинно-великое можетъ собирать вкупѣ наши взгляды, объединять ихъ въ одной точкѣ. Такъ, каждый изъ насъ смотритъ съ личной точки зрѣнія; только когда мы взглядываемъ на солнце, на какой-нибудь блестящій метеоръ, на вершину горы—взоры всѣхъ людей, гдѣ бы они ни стояли, откуда бы ни смотрѣли, соединяются.

Въ отдѣльной націи таково преимущество генія, угадавшаго и выразившаго народный духъ. Смотрите на образъ Пушкина прямо, какъ

онъ есть, отдайтесь свободно вашему чувству и убѣдитесь, что онъ—величайшій народно-русскій поэтъ; народный не въ смыслѣ того или другого сословія, той или другой тенденціи, но въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова «народность». Онъ угадалъ душу русскаго человѣка, его умственный складъ, истинный колоритъ его историческихъ эпохъ, и далъ намъ откровеніе этихъ народныхъ тайнъ, въ формахъ прелестныхъ и опять-таки чисто-національныхъ. Русская народная личность познала въ немъ своего художника-живописца; вотъ секретъ горячей къ нему любви, страстной у его современниковъ, сознательной у дальнѣйшихъ поколѣній.

Газета останавливается на нѣкоторыхъ отрицательныхъ замѣчаніяхъ относительно Пушкина и его поэзіи:

Пусть намъ не говорятъ: Пушкинъ подражалъ Байрону, Пушкинъ былъ поэтъ дворянскій, Пушкинъ дѣлалъ уступки оффиціальности. Это значило бы не смотрѣть на солнце прямо, туда, откуда оно свѣтитъ вѣкамъ, въ ясной лазури, а приглядываться къ отраженію его—въ прудѣ, гдѣ оно является среди однолѣтнихъ водорослей.

Человѣкъ создаетъ литературу, а вы приписываете ему тенденціи по вопроснымъ пунктамъ; идеалу красоты родного слова, живописателю народнаго склада ума вы хотите подвѣсить текущія клички и отмѣтки! Это все равно, какъ если бы Аполлону Бельведерскому прописать паспортныя примѣты.

На той высотѣ, гдѣ стоитъ для умственной жизни Россіи, для совершенства русскаго слова Пушкинъ—нѣтъ тенденціи, нѣтъ ни байронства, ни партій, ни дворянства, ни оффиціальности. Подобныя изслѣдованія умѣстны въ біографіяхъ поэта, гдѣ воспроизводится личность смертнаго. Они не имѣютъ смысла при оцѣнкѣ того значенія, какое Пушкинъ имѣлъ для Россіи; Пушкинъ неизмѣримо, недосягаемо выше ихъ, какъ національная общерусская слава!

Въ заключеніе «Страна» выражаетъ надежду, что настоящее празднество не будетъ послѣднимъ, что

«память Пушкина мы еще почтимъ въ столѣтнюю годовщину его рожденія, черезъ 19 лѣтъ, въ собраніи еще болѣе многочисленномъ и болѣе радостномъ, когда исчезнетъ рознь и всѣхъ насъ сблизитъ общая работа».

*** По словамъ «Новаго Времени», радость обуяла многотысячную толпу, когда пала завѣса съ памятника выразителя національнаго генія. Случайные представители русской земли, званые и незваные, чиновные и неслужилые, — всѣ слились въ одну душу, въ одно тѣло передъ изваяніемъ носителя родной славы. Народный умъ чутокъ, неподкупенъ—онъ награждаетъ по заслугамъ. Предчувствіе жреца музъ не обмануло его — не заростетъ народная тропа къ памятнику Пушкина—онъ честно потрудился на славу Россіи.

У подножія памятника у толпы вырвалось изъ груди сознаніе, что надо порвать съ недавнимъ прошлымъ. «И милость къ падшимъ призывалъ» — этотъ стихъ Пушкина повторяли участники торжества; геній поэта парилъ надъ ними, лучъ солнца просіялъ съ покрытаго тучами неба. Само небо освѣтило единеніе всѣхъ сословій, всѣхъ состояній въ древнепрестольной Москвѣ златоверхой.

Минуютъ дни народнаго праздника. Борьба мнѣній не утихнетъ, да и нѣтъ надобности, чтобъ она утихла. Въ борьбѣ ростутъ силы, но да будетъ эта борьба разумная, благородная, честная; да будетъ открытъ свободный просторъ свободному мнѣнію.

Мирное, воодушевленное національное торжество въ Москвѣ убѣждаетъ, какое прекрасное, какое благотворное дѣло собрать во едино нравственные помыслы русскихъ людей во имя общей мысли, во имя славы Россіи.

*** «Недѣля» говоритъ: Въ немъ (въ Пушкинѣ) была великая, необычайная ширь пониманія и сочувствій, необычайная способность чутко и глубоко поэтически отзываться на все, что затрогивало его душевныя струны... Это не была поэтическая безхарактерность, еще менѣе—нравственная безличность. Это не была также одна лишь поэтическая объективность, умѣющая проникать во всѣ положенія, отождествляться со всѣмъ, что ни есть въ природѣ и въ человѣческой жизни, но въ то же время иногда придающая поэзіи какой-то холодный, безучастно-олимпійскій колоритъ. Нѣтъ, здѣсь, въ этой безграничной отзывчивости на все сущее, въ этой ассимиляціи духа всѣхъ вѣковъ и народовъ выражается ширина симпатій и воззрѣнія, отличающая славянскую, преимущественно русскую натуру.

Газета находитъ знаменательнымъ и то обстоятельство, что памятникъ Пушкину открытъ въ началѣ десятилѣтія, когда обѣщаютъ замириться у насъ внутреннія тревоги.

Мы искренно рады, говоритъ «Недѣля», что съ этимъ поворотомъ къ замиренію, съ этими надеждами общественнаго успокоенія, для нашего чувства облегчилась возможность воспринять отрадныя впечатлѣнія, связанныя съ пушкинскимъ празднествомъ. Въ поэзіи Пушкина преобладаетъ идеально-положительное, созидающее начало; въ ней, рядомъ съ отвращеніемъ къ злу, звучитъ и свѣтлая любовь къ благу— примирительная стихія. Пусть же имя поэта, всенародно превознесенное нынѣшнимъ торжествомъ, осѣнитъ русское общество на томъ пути нормально-прогрессивнаго развитія, который такъ согласуется съ общимъ настроеніемъ его поэзіи. Оно заблистало теперь, какъ знамя соединенія разрозненныхъ тенденній и партій, часто враждующихъ между собою только изъ близорукой односторонности. Пусть нашъ геніальный поэтъ напоминаетъ каждому, что такое истинная многосторонность, чуждая нетерпимой и косной исключительности; пусть онъ напоминаетъ, что честь, примиряющая гуманность, уваженіе къ человѣку, къ его гражданскимъ и личнымъ правамъ, составляютъ заповѣди, которыя должны быть хранимы при всякихъ обстоятельствахъ, при всякихъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ!

Будемъ же надѣяться, что воздвигнутый ему памятникъ послужитъ тѣмъ символическимъ средоточіемъ, вокругъ котораго сходятся разрозненные и разъединенные!

*** «Врачебныя Вѣдомости», не касаясь, конечно, значенія Пушкина въ области литературы, высказали нѣсколько словъ о реальномъ значеніи его генія.

Для полнаго развитія общества необходимо самосознаніе, необходимо опредѣлить свое положеніе «въ ряду существъ». Для того, чтобы чемъ нибудь организоваться, необходимы организаціонныя Вирховскія клѣточки. Наконецъ, для высшаго совершенствованія людскихъ обществъ необходимы различные нравственные стимулы, необходимо знамя, вокругъ котораго люди могли бы группироваться.

Національная гордость, сознаніе, что мы тоже не хуже другихъ что мы тоже способны на рѣшенія міровыхъ задачъ, — есть велика реальная сила. Она вноситъ бодрость и энергію въ людскую дѣятель

ность, она гонитъ сонъ, апатію и уныніе. Пушкинъ былъ для насъ такою силою.

Пушкинъ былъ и одною изъ важнѣйшихъ нашихъ организаціонныхъ клѣточекъ. Вокругъ него начали группироваться не только чисто русскіе, но и различные элементы нашего государства, иногда колеблющіеся и не знающіе, къ чему имъ прилѣпиться. Національность русская начала тверже чувствовать свое я.

Много сложныхъ причинъ участвуютъ въ ростѣ общества, но между ними одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаютъ геніальные люди. Не говоря ни о могучихъ пушкинскихъ стихахъ, ни о ясности и точности чисто натуралистической, его изложенія, мы привѣтствуемъ воспоминаніе о Пушкинѣ, какъ о будителѣ русскаго самосознанія. Нравственная сила генія Пушкина, которая проявилась во время торжества открытія ему памятника, есть дѣйствительная сила. Она совершенно реальна.

*** Одно лишь печалитъ насъ — говоритъ «Тверской Вѣстникъ»—на Пушкинскомъ праздникѣ, это тотъ фактъ, что великаго русскаго народнаго поэта не знаетъ русскій народъ, для громаднаго большинства котораго не только изящная поэзія, но и простая грамотность—еще великая роскошь. А интеллигентное наше общество? развѣ оно много интересуется Пушкинымъ и его художественно-поэтическимъ творчествомъ? За 43 года, протекшихъ со смерти поэта, мы имѣемъ только пять изданій его сочиненій. Послѣдняго *) изданія, вышедшаго въ 1873 году, давно уже нѣтъ въ продажѣ. Съ 1873 года изъ отдѣльныхъ произведеній Пушкина печатались только «Евгеній Онѣгинъ», сказки да хрестоматическіе отрывки для школъ.

Въ 66 лѣтъ съ того дня, какъ появилось въ печати первое стихотвореніе Пушкина, у насъ вышло всего десять книгъ о нашемъ поэтѣ, ни одного цѣльнаго труда, который выяснилъ бы жизнь, дѣятельность, общественное и литературное значеніе Нушкина во всѣхъ подробностяхъ и со всѣхъ сторонъ.

Въ нашихъ гимназіяхъ, особенно въ послѣдніе годы, подъ бременемъ греко-латинской грамматики, мало изучаютъ Пушкина, въ начальныхъ же народныхъ школахъ программа преподаванія такъ тѣсна, что сколько нибудь основательное ознакомленіе учащихся съ поэзіей и

*) 1873 года изданія Геннади.

поэтами, даже такими какъ Пушкинъ, считается — по общепринятом обычаю и всюду практикующемуся воззрѣнію—неумѣстнымъ, не смотр на то, что громадное воспитательное значеніе истинной поэзіи всѣм признано.

Пожелаемъ же, чтобъ возможно скорѣе настало то время, когд русская народная школа будетъ давать не одну только грамотность, и образованіе, когда школа эта приметъ въ свою среду все способно учиться юношество, а не десятую его часть (какъ теперь), когда наконецъ русскій народъ пойметъ и оцѣнитъ своихъ геніальныхъ художниковъ, поэтовъ, мыслителей.

*** Всѣ органы русской періодической печати—какъ въ столицахъ такъ и въ провинціи—давно уже посвятили весь присущій имъ лиризм прославленію памяти пѣвца Евгенія Онѣгина. Просматривая патетическія статьи и воззванія этихъ органовъ, читатель невольно переносится къ тѣмъ печальнымъ днямъ своей юности, когда ему приходилос зубрить въ гимназіи тощій Курсъ исторіи литературы Зеленецкаго. Не смѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ,—говорится въ «Обзорѣ», что современной печати приходится распространяться о значеніи и заслугах поэта, именуемаго «народнымъ», и цитировать стихи цисателя, произведенія котораго съ дѣтства наизустъ вытвержены всею грамотною Россіею? Что Пушкинъ—великій поэтъ, что онъ весьма много сдѣлалъ дл развитія русской литературы, что она ему обязана дивными произведеніями,—все это ясно и безспорно, все это извѣстно и доказано дл всѣхъ, кто только умѣетъ читать и мыслить. Если, но поводу его произведеній, и возникаетъ, иной разъ, какое нибудь несогласіе, то единственно лишь на счетъ того—такое ли важное значеніе для современной намъ литературы имѣютъ сочиненія Пушкина, какое принадлежитъ имъ по отношенію къ русской литературѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Мы заговорили объ этой сторонѣ дѣла не спроста а въ виду очевидной недобросовѣстности нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналистовъ реакціоннаго направленія, стремящихся воспользоваться ны нѣшними овиціями Пушкину съ цѣлью бросить лишній разъ камнемъ в ограду новѣйшей русской литературы.

Гг. «патріоты» своего отечества, наперерывъ другъ передъ другомъ доносятъ теперь современной читающей публикѣ, что прогрессивна часть русской литературы «отрицала» значеніе Пушкина и осмѣивал

его писанія, причемъ, разумѣется, дѣлается ссылка на Писарева и на «писаревщину». Мы не остановимся на неделикатности этого пріема по отношенію къ самому Писареву, который вовсе и не оспаривалъ историческаго значенія Пушкина, а доказывалъ только, что съ современной точки зрѣнія сочиненія поэта кажутся ему безсодержательными и неудовлетворительными. Мы спросимъ только — добросовѣстно ли дѣлать всю прогрессивную часть русской литературы отвѣтственною за все то, что высказывалъ Писаревъ? Эта прогрессивная часть имѣетъ представителей, несравненно болѣе авторитетныхъ, серіозныхъ, чѣмъ талантливый, но неустановившійся критикъ Дѣла и Русскаго слова. Если же мы обратимся къ сочиненіямъ этихъ представителей въ которыхъ только и можно искать основы и воззрѣнія прогрессивной литературы, то мы увидимъ, что они относились къ Пушкину съ полнымъ уваженіемъ. Сошлемся, напримѣръ, на рядъ статей Н. Г. Чернышевскаго о Пушкинѣ *), въ которыхъ великому поэтому отводится мѣсто, подобающее его громаднымъ заслугамъ. Въ началѣ этихъ статей Чернышевскій прямо заявляетъ, что отрицать значеніе и заслуги предшественниковъ, съ кондачка относиться къ ихъ роли могутъ только люди или ничего сами не сдѣлавшіе, или рѣшительно ничего не способные сдѣлать, и что серіозные дѣятели, ушедшіе впередъ, никогда не могутъ забыть заслугъ предшественника, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится вступать съ ними въ борьбу. Въ статьяхъ того же критика О Гоголевскомъ періодѣ въ русской литературѣ и въ отдѣльно изданной имъ же брошюркѣ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ о великомъ значеніи Пушкина говорится не разъ и не мало, и говорится такъ горячо, такъ искренно, такъ восторженно, какъ наврядъ ли когда удастся заговорить нашей реакціонной прессѣ. Что лучшая и наиболѣе передовая часть современной русской литературы, въ данномъ случаѣ, вполнѣ раздѣляетъ взгляды главнѣйшаго представителя прогрессивнаго направленія, видно изъ того, что организаторами торжества по поводу открытія памятника Пушкину являются не патріоты своего отечества, не квасные завыватели, а сотрудники и редакторы наиболѣе передовыхъ органовъ нашей печати.

---

*) Современникъ 1855 и 1856 г., четыре обширныя критическія статьи по поводу изданія г. Анненковымъ Собранія сочиненій Пушкина.

И такъ съ одной стороны—перепечатка изъ учебниковъ реторики безсодержательныхъ фразъ о великомъ значеніи Пушкина, съ другой—попытка воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы оклеветать въ глазахъ толпы прогрессивную часть нашей литературы—вотъ почти все, что до сихъ поръ дано намъ большинствомъ нашихъ періодическихъ изданій. А между тѣмъ Пушкинскій праздникъ наводитъ мыслящаго человѣка на несравненно болѣе серіозные вопросы, о которыхъ мы считаемъ своимъ долгомъ напомнить читателю.

Великій народный поэтъ русской земли, безспорно, одаренъ былъ отъ природы богатѣйшими дарами и способностями, какіе достаются въ удѣлъ далеко не всякому поэту или писателю. Въ высшей степени проницательный и острый умъ его, необыкновенная легкость въ работѣ, страстное отношеніе ко всему, къ чему только онъ ни прикасался, способность обобщенія,—словомъ все съ избыткомъ дано было поэту. Изъ числа русскихъ пѣвцовъ никто, ни до него, ни послѣ него, не посвященъ былъ въ большей, чѣмъ онъ, степени

„Въ гармоніи стиха божественныя тайны..."

и едва ли кто изъ современныхъ ему русскихъ писателей обладалъ такимъ роскошнымъ талантомъ и такимъ серіознымъ представленіемъ о назначеніи писателя, какъ Пушкинъ. Стоитъ только прочесть любыя десять страницъ изъ его произведеній, чтобы понять и почувствовать, что въ самомъ Пушкинѣ имѣлись всѣ безъ исключенія элементы, необходимые для того, чтобы поэтъ и мыслитель могъ оставить въ жизни своего народа неизгладимый отпечатокъ своего вліянія не только на складъ литературной рѣчи, не только на изящество народныхъ пѣснопѣній, но также и главнымъ образомъ на общественный бытъ и государственное развитіе своей страны. Почему же въ дѣйствительности Пушкинъ возымѣлъ такое громадное значеніе лишь въ литературной жизни своего народа, и не сыгралъ рѣшительно никакой роли въ его политической жизни?

Для ясности нашей мысли сопоставимъ Пушкина, ну, хоть съ Викторомъ Гюго, съ талантомъ и литературнымъ значеніемъ котораго у Пушкина такъ много общаго. Безспорно, Викторъ Гюго дорогъ французамъ,—какъ дорогъ русскимъ Пушкинъ—тѣмъ, что приблизилъ къ языку боговъ литературный языкъ своего отечества и придалъ невѣдомую до него гармонію родной рѣчи и роднымъ пѣснопѣніямъ. Но въ

несравненно большей степени дорогъ французамъ Гюго тѣмъ, что могъ отдать весь свой могущественный талантъ и всю творческую силу своей мысли на служеніе дѣлу соціальнаго развитія Франціи, могъ посвятить этому дѣлу лучшіе годы своей дѣятельности, лучшія силы своего генія. Въ теченіе жизни и дѣятельности Виктора Гюго не было во Франціи ни одного такого общественнаго вопроса, такого соціальнаго явленія, такого укоренившагося зла, на которые не могла бы откликнуться то плачущая, то негодующая, то окрыляющая муза французскаго поэта. И Франція, гордясь его геніемъ, съ несравненно большею еще гордостью имѣетъ право смотрѣть на себя, помня, что она дала полный просторъ этому генію, предоставивъ ему достойную и подходящую арену...

Мы не оскорбимъ тѣни геніальнаго русскаго поэта, если скажемъ, что далеко не такова была его участь среди насъ. Если взглянуть съ этой возвышенной точки зрѣнія на значеніе Пушкина въ политической и соціальной жизни Россіи, то всякій сознается, что въ этой области роль Пушкина была совершенно ничтожная и вполнѣ незамѣтная, ничтожная въ особенности по сравненію съ громаднымъ талантомъ и просвѣщеннымъ умомъ великаго поэта. На русское общественное развитіе Пушкинъ вліялъ лишь *посредственно*. Его сочиненія развили въ русскомъ обществѣ жажду къ чтенію и любовь къ литературѣ, а эта жажда и любовь только по истеченіи извѣстнаго времени усилили просвѣщеніе страны, вызвавшее потребность улучшеній и перемѣнъ. Но прямаго, непосредственнаго, немедленнаго же вліянія на улучшеніе судебъ и быта своего народа Пушкинъ не имѣлъ, не смотря на свой талантъ, и на то, что онъ стоялъ цѣлою головою выше своихъ современниковъ.

Пушкинъ великолѣпно понималъ истинный характеръ своего значенія, когда въ послѣдніе дни своей жизни, въ концѣ 1836 г., писалъ знаменитое свое стихотвореніе *памятникъ*:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Пушкинъ понималъ, что по отношенію къ активной дѣятел на пользу русскаго политическаго развитія ему остается только роль—«милость къ падшимъ призывать». Но вопросъ, по плечу генію была бы болѣе обширная роль въ этомъ направленіи, не до быть обойденъ нами.

Мы всѣ склонны думать, будто знаемъ Пушкина, будто Россія дѣла полный разцвѣтъ силъ и способностей своего несравненна эта. Какое заблужденіе! О блескѣ и силѣ таланта можно состави бѣ понятіе только тогда, когда видишь его на крупной и серіозн ботѣ, дѣйствительно соотвѣтствующей силамъ генія. Дѣйствител размѣровъ силы великана нельзя постигнуть, пока видишь его и щимъ въ мячикъ. Тутъ вы можете только угадывать, что это—не вый встрѣчный... Дайте ему достойную задачу, способную вызва немъ полное напряженіе силъ и способностей, и тогда только состояніи будете увидѣть, какая передъ вами сила. По отношен Пушкину, впрочемъ, мы можемъ не ограничиться такимъ умозри нымъ указаніемъ, въ виду положительныхъ данныхъ, представля его произведеніями.

Лишь два-три раза пришлось Пушкину посвятить свою лиру нымъ политическимъ вопросамъ своего времени. Къ сожалѣнію, эт изошло въ послѣдній періодъ его дѣятельности, послѣ того, какъ п дущія неудачи обезкрылили поэта, а апатія современнаго обществ ставила его примкнуть къ консервативному лагерю. Мы не кос содержанія и сущности стихотвореній, посвященныхъ этимъ в самъ И безъ нашихъ указаній читатели оцѣнятъ эту ихъ сто Но если, откинувъ въ сторону содержаніе и направленіе этихъ с твореній, вглядѣться въ ихъ форму и обративъ вниманіе на силу с всякій согласится, что никогда пушкинскій стихъ не возвышался лы и образности этихъ стихотвореній, и до сихъ поръ служащи формѣ недосягаемымъ образцомъ въ русской поэзіи. Кто, напримѣр русскихъ поэтовъ когда либо возвысился до неподражаемой сил разности и звучности хоть этого отрывка, содержанія котораго мы нуться не желаемъ:

Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,

Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?
Такъ высылайте-жь намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

Къ сожалѣнію, въ области, о которой мы говоримъ, Пушкинъ могъ касаться только такихъ односторонніхъ сюжетовъ. Но мы утверждаемъ, что, если бъ въ этой области условія, въ которыхъ находилась въ ту пору русская литература, давали Пушкину возможность касаться серіозныхъ вопросовъ русской жизни, Пушкинъ представлялся-бы теперь Россіи несравненно болѣе сильнымъ, даже съ точки зрѣнія «живой прелести» и формы его стиха, не говоря уже о прочихъ сторонахъ его общественнаго значенія въ исторіи русскаго развитія.

Давно пора понять, что роль «великихъ людей» въ жизни ихъ отечества опредѣляется далеко не одною лишь талантливостью данной личности, а условіями, въ которыя она поставлена и тою обстановкою, которую создаетъ ему современное ему общество. Геніальный русскій поэтъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать и чего мы имѣемъ право требовать отъ его личности. Но сдѣлано ли было имъ все, чего соотечественники въ правѣ были ожидать отъ его геніальныхъ силъ, это — другой вопросъ, постановка котораго нисколько не оскорбляетъ его памяти. Если современныя ему условія не дали ему почвы, необходимой для полнаго разцвѣта его силъ и способностей, если великія силы своего ума и таланта онъ принужденъ былъ расходовать на мелочи, ничтожество которыхъ еще рельефнѣе обрисовывается по сравненію съ громадностью его генія, то упрекъ въ этомъ падаетъ не на симпатическую личность поэта, а на всю Русь, на все ея тогдашнее положеніе... Что же касается до Пушкина, то онъ прекрасно опредѣлилъ свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ, когда писалъ:

„Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ Престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу!

Это положеніе пережило Пушкина. Двадцать пять лѣтъ спустя послѣ его преждевременной кончины, критикъ, о которомъ мы говорили въ началѣ этой статьи, съ полною основательностью указывалъ на «пус-

тоту окружающей жизни» какъ на главнѣйшую причину смерти и Пу кина и Лермонтова. Еслибъ окружающая жизнь, писалъ этотъ критик не обрекала выдающихся людей на бездѣятельность и праздность, о не искали бъ въ дуэляхъ, вызванныхъ ничтожными причинами, еди ственнаго исхода изъ той пустоты, которая леденила ихъ умъ. Въ др гомъ мѣстѣ тотъ же критикъ, указывая на ничтожество роли русска писателя, принужденнаго писать о пустякахъ и молчать о томъ, ч шевелитъ его умъ и сердце, въ глубоко прочувствованномъ крикѣ н болѣвшей души выразилъ тоску, сведшую въ преждевременную моги не одного только Пушкина, но и всѣхъ почти лучшихъ дѣятелей р ской литературы. Тяжело сказать себѣ, восклицалъ онъ: пиши о Ле ровѣ и Шопенгауэрѣ, о Кери и Буслаевѣ, сиди надъ этой белиберд ровно никому не нужною, развѣ какъ для нагнанія сна, и знай, н иные еще и уважаютъ тебя за это!...

Будемъ надѣяться,—привѣтствуя открытіе памятника великому эту—что не за горами то время, когда это унизительное положеніе, значительной степени измѣнившееся къ лучшему въ послѣдніе го окончательно прекратится, уступивъ мѣсто лучшимъ порядкамъ, и которыхъ писателямъ, составляющимъ гордость и украшеніе націи, приходилось бы

„Молчать потупя очи долу!“

Итоги Пушкинскаго праздника.

Великое національно-народное торжество окончилось. Москва въ лицѣ представителей отъ всевозможныхъ учрежденій увѣнчала своего поэта и увѣковѣчила его память. Люди всѣхъ сословій слились въ единодушномъ ликованіи, поклонясь художнику—творцу роскошныхъ произведеній поэзіи и прозы. Родственныя намъ славянскія націи и дружественныя иноземныя ученыя корпораціи отозвались привѣтомъ на наше празднество, не говоря уже о всѣхъ углахъ Россіи, откуда летѣли восторженныя строки сочувствія московской радости. Волненіе, охватившее русскую публику, улеглось, успокоилось; порывы стихли, но воспоминаніемъ о незабвенныхъ дняхъ остался колоссальный образъ геніальнаго человѣка. Съ высоты, на которую вознесли его искусство и трудъ роднаго народа, онъ смотритъ въ даль и словно

Въ грядущаго даль прозрѣвая,
Онъ видитъ великій народъ,
Что братски ликуетъ, встрѣчая
Зари лучезарный восходъ.
Онъ видитъ могучую силу,
Что, хлынувъ широкой волной,
Смываетъ невѣжества тину
И свѣтъ воцаряетъ надъ тьмой...

Грандіозно названіе «Пушкинскій бульваръ», «Пушкинская улица», но еще радостнѣе сердцу русскому звучатъ слова: «Пушкинскія школы», «Пушкинскія стипендіи». Это-то и есть та именно лучезарная заря, которая видится вдали поэту, это—царство мысли и свѣта, способное по-

бѣдить мракъ, разсѣять его густыя облака, окутывающія туманомъ се
и деревни нашей многомилліонной силы... Рядомъ съ поклоненіемъ і
мяти умершаго русскаго генія наше общество имѣло радость и гордо
привѣтствовать восторженными кликами и аплодисментами живыхъ с
ихъ художниковъ, артистовъ, поэтовъ и дѣятелей. Болѣе всего ова
досталось на долю нашего незаменимаго романиста Ивана Сергѣеви
При жизни еще увѣнчанъ заслуженными лаврами любящихъ его р
скихъ людей, всѣхъ половъ, возрастовъ и сословій, этотъ геніальны
дорогой намъ человѣкъ. Радуясь восторженнымъ привѣтствіямъ и бу
аплодисментовъ, несшихся отвсюду—въ залахъ и среди улицъ, при
явленіи знаменитаго художника,—намъ невольно вспомнилось стихот
реніе графа Толстаго:

Не вѣрь мнѣ, другъ, когда въ порывѣ горя
Я говорю, что разлюбилъ тебя;
Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря,—
Оно къ землѣ воротится, любя.

«Россія растетъ», сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, между прочимъ, своей прочувствованной рѣчи, посвященной памяти Пушкина. Да, тысячу разъ правъ, Россія растетъ и признакомъ ея умственнаго и нр ственнаго роста служитъ нашъ недавній праздникъ, который обѣща быть далеко не послѣднимъ въ ряду подобныхъ другихъ, предвидим вдали... И кто станетъ сомнѣваться въ возможности могучаго роста р скаго исполина при воспоминаніи о великихъ именахъ умершихъ наш дѣятелей на всѣхъ поприщахъ жизни — литературы, искусства, мы при видѣ тѣхъ живыхъ, которыми мы имѣемъ право гордиться!.. Ка величественное зрѣлище представляла толпа убѣленныхъ сѣдинами, сохранившихъ душу живую, лучшихъ людей, пришедшихъ воздать вомъ хвалу умершему собрату!..

Отрицанье—сила способная дать новыя, живыя формы жизни условій, и оно сослужило свою службу. Безъ отрицанія нѣтъ анал безъ анализа нѣтъ движенія; но останавливаться долго на одномъ рицаніи—это болѣзнь...

Насъ такъ измучили тоска, борьба, сомнѣнья,
Намъ такъ хотѣлось бы и вѣрить, и любить...
„Довольно, довольно, пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась“...

готовы мы сказать, повторивъ слова умершаго поэта, облеченныя въ живое поэтическое слово Тургенева...

«Россія растетъ» и снова покланяется тому, что сжигала недавно во имя неудержимаго стремленія вырости поскорѣй... Пусть же образъ русскаго генія напоминаетъ и указываетъ намъ идеалы правды, добра, красоты, поэзіи, которые, какъ путеводная звѣзда, должны освѣщать путь юнымъ нарождающимся русскимъ силамъ, направляя ихъ на прямую дорогу среди мрака наживы, эксплуатацій и произвола, и тогда, только тогда настанетъ та великая «минута пробужденья», о которой говорилъ Пушкинъ:

И вновь настало пробужденье
И для меня воскресли вновь—
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Свѣтъ и любовь, великая мировая любовь!.. Въ нихъ — сила, способная заглушить низменные инстикты и эгоистическіе помыслы хищничества и разнузданности...

Пусть памятникъ, возвышающійся противъ одного изъ храмовъ, въ которыхъ проповѣдывается любовь Пострадавшаго за грѣхи міра,—пусть этотъ памятникъ напоминаетъ намъ о чистыхъ, широкихъ идеалахъ человѣчности и поступательнаго движенія впередъ на пути мирнаго развитія народнаго благоденствія, просвѣщенія массы и сліянія науки съ трудомъ. («Русскій Курьеръ»).

* * *

Въ «Молвѣ» говорится между прочимъ по поводу московскихъ «красныхъ дней»:

На пушкинскихъ празднествахъ присутствовали общественная мысль и общественное слово. Конечно, первая не высказывалась прямо и послѣдовательно, да и не мѣсто, и не время ей было сосредоточивать на себѣ вниманіе. Но она чуялась. Она скользила по всему и витала вокругъ насъ. А мы такъ вѣдь привыкли читать между строкъ и дополнять недосказанное. Стремленія и пожеланія этой мысли слышались въ рѣчахъ и тостахъ; отголоскомъ ихъ служили многочисленныя поздравительныя телеграммы, пришедшія съ разныхъ концовъ земли русской, но, точно по уговору, повторявшія одну и ту же фразу, тянувшіяся къ одному и тому же идеалу; они не высказывались въ частныхъ бесѣдахъ

и разговорахъ; имъ-же, рѣзко прерывая чтеніе и рѣчи, оглушительн рукоплескала публика; они-же, казалось, влекли всѣхъ къ взаимны уступкамъ, къ доброму товарищескому слову, къ примиренію враждую щихъ, къ забвенію прошлаго во имя святыхъ и разумныхъ надеждъ н будущее. Надежды эти—нѣтъ надобности скрывать ихъ, въ нихъ нѣт ничего массонскаго, — сводились къ свободѣ мысли, къ свободѣ слов къ большему простору общественной самодѣятельности на пользу гос дарственнаго и народнаго блага. Общественное слово празднества л лѣяло и окрыляло эти мечты. Слово это было силою и достоинство въ устахъ Аксакова, томящеюся надеждою въ устахъ Тургенева, кр комъ истомленной души въ устахъ Достоевскаго, братски ободряющи привѣтомъ въ устахъ Островскаго и не лишеннымъ великодушія ко промиссомъ — въ устахъ Каткова. Слово это говорило, что русское о щество существуетъ не въ представленіи, но въ живой дѣйствительн сти; что есть въ немъ цементъ, который связываетъ его въ одну оду творенную массу; что оно дозрѣло и возмужало; что оно думаетъ, ско битъ и сознаетъ себя; что къ числу своихъ природныхъ, врожденны потребностей относитъ оно свободу мысли и свободу слова; что литер турою оно заработало себѣ аттестатъ зрѣлости, закрѣпило за собо права гражданства и пріобрѣло огромный общественный вѣсъ; что пр выше всѣхъ заслугъ цѣнятся въ этомъ обществѣ любовь къ нему и ч стота идеаловъ, средствъ и намѣреній; что всѣ мы устали и упали д хомъ отъ бездѣйствія и безмолвія, отъ подозрѣній и недовѣрія, о предубѣжденій и недоразумѣній и что, наконецъ, русская интеллиген стоитъ длинными, стройными, дисциплинированными рядами и жде съ почтительнымъ спокойствіемъ того времени, когда вновь будетъ пр звана она подсоблять и закрѣплять дружную, прогрессивную всенар ную работу, такъ блестяще начатую и такъ фатально оборванную.

***

Какъ ни могутъ казаться исчерпанными всѣ разсужденія о пушк ском праздникѣ, — говоритъ «Голосъ»—но есть одна особенная с сторона, которая заслуживаетъ серьезнаго размышленія именно тепе когда нѣсколько улеглись первыя восторженныя ощущенія московск пиршествъ. Съ этой стороны пушкинскій праздникъ всего болѣе пр ставляется «успѣхомъ нашего народнаго самознанія», какъ прекра о немъ выразился одинъ изъ московскихъ ораторовъ.

У насъ было немало подобныхъ, по наружнымъ признакамъ, торжествъ, открытій памятниковъ, юбилеевъ, разныхъ чествованій; но чествованіе памяти Пушкина отличалось одною характеристическою чертою—неофиціальностью, царившею на московскомъ торжествѣ. Эта черта тѣмъ болѣе существенна, что, своими громадными размѣрами, нетолько всероссійскими, всенародными, но даже общеевропейскими, всенародными, это торжество далеко превзошло всякія подобныя у насъ торжества. На всѣхъ нихъ лежалъ большій или меньшій казенный отпечатокъ котораго не было ни малѣйшаго слѣда на пушкинскомъ праздникѣ и который былъ бы такъ несвойственъ памяти великаго поэта.

Этотъ праздникъ, можно сказать безъ преувеличенія, свободно и самобытно изошолъ изъ самыхъ нѣдръ русскаго общества, изъ народнаго сердца, а не изъ русскаго государства. Говоря это, мы нисколько не умаляемъ значенія государства въ народной жизни: государство и общество, какъ тѣло и душа, одно безъ другаго немыслимы. Но при могущественномъ, тысячелѣтнемъ господствѣ государства надъ обществомъ, могло часто казаться, въ разные, болѣе или менѣе, печальные моменты нашей исторіи, особенно же казаться иностранцамъ, что въ этомъ величайшемъ въ мірѣ, государствѣ, въ этихъ всепоглощающихъ формахъ государственности, офиціальности и казенщины; нѣтъ, какъ и въ азіатскихъ государствахъ, самостоятельнаго общества, нѣтъ души. Эта-то душа громко, неотразимо сказалась на пушкинскомъ праздникѣ.

Онъ былъ устроенъ по почину частныхъ лицъ, на частныя деньги, безъ всякаго участія правительства, такъ же, какъ возникла и была осуществлена самая идея памятника. Руководителями, распорядителями и дѣйствующими лицами на всѣхъ церемоніяхъ и пиршествахъ, сопровождавшихъ открытіе памятника, были представители разныхъ учрежденій, хотя и публичныхъ, но дѣйствовавшихъ, какъ самостоятельныя общественныя единицы—комитета по сооруженію памятника, городской думы, общества любителей россійской словесности, университета, разныхъ общественныхъ союзовъ, литературы и науки.

Эта независимая отъ всякихъ правительственныхъ учрежденій дѣятельность общества какъ бы воодушевила собою самихъ представителей государства и церкви, и повлекла ихъ къ всенародному чествованію памяти народнаго поэта. Въ числѣ чествовавшихъ представителей государства, кромѣ высшихъ сановниковъ, былъ членъ императорской фа-

миліи, олицетворявшій собою вѣковѣчное единеніе царской семьи с чувствами и мыслями народа. Извѣстно, что, вслѣдствіе глубокаго горя посѣтившаго императорскій домъ, присутствіе другихъ его членовъ был невозможно.

Можно ли не признать, что такая свободная и самобытная обще ственная дѣятельность, такое участіе самихъ представителей государ ства во всенародномъ дѣлѣ, по почину и по призыву общества, состав ляютъ у насъ явленіе довольно новое? При этомъ нужно замѣтить, чт это явленіе потому еще въ высшей степени отрадно, что идея общества съ безграничною и нестѣсняемою ни съ какой стороны свободою, про явила себя на почвѣ совершенно законной, здоровой и народной. Д сихъ поръ мы привыкли къ самостоятельному проявленію обществен ныхъ „идей“ только на почвѣ незаконной, больной и ненародной, ка ково было печальное движеніе разныхъ „идей“, омрачившее нашу жизн въ послѣдніе годы...

Описанный, необычайный у насъ характеръ пушкинскаго праздник чрезвычайно усиливается еще личнымъ характеромъ его виновника Сколько бы ни измѣнялись мнѣнія о политическихъ убѣжденіяхъ Пуш кина и сколько бы ни спорили объ этомъ вопросѣ, одно, кажется, оста нется навсегда безспорнымъ и неизмѣннымъ—Пушкинъ былъ человѣк безусловно независимый въ политическомъ отношеніи, безгранично сво бодный въ своемъ гражданскомъ самосознаніи. Онъ былъ нетолько ве личайшій русскій поэтъ, но и первый поэтъ, совлекшій съ себя всяку одежду офиціальнаго піиты, поэтъ съ убѣжденіями, одно время гони мый, всегда, до послѣдней минуты жизни, находившійся подъ угрозам гоненія. Такимъ людямъ еще не воздвигалось у насъ народныхъ памя никовъ и они еще не чествовались обществомъ съ такою свободою и в такомъ единеніи съ государствомъ, какъ это было на этихъ дняхъ в Москвѣ.

Это торжество не можетъ не произвести глубокаго впечатлѣнія за предѣлами нашего государства. Иностранцы привыкли смотрѣть н русское общество, на русскій народъ, какъ на „стадо людей“, прозя бающее подъ всесильною рукою государственной власти, въ казенных рамкахъ, безъ всякой самостоятельной воли и мысли. Они привыкл думать, что эта воля и эта мысль способны проявляться только въ ди кихъ и необузданныхъ казачьихъ или разбойничьихъ кругахъ, или в

неменѣе дикихъ общественныхъ катастрофахъ послѣднихъ лѣтъ. Теперь они могутъ убѣдиться, что свободная общественная мысль, что свободное народное чувство могутъ заявлять себя въ нашемъ отечествѣ безъ казенной указки и въ дѣлѣ здоровомъ и великомъ—въ поклоненіи народному поэту.

Чѣмъ сильнѣе общество въ государствѣ, тѣмъ могущественнѣе государство.

* *
*

«Не зналъ свободы онъ для гордыхъ вдохновеній!»—справедливо сказано въ одномъ изъ стихотвореній, посвященныхъ Пушкину по поводу открытія памятника. Кто можетъ сказать, какъ широко захватилъ бы русскую суть и какъ ярко освѣтилъ бы ее намъ великій поэтъ, если бы мысли его не были стѣснены, самая область его творчества не была ограничена внѣшними условіями,—вотъ мысль, которая была проведена въ одной изъ петербургскихъ рѣчей. А если бы Пушкинъ жилъ въ наше время,—спросимъ мы: могъ ли бы его геній безпрепятственно отдаться всей природной силѣ своего полета? Другой ораторъ, въ Петербургѣ же, напомнилъ, что намъ приходится повторять желаніе Пушкина, чтобъ «надъ отечествомъ взошла заря просвѣщенной свободы».

Скромно было, относительно говоря, чествованіе памяти Пушкина въ Петербургѣ; оно служило лишь откликомъ на празднество, происходившее въ Москвѣ. Но что же было произнесено отъ лица русскаго общества тамъ, въ «центрѣ» русской земли, по выраженію А. А. Потѣхина, тамъ, гдѣ памятнику Пушкина поклонились Тургеневъ, Островскій, Достоевскій, Я. П. Полонскій, А. Н. Плещеевъ, А. Н. Майковъ, А. А. Потѣхинъ. Они, а съ ними и нѣсколько талантливыхъ публицистовъ: гг. Аксаковъ, Юрьевъ, Катковъ произнесли прекрасныя рѣчи. Но было ли сказано ими слово, такое слово, которое выражало бы современную русскую мысль и потому было бы достойно памяти поэта, дорогого именно тѣмъ, что въ немъ русское общество впервые познало свое народное «я»?

Передъ нами — говоритъ „Страна“ — тексты главныхъ рѣчей слышанныхъ въ Москвѣ. Рукоплескали имъ всѣмъ, какъ подобаетъ на праздникѣ; но останется ли отъ нихъ что нибудъ, какое-либо указаніе, поученіе, пригодное для русской жизни? Если послушать репортеровъ, то пришлось бы отвѣчать утвердительно. Нѣсколькимъ рѣчамъ

присвоено было даже названіе „настоящихъ событій“; а вѣдь событія — остаются и должны приносить плоды. По отзыву И. С. Аксакова—рѣчь Достоевскаго была «настоящимъ событіемъ»; дѣйствительно, она и была «событіемъ» въ томъ смыслѣ, что побудила г. Аксакова измѣнить рѣчь, приготовленную послѣднимъ, и повела къ избранію Достоевскаго почетнымъ членомъ общества любителей словесности, стало быть рѣчь Достоевскаго имѣла уже фантастическій результатъ. По другимъ отзывамъ, событіемъ была рѣчь А. А. Потѣхина, потому что онъ предложилъ поставить еще въ Москвѣ памятникъ и Гоголю; а такъ какъ, за этимъ предложеніемъ тотчасъ послѣдовала подписка и собрано было до трехъ тысячъ рублей, то и эта рѣчь произвела уже положительный результатъ, еще болѣе значительный, чѣмъ первая. Наконецъ, иные называютъ событіемъ еще и рѣчь М. Н. Каткова, называютъ не безъ основанія, такъ какъ и это событіе также вызвало фактъ: П. А. Гайдебуровъ подошелъ къ М. Н. Каткову и пожалъ ему руку.

Но вотъ празднество кончилось; участники его разсѣялись, и вниманіе печати точно также разсѣялось на текущія дѣла. Достаточно ли для насъ тѣхъ «событій», которыя произошли въ Москвѣ, и ограничится ли ихъ дѣйствіе тѣми результатами, какіе непосредственно послѣдовали? Конечно, намъ могутъ возразить на это, что невозможно было и ожидать, чтобы въ публичныхъ рѣчахъ высказалось съ полнымъ просторомъ современное положеніе страны и задушевныя ея желанія. Но въ такомъ случаѣ—въ этомъ то именно и заключалось истинное «событіе», въ томъ, напр., что и 43 года по смерти Пушкина не всякое изъ самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ его произведеній могло бы быть прочтено вслухъ, безъ пропусковъ, на Пушкинскомъ же торжествѣ. Въ этомъ смыслѣ, не сила произнесенныхъ рѣчей была знаменательна, но скорѣе — неполнота, недостаточность ихъ.

Съ дѣйствительными полнотою, единодушіемъ и убѣдительностью была только воздана хвала геніальному нашему поэту. Пока ораторы держались въ этой сферѣ, они въ самомъ дѣлѣ выражали несомнѣнное чувство всего русскаго общества въ этотъ день, день воздаянія великимъ народомъ почета великому пѣвцу его. И здѣсь, въ первомъ ряду должна быть поставлена рѣчь просвѣщеннаго московскаго архипастыря,

митрополита Макарія. Онъ говорилъ на тему «вѣчной памяти» Пушкину, превосходно опредѣлилъ право поэта на вѣчную память въ русскомъ народѣ, и ни что сказанное высокопреосвященнымъ ораторомъ не подлежитъ спору, потому именно, что онъ держался единственно въ области высокаго духовнаго значенія обновителя литературы — для всего народа. Рѣчь митрополита Макарія хороша еще и по красотѣ языка, и по заключенію ея высокопатріотическою молитвой:

«отъ лица всей земли русской, да посылаетъ ей Господь еще и еще геніальныхъ людей и великихъ дѣятелей не на литературномъ только, но и на всѣхъ поприщахъ общественнаго и государственнаго служенія».

Хороши были и тѣ части рѣчей гг. Достоевскаго, Островскаго, Потѣхина, въ которыхъ провозглашалась слава Пушкину, какъ преобразователю литературы, творцу новаго, самобытнаго ея періода. Но не трудно понять, что во всемъ этомъ не можетъ быть никакого указанія для современности, потому именно, что здѣсь прославлялась сила генія. Никому изъ современниковъ не дано быть Пушкинымъ, а стало быть никакого указанія для современности изъ этой области сужденій—повторяемъ — нельзя и извлечь. Когда явится новый Пушкинъ, то онъ самъ и скажетъ новое слово; а до тѣхъ поръ намъ остается только приносить дань удивленія Пушкину.

Но какъ только нѣкоторые изъ ораторовъ пробовали спуститься съ этой высоты на землю и, подъ наплывомъ возвышеннаго чувства, что либо вѣщать для нашего современнаго общественнаго сознанія, для нашихъ цѣлей въ будущемъ, то широкій потокъ краснорѣчія съуживался въ тонкій ручеекъ, текущій на жесткомъ, каменистомъ лонѣ дѣйствительности, или — если продолжалъ бить съ прежней силой и шумомъ, то билъ красивымъ, но безплоднымъ фонтаномъ, снова вверхъ, на воздухъ, въ область фантазій «не отъ міра сего», ничего не расчищая, ничего не оплодотворяя.

Какую пользу можетъ принесть намъ, напримѣръ, то указаніе на русскій народный идеалъ, какое далъ г. Достоевскій? Толкуя, съ значительной натяжкой, «Цыганъ» и «Онѣгина», ораторъ видитъ въ Пушкинѣ — «всечеловѣка», провозвѣстника «будущаго всемірнаго братства».

По телеграфированнымъ словамъ оратора:

«Пушкинъ былъ всечеловѣкъ и этимъ онъ народенъ, — пророкъ

возсоединенія, будущаго идеала, истолкователь русскаго сердца, которое стремится къ великой гармоніи и братству по Христовой заповѣди».

Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? Начать съ того, что нѣкоторые новые славянофилы усвоили себѣ обычай смѣяться надъ словомъ «общечеловѣческое», постоянно противополагая этому понятію другое—русское, національное. Нарочно, для смѣха, выдумали они слово «общечеловѣкъ» и постоянно трунили надъ этимъ «общечеловѣкомъ». Г. Достоевскій не принялъ этого слова, но придумалъ новое—«всечеловѣкъ», и къ понятію, имъ представляемому, относится съ восторгомъ. Удачнѣе ли «всечеловѣкъ», чѣмъ «общечеловѣкъ, — это для насъ безразлично. Почему стремленіе къ «всечеловѣчности» и къ «великой гармоніи» есть и должно быть отличительнымъ свойствомъ русской народности—этого мы не можемъ понять. Мысль о братствѣ всѣхъ людей не есть и не можетъ быть достояніемъ одного народа уже просто потому, что если бы другіе народы не могли проникнуться ею, то она сама оказалась бы совершенно безполезной. Да и гдѣ же доказательсто, что именно въ этомъ заключается особый идеалъ русской народности? Неужели только въ томъ, что Пушкинъ «одинаково художественно создавалъ и русскіе, и иностранные типы и, въ этомъ смыслѣ, онъ — выше всѣхъ поэтовъ вселенной?» Но Шекспиръ создалъ безсмертные типы ревниваго мавра и скупца—еврея; Шиллеръ далъ живые и вѣрные типы Филиппа испанскаго, Доминго, Фіеско, Карла VII французскаго; у Виктора Гюго національно-вѣрны и Эрнани, и Лукренія Борджія. Положимъ изъ этого слѣдуетъ, что великіе писатели всѣхъ народовъ — «всечеловѣки»; но ужь тогда никакъ не слѣдуетъ что мысль о всечеловѣческомъ братствѣ есть спеціальная принадлежность которой либо литературы и какого либо одного народа.

Замѣтимъ еще г. Достоевскому, что мысль его даже не оригинальна: раньше его, нѣмецкіе писатели старались усвоить германскому національному генію идеалъ общечеловѣчности и стремленія къ общему братству, истекающаго изъ лучшаго знанія нѣмцами особенностей другихъ народовъ. Что же, намъ спорить ли с нѣмцами, что мы—настоящіе „всечеловѣки“, а не они?

Но, главное,—къ чему все это? Представимъ себѣ общество, которое сочло бы себя удовлетвореннымъ такой программою, какая закл

чается въ «стремленіи къ великой гармоніи»; это было бы общество мечтателей, а не дѣятелей. Оставался бы все-таки открытымъ вопросъ о томъ, «какъ» стремиться къ общей гармоніи? Нужнымъ ли окажется для этой цѣли начать съ того, чтобы улучшить условія своего собственнаго быта? Но въ такомъ случаѣ, ближайшая программа вовсе не заключается въ стремленіи къ всечеловѣчности. Или же ничего у себя переиѣнять не слѣдуетъ, а просто надо пылать любовью ко всему человѣчеству и утѣшать себя тѣмъ, что такова задача, спеціально возложенная на Россію Провидѣніемъ? Но въ такомъ случаѣ — это есть программа застоя въ настоящемъ...

Къ житейской прозѣ точнѣе, чѣмъ г. Достоевскій, подошелъ И. С. Аксаковъ.

„Россію подвергали внутри и извнѣ насилію. Рукою палача совлекалась одежда русская. Богатый русскій языкъ уродовался. Все дорогое подвергалось осмѣянію. Внутренній бытъ калечился. Чуждая намъ жизнь Европы вгонялась силою. Русскій народъ отдавался въ рабство иноземцамъ и у себя дома попалъ въ малолѣтки“ и т. д.

Такъ передаетъ одна телеграмма существенное мѣсто въ рѣчи предсѣдателя бывшаго славянскаго комитета въ Москвѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что программа г. Аксакова вовсе не такъ туманна, какъ программа г. Достоевскаго. Но онъ ея не могъ высказать теперь, да она еще и... не вполнѣ готова. Вполнѣ опредѣлены у прежнихъ славянофиловъ только сожалѣнія о прошломъ, но взглядъ на задачу въ будущемъ у нихъ всегда оставался незаконченнымъ. А зависѣло это отъ нежеланія понять, откуда въ Россіи происходило пренебреженіе къ русско-народному: отъ той ли причины, что намѣренно старались унизить все русское (чего, по крайней мѣрѣ, съ 1825 года вовсе не было), или что пренебрегали всѣмъ народнымъ, не хотѣли справляться съ народнымъ голосомъ, признать нравственныхъ потребностей общества? Если вѣрно это второе толкованіе, то пришлось бы признать, что далеко не вся «жизнь Европы» вгонялась къ намъ, а не вносилось изъ нея именно то, что и намъ было бы вовсе не чуждо, какъ никому и никогда не бываютъ чуждыми естественныя условія простора.

Ближе всѣхъ коснулся непосредственной задачи талантливый М. Н. Катковъ. Онъ, какъ публицистъ, угадываетъ то слово, съ котораго

должно начаться наше обновленіе. Слово это— «единеніе». Вотъ нѣкоторыя его слова:

«Я говорю подъ сѣнію памятника Пушкина, и потому надѣюсь, что мое искреннее слово будетъ принято дружелюбно всѣми безъ исключенія. Кто бы мы ни были и откуда бы ни пришли, и какъ бы мы ни разнились во всемъ прочемъ, но въ этотъ день, на этомъ торжествѣ, мы всѣ, я надѣюсь, единомышленники и союзники. Кто знаетъ, быть можетъ, это минутное сближеніе послужитъ залогомъ болѣе прочнаго сближенія въ будущемъ и поведетъ къ замиренію, по крайней мѣрѣ, къ смягченію вражды между враждующими....

«На русской почвѣ люди, столь же искренно желающіе добра, какъ искренно сошлись мы всѣ на праздникѣ, могутъ сталкиваться и враждовать между собою въ общемъ дѣлѣ только по недоразумѣнію».

Что мы можемъ возразить противъ этихъ словъ? Ничего. Мы сами, говоритъ «Страна»—въ статьѣ на праздникъ 6 іюня, взывали къ единенію, къ прекращенію розни, которая всѣхъ насъ обуяла; но мы указывали и на средство: на единеніе въ общей, дружной работѣ самоуправленія; когда она закипитъ на Руси, мы будемъ спорить только объ интересахъ, но перестанемъ заниматься праздными передѣлываніемъ всего русскаго типа на произвольные образцы.

„Несмотря однако на такое, случайное совпаденіе, по тому же поводу, нашихъ словъ съ словомъ московскаго публициста, мы—не подали бы г. Каткову руки. Мы подождали бы, когда онъ докажетъ намъ на дѣлѣ, что отказался отъ основныхъ условій своей дѣятельности, не станетъ всѣхъ и все заподазривать, повсюду указывать предательства, ковы, измѣны и «тайные происки» партій. Г. Катковъ нынѣ признаетъ «общее дѣло» и сожалѣетъ о «недоразумѣніи». Для того, чтобы устранить всякое недоразумѣніе и указать на то общее дѣло, которое мы согласны защищать хоть вмѣстѣ съ г. Достоевскимъ, и даже съ г. Катковымъ—если только ихъ устраняло доселѣ отъ этого дѣла лишь недоразумѣніе,—мы скажемъ нѣсколько заключительныхъ словъ.

Русская мысль не есть стремленіе къ всечеловѣческой гармоніи; но какъ мысль каждаго иного народа, она есть сознаніе главныхъ потребностей народа и настоятельности ихъ удовлетворенія; русская мысль теперь заключается въ томъ, что русское общество уже вполнѣ созрѣло для прямого вліянія на ходъ дѣлъ страны. Истинное, плодотворное еди-

неніе должно осуществиться не въ томъ, что г. Катковъ, заговорилъ о «смягченіи» нравовъ — въ праздничный день и притомъ въ такое время, когда не на его улицѣ былъ праздникъ; также и не въ томъ, что г. Гайдебуровъ подалъ ему руку. Единеніе можетъ состояться лишь въ общемъ стремленіи доказать зрѣлость русскаго общества и полную его готовность къ воспринятію новыхъ преобразованій, долженствующихъ обновить условія нашего быта.

***

„Современныя Извѣстія“ подъ впечатлѣніемъ московскаго торжества задаются такими вопросами:

„Выигрываетъ или проигрываетъ литература и публицистика, что представители ея сидятъ по угламъ, каждый въ единственномъ собственномъ соку? Пріобрѣтаетъ или теряетъ общество отъ этого разъединенія? Напротивъ, не отъ разъединенія ли и происходитъ нестроеніе въ печати, и ея раздоръ, и разрывъ съ преданіями, наконецъ самая грубость въ пріемахъ полемики, доходящая иногда до предѣловъ, просто нетерпимыхъ въ обществѣ, сколько нибудь уважающемъ приличія? Не тратится ли и много силъ по пустому, не поднимаются ли распри, иногда даже очень озлобленныя, просто изъ недоразумѣнія, а то и изъ самолюбія, неумѣренно развившагося именно вслѣдствіе постояннаго взаимнаго разлученія? Короче сказать, произошло ли бы самое то разложеніе, умственное и нравственное, противъ котораго первымъ спасительнымъ противоядіемъ, надѣемся, послужитъ пушкинскій праздникъ, когда бы между представителями печати было постоянное общеніе, не исключающее ихъ разности во мнѣніяхъ, но соединяющее всѣхъ ихъ во имя общаго призванія?“

Газета выражаетъ увѣренность, что не найдется ни одной писательской души, которая не желала бы этого „постояннаго общенія“,— развѣ какія нибудь безграничныя, необузданныя самолюбія и самомнѣнія, которыя сами суть результатъ взаимнаго отчужденія. При этомъ газета ставитъ на видъ власть имѣющимъ, что

„и въ высшихъ государственныхъ интересахъ всякое собраніе литераторовъ и вообще представителей печати можетъ приносить только пользу, въ смыслѣ воспитанія общественнаго и въ смыслѣ воспитанія самой печати, среди которой не замедлятъ образоваться свои правила

чести, свой нравственный судъ, свое общественное мнѣніе среди самих[illegible]ъ органовъ общественнаго мнѣнія, которое заклеймитъ недостойныхъ, [illegible], обуздаетъ неумѣренныхъ, наведетъ на путь блуждающихъ. Лишь бы [illegible]ы только всякій конгрессъ происходилъ гласно, на виду всѣхъ, и обще[illegible]е ства, и правительства. Гласность здѣсь, какъ и вездѣ, есть лучша[illegible]а узда и лучшая школа отвѣтственности".

***

«Вѣстникъ Европы» сказалъ нѣсколько словъ по повод[illegible]ду этихъ, положительно небывалыхъ дней единодушнаго увлеченія и воз[illegible]з- бужденія лучшихъ сторонъ общественнаго чувства. Редакція видит[illegible]ъ въ этомъ праздникѣ апоѳеозъ поэта, который впервые обратился пря[illegible]мо къ русской жизни и особенно къ жизни народа. «У Пушкина народ[illegible]д- ность стала самою стихіей его поэзіи, бывшей, въ то же время, пер[illegible]р- вымъ фактомъ реализма, изученіемъ дѣйствительности, вѣрнымъ из[illegible]о- браженіемъ жизни». Отъ появленія первыхъ произведеній Пушкина до нашего времени онъ былъ авторитетомъ для читающей массы и род[illegible]о- начальникомъ новѣйшаго періода нашей литературы. Этого было бы до- вольно, чтобъ открытіе памятника Пушкину стало «первымъ, со в[illegible]ре- мени Рюрика, чисто литературнымъ праздникомъ».

Энтузіазмъ, съ которымъ принимались всѣ рѣчи, доказывалъ, [illegible]то литературное торжество признавалось національнымъ. Дѣятели ли[illegible]те- ратурные были, конечно, главными представителями и толковател[illegible]и торжества. Былъ, наконецъ, «на нашей улицѣ праздникъ», по вы[illegible]ра- женію Островскаго.

«И въ мысляхъ были самыя горячія желанія — говоритъ «Вѣ[illegible]ст- никъ Европы» — чтобъ праздникъ былъ не только на сегодня, не тол[illegible]ько для одного круга общества, но чтобъ онъ отразился на внѣшнихъ усл[illegible]о- віяхъ литературы, въ которыхъ не находили большой разницы съ тѣ[illegible]мъ, что было за полвѣка. Но видно было, что, по тѣмъ же условіямъ, о[illegible]а- торы затруднялись высказать опредѣленно свои пожеланія; были то[illegible]ль- ко припомянуты пушкинскіе призывы свѣта и разума, было сдѣл[illegible]ано нѣсколько аллюзій на бѣдственное положеніе литературы, неимѣю[illegible]щей своего права гражданства. Но ясно было видно и заявлялось громки[illegible]ми рукоплесканіями, что эти рукоплесканія и намеки поняты и раздѣл[illegible]ены слушавшимъ обществомъ... Послѣднія два десятилѣтія прошли для

русскаго общества въ тяжкихъ испытаніяхъ, началахъ великихъ предпріятій и въ отступленіи назадъ. Общество приходило къ безнадежности; наконецъ, будто повѣяло другимъ воздухомъ. Праздникъ пришелся въ освѣжающій моментъ, далъ исходъ идеальнымъ надеждамъ и ожиданіямъ».

Журналъ, однако, не слишкомъ довѣряетъ этому примирительному настроенію и находитъ, что значеніе Пушкина цѣнилось не столько со спокойною историческою критикой, сколько съ восторженнымъ чувствомъ поклоненія, отвѣчавшимъ настроенію минуты. Г. Достоевскій сказалъ даже, что Пушкинъ—пророкъ, а его поэзія—преобразованіе будущаго Россіи, когда русскій народъ возвѣститъ истину всему человѣчеству. «У насъ, какъ извѣстно, всѣ общественныя увлеченія совершаются порывами, которые быстро проходятъ, оставляя иногда замѣчательно слабое впечатлѣніе», прибавляетъ «Вѣстникъ Европы» и, въ доказательство, приводитъ недавнее увлеченіе славянскимъ вопросомъ. Опасаясь, чтобъ не случилось и теперь того же. Но, въ данномъ случаѣ, почтенный журналъ ужь слишкомъ вдается въ пессимизмъ. Славянское увлеченіе было далеко не такимъ общенароднымъ явленіемъ, какъ чествованіе Пушкина. Въ самой печати, какъ представительницѣ общественнаго мнѣнія, оно встрѣтило на первыхъ же порахъ довольно сильный отпоръ въ томъ же «Вѣстникѣ Европы», не говоря уже о другихъ изданіяхъ. У Пушкина и его праздника не было ни одного противника въ печати, и единственная газета, позволившая себѣ, въ концѣ прошлаго года, отозваться съ пренебреженіемъ о великомъ поэтѣ, прекратила свое существованіе задолго до праздника. Нѣкоторое охлажденіе къ Пушкину въ послѣднія десятилѣтія журналъ самъ объясняетъ тѣмъ, что въ это время въ общественной жизни происходилъ цѣлый переворотъ, измѣнялись вѣковыя отношенія. Статьи Писарева и въ свое время были, по выраженію «Вѣстника», экстравагантностью. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, все высшее умственное и нравственное воспитаніе общества совершалось на художественной литературѣ, но «въ господствовавшей до недавнихъ дней системѣ просвѣщенія именно русскій языкъ и литература играли самую жалкую роль».

Историкокритическія изслѣдованія о значеніи Пушкина, однако, необходимы. Въ этомъ убѣждаетъ насъ особенно рѣчь г. Достоевскаго.

Сказанная передъ аудиторіей, уже приготовленной къ крайнему увлеченію, она имѣла значительный успѣхъ.

«Въ содержаніи ея не было ничего особенно новаго: такія мысли высказывались издавна въ славянофильской школѣ, и г. Достоевскій только примѣнилъ ихъ къ Пушкину, сдѣлавъ его поэзію — предвѣщаніемъ. Тема о будущемъ или даже настоящемъ первенствѣ русскаго народа передъ всѣми остальными имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что представляетъ не новый примѣръ національнаго самопрославленія. Нѣмцы, французы, англичане считаютъ себя также высшими представителями человѣчества, образцами для другихъ народовъ; даже китайцы увѣрены, что въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннѣе серединнаго царства; въ старину такъ думали и евреи, и хотя именно въ ихъ средѣ возникло христіанство, принятое просвѣщеннымъ человѣчествомъ, какъ истина—именно они-то отвергли и осудили его... Намъ говорятъ о всечеловѣчности или всечеловѣчествѣ русскаго народа; но не была ли эта «всечеловѣчность» просто признакомъ историческо ступени развитія; стремленіемъ усвоить себѣ пріобрѣтенія, сдѣланны ранѣе другими? Наклонность вживаться въ умственную жизнь Европ не была ли слѣдствіемъ умственной бѣдности нашего собственнаг быта?»

Журналъ, конечно, очень желаетъ, чтобы всечеловѣчности развилась въ русскомъ міровоззрѣніи, но, «по бывшимъ примѣрамъ», на это очень мало надежды, а въ нашихъ національныхъ заявленіяхъ гораздо больше обыкновеннаго самохвальства, чѣмъ всечеловѣчности.

«Всечеловѣчность можетъ быть только результатомъ всей полноты національнаго развитія, а о ней мы считаемъ непозволительнымъ и говорить въ настоящую минуту, когда народъ остается безъ школъ, общество— безъ возможности самодѣятельности, литера безъ элементарныхъ условій, которыя дали бы ей право считаться истиннымъ выраженіемъ своего общества и народа. «Врачу, исцѣлися самъ», могутъ сказать намъ, и съ полнымъ правомъ, въ отвѣтъ на наши самонадѣянные порывы исцѣлять Европу и человѣчество. «Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ!» воскликнулъ, въ минуту встрѣчи съ нашею владычествующею дѣйствительностью, самъ Пушкинъ, который не былъ вообще фантазеромъ. Трудно было бы г. Достоевскому коментировать

это восклицаніе поэта, повидимому, нераздѣлявшаго мнѣнія объ удобствѣ быть «всечеловѣкомъ». Но дѣло въ томъ, что рѣчь г. Достоевскаго построена на фальши, пріятной только для раздраженнаго самолюбія. И къ чему, въ самомъ дѣлѣ, явился этотъ всечеловѣкъ? Даже быть имъ не особенно лестно; лучше быть оригинальнымъ русскимъ человѣкомъ, чѣмъ этимъ безличнымъ всечеловѣкомъ. Опять все таже гордыня подъ личиною смиренія!»

«Вѣстникъ Европы» считаетъ даже вредными всѣ эти тенденціозныя ссылки на народъ, который намъ почти невозможно изучать — народъ, безъ сомнѣнія, богато одаренный, сохраняющій много прекрасныхъ свойствъ, но народъ, «лишонный образованія, экономически нуждающійся, религіозно раздѣленный расколомъ, общественно слабо представленный». Многолюдное собраніе, участвовавшее въ открытіи памятника, наводило на мысль, какъ много можно было бы сдѣлать, еслибы такое собраніе было не случайное. Нестроеніе въ печати, ея раздоры, самая трусость въ пріемахъ полемики происходитъ, по замѣчанію одной газеты, оттого, что представители литературы «сидятъ по своимъ угламъ» и не сходятся даже для того, чтобъ уяснить себѣ собственные интересы. Правда, попытки такого сближенія не разъ предпринимались и въ Петербургѣ, не позже, какъ въ началѣ зимы 1879 года; но «Вѣстникъ Европы» не напрасно, по поводу соединенія самыхъ разнородныхъ мнѣній на пушкинскомъ праздникѣ, снова обращаетъ вниманіе на необходимость сближенія такихъ литературныхъ элементовъ, «которые, при всей разности мнѣній въ частностяхъ, могли бы вполнѣ понять другъ друга и идти вмѣстѣ къ общимъ, одинаково понимаемымъ цѣлямъ». Отъ всей души присоединяемся къ этому желанію, осуществленіе котораго, повидимому, всего удобнѣе именно въ настоящее время.

Статья «Вѣстника Европы» оканчивается замѣткой, что рѣчи на праздникѣ изображали намъ Пушкина, какъ великаго поэта, и почти вовсе не касались его, какъ человѣка своего времени, ставившаго патріотическіе вопросы о предметахъ общественныхъ, горячо желавшаго для нихъ работать. Почти не было затронуто въ рѣчахъ историческое значеніе поэта, искавшаго прямой и непосредственной пользы своему народу, считавшаго своею заслугой, что онъ «пробуждалъ добрыя чувства» и «милость къ падшимъ призывалъ». Не была выведена па-

раллель, изъ которой можно было бы видѣть, въ чемъ улучшились и совсѣмъ не улучшились условія общественной дѣятельности и литер туры. Такая параллель замѣтна была въ рѣчи г. Сухомлинова, «мысли останавливались на полдорогѣ, слова не были досказаны». желанія присутствовавшихъ на праздникѣ были самыя скромны «чтобъ явилось, наконецъ, больше простора для печати — единстве наго у насъ средства общественности; чтобъ широко развилось умир твореніе общества».

«Сбудутся ли пожеланія — спрашиваетъ, въ заключеніе, «Вѣс никъ Европы» — думаетъ ли и чувствуетъ ли заодно съ нами русск общество; имѣютъ ли силу думы и чувства нашего круга? И сколь отсутствовало на праздникѣ тѣхъ, кого нужно было бы тамъ видѣть, і изъ одной области литературной, а изъ многихъ другихъ?»

Отвѣтить на эти вопросы должно, во всякомъ случаѣ, близкое б дущее. Въ такомъ неопредѣленномъ, ненормальномъ положеніи не м гутъ долго оставаться ни общество, ни печать.

***

Въ іюньской книжкѣ „С л о в а“ „по поводу открытія памятни Пушкину“ сказано слѣдующее:

«За все время своего безцвѣтнаго прозябанія, русская интеллиге ція конечно не запомнитъ ничего подобнаго пушкинскому празднест Еще до сихъ поръ не совсѣмъ прошло очарованіе его для многихъ пр сутствовавшихъ на немъ, и можетъ быть долго еще сердца ихъ буду полны откликами этого торжества. Не нужно было припоминать в что есть у Пушкина, чтобы по поводу его излить все, что было на сер цѣ,—скорѣе для этого надо было забыть многое; не нужно было слушать отъ начала до конца даже наиболѣе замѣчательныхъ ора ровъ, чтобы прерывать ихъ громомъ бѣшеныхъ рукоплесканій, лобыза имъ руки и падать ницъ предъ ними. Какому-то своему внутренне богу молились всѣ на этомъ праздникѣ, и Пушкинъ нуженъ былъ нѣ торою своею величавостью, чтобы служить только образомъ, только і добіемъ этого бога. А изъ ораторовъ годился въ этотъ горячій мі всякій, кто подвертывался съ своимъ случайнымъ словомъ, даже Катковъ, и того насиліе и самовластье общественнаго настроенія ее не схватило за шиворотъ и не заставило силою служить олицетво ніемъ чего-то прекраснаго, если бы только надъ нимъ не сжалил

всѣ, отвернувшіеся отъ его бокала и тѣмъ спасшіе отъ ломки его, слишкомъ сжившуюся съ позоромъ и срамомъ, натуру.

«Мы не говоримъ, чтобы изваянный образъ Пушкина ничѣмъ не соприкасался съ тѣмъ внутреннимъ божествомъ, съ которымъ явилась на праздникъ русская интеллигенція. Но съ чѣмъ же она явилась туда? Поэзія Пушкина стояла передъ ней во всякомъ случаѣ горькимъ и укоризненнымъ свидѣтелемъ исторіи. 50 лѣтъ тому назадъ русское общество уже создало Пушкина, уже тогда слышались мощные удары крыльевъ русской мысли, заявившей громаднымъ и краснорѣчивымъ фактомъ пушкинской поэзіи о томъ, что она достойна и съумѣетъ свободно работать и служить человѣчеству, наравнѣ съ каждымъ изъ великихъ народовъ Западной Европы. Если мало Пушкина, если недостаточно или темно его заступничество за русское общество, такъ вслѣдъ за нимъ точно по сигналу всходятъ одинъ за другимъ на народную трибуну не менѣе блестящіе и славные адвокаты русской мысли. Являются Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Некрасовъ, Салтыковъ и все это въ теченіе какихъ нибудь двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ. Точно шутя, точно играя, выбрасывало русское общество изъ своихъ нѣдръ всѣ эти драгоцѣнные ослѣпительные дары своего духа... И какая самостоятельность мысли, зрѣлость чувства, какой гордой, какой самоувѣренной и величавой поступью прошли всѣ эти люди предъ лицомъ своего народа и всей Европы! Вѣдь они воочію свидѣтельствовали, что русскому оществу бдавно-давно пора занять свое мѣсто въ семьѣ западныхъ народовъ, что плодъ созрѣлъ и силы рвутся изъ груди и требуютъ правильнаго и широкаго русла, чтобы ровной, спокойной и величественной рѣкой устремиться въ безбрежный океанъ общечеловѣческаго прогресса.

«И вотъ черезъ 50 лѣтъ русское общество собирается передъ памятникомъ Пушкина, разочарованное и почти утратившее вѣру въ себя, въ ту неразгаданную судьбой или пренебреженную ею сущность свою, въ тотъ присущій русскому обществу духъ активной и самобытной иниціативы, который съ такимъ блескомъ выразился очень давно въ произведеніяхъ писателей 30-хъ и 40-хъ годовъ. Вяло и лѣниво, какъ для исполненія какой то оффиціально-національной нормальности, шла интеллигенція для присутствованія при открытіи памятника Пушкину, и никто конечно не предчувствовалъ, что́ произойдетъ отъ соприкосно-

*

венія всѣхъ принесенныхъ на этотъ праздникъ современныхъ болей съ обаятельнымъ міромъ поэзіи Пушкина. Были конечно мгновенія, когда неизвѣстно было, возьметъ ли перевѣсъ эта боль или эта поэзія; перевѣса однако не было ни на той, ни на другой сторонѣ, произошла совершенно новая комбинація идей и чувствъ. Проявилась боль съ слезами и судорогами, но и величественный обликъ Пушкина вложилъ надежду въ сердце, влилъ мощь и вѣру въ душу народа, выносившаго въ себѣ и вскормившаго великаго поэта. Этотъ памятникъ пробудилъ въ собравшейся у подножія его интеллигенціи сложныя и разнообразныя чувства; грусть овладѣвала всѣми, кто, возносясь мыслью къ Пушкину, углублялся въ созерцаніе тѣхъ громадныхъ духовныхъ силъ русскаго общества, о которыхъ такъ громко говорила всѣмъ присутствовавшимъ память о поэтѣ. Но она же доставляла гордое удовлетвореніе своею мощью, и еще болѣе она распаляла жажду дотолѣ невиданныхъ подвиговъ, на широкой аренѣ общечеловѣческихъ интересовъ и невольно задерживала думы всѣхъ на великомъ моментѣ перехода дремлющей, потенціальной энергіи въ осязательный фактъ претворенія слова и мысли въ живое дѣло».

Общественные идеалы Пушкина.

Изъ ежемѣсячныхъ журналовъ ко дню открытія памятника Пушкину «Вѣстникъ Европы» помѣстилъ любопытную статью П. В. Анненкова, подъ заглавіемъ «Общественные идеалы Пушкина».

Много было у насъ попытокъ добраться до истиннаго смысла поэтическихъ и общественныхъ убѣжденій Пушкина съ помощью самыхъ его произведеній. Въ этихъ попыткахъ обыкновенно не принимались въ соображеніе случайности поэтическаго настроенія, которымъ иногда выражается не подлинная мысль автора, а только мысль, навѣянная ему сюжетомъ, фантазіей. Подлинная мысль человѣка—въ его бесѣдахъ съ самимъ собою, при кабинетной повѣркѣ своего умственнаго достоянія. Между тѣми остатками такой литературной дѣятельности Пушкина особенною печатью его подлинной мысли отмѣчены черновые планы полемическихъ статей для «Литературной Газеты» бар. Дельвига (1830 г.), а затѣмъ выписки и сужденія Пушкина при перечнѣ указовъ и событій временъ Петра I, за исторію котораго поэтъ взялся было по порученію правительства. Этими-то драгоцѣнными матеріалами воспользовался г. Анненковъ для составленія крайне интересной монографіи, подъ заглавіемъ «Общественные идеалы А. С. Пушкина» (Вѣстникъ Европы, іюньская книжка).

Въ началѣ своего труда г. Анненковъ замѣчаетъ:

«Никогда и ни въ какія, даже наиболѣе тихія, строго-организованныя эпохи не прекращалась у насъ внутренняя дѣятельность общественнаго сознанія, разработка новыхъ жизненныхъ идеаловъ, параллельно

съ существующими на лицо, не изчезало личное, самостоятельное твор чество въ способѣ пониманія и представленія явленій русской исторіи любимыхъ идей, обычаевъ и увлеченій современности».

Пушкинъ точно также имѣлъ свою домашнюю теорію разумнаго граж данскаго существованія, какъ и учителя его, Карамзинъ и Жуковскій Доказательство этого—его участіе въ «Литературной Газетѣ», имѣвше цѣлью полемику съ монополистами тогдашней литературы. Онъ сдѣлал ся душой «Газеты».

Именно Пушкинъ былъ отчасти составителемъ, а отчасти внушите лемъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ полемическихъ замѣтокъ, въ кото рыхъ участіе избраннаго круга людей въ дѣлахъ общества и литературы объявлялось желательнымъ и въ то же время необходимымъ для подня тія строя жизни и уровня мысли въ государствѣ.

Пушкинъ надѣялся вызвать булгаринскій лагерь на принципіальну борьбу, но случилось совсѣмъ иное: власти нашли, что полемика зашл слишкомъ далеко, и прекратили ее. Тогда Пушкинъ задумалъ объектив ныя статьи и принялся набрасывать программы и конспекты для стат «съ направленіемъ». Въ совокупности своей эти программы предста ляютъ довольно ясно и отчетливо существенныя черты и коренныя о нованія полной политической теоріи. Напримѣръ, въ программѣ «о дв рянствѣ» заключаются слѣдующія мысли.

Не видя возможности для крѣпостнаго тогда народа, ни способнос въ немъ самому заботиться о своей участи и возлагая на дворянство и торическую миссію служить ему опорой и защитой, Пушкинъ ставитъ необходимыя условія для подобной дѣятельности (независимость, хра рость, благородство, честь вообще). Эта дѣятельность «кончается», и воритъ онъ, а съ ней и государственное значеніе сословія, если оптим ты въ республиканскихъ обществахъ соберутся въ одну эгоистическ замкнутую касту (аристократія правъ) или когда при другихъ форма правленія благосостояніе и вліяніе дворянства будутъ созидаться, не висимо или даже въ противоположность процвѣтанію всего народа.

Придавая такое народовоспитательное и политическое значеніе и томственному независимому дворянству, Пушкинъ, конечно, долже былъ считать печальными фактами всѣ явленія исторіи, мѣшавшія р витію у насъ боярскаго института. Въ этомъ смыслѣ особенно лично Петра казалась ему «революціонною».

«Вотъ уже 150 лѣтъ, восклицалъ Пушкинъ, что Табель о рангахъ сметаетъ дворянство въ одну кучу, а затѣмъ уничтоженіе майоратства хитростнымъ образомъ при Аннѣ Ивановнѣ и довершило паденіе передоваго класса, начатое Табелью...

Пушкинъ, по свидѣтельству г. Анненкова, до того сроднился со своимъ представленіемъ о революціонномъ характерѣ Петра и слѣдовавшихъ затѣмъ государей, что разсказываетъ самъ, въ «Запискахъ» своихъ, какъ однажды (гораздо позднѣе описываемой эпохи), онъ, посѣтивъ покойнаго великаго князя Михаила Павловича, сказалъ ему въ глаза на разставанье: «Je connais bien votre famille. Les R*** ont été de tout temps révolutionaires». «Спасибо, отвѣчалъ шутя великій князь, что наградилъ новымъ качествомъ: намъ его недоставало»...

Свои «либерально-олигархическія» идеи Пушкинъ старался проводить и въ беллетристической формѣ.

Уваженіе къ предкамъ — говоритъ г. Анненковъ,—онъ считаетъ нравственной силой, укрѣпляющей волю, создающей характеры, ставящей высокія жизненныя цѣли, и возвышается до степени ядовитаго сатирика и негодующаго патріота, когда принимается обличать слѣпоту и пустоту русскаго образованнаго общества, совершенно позабывшаго все свое прошлое для того, чтобы помнить только мелкіе и пошлые интересы дневнаго существованія, заниматься и питаться вопросами самаго низменнаго свойства, и притомъ въ такихъ размѣрахъ, къ какимъ способны бываютъ единственно люди, живущіе безъ идеаловъ.

Сочувственное отношеніе къ старинѣ, къ исторіи и культурѣ предковъ, лежавшее скрытно въ основаніяхъ всѣхъ политическихъ теорій поэта, выливалось по временамъ въ пламенную рѣчь и горячую проповѣдь. Г. Анненковъ ссылается тутъ на «Разговоръ вечеромъ на раутѣ», —сочиненіе, конецъ котораго до сихъ поръ не появлялся въ печати. Пропущенное мѣсто начинается вопросомъ одного изъ собесѣдниковъ, именно иностраннаго дипломата, о русской аристократіи и завершается отвѣтомъ его русскаго собесѣдника, устами котораго говоритъ уже самъ Пушкинъ. Иностранный дипломатъ открываетъ бесѣду такимъ замѣчаніемъ:

— Вы упомянули о вашей аристократіи: что такое ваша аристократія? Занимаясь вашими законами, я вижу, что наслѣдственной аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не существуетъ,

кажется. Между вашимъ дворянствомъ существуетъ гражданское равен— ство и доступъ къ оному ничѣмъ не ограниченъ. На чемъ же основы— ается ваша, такъ называемая аристократія? Развѣ только на одной древ— ности родовъ русскихъ?

— «Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ:—древнее русское дворянство вслѣдствіе причинъ, вами упомянутыхъ, у насъ въ неизвѣстности и со— ставило родъ третьяго сословія. Благородная чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Моно— маха, но настоящая наша аристократія съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древніе роды ихъ восходятъ до Петра и Елисаветы. День— щики, пѣвчіе хохлы—вотъ ихъ родоначальники, будь сказано не въ укоръ ихъ достоинствамъ. Достоинство—всегда достоинство, и государ— ственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь какого-нибудь Монморанси, перваго христіан— скаго барона. Я, напр., продолжалъ русскій, не могъ бы отыскать въ хроникахъ моего родоначальника. Знаю только, что предки мои сража— лись близъ Александра Невскаго, были у трона Ивана IV и возвели на престолъ... но еслибы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то вѣ— роятно насмѣшилъ бы многихъ. Мы такъ положительны, что прошедшее для насъ не существуетъ. Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва ли мы выслушали его. Мы гордимся не славою пре— дковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди дурака или баломъ двоюродной сестры. Мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ, но оч— арованіе древности, благодарность къ прошедшему и уваженіе къ нра— вственнымъ качествамъ, у насъ... Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ безнравственности».

Но еще болѣе рѣзкій образчикъ тѣхъ же мыслей мы находимъ въ неконченномъ Пушкинымъ «Романѣ въ письмахъ». Вотъ онъ:

«Прошедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ! Образован— ный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упоминается имя его предка, но калмыки не имѣютъ ни дво— рянства, ни исторіи. Дикость и невѣжество не уважаютъ прошедша— го, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ. И у насъ иной потомокъ Рю— рика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіею своего дома, т. е. исторіей отечества... Конечно, есть достоинства, выше знатности, именно достоинства личныя. И ес—

Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ ши старинныя родословныя. Но неужто потомству ихъ шно было бы гордиться сими именами?...»

Всѣ эти, и имъ подобныя, идеи Пушкина теперь никому не пока-ся ни очень новыми, ни очень вѣрными, но за Пушкинымъ и за вос-авшей его Александровской эпохой остается честь перваго поднятія гихъ подобныхъ вопросовъ русской культуры и общественнаго быта.

Чтобы не смѣшать взгляды Пушкина съ теоріей «интересовъ одного раннаго сословія предпочтительно передъ другими», надо помнить дующее:

«Конечная цѣль всѣхъ его разсужденій была все таки забота о на-ѣ и о доставленіи ему той доли защиты и свободы въ трудѣ, ка ъ онъ самъ, по стеченію обстоятельствъ и при извѣ-ной тогдашней обстановкѣ своей, добыть не могъ. правленіе Пушкина выходило не изъ кровной привязанности къ бо-кимъ привилегіямъ, какъ таковымъ, а изъ сожалѣнія о потерѣ пере-ымъ сословіемъ тѣхъ орудій, которыя могли бы дать ему средства лужить великую службу отечеству.»

Дѣйствительно, чувствуется, что не въ видѣ лицемѣрной оговорки, зъ глубины души воскликнулъ поэтъ: «имена Минина и Ломоносова евѣсятъ всѣ наши родословныя»! Да и не могъ сдѣлать своимъ итическимъ знаменемъ одну теорію о наслѣдственномъ правѣ на по-ь, безъ разбора нравственныхъ качествъ лица, тотъ человѣкъ, кото-въ самомъ разгарѣ аристократическаго одушевленія своего твердо гавилъ афоризмъ: «личныя достоинства выше знат-сти»...

Во второй половинѣ статьи объ «Идеалахъ» А. С. Пушкина г. енковъ характеризуетъ вторичный періодъ литературно-общественной дѣятельности поэта, который поселился въ Царскомъ-Селѣ вмѣстѣ Жуковскимъ.

Польское возстаніе было во всей силѣ; русское общество волнова-ь и негодовало на медленность расправы. Жуковскій и Пушкинъ Ѣе всего думали о принципѣ, который возстаніе положило въ свою ову.

И было о чемъ подумать,—говоритъ г. Анненковъ.—Подъ зна
немъ нарушеннаго принципа народной воли и національности, Франц
только-что провозгласившая этотъ принципъ у себя, стала почти цѣ
комъ въ ряды самыхъ ожесточенныхъ враговъ Россіи. Начавша
борьба двухъ славянскихъ племенъ вызвала тамъ въ печати и на т
бунѣ бурю ненависти, угрозъ и всевозможныхъ обвиненій противъ р
скаго народа и правительства,—бурю, которая сообщалась и ближ
шимъ сосѣдямъ Россіи. По секрет передавались слухи объ опасн
положеніи правительствъ, конституціонныхъ и абсолютныхъ, одинак
истощавшихся въ усиліяхъ сдерживать порывы своихъ народовъ, ко
рые требовали почти въ одинъ голосъ передѣлки европейской исто
и трактатовъ во всемъ, что они сказали въ пользу и въ интер
Россіи.

Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непом
наго озлобленія умовъ, не одинъ онъ думалъ, что на борьбу съ эти
озлобленіемъ должно выступить само русское общество. Правда, и
думали, что общество должно отвѣчать горделивымъ молчаніемъ,
говоритъ г. Анненковъ:

«многимъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, казалось, что в
шательство общества въ полемику было еще нужнѣе ему самому,
разрѣшенія болѣзненныхъ тревогъ его собственной совѣсти и созна
чѣмъ даже для отраженія несправедливыхъ обвиненій со стороны.
нечно, выразительныхъ словъ: «бунтъ», «мятежъ»—достаточно б
для успокоенія чувства законности у большинства тогдашней русс
публики, но вопросъ о нравственномъ правѣ употреблять силу ору
противъ идеи о политической самостоятельности у народа, котор
много лѣтъ пріучали къ ней оффиціально,—этотъ вопросъ остава
и затѣмъ смутнымъ для значительной части русской интеллигенціи»

На этотъ-то вопросъ Пушкинъ и рѣшился отвѣчать, противо
ставляя польской идеѣ и заграничной ея пропагандѣ другую иде
Отсюда его пьеса «Клеветникамъ Россіи»—эта первая политичес
журнальная статья по польскому вопросу.

Замѣчательно, говоритъ г. Анненковъ, что ей всѣ обрадовалис
можетъ быть, всего сильнѣе тѣ, которые не считали возможнымъ и н
нымъ призывать на помощь своему дѣлу независимый голосъ публи

тики... Такимъ образомъ настоятельная потребность минуты была удовлетворена, хотя, безъ сомнѣнія, и въ духѣ того времени.

За Пушкинымъ остается въ концѣ концовъ непререкаемая честь первой попытки подложить нравственную и теоретическую основу подъ голый фактъ ненавистнаго столкновенія двухъ родственныхъ племенъ.

Въ кругу Жуковскаго и другихъ близкихъ ко Двору лицъ съ особеннымъ удовольствіемъ была встрѣчена мысль Пушкина основать печатный органъ для отраженія наговоровъ европейской прессы. Начались сборы, понадобилось устроить Пушкину «положеніе», онъ схватился за эту мысль и, въ іюнѣ 1831 года, подалъ просьбу о своемъ желаніи служить посредникомъ между правительствомъ и публикой, а прежде всего заняться исторіей Петра I.

На то и другое было получено согласіе, но осуществленіе обоихъ встрѣтило помѣхи, главнымъ образомъ, въ нравственномъ, душевномъ, субъективномъ настроеніи поэта.

Главною силою, разрушившею планы Пушкина, были, говоритъ г. Анненковъ, именно политическіе и общественные его идеалы, которые не умѣстились въ рамкахъ, оффиціально заготовленныхъ для нихъ.

Къ своей газетѣ Пушкинъ собирался привлечь лучшія, надежнѣйшія силы нашего литературнаго міра, для выясненія существующихъ порядковъ русской жизни, для истолкованія смысла правительственныхъ мѣръ, для развитія въ обществѣ твердыхъ политическихъ идей и особенно понятій о своемъ достоинствѣ, обязанностяхъ и роли въ государствѣ. По замѣчанію г. Анненкова:

«Въ разныя эпохи нашей жизни и многими даровитыми нашими людьми давно уже сознавалась необходимость выйти изъ тяжелаго положенія, какое всегда выпадаетъ на долю общества и частныхъ лицъ, которымъ приходится стыдиться тѣхъ самыхъ основъ существованія, которымъ они покоряются. Весьма честные и благородные умы, съ самаго начала столѣтія, заняты были у насъ постоянно отысканіемъ нравственнаго смысла въ коренныхъ учрежденіяхъ государства, думали о реформѣ, преобразованіи тѣхъ изъ нихъ, которыя почему-либо утеряли прежній смыслъ.

Этой-то работѣ разъясненія и оправданія историческаго положенія государства намѣревался посвятить Пушкинъ свою газету; онъ хотѣлъ доставить русской формѣ политическаго быта такое же почетное мѣсто

въ области теорій государственнаго права и политическихъ наукъ вообще, какое въ нихъ занимаютъ наиболѣе уважаемыя и цѣнимыя формы правленій. Въ сущности это было отраженіе патріотическихъ воззрѣній Жуковскаго, который въ «Подробномъ планѣ ученія в. к. Наслѣдника» писалъ:

«Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно—вѣрнѣйшій помощникъ его... Общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, т. е. правосудіе,—свобода и порядокъ одно и тоже: любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ»...

Между двумя теоріями Пушкина (либерально-олигархической и консервативной) въ сущности нѣтъ противорѣчія, или, по крайней мѣрѣ это противорѣчіе сглаживалось на теоретической почвѣ; но для защиты обоихъ ученій, особенно втораго, требовался, конечно, извѣстный просторъ мысли. Тутъ-то и встрѣтились затрудненія. Еще до изданія газеты начались непріятности съ властями и—Пушкинъ передалъ свое предпріятіе другимъ лицамъ... Иначе поступить было невозможно.

Переходимъ къ замыслу поэта написать исторію Петра. Тутъ намъ остались драгоцѣнныя примѣчанія къ указамъ и событіямъ Петровской эпохи, откуда мы и уясняемъ себѣ тайную мысль историка.

Чѣмъ яснѣе возставала передъ нимъ картина дѣятельности Петра, тѣмъ сильнѣе укрѣплялось у Пушкина старое представленіе о геніальномъ императорѣ, какъ объ олицетвореніи страшной бури, одинаково сметающей передъ собою, безъ выбора и сожалѣнія, все, что ей встрѣчается на пути... Завзятому типу людей Александровской эпохи, каким былъ Пушкинъ, казалась тяжелою ношею даже благодарность за великіе отечественные подвиги, если они совершены съ помощью крутыхъ и нравственно-оскорбительныхъ мѣръ.

Когда Пушкинъ собралъ матеріалы для своей исторіи, рука его дрогнула.

Онъ искалъ способа изобразить ликъ великаго государя, согласно со своимъ собственнымъ пониманіемъ его, и не оскорбляя оффиціальнаго міра, ожидавшаго безусловнаго апоѳеоза преобразователя... Пушкинъ такъ и умеръ, не отыскавъ способа примирить эти два совершенно противоположныя требованія.

Онъ впрочемъ никогда не терялъ надежды на счастливый исходъ...

Заканчивая свой опытъ передачи политическихъ и общественныхъ идеаловъ Пушкина, по неизданнымъ доселѣ документамъ, г. Анненковъ дѣлаетъ такую замѣтку:

«Идеалы поэта могутъ показаться теперь несостоятельными въ своей сущности, построенными на данныхъ, чуждыхъ русской жизни; утопическій, мечтательный характеръ ихъ можетъ быть обсуждаемъ и осуждаемъ болѣе или менѣе строго, а научная сторона ихъ—не выдерживать повѣрки и пр.; но человѣкъ, лелѣявшій подобные идеалы *пятьдесятъ* лѣтъ тому назадъ, останется внѣ приговоровъ и заключеній, какія бы ни дѣлали о его ученіяхъ и теоретическихъ взглядахъ».

Пушкинъ всегда останется тѣмъ, чѣмъ былъ при жизни: представителемъ типа гуманнаго развитія въ свою эпоху, примѣромъ человѣка, который при всѣхъ обстоятельствахъ сохранялъ живое гражданское чувство и всю жизнь обнаруживалъ неустанную энергію въ проповѣди справедливыхъ, честныхъ отношеній между людьми, за что и подвергался часто обвиненію въ безпокойномъ либерализмѣ. Онъ, наконецъ, былъ человѣкомъ, который всею душою постоянно желалъ для своей родины умноженія правъ и свободы въ предѣлахъ законности и политическаго быта, утвержденнаго всѣмъ прошлымъ и настоящимъ Россіи.

Крестьянскій Пушкинъ

Крестьянинъ Тверской губерніи, В. С. Желнобобовъ, авторъ адреса отъ крестьянъ на открытіе памятника Пушкину *) прислалъ въ «Голосъ» слѣдующую статью подъ заглавіемъ: «Крестьянскій Пушкинъ»:

«Покойному и великому нашему народному поэту Александру Сергѣевичу Пушкину открытъ уже памятникъ отъ русскаго народа въ нашей бѣлокаменной матушкѣ Москвѣ и первопрестольной столицѣ, въ которой родился этотъ великій поэтъ. Много было радостнаго при этомъ открытіи и много было сказано всего хорошаго про великаго поэта разными учеными и просвѣщенными лицами, но всего же знаменательнѣе и величественнѣе при этомъ было именно то, что народная любовь и чувство къ народному же своему геніальному поэту достойно и справедливо почтили память его. Нашъ русскій народный говоръ говоритъ, что богатство приходитъ отъ рукъ человѣка, а таланты же и дарованія даются отъ Бога. Въ этихъ-то именно достоинствахъ и почтенъ народомъ великій поэтъ. Онъ родился на славу народу, получилъ при этомъ отъ Господа Бога эти святые дары въ самой могущей силѣ своей, и не зарылъ этихъ божьихъ даровъ въ землю, но употребилъ ихъ на пользу своего родного народа, украсивъ высшею ученостью и такою же образованностью. Истинно соловьиная пѣснь его — въ русскихъ богатыхъ словахъ—пронизывала слухъ и питала чувства русскаго люда и услаждала ихъ чарующею поэзіей истинно по небесному, по высокому и по народно-безсмертному: не стало этого соловья на Руси, но живы его та-

*) См. ниже, VII-й отд.

антливыя и высоко даровитыя пѣсни и трели! Ихъ будетъ читать рус-кій людъ, будетъ ими услаждаться и будетъ имѣть ихъ при себѣ до ной вѣчности!

«Но одинаково ли былъ нарoденъ нашъ великій поэтъ на нашей разносословной и пространной Россіи и одинаково ли обнималъ всю эту нашу разносословность его великій творческій геній?

«Въ великихъ и безсмертныхъ произведеніяхъ Пушкина мы находимъ: дворянскій, духовный, купеческій и мѣщанскій бытъ, а вмѣстѣ же съ симъ находимъ о слѣдующія поэтически возвышенныя строки:

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ!

«И еще:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

«Слѣдовательно, все это вмѣстѣ намъ прямо и вѣрно сказываетъ, что истинно геніальное творчество Пушкина обнимало своею силою всю нашу народность вполнѣ: оно обнимало и наше дворянство, сродное ему по родословности, и наше духовенство, сродное ему по религіи, и наше купечество и мѣщанство, а, наконецъ, и самое крестьянство, сродныя ему по человѣчности и по проницательности его великаго генія. Въ ослѣднемъ случаѣ, великій геній его проникалъ и всю крестьянскую остоту до милой любезности съ терпимымъ невѣжествомъ, и терпѣлъ ю черноту крѣпостнаго душевладѣнія, со всѣми низостями человѣ-тва и со всею своею проницательностью — стереть эту низость съ ла русской земли маніею Царя-Освободителя, что и случилось въ ле время и на нашихъ глазахъ!

«И такъ, творческій геній великаго Пушкина обнималъ собою и все е огромнѣйшее крестьянство и тоже не зарывалъ своего таланта и его житейскихъ благъ и удовольствій, но только не такъ просторно такъ желательно, какъ требуется самою силою геніальнаго творче-любящаго и ищущаго всюду свободный и высокій полетъ для себя: остное и чиновничье управленіе крестьянами его времени дѣлали

препоны пареніямъ его творчеству и, истинно небесный, свободный удалый полетъ онаго, утыкали въ неполноту этого и дѣлали какъ б[illegible] какую изгородь нечеловѣчнаго въ человѣчномъ. Поэтому именно, в[illegible] вышеприведенныхъ стихахъ Пушкина — „Увижу ль я, друзья, народ[illegible] неугнетенный“ и проч., слышится довольно грустная нота. Поэтъ ско[illegible] битъ на эти угнетенія и съ грустью жаждетъ паденія рабства по ман[illegible] Царя, а послѣ же, онъ геніально и творчески провидитъ, что „надъ от[illegible] чествомъ свободы просвѣщенной взойдетъ тогда прекрасная заря“! [illegible] этихъ же самыхъ, истинно творческихъ словахъ предчувствуется и [illegible] тоже грустная, нотка, что поэтъ какъ бы предчувствовалъ, что его геніо[illegible] суждено дожить до того свѣтлаго часа, когда исполнится эта манія Ц[illegible]ря и когда вмѣстѣ съ нею надъ освобожденнымъ крестьянствомъ, въ дес[illegible]ятъкахъ милліоновъ душъ, просіяетъ просвѣщеніе и взойдетъ отъ него в[illegible]чная прекрасная заря! Онъ умеръ до этихъ дней, но какъ бы онъ воспѣлъ и прославилъ, еслибъ жилъ, такія слова высокаго самаго человѣколюбца Монарха-Освободителя: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“. Я позволю себѣ сказать, что нашему простому уму этого и не выразить!

„Съ радостью, значитъ, мы можемъ сказать, что Пушкинъ былъ и крестьянскій поэтъ, и что въ свѣтлой и геніальной душѣ его была теплая струнка и къ этому у насъ сословію, которое по барски считается низкимъ, по человѣчески же и по житейски, или же прямо, по божьи, оно есть выше всѣхъ: на немъ, какъ на огромнѣйшемъ и сильнѣйшемъ столбѣ все наше государство стоитъ!

„Въ заключеніе позволю себѣ привести здѣсь одинъ эпизодъ изъ жизни великаго Пушкина, знаемый мною еще въ моей молодости, когда Пушкинъ былъ со своимъ товарищемъ и собратомъ по творчеству—Языковымъ въ Симбирской губерніи, въ имѣніи Языковыхъ *) мужички того времени говорили:

„Какой-то у насъ пріѣхалъ великій баринъ, баютъ, поэтъ по фамиліи и Пушкинъ по прозванью; но какъ онъ добръ и ласковъ къ нашему

*) Отецъ мой покойный служилъ повѣреннымъ по дѣламъ покойнаго министра народнаго просвѣщенія.

ату мужичку, что подивиться только: какъ словно свой же братъ, а баринъ совсѣмъ! Встрѣтитъ гдѣ это нашего брата, одинъ—безъ нахъ, значитъ, господъ—и учнетъ разспрашивать: какъ зовутъ? хороли у насъ господа и не трудно ли намъ жить за ними? А ребятишекъ нашихъ коли увидитъ, то задаритъ всякой всячиной и даже цалуетъ; брезгуя, что они чумазые и грязные! Знать онъ живетъ по Божьему больно ужь любитъ людей"!

„Изъ этого эпизода еще болѣе видно, что Пушкинъ любилъ крестьянство и вдохновлялся творчествомъ и про его жизнь.

«В. Желнобобовъ».

Рядомъ съ этимъ эпизодомъ небезъинтересно привести. со словъ коромскаго корреспондентъ «Современныхъ Извѣстій», разсказъ, который ему пришлось слышать о Пушкинѣ.

Пушкинъ, искавшій случаевъ сближаться съ народомъ, орому обязанъ онъ лучшими поэтическими моментами, часто посѣлъ базарные дни въ Святогорскомъ монастырѣ. Одѣтъ онъ ъ всегда въ одинъ и тотъ же костюмъ: черную съ широкими полями япу; красную рубашку и черныя плисовые шаровары. Его всюду, а бы ни пошелъ онъ, сопровождала вереница уличныхъ ребятишекъ, орые, не стѣсняясь, позволяли себѣ съ нимъ заигрывать. Угрюмый, редоточенный видъ его дѣлалъ его предметомъ всеобщаго любопыта. Въ глазахъ многихъ онъ считался просто какимъ-то юродивымъ, адъ нимъ даже потѣшались. Однажды ребятишки устроили надъ ъ будто бы такую штуку. Они взяли мѣдную монету и, привязавъ ней веревку, спустили ее на песокъ, а веревку незамѣтнымъ обра протянули къ дому, возлѣ котораго долженъ былъ проходить Пушъ. Замѣтивъ на пескѣ эту монету, Пушкинъ наклонился, чтобы подее, но въ это время кто-то дернулъ веревку, и монета, при дружхохотѣ невѣжественныхъ ребятишекъ, выпала у него изъ рукъ. ятельство это, какъ ни ничтожно само по себѣ, до того, говорятъ, ило нашего поэта, что онъ, потерявъ самообладаніе, бросился въ

домъ, откуда велась шутовская мина, и тамъ разразился поэтическимъ экспромтомъ, который къ сожалѣнію остался забытымъ. Разсказъ этотъ относится къ тому времени, когда Пушкинъ проживалъ въ своемъ Михайловскомъ, состоя тамъ подъ надзоромъ псковскаго губернатора и настоятеля Святогорской обители.

VII.

АДРЕСЫ, ТЕЛЕГРАММЫ И ПРИВѢТСТВІЯ

ПО ПОВОДУ ОТКРЫТІЯ

ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.

АДРЕСЫ, ТЕЛЕГРАММЫ И ПРИВѢТСТВІЯ

ПО ПОВОДУ ОТКРЫТІЯ

ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.

I.

Списокъ депутатовъ отъ разныхъ учрежденій и обществъ при открытіи памятника Пушкину.

Отъ с.-петербургскаго городскаго общественнаго управленія: Товарищъ городскаго головы Л. Я. Яковлевъ, гласный И. И. Глазуновъ и гласный А. А. Краевскій; отъ комиссіи по устройству въ Москвѣ убличныхъ народныхъ чтеній: М. М. Дмитріевъ, Н. И. де-Виттъ, Л. С. оляковъ, В. Д. Левинскій, А. Е. Челюкановъ, А. Н. Львовъ и П. Н. ондратьевъ; отъ московскаго общества университетскихъ воспитанниовъ: П. Н. Измалковъ, М. В. Духовской, В. М. Пржевальскій и П. А. рдынскій; отъ «Русскихъ Вѣдомостей»: Г. А. Джаншіевъ и А. П. Лунинъ; отъ московскаго юридическаго общества: К. Д. Анциферовъ, Г. А. жаншіевъ, А. М. Евреинова и А. Е. Носъ; отъ московской губернской мской управы: Д. А. Наумовъ и Н. П. Поливановъ; отъ россійскаго щества любителей садоводства: В. И. Ахшарумовъ, Э. И. Иммеръ и . К. Попандопуло; отъ московскаго попечительнаго о бѣдныхъ коми-

тета: Н. К. Миляевъ и князь В. А. Оболенскій; отъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: В. А. Уляницкій, А. Н. Ладыженскій и Н. Ѳ. Токмаковъ; отъ московскаго публичнаго Румянцевскаго музея: В. А. Дашковъ, Е. Ѳ. Коршъ, Г. Д. Филимоновъ, А. Е. Викторовъ, Г. И. Копшъ и А. П. Бушера; отъ общества распространенія полезныхъ книгъ: И. Ю. Некрасовъ, и В. К. Попандопуло; отъ общества поощренія трудолюбія: С. П. Яковлевъ; отъ журнала «Кругозоръ»: А. П. Нестеровъ; отъ московскаго археологическаго общества: гр. А. С. Уваровъ и В. Е. Румянцевъ; отъ «Международнаго Телеграфнаго Агентства»: И. И. Родзевичъ; отъ московскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству: кн. Д. Н. Долгоруковъ, Н. П. Боголюбовъ, А. Е. Носъ, Ф. А. Тяпунинъ и А. А. Журавлевъ; отъ общества любителей художествъ: А. А. Киселевъ; отъ императорскаго московскаго общества испытателей природы: А. Г. Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ и К. И. Ренаръ; отъ московской духовной академіи: И. Д. Мансвѣтовъ и Н. Ѳ. Коптеревъ; отъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи: Г. Е. Щуровскій, А. Ю. Давидовъ и А. А. Тихомировъ; отъ московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ: Ф. Г. Соловьевъ, С. В. Щелканъ, Г. Н. Шеметовъ, С. С. Шайкевичъ, С. А. Шереметевскій, Н. С. Тростянскій и И. А. Баженовъ; отъ «Газеты А. Гатцука»: А. А. Гатцукъ и Н. И. Смирновъ; русское общество акклиматизаціи животныхъ и растеній: И. Н. Цвѣтухинъ, В. В. Поповъ и Н. В. Насоповъ; отъ петровской земледѣльческой и лѣсной академіи: Ѳ. К. Арнольдъ, Вас. Тар. Собичевскій, Ник. Алек. Елеонскій, А. Н. Шишкинъ и Алекс. Пет. Захаровъ; отъ физико-медицинскаго общества, учрежденнаго при московскомъ университетѣ: И. А. Заборовскій, И. Н. Пущинъ и Шервинскій; отъ московской уѣздной земской управы: В. Ю. Скалонъ, К. В. Бабановскій и И. В. Васильевъ; отъ русскаго хороваго общества: И. П. Поповъ, І. В. Васильевъ и В. И. Тихомировъ; отъ правленія московскаго еврейскаго общества: общественный раввинъ З. Миронъ; отъ «Всеобщей Газеты»: А. Н. Пельтъ; отъ демидовскаго юридическаго лицея: г. Капустинъ и А. А. Борзенко; отъ народныхъ училищъ въ Москвѣ: А. В. Краснопѣвковъ, г. Смирновъ, П. Е. Басистовъ и А. Д. Плечко; отъ с.-петербургской постоянной комиссіи народныхъ чтеній: И. П. Хрущовъ; отъ дерптскаго университета: П. А. Висковатовъ; отъ артистовъ и музыкантовъ провинціальныхъ театровъ: В. Н. Андреевъ-

Бурлакъ и г. Морозовъ; отъ общества исторіи и древностей россійскихъ: И. Е. Забѣлинъ, А. Е. Кудрявцевъ и А. Н. Поповъ; отъ математическаго общества: Н. В. Бугаевъ; отъ Оренбургскаго края: г. Ростоповъ; отъ общества любителей россійской словесности: С. А. Юрьевъ, Л. И. Поливановъ и В. Н. Кашперовъ; отъ общества распространенія техническихъ знаній: В. И. Сизовъ и К. П. Барсовъ; отъ московской консерваторіи: Н. Г. Рубинштейнъ, К. К. Альбрехтъ, С. И. Танѣевъ, Н. А. Губертъ и Н. Д. Кашкинъ; отъ учебныхъ заведеній московскаго воспитательнаго дома: Н. А. Трескинъ; отъ строительнаго центральнаго училища техническаго рисованія: Г. Бровскій и Г. Николаевъ; отъ дворянства московской губерніи: гр. А. В. Бобринскій; уѣздные предводители: московскій—кн. П. П. Трубецкой, коломенскій—Г. Н. Львовъ, дмитровскій—П. В. Бахметовъ, волоколамскій—И. Н. Гончаровъ, можайскій—Н. А. Усовъ, звенигородскій—кн. А. М. Голицынъ, серпуховскій—П. М. Рюминъ, русскій—В. А. Шереметевъ, верейскій—А. К. Шлиппе, клинскій—С. С. Смирновъ, бронницкій—П. Д. Ахлестышевъ, подольскій—Ф. Н. Шиповъ, богородскій—Н. Ѳ. Самаринъ; депутаты: московскаго уѣзда, Д. Н. Шиповъ, коломенскаго—С. В. Стрекаловъ, дмитровскаго—П. Н. Топоровъ, волоколамскаго—Н. И. Сатинъ, можайскаго—А. М. Остафьевъ, звенигородскаго—Н. В. Рукинъ, русскаго—Т. И. Обуховъ, верейскаго—Д. А. Анитовъ, клинскаго—В. Л. Климовъ, бронницкаго—Н. А. Агаповъ, богородскаго—кн. С. А. Ухтомскій и Г. Г. Серебрянскій; отъ московскаго артистическаго кружка: Н. М. Городецкій и А. О. Лютецкій; отъ с.-петербургскихъ женскихъ институтовъ: г. Тимоѳеевъ; отъ газеты «Молва»: И. Ф. Василевскій; А. Н. Плещеевъ; отъ комитета грамотности при вольно-экономическомъ обществѣ: А. М. Лорансній; отъ с.-петербургскаго отдѣленія общества содѣйствія русскому морскому мореходству: А. А. Кобычевъ, П. А. Кошкаровъ; отъ газеты «Новости»: А. Б. Думашевскій, В. О. Михневичъ; отъ журнала «Отечественныя Записки»: Г. З. Елисѣевъ и Г. И. Успенскій; отъ с.-петербургскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго общества и с.-петербургской консерваторіи: В. П. Гаевскій, В. А. Зиновьевъ, А. А. Саккетти; отъ газеты «Берегъ»: П. П. Цитовичъ; отъ с.-петербургскихъ женскихъ педагогическихъ курсовъ и женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи: П. И. Вейнбергъ; отъ журналовъ «Женское образованіе» и «Дѣтское Чтеніе»: В. П. Острогорскій; отъ «Петербург-

ской Газеты»: И. А. Баталинъ и Н. А. Лейкинъ; отъ комитета общест[illegible] любителей древней письменности: князь П. П. Вяземскій; отъ русской др[illegible] матической труппы с.-петербургскихъ театровъ: артисты: Нильскій и Бу[illegible] динъ; отъ александровскаго лицея: директоръ лицея съ 8-ю воспитанн[illegible] ками; отъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученым[illegible] В. П. Гаевскій, А. А. Краевскій, Д. В. Григоровичъ, А. А. Потѣхинъ, И. С. Тургеневъ; отъ «Journal de St.-Pétersbourg»: М. А. Загуляевъ отъ газеты «Недѣля»: П. А. Гайдебуровъ; отъ журнала «Стрекоза»: И. Ѳ. Василевскій и Г. К. Корнфельдъ; отъ с.-петербургскаго университета: М. И. Сухомлиновъ и В. Д. Смирновъ; отъ казанскаго университета и казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи: С. М. Шпилевскій; отъ варшавскаго университета: М. А. Колосовъ; отъ славянскаго благотворительнаго общества: Ѳ. М. Достоевскій, г. Золотаренко; отъ «Софійской Газеты»: А. П. Шоповъ; отъ московскаго университета: 5 лицъ; отъ редакціи газ. «Московскія Вѣдомости»: Н. Н. Воскобойниковъ, Н. В. Васильевъ, К. А. Ислявинъ, И. Ѳ. Красковскій; отъ редакціи «Русскій Вѣстникъ»: Н. А. Любимовъ, С. В. Флеровъ, Г. Ф. Головачевъ, В. П. Клюшниковъ; отъ одесской газеты «Правда»: И. В. Майновъ; отъ академіи художествъ: А. И. Резановъ; отъ александровскаго университета: С. И. Барановскій; отъ училища правовѣдѣнія: два депутата и два воспитанника; отъ историко-филологическаго института кн. Безбородко въ г. Нѣжинѣ: А. Будиловичъ; отъ публичной библіотеки: Н. Н. Страховъ; отъ псковскаго дворянства: А. Н. Яхонтовъ; одесскій «Новороссійскій Телеграфъ»: И. Ѳ. Василевскій; отъ орловской Бахтина военной гимназіи: Д. В. Цвѣтаевъ; отъ «Вѣдомостей С.-Петербургскаго Градоначальства»: С. В. Максимовъ; отъ французскаго правительства: Louis Leger; отъ николаевской инженерной академіи, училища и михайловской артиллерійской академіи и училища: Н. Н. Куликовъ; отъ с.-петербургскаго кружка любителей музыки: В. С. Нечаевъ; отъ военно-учебныхъ заведеній: М. Я. Понело Давыдовъ, А. М. Дмитріевъ; отъ газеты «Новое Время»: А. С. Суворинъ и В. П. Буренинъ.

2.

Значки депутацій.

Это очень изящныя знамена бѣлаго, краснаго и синяго цвѣтовъ, об-
ая золотою бахрамой съ золотыми кистями. Надъ знаменемъ укрѣп-
иніалы Пушкина—А. и П. и по полотну серебряными буква-
ображены названія обществъ и учрежденій.

Бѣлыя знамена: 1) Московская духовная академія, мо-
кая синодальная типографія, епархіальное училище иконописанія.
ородской училищный совѣтъ и реальныя училища реформатской и
опавловской церквей. 3) Петровская земледѣльческаи и лѣсная ака-
и и общество акклиматизаціи животныхъ и растеній. 4) Московское
инство, казанскій университетъ и казанское общество археологіи,
ріи и этнографіи. 5) Училище синодальныхъ пѣвчихъ, строгановское
ище рисованія и хоръ пѣвчихъ типографіи Мамонтова. 6) С.-Петер-
кіе педагогическіе курсы, женскіе институты, женскія гимназіи и
ительство надъ славянскими дѣвицами. 7) Попечительный о бѣд-
комитетъ, общество для содѣйствія мореходству, общество архео-
ческое и депутаты Оренбургскаго края. 8) Общество россійской сло-
ости, общество техническихъ знаній, общество поощренія трудолю-
общество распространенія полезныхъ книгъ. 9) Императорскій вар-
кій университетъ, Императорскій дерптскій университетъ, городскія
ища и городскія больницы.

Синія знамена: 1) Физико-медицинское общество, художественное
ство, общество любителей садоводства и артистическій кружокъ.
рисяжные повѣренные, трактирная депутація, дворянскій клубъ и
ленiе еврейскаго общества. 3) Общество бывшихъ университетскихъ
танниковъ и общество для пособія нуждающимся литераторамъ и
мъ. 4) Земскія управы, купеческое общество, мѣщанское общество
несленное общество. 5) Общ. естествознанія, антропологіи и этно-
іи, общ. любителей художествъ и общ. архитектурное. 6) Комиссія
ичныхъ народныхъ чтеній, юридическое общество, общество дра-
ческихъ писателей и комитетъ грамотности. 7) Редакціи москов-
ь и петербургскихъ газетъ и журналовъ. 8) Техническія училища
гской, рязанской и моршанской желѣзныхъ дорогъ. 8) Публичный

румянцевскій музей, общество любителей древней письменности и главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Красныя знамена. 1) Императорское русское музыкальное общество, московская консерваторія и с.-петербургская консерваторія. 2) Русское хоровое общество, общество приказчиковъ и артисты частныхъ театровъ. 3) московское городское общественное управленіе. 4) Лицей цесаревича Николая, демидовскій юридическій лицей и женская классическая гимназія Фишеръ. 5) Московскія гимназіи, прогимназіи, реальное училище, лазаревскій институтъ и московскія частныя гимназіи. 6) Императорскіе московскіе театры, императорскіе с.-петербургскіе театры и общество драматическаго и музыкальнаго искусствъ. 7) Императорскій московскій университетъ, математическое общество, общество исторіи и древностей и общество испытателей природы. 8) Военно-учебныя заведенія, учительскій институтъ и московская практическая академія коммерческихъ наукъ.

3.

Привѣтствіе петербургской думы.

5-го іюня.

«Городъ Санктъ-Петербургъ, гдѣ получилъ воспитаніе Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, гдѣ провелъ онъ почти всю свою жизнь, и гдѣ геніемъ его созданы великія произведенія, обновившія отечественную литературу, искренно привѣтствуетъ увѣковѣченіе образа величайшаго изъ русскихъ поэтовъ воздвиженіемъ ему памятника въ первопрестольной столицѣ, бывшей его колыбелью».

С.-Петербургская городская дума, въ память Александра Сергѣевича Пушкина, постановила:

1) На счетъ города С.-Петербурга учредить и содержать въ мѣстности, гдѣ провелъ послѣдніе дни своей жизни и умеръ Александръ Сергѣевичъ два начальныя народныя училища, наименовавъ ихъ «Пушкинскими»; 2) поставить на домѣ, гдѣ скончался Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, мраморную доску съ надписью объ историческомъ значеніи этого дома; 3) вновь проложенную улицу, прилегающую въ Невскому проспекту, наименовать Пушкинскою; 4) отпускать изъ городской казны ежегодно, съ 1 іюля 1880 года, по триста рублей на образо-

э двухъ мальчиковъ въ гимназіяхъ или реальныхъ училищахъ и ъ дѣвочекъ въ гимназіяхъ.

4.

Поздравительныя телеграммы, полученныя 5-го іюня.

Цетинье. Цетинское Дружество съ глубокимъ чувствомъ участвуетъ чествованіи и прославленіи великаго славянскаго поэта. Неувядаемая ава Пушкину! Предсѣдатель Павловичъ.

Бѣлградъ, 5 іюня. Привѣтъ и поздравленіе всѣмъ собравшимся въ димой Москвѣ почтить память великаго Русскаго поэта въ день отытія ему памятника, привѣтъ отъ того, на чью долю выпало счастіе знаить родное племя съ языкомъ Пушкина съ первой каѳедры русской ературы въ высшемъ учебномъ заведеніи Славянскаго юга. Планъ Кулаковскій.

Кіевъ. Первопрестольной Москвѣ, торжествующей открытіе памятка геніальному уроженцу своему, прославившему вмѣстѣ съ нею все бъятное отечество наше, златоглавый Кіевъ, «сей пращуръ русскихъ одовъ», горячій шлетъ привѣтъ и выражаетъ благоговѣйно признаьныя чувства къ памяти того, кто обладалъ священнымъ даромъ— аголомъ жечь сердца людей» и лирой «чувства добрыя въ народѣ буждать». Кіевскій голова Эйсманъ.

Петербургъ. Первое С.-Петербургское реальное училище, сердечно уясь открытію памятника нашему великому поэту, шлетъ свой раный привѣтъ участникамъ торжества.

Казань. Казань кланяется памятнику великаго поэта и заочно приаетъ участіе въ чествованіи отечественнаго генія. Городская дума отъ а казанскаго населенія почтительно привѣтствуетъ Ваше Императское Высочество и сердечно поздравляетъ Московское городское обтво, Московскій университетъ и Общество любителей Россійской весности, которые содѣйствовали патріотическому и общерусскому актеру торжества. Да будутъ память и поэзія Пушкина дороги какъ ѣшнему, такъ и грядущимъ поколѣніямъ. Городской голова Яниевскій.

Тифлисъ. Тифлисская городская дума, привѣтствуя открытіе памятника великому поэту, которому такъ многимъ обязанъ Кавказъ, постановила назвать именемъ Пушкина улицу, въ которой онъ проживалъ во время бытность свою въ Тифлисѣ. Тифлисскій городской голова Маркновъ.

Полтава. Нѣтъ уголка въ Россіи, гдѣ бы всякій, кому дорога ея слава и честь, не произносилъ съ гордостью имя Пушкина; глубоко чтится оно и въ Полтавѣ, которой воздвигли памятники два генія, одинъ побѣдоноснымъ мечемъ, другой вдохновенною лирой. Полтавское городское общество, восторженно привѣтствуя открытіе памятника Пушкину, приноситъ свои поздравленія, свою дань поклоненія великому русскому поэту. Городской голова Абаза.

Ялта. Почитатели великаго русскаго поэта, ялтинскіе жители и пріѣзжіе со всѣхъ концовъ Россіи, отслушавъ въ клубѣ панихиду и выслушавъ за общимъ завтракомъ, передъ украшеннымъ портретомъ поэта, его біографію и нѣкоторыя стихотворенія, отправляются въ Урзуфъ и у кипариса Пушкина окончатъ празднованіе дня открытія памятника. По порученію участвующихъ, старшина клуба Глаголевъ.

Елабуга. На пути застигаемый совершающимся событіемъ, осѣливаюсь единственнымъ способомъ въ лицѣ вашемъ выразить почтительный привѣтъ сподвижникамъ сооруженія памятника незабвенному поэту; глубочайшій поклонъ вамъ, сочувствіе товарищамъ XII-го курса. Лицеистъ Форостовскій.

Рига.

Гордися древняя столица!
Со всѣхъ концовъ Россіи многолюдной
Привѣтствія къ тебѣ несутся;
Не торжеству побѣды грозной
Въ честь ликованья раздаются,
Но вѣчной памяти поэта,
Кѣмъ слава націи воспѣта,
Ты воздвигаешь монументъ,
Но генію племенъ славянскихъ
Всѣ просвѣщенные народы
Дань достодолжную приносятъ.
Прими, о, славная столица,
Прими младенческій привѣтъ
И отъ латышскаго народа.

На путь духовнаго рожденья
Едва вступивъ, и онъ вкусилъ
Его поэзіи бальзамъ цѣлебный,
И онъ съ признательностью дѣтской
Но искренней, чистосердечной
Предъ геніемъ склоняется главой.

ь имени Рижскаго Латышскаго Общества предсѣдатель адвокатъ нинъ и письмоводитель адвокатъ Гросвальдъ, отъ имени го Латышскаго Пѣвческаго Общества предсѣдатель учитель ости Нассишъ, редакторъ латышскихъ газетъ «Ригасъ и «Балтіясъ Вестнетисъ» Дирикъ, редакторъ латышской «Балсъ Веберъ», архитекторъ Бауманъ.

5.

эграммы, полученныя московскимъ городскимъ головою.

6-го іюня.

солаевъ, 6 іюня. Въ день торжества въ честь дорогаго для рус- мени Александра Сергѣевича Пушкина, граждане города Нико- плютъ гражданамъ матери русскихъ городовъ свой братскій при- горячее поздравленіе. Будучи удалены отъ мѣста торжества, вскіе граждане почтутъ себя счастливыми, если ихъ задушевный ь, вызванный глубокимъ почитаніемъ поэта, составитъ хоть кап- пирокомъ потокѣ всеобщихъ симпатій и уваженія къ памяти че- всемірный геній котораго никогда не перестанетъ составлять ю гордость русскаго народа. Городской голова Паризо.

лъ, 6 іюня. Празднуя день посвященный памяти великаго на- эта, офицеры 9-го корпуса собравшіеся въ Орлѣ отслужили тор- ную панихиду, дабы намъ заявить свое единеніе съ чувствомъ яющимъ нынѣ родную Москву. Генералъ-адъютантъ пинъ.

а, 6 іюня. Тульская гимназія послѣ молитвъ объ успокоеніи души наго Александра Сергѣевича Пушкина шлетъ Москвѣ свое сер- оздравленіе съ торжествомъ открытія памятника дорогому поэту. оръ гимназіи Новоселовъ.

Въ тотъ же день городскимъ головой получены были еще слѣдующія телеграммы:

Рига, 6 іюня. Примите въ лицѣ моемъ отъ всѣхъ русскихъ Рижанъ искреннѣйшее поздравленіе по поводу торжественнаго открытія въ первопрестольной Москвѣ памятника геніальному нашему поэту. Сегодня у насъ въ Ригѣ, въ 12 часовъ дня, въ Петропавловскомъ соборѣ преосвященнымъ совершена панихида по Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ. Вечеромъ же въ залѣ Александровской гимназіи состоялось торжественное публичное засѣданіе Рижскаго Литературнаго кружка въ честь настоящаго дня. Помимо этого Рижское русское общество собрало по подпискѣ двѣ тысячи рублей на учрежденіе двухъ Пушкинскихъ стипендій, одной — въ мужской Александровской, другой — въ женской Ломоносовской гимназіяхъ въ Ригѣ. Прошу васъ передать задушевный привѣтъ отъ русскихъ Рижанъ нашимъ старшимъ братьямъ Москвичамъ и всѣмъ присутствующимъ на великомъ всенародномъ праздникѣ. Отъ имени русскихъ Рижанъ предсѣдатель Литературнаго Кружка Евграфъ Чешихинъ.

Полтава, 6-го іюня. Лицеистъ IV выпуска, я принадлежу къ тому поколѣнію современниковъ Пушкина, которыхъ онъ одушевлялъ и восторгалъ своею дивною поэзіей. Доживъ до глубокой старости, мнѣ живы воспоминанія этой отрадной въ общественной жизни эпохи эстетическихъ наслажденій, и я чувствую потребность сердца положить у подножія открываемаго Пушкину памятника и свою слабую дань благоговѣйнаго поклоненія великому генію. Покорно прошу присоединить эту телеграмму къ тѣмъ, которыя несомнѣнно будутъ получены со всѣхъ разныхъ концовъ Россіи. Михаилъ Кохановскій.

Дерптъ, 6-го іюня. Эсты, принимая близко къ сердцу радости Русскаго народа, приносятъ свои поздравленія по случаю сегодняшняго народнаго торжества въ память великаго русскаго поэта. Отъ имени многихъ эстовъ, докторъ Веске, лекторъ эстонскаго языка.

6.

елеграммы, полученныя московскимъ университетомъ въ дни Пушкинскаго праздника въ Москвѣ.

(5—7 іюня).

Madrid. Ne pouvant assister aux fêtes Puschkin prie de ommuniquer mes salutations à la reunion des amateurs. Vive a mémoire du grand poète. Ilovaisky.

Прага. Члены русскаго кружка, глубоко чтя память безсмертнаго оэта Пушкина, соучаствуютъ въ торжествѣ открытія ему памятника. аѝнкъ.

Липецкъ. Врачебный персоналъ лѣтняго сезона Липецкихъ минеальныхъ водъ почтительно склоняетъ обнаженныя свои головы предъ амятникомъ роднаго генія-поэта, Александра Сергѣевича Пушкина. Директоръ водъ докторъ Юшкевичъ, Діатроптовъ, Хризановичъ, Зеленко, Точисскій, Остроумовъ.

Heidelberg. Die Enthüllung des Denkmals des grossen Dichters Puchkin feiern mit ganz Russland die in Heidelberg studierenden Russen. Komarewsky, Tschitshoff, Krasowetz, Zederbaum, Schlieffowitsch, Horowitz, Swerinzoff.

Сѣдлецъ. Сѣдлецкая женская гимназія искренно привѣтствуетъ открытіе памятника великому русскому народному поэту Пушкину. Завѣдующаго гимназіей Ивановъ.

Херсонъ. Херсонская гимназія, благоговѣя предъ памятью великаго однаго поэта-художника Пушкина, радостно привѣтствуетъ открываемый ему сегодня памятникъ. Директоръ Кустовскій, учитель словесности Мацкевичъ, ученикъ VIII класса Румигорскій, ученикъ VII класса Тулусъ, ученикъ I класса Ловягинъ.

Нижній Новгородъ. Учащіе и учащіеся Нижегородскаго уѣзднаго илища, отслуживъ панихиду за упокой души поэта Пушкина, проъ меня выразить глубокое уваженіе къ памяти народнаго русскаго эта. Штатный смотритель училища Игнатьевъ.

Нижній Новгородъ. Болдинское народное училище, находящееся вблизи Клетеновской рощи и тѣхъ мѣстъ, гдѣ создана «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», по случаю открытія памятника Пушкину, проситъ меня выразить чувство уваженія къ великому поэту. Пусть не заростетъ народная тропа къ памятнику поэта. Директоръ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи Овсянниковъ.

Кишиневъ. Здѣсь Инзова гора, гдѣ жилъ поэтъ Пушкинъ подъ кровомъ старца, хранившаго молодость поэта; въ саду Пушкинская аллея. Въ Бессарабіи не изгладилась славная память поэта: привѣтствуемъ открытіе памятника великому русскому поэту, какъ русскіе люди, какъ Бессарабцы. Маціевичъ, Конскій, Фельтъ.

Вязьма. Сердечно привѣтствуемъ празднованіе открытія памятника нашему великому родному поэту и воспитателю. Директоръ Алферовской Учительской Семинаріи Кулинъ.

Баденъ-Баденъ. Глубоко тронутъ вниманіемъ Университета. Отъ всей души сочувствую важному событію въ память драгоцѣннаго незабвеннаго товарища. Горчаковъ *).

Прага (чрезъ профессора Н. А. Попова) **). Нынѣ, когда русское искусство, при помощи всего Русскаго народа, воздвигаетъ достойный памятникъ славянскому пѣвцу, жизнь коего сократила преждевременная святотатственная рука Запада, общество чешскихъ художниковъ «Умелецкая бесѣда» въ Прагѣ, преклоняясь предъ памятью безсмертнаго Пушкина, желаетъ, чтобъ озаряемый геніемъ ея слова ожилъ народный духъ въ художественномъ творчествѣ всего славянства. Слава памяти Пушкина! Слава Русскому народу, который прославляетъ великихъ сыновъ своихъ! Предсѣдатель Янъ Стракотный, секретарь Яромiръ Грубый.

7.

Адресы по поводу пушкинскаго празднества:

I. Отъ дворянства Псковской губерніи.

«Его императорскому высочеству принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому.

*) Телеграмма получена ректоромъ Университета по окончаніи торжественнаго собранія въ Университетѣ 6 іюня и потому не могла быть прочитана на ономъ.

**) Получена 30 мая.

«Ваше императорское высочество! Дворянство Псковской губерніи олномочило меня принести вашему императорскому высочеству, какъ здсѣдателю по сооруженію памятника Пушкину, поздравленіе свое увѣнчаніемъ этого дѣла, исполненіе котораго, видимымъ для каждаобразомъ, увѣковѣчитъ живущую въ сердцахъ всѣхъ русскихъ дорою память нашего великаго народнаго поэта».

II. Отъ московскаго учебнаго округа.

«Московскій учебный округъ единодушно празднуетъ знаменательый день чествованія славной памяти Пушкина. Мнѣ особенно отрадно ыть выразителемъ чувствъ, столь искреннихъ и глубокихъ, молодаго околѣнія учащихся и ихъ наставниковъ—какъ внуку Карамзина, мнѣ вяты преданія эпохи Карамзина и Пушкина. Благодарю Бога за то, то мнѣ даровано великое счастіе хранить въ памяти сердца эти дорогія преданія *карамзинской* семьи: Пушкиныхъ, Жуковскихъ, Блудовыхъ, Вяземскихъ. Дружба, ихъ соединявшая, поистинѣ, представляла обою родство духовное. Въ точномъ смыслѣ слова *родство*, и всѣ живущіе члены этихъ семействъ подтвердятъ мои слова. Знаменательное утѣшительное и высоконазидательное указаніе для молодаго поколѣнія ѣсное и плодотворное единеніе, на пользу родины, великихъ умовъ и арованій, связанныхъ общею, глубокою, беззавѣтною преданностью вѣрѣ отцовъ, Царю и Россіи. Въ величественныхъ, стройныхъ и могуихъ очертаніяхъ восходитъ геній Пушкина на горизонтѣ прошлаго. На азстояніи времени великое доступнѣе мысленному оку. Какъ предразвѣтный туманъ, разсѣеваются обманъ и ложь, навѣянные злобою дня. о существу своему, неправда обречена безпощадной карѣ—она вліяетъ ишь на настоящее; ей не нересоздать прошедшаго, не измѣнить судебъ рядущихъ, и, даже въ самую минуту затмѣнія, свѣтъ правды брезжитъ зъ-за лжи. Нынѣ предъ памятникомъ Пушкина—памятникомъ нерутворнымъ—изъ устъ многомилліонной русской семьи вызывается торжественное свидѣтельство правды словъ родного поэта: «Къ нему не ростетъ народная тропа". Да, Пушкинъ поэтъ народный вѣковѣчно, бо онъ духовно связанъ съ душою народною. Пушкинъ „Бориса Годунова» и столькихъ безсмертныхъ патріотическихъ твореній есть, прежде сего и по преимуществу, русскій. Пушкинъ умиралъ, какъ истинный ристіанинъ, произнося холодѣющими устами нашъ «народный сим-

волъ»: Богъ, Царь и Россія. Это помнитъ Тотъ, Кто, родившись въ Москвѣ, повелѣлъ воздвигнуть памятникъ Россіи Пушкину въ Москвѣ».

III. Отъ императорскаго александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ.

«Императорскій александровскій университетъ въ Гельсингфорсѣ, какъ высшій представитель умственной жизни Великаго Княжества Финляндскаго, относясь съ живѣйшимъ участіемъ къ торжеству представителей духовной жизни всей Россіи, чествующихъ нынѣ въ Москвѣ свѣтлую память великаго русскаго поэта, Александра Сергѣевича Пушкина, поручилъ одному изъ своихъ заслужонныхъ профессоровъ, Степану Ивановичу Барановскому, быть, при открытіи памятника Пушкину, изъявителемъ любви и уваженія, питаемыхъ къ этому геніальному писателю финляндцами, по его произведеніямъ, изучающими русскій языкъ».

IV. Отъ императорскаго александровскаго лицея.

„Ваше императорское высочество! Императорскій александровскій лицей, въ стѣнахъ котораго сталъ проявляться поэтическій геній Пушкина и между питомцами котораго зародилась мысль почтить народнаго поэта сооруженіемъ ему памятника, привѣтствуетъ съ великою радостью и признательностью высочайше учрежденный комитетъ подъ предсѣдательствомъ вашего высочества, достославно осуществившій желанія всего русскаго народа“.

V. Отъ императорскаго училища правовѣдѣнія.

«Ваше императорское высочество! Настоящее торжество въ честь великаго русскаго поэта есть торжество всей просвѣщенной Россіи. Высочайше учрежденный комитетъ для сооруженія памятника Пушкину исполнилъ сердечный долгъ всѣхъ ревнителей русской словесности въ отношеніи къ поэту-генію. Императорское училище правовѣдѣнія, въ живѣйшемъ сочувствіи настоящему торжеству, почтительно приноситъ свой привѣтъ вашему императорскому высочеству, а въ особѣ вашей, всему комитету».

VI. Отъ военноюридической академіи.

«Ваше императорское высочество! Въ знаменательный день, когда Россія чествуетъ память своего великаго поэта, нетолько всякое учре-

деніе, имѣющее цѣлью общественное благо, но и всякій, кому понятны творенія поэта, сознаетъ право свое на выраженіе въ настоящемъ торжественномъ собраніи чувства глубокаго уваженія къ этой памяти. Дѣйствительно, мысль геніальнаго Пушкина, полная истины, чувство, проникнутое любовью къ человѣку, и слово, богатое художественною красотой, своимъ благотворнымъ вліяніемъ, ставятъ духовную личность поэта въ такую непосредственную связь съ каждымъ мыслящимъ русскимъ, что въ особенности въ этотъ день во «всей Руси великой назоветъ его всякъ сущій въ ней языкъ». И военноюридическая академія, посвящающая свою дѣятельность развитію молодыхъ силъ,- которымъ предстоитъ огражденіе въ доблестномъ русскомъ войскѣ святаго права и чувства долга, этого высокаго общественнаго блага, отъ нравственнаго зла, не можетъ не посвятить нынѣ нѣсколько благодарныхъ словъ тому пѣвцу народа, который

...чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ
И милость къ падшимъ призывалъ...

«Да будутъ же приняты здѣсь эти слова академіи, какъ дань памяти великаго Пушкина въ лицѣ вашего императорскаго высочества».

VII. Отъ историкофилологическаго института князя Безбородко.

«Историкофилологическій институтъ князя Безбородко считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать о своемъ искреннемъ сочувствіи предстоящему открытію въ Москвѣ памятника А. С. Пушкину. Его имя принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ великихъ именъ русской исторіи, въ признаніи заслугъ которыхъ нѣтъ уже споровъ и сомнѣній. Любовь къ радостямъ и тревогамъ жизни, любовь къ природѣ и человѣку, къ русскому народу, его друзьямъ и даже недругамъ, была вдохновляющей музой нашего великаго поэта. Не естественно ли, что праздникъ Пушкина можетъ и долженъ быть праздникомъ любви, соединяющимъ въ одной мысли и чувствѣ всѣ слои общества, всѣ здравыя направленія нашей юной науки и расцвѣтающаго искусства! Подъ высокимъ знаменемъ этой чистой, свѣжей и здоровой поэзіи могутъ дружно идти рука-объ-руку старики и дѣти, вельможи и бѣдняки, ученые и художники, народники и космополиты, классики и реалисты: въ сторонѣ останутся лишь слѣпцы, непризнающіе искусства, а потому лишенные удѣла въ самыхъ высокихъ и благородныхъ произведеніяхъ человѣческой мысли

*

и народнаго генія. Но не одними этими общими соображеніями можетъ руководиться нѣжинскій институтъ, принимая участіе въ прославленіи памяти Пушкина. Есть еще одно особое звѣно, связывающее преданія института съ дѣятельностью нашего великаго писателя: этимъ звѣномъ служитъ Гоголь, краса и слава того учебнаго заведенія, котораго третьей метаморфозой является институтъ. Всѣмъ извѣстно, чѣмъ обязанъ былъ Гоголь Пушкину: достаточно напомнить, что сюжетъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» зародился въ неистощимой фантазіи послѣдняго. И долго еще произведенія Пушкина будутъ источникомъ поэтическихъ вдохновеній, возбудителемъ все новыхъ поэтическихъ созданій, а это бронзовое изваяніе, стоящее въ средоточіи русской земли, станетъ, конечно, какъ статуя Мемнона, подавать привѣтственные звуки при восходѣ каждаго новаго свѣтила русской поэзіи».

VIII. Отъ военноучебныхъ заведеній.

«Чествуя нынѣ, вмѣстѣ со всею Россіей, открытіе памятника великому народному поэту, военноучебныя заведенія выражаютъ чувства своего глубокаго къ нему почитанія».

IX. Отъ педагогическаго музея военноучебныхъ заведеній.

«Педагогическій музей военноучебныхъ заведеній ставитъ себѣ въ особую честь привѣтствовать открытіе памятника великому русскому поэту, на геніальныхъ произведеніяхъ котораго школа воспитываетъ въ учащихся наилучшія качества ума и сердца».

X. Отъ лицея цесаревича Николая.

«Лицей цесаревича Николая присоединяется ко всеобщему торжеству по случаю открытія въ Москвѣ, средоточіи русскаго народнаго духа, памятника великому писателю, украсившему нашу народность своими безсмертными произведеніями».

XI. Отъ женскихъ педагогическихъ курсовъ и петербургскихъ женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій императрицы Маріи.

„Великій поэтъ, память котораго чествуетъ сегодня вся образованная Россія, имѣетъ, независимо отъ своего художественнаго значенія, и

громадное воспитательное. Пушкинъ—писатель, съ которымъ въ раннемъ возрастѣ знакомятся русскія дѣти, въ произведеніяхъ котораго они впервые почерпаютъ, хотя и безсознательно, чувство вѣчной красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ. Счастливы тѣ изъ нихъ, въ которыхъ проза и сухость жизни не убиваютъ впослѣдствіи этихъ свѣтлыхъ началъ—необходимыхъ условій всесторонняго развитія человѣка. Въ жизни женщины эстетическое образованіе имѣетъ особенно крупную, неизмѣримо важную роль, и вотъ почему Пушкинъ долженъ быть всегдашнимъ спутникомъ, всегдашнимъ учителемъ подростающаго женскаго поколѣнія. Онъ долженъ быть дорогъ для него и потому, что первый изъ русскихъ писателей создалъ правдивый типъ русской женщины, что только съ Пушкина женщина эта стала изображаться со стороны своего истиннаго значенія въ семьѣ и обществѣ. Съ горячимъ чувствомъ безпредѣльнаго благоговѣнія къ художнику-учителю присоединяютъ свой голосъ къ тысячамъ русскихъ голосовъ женскіе педагогическіе курсы и женскія гимназіи Петербурга, какъ учрежденія, воспитывающія молодыя поколѣнія русскихъ женщинъ, и высказываютъ свое задушевнѣйшее желаніе, чтобъ всегда оставались незыблемыми тѣ высокія, прекрасныя и плодотворныя начала, которыя внесъ въ русскую умственную жизнь геній перваго русскаго поэта".

XII. Отъ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій вѣдомства императрицы Маріи.

«Учебныя и благотворительныя учрежденія вѣдомства императрицы Маріи имѣютъ нынѣ счастіе привѣтствовать, передъ лицомъ вашего императорскаго высочества, въ достославной Москвѣ, все наше великое отечество, по случаю открытія памятника великому народному поэту, Пушкину.

«Нынѣшній день, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ торжественныхъ дней въ исторіи нашего образованія: вся мыслящая и чувствующая Россія съ почтеніемъ преклоняется передъ увѣковѣченнымъ ликомъ поэта, который умѣлъ облечь такимъ вдохновеннымъ словомъ всю сущность и всѣ оттѣнки русской мысли и русскаго чувства. Своимъ свѣтлымъ, ободряющимъ взглядомъ на жизнь—онъ истинный представитель бодраго, благодушнаго, вѣчно юнаго русскаго народа. Какъ поэтъ, впервые изобразившій съ такою правдою и художественностью идеалъ

русской женщины, въ лицѣ Капитанской Дочки и въ лицѣ Татьяны онъ дорогъ и понятенъ всѣмъ, кто занимается воспитаніемъ нашего женскаго юношества; онъ дорогъ и каждому, кто знакомитъ юношество съ его поэзіей, потому что всюду чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ. Кто близокъ къ учрежденіямъ благотворительнымъ, тотъ не можетъ не вспомнить нынѣ, что Пушкинъ, какъ человѣкъ, являлъ въ своей жизни умилительные примѣры щедраго, тайнаго благотворенія. Вотъ неотъемлемыя права Пушкина на то, чтобъ въ нынѣшній день учебныя и благотворительныя учрежденія вѣдомства императрицы Маріи принесли свою дань признательности его памяти».

XIII. Отъ педагогическаго совѣта петербургской ларинской гимназіи.

«Въ великій день національнаго русскаго праздника въ честь незабвеннаго поэта, педагогическій совѣтъ петербургской ларинской гимназіи приноситъ, какъ отъ имени своихъ членовъ, такъ и отъ учащагося въ гимназіи юношества, свое поздравленіе съ этимъ торжественнымъ днемъ комитету для сооруженія памятника Пушкину. Признавая эстетическое и гуманное развитіе юношества на великихъ родныхъ поэтахъ краеугольнымъ камнемъ воспитанія человѣка и гражданина, члены совѣта приносятъ и свою глубокую благодарность памяти Пушкина за тѣ добрыя чувства, которыя онъ пробуждаетъ въ учащейся молодежи своею лирой, громко звучащей и по смерти поэта для русскаго сердца. Да научится воспитываемое въ гимназіи юношество по сочиненіямъ Пушкина чувствовать прекрасное и высокое, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни выражалось, да вынесетъ изъ произведеній поэта его свѣтлый, гуманный взглядъ на жизнь, которую нужно любить, потому что только съ этою любовью и вѣрой въ добро и можно сохранить, «выйдя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ годы суроваго мужества», силы неуклонно стремиться, несмотря ни на какія житейскія бури, къ тому, чтобъ служить родинѣ; да видитъ юношество изъ настоящаго торжества, какой кромѣ памятника каменнаго, еще воздвигаетъ себѣ великій поэтъ вѣчный, нетлѣнный, нерукотворный памятникъ въ сердцахъ благодарныхъ согражданъ».

XIV. Отъ московскаго художественнаго общества.

«Ваше императорское высочество. Московское художественное общество, въ лицѣ депутатовъ своихъ, привѣтствуя ваше высочество, имѣетъ

честь выразить свое глубокое сочувствіе къ памяти незабвеннаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина. Вмѣстѣ съ симъ общество считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ высказать вашему высочеству искреннюю благодарность за тѣ труды и участіе, которые угодно было вамъ принять на себя по сооруженію памятника поэту, и ваше просвѣщенное покровительство въ дѣлѣ развитія и образованія россійскаго юношества».

XV. Отъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

«Открытіе памятника Пушкину соединило всю мыслящую Россію въ общественномъ чествованіи имени великаго поэта. Наибольшее участіе въ этомъ народномъ торжествѣ принадлежитъ, конечно, литературѣ, однимъ изъ коллективныхъ представителей которой является общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Чтобъ ознаменовать это народное торжество чѣмъ-нибудь достойнымъ памяти Пушкина, общество основало особый неприкосновенный капиталъ для выдачи пособій преимущественно на изданіе замѣчательныхъ сочиненій, которыя не могутъ быть напечатаны авторами по недостатку средствъ, и наименовало этотъ капиталъ пушкинскимъ. Заявляя объ этомъ, общество выражаетъ надежду, что настоящій праздникъ, будучи торжествомъ не только памяти чествуемаго поэта, но и всей русской литературы, послужитъ къ укрѣпленію связи между литературой и обществомъ, составляющей залогъ ихъ совмѣстнаго развитія».

XVI. Отъ петербургскаго юридическаго общества.

«Юридическое общество при императорскомъ петербургскомъ университетѣ привѣтствуетъ открытіе памятника великому поэту русскому въ городѣ, значеніе котораго онъ воспѣвалъ съ такою любовью. Юридическое общество съ горячимъ сочувствіемъ присоединяется къ торжеству въ честь могучаго представителя русской мысли и русскаго генія. Служа, въ сферѣ своей дѣятельности, общественной потребности правосознанія, оно глубоко чтитъ человѣка, въ дивной силѣ твореній котораго звучитъ неумолкающій голосъ художественной истины и правды. Въ эпоху развитія и водворенія на судѣ русскомъ слова гласнаго состязанія—юридическое общество не можетъ не преклониться предъ безсмертнымъ мастеромъ русскаго слова, давшимъ ему небывалую до-

толѣ ясность, силу и красоту; работая въ такое время, когда основными и равносильными началами правосудія признаны «правда и милость», юридическое общество съ чувствомъ теплой любви обращается къ памяти поэта, который «милость къ падшимъ призывалъ».

XVII. Отъ императорскаго московскаго общества испытателей природы.

Ко дню 5-го іюня 1880 года.

(Кавказъ) . . . . . .

2. „Стою надъ снѣгами у края стремнины,
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье;
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы шебечутъ“ . . . . . .
. . . . . .

(Весна).

9. „Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ,
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей“.

Такъ пропѣлъ сладкогласый соловей,
Ему да будутъ честь и слава:
Слава будетъ вѣковая,
Вѣчны же да будутъ и блаженство, и покой.

Вотъ пожеланія императорскаго московскаго общества испытателей природы.

XVIII. Отъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній въ Петербургѣ.

«Высочайше учрежденная постоянная комиссія народныхъ чтеній уполномочила насъ принять участіе въ торжествѣ чествованія славнаго народнаго поэта. Распространивъ въ народѣ свои изданія въ числѣ полумилліона экземпляровъ, комиссія ознакомила кругъ своихъ читателей

съ нѣсколькими произведеніями Александра Сергѣевича Пушкина. Служа народу перомъ и словомъ, мы тѣмъ самымъ стяжали право принести привѣтъ Москвѣ—въ ряду многочисленныхъ русскихъ дѣятелей и представителей мысли, прибывшихъ преклонить чело предъ именемъ человѣка, чьи чудныя пѣсни воспитали поколѣнія, чье мощное слово легло краеугольнымъ камнемъ кореннаго русскаго просвѣщенія. Слава на землѣ народу русскому и его дивному пѣвцу слава!»

XIX. Отъ петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества и его консерваторіи.

«Петербургское отдѣленіе Императорскаго русскаго музыкальнаго общества и его консерваторія съ глубокимъ сочувствіемъ присоединяются къ общественному чествованію памяти Пушкина. Торжество открытія памятника великому поэту вызываетъ всѣхъ, кому дороги судьбы русскаго искуства, выразить благоговѣйное удивленіе его произведеніямъ. Этотъ «нерукотворный памятникъ», воздвигнутый самимъ поэтомъ, служилъ и служитъ для нашихъ композиторовъ неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія. Лучшее произведеніе русской музыки «Русланъ и Людмила» Глинки вдохновлено геніемъ Пушкина. Съ безсмертнымъ именемъ великаго поэта связано въ народномъ сознаніи имя великаго музыкальнаго художника Глинки. Пусть же произведенія обоихъ творцовъ „Руслана“ вдохновляютъ нашихъ композиторовъ и служатъ для нихъ высокими образцами вкуса и гармоніи».

XX. Отъ петербургскаго кружка любителей музыки.

«Въ глубокой древности поэзія и музыка тѣсно другъ съ другомъ сливались: лира была инструментомъ и поэта, и музыканта. При дальнѣйшемъ развитіи поэзіи и музыки, искусства эти, захватывая собою все болѣе и болѣе обширную, неисчерпаемую область внутренней жизни человѣка, стали искусствами самостоятельными: какъ поэтъ создаетъ свои произведенія независимо отъ музыки, такъ и музыка, независимо отъ слова, достигаетъ своего высшаго проявленія; но поэзія и музыка, все-таки, и понынѣ остаются родными сестрами. Нашъ великій поэтъ, память котораго мы всѣ здѣсь присутствующіе чествуемъ, представляетъ намъ наилучшее доказательство этой родственной связи между музыкой и поэзіей. А. С. Пушкинъ не былъ музыкантомъ, но едва ли мы най-

демъ хоть одного русскаго композитора, и стараго, и новаго времени, который бы не вдохновлялся лирой Пушкина, а наши наилучшіе компо-зиторы, Глинка и Даргомыжскій, въ «Русланѣ и Людмилѣ», «Русалкѣ» «Каменномъ Гостѣ» и т. п., достигли наивысшаго проявленія своего музыкальнаго творчества, вдохновляясь произведеніями того же без-смертнаго Пушкина: велика же, значитъ, геній нашего поэта, если къ помощи его прибѣгаютъ другіе геніи! Пришлось бы намъ много говорить о заслугахъ Пушкина и для искусства, и для всѣхъ русскихъ людей, но это не входитъ въ нашъ планъ и, безъ сомнѣнія, будетъ выражено въ массѣ другихъ адресовъ; нашъ петербургскій кружокъ любителей музы-ки настоящимъ своимъ заявленіемъ имѣетъ въ виду указать только въ самыхъ общихъ чертахъ, что геній Пушкина имѣлъ, имѣетъ и будетъ имѣть громадное значеніе въ исторіи русской музыки. Будемъ же пере-читывать, изучать нашего роднаго поэта, проникаться тѣми же благо-родными чувствами, которыя волновали и его высокую душу; завѣщаемъ и потомкамъ нашимъ дѣлать то же самое, и тогда навѣрное и мы, потомство наше будемъ лучше».

XXI. Отъ редакціи журнала «Женское Образованіе».

«Вся образованная Россія, въ лицѣ своихъ представителей, чествуетъ сегодня память великаго своего поэта. Редакція журнала, посвященнаго вопросамъ женскаго образованія, считаетъ своимъ долгомъ присоединить и свой голосъ къ общему хору. Великую службу Пушкинъ сослужилъ, между прочимъ, и педагогическому дѣлу Россіи. Всѣ учившіеся въ рус-ской школѣ знаютъ Пушкина больше, чѣмъ какого-либо другого рус-скаго поэта. Пушкинъ освоился съ родною поэзіей, съ духомъ народнаго языка, благодаря своей нянѣ; дѣти наши роднятся съ ними по великимъ образцамъ поэзіи Пушкина. Мало того. Никто изъ нашихъ поэтовъ не чувствовалъ такъ сильно, какъ Пушкинъ, «добра и красоты жизни»; никто такъ не поклонялся имъ, какъ Пушкинъ: у него можетъ русское юношество научиться изящно чувствовать и любить жизнь. Онъ первый воспроизвелъ въ художественномъ образѣ настоящую русскую женщину. Его Татьяна, его Капитанская Дочка — вотъ родоначальницы русскихъ женскихъ типовъ въ нашей литературѣ. Съ нихъ началась та литера-турная разработка этихъ типовъ, которая, мало-по-малу, ясно обнару-жила, сколько силы духа, сколько ума и чувства въ натурѣ русско-

женщины, возвысила ее въ ея собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всего общества, подняла ея образованіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повысила ея общественное значеніе. Открывъ живой родникъ истинной поэзіи подъ простой, часто даже неприглядной внѣшностью русской жизни, выразивъ въ своихъ великихъ твореніяхъ все, что̀ есть лучшаго въ русской натурѣ, Пушкинъ послужилъ общественному самосознанію и самоуваженію, безъ которыхъ не можетъ совершиться правильно умственный ростъ великаго народа. Да будетъ же память великаго поэта нашего священна и въ современномъ, и въ будущихъ поколѣніяхъ русскаго народа!»

XXII. Отъ редакціи журнала «Дѣтское Чтеніе».

«Редакція изданія, котораго цѣль посильно способствовать воспитанію въ дѣтяхъ чувства истины, добра, красоты и любви къ родинѣ и человѣчеству, приноситъ и свою горячую признательность памяти перваго русскаго великаго художника за все, что сдѣлалъ онъ для дѣтей своей родины. На сочиненіяхъ Пушкина ребенокъ учится художественно выражаться на родномъ языкѣ; гармоническій стихъ поэта ласкаетъ ухо, его поэтическіе образы на всю жизнь западаютъ въ юную воспріимчивую душу, живыя картины русской природы будятъ въ ребенкѣ любовь къ ней, типы, живьемъ выхваченные изъ народа и согрѣтые гуманностью, учатъ дѣтей любить этотъ народъ. Теплыя отношенія поэта къ своей нянѣ, къ товарищамъ, къ учебному заведенію, гдѣ онъ получилъ свое воспитаніе, къ своимъ наставникамъ и друзьямъ, отношенія, которыя онъ до самой смерти своей лелѣялъ въ душѣ, учатъ и юношей товариществу, дружбѣ и благодарности къ своимъ наставникамъ и школѣ. Величавая личность Петра, изображонная въ сочиненіяхъ Пушкина, любовь этого государя къ родинѣ, его заботы о ней и труды на пользу просвѣщенія, воспитываютъ въ дѣтяхъ чувство истиннаго патріотизма. Но что въ сочиненіяхъ Пушкина всего благотворнѣе дѣйствуетъ на дѣтскія сердца, давая имъ силы для будущаго прохожденія жизненнаго пути — это любовь поэта къ жизни, вообще, вѣра его въ людей, въ человѣка, кто бы онъ ни былъ, въ будущее своей родины, надежда на ея все большее и большее процвѣтаніе, любовь ко всему прекрасному, благородному и высокому. За эту любовь, надежду и вѣру, величайшія воспитательныя силы, за все добро, которое сдѣлалъ поэтъ своими произведеніями для будущихъ молодыхъ поколѣній, къ коимъ онъ относил-

ся съ трогательнымъ сочувствіемъ, за всѣ великія, безсмертныя заслуги его передъ русскими дѣтьми, редакція журнала, посвященная ихъ умственнымъ и нравственнымъ интересамъ, глубоко чтитъ его память. Да будетъ эта память вѣчно священна въ отзывчивомъ сердцѣ русскаго юнаго гражданина и всѣхъ тѣхъ, кто служитъ его воспитанію».

XXIII. Отъ редакціи «Русскаго Вѣстника».

«Русскій Вѣстникъ», начавшій свое существованіе попыткою раскрыть великое значеніе Пушкина, въ нашемъ народномъ образованіи, радуется открытію памятника поэту въ воздаяніе за нерукотворный, имъ самимъ созданный памятникъ».

XXIV. Отъ «Международнаго Телеграфнаго Агентства».

«Завтра, 6-го іюня, не только вся Россія, но и вся Европа, въ лицѣ своихъ представителей, преклонитъ колѣна предъ памятникомъ великаго поэта, колыбелью котораго была Москва. «Международное Телеграфное Агентство», считая этотъ день международнымъ праздникомъ всего цивилизованнаго міра, поздравляетъ бѣлокаменную столицу съ тѣмъ памятникомъ величія, который навѣки останется въ ея стѣнахъ».

XXV. Отъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей».

«Московскія Вѣдомости», органъ русскаго мнѣнія и чувства, привѣтствуютъ открытіе памятника Пушкину, красѣ и гордости нашего народнаго слова, въ Москвѣ, хранительницѣ преданій и завѣтовъ русской народности».

XXVI. Отъ редакціи газеты „Недѣля“.

«Редакція газеты „Недѣля“ привѣтствуетъ открытіе памятника Пушкину, какъ событіе, двояко знаменательное и отрадное. Честь и слава великому русскому писателю, силою своего генія соединившему вокругъ себя все образованное общество; честь и слава русскому обществу, соединившемуся въ одно цѣлое во имя своего національнаго генія».

XXVII. Телеграмма изъ Лемберга, отъ г. Познанскаго.

«Червонная Русь дорожитъ геніемъ русской земли и приноситъ скромный вѣнокъ свой Пушкину. Свидѣтельствуемъ духовную связь нашу съ великимъ русскимъ народомъ».

8.

Адресы и телеграммы, полученные Обществомъ Любителей Россійской Словесности ко дню открытія памятника Пушкину.

Изъ Бѣлграда: отъ Великой школы, т. е. университета, за подписью ректора; отъ Сербскаго Ученаго Дружества (общества); отъ восьми сербскихъ гражданъ: Милевича, Новаковича, Міятовича, Пирочанаца, Гарашанина, Куюнджича, Ракича и Поповича, и отъ Дружины Побратимство (студентскаго общества).

Изъ г. Новаго-Сада—центра православныхъ австрійскихъ сербовъ: отъ редакціи (вѣроятно, газеты «Застава») и отъ книжнаго отдѣленія сербской Матицы.

Изъ Загреба (Аграма): отъ ректора университета Ивековича и отъ президента Юго-Славянской академіи наукъ, Рачки.

Изъ Львова: отъ редакціи «Слово» и отъ г. Площанскаго.

Изъ Кракова—отъ Краковской академіи наукъ.

Изъ Праги: отъ редакціи «Лумира» (?), отъ Сбора Матицы Чешской и отъ Литературнаго Общества Святиборъ.

Изъ Пильзена – отъ основателя русскаго музея, д-ра Валечки.

Изъ Берлина—отъ профессора, д-ра Ягича.

Изъ Кіева: отъ университета Св. Владиміра, отъ редакціи «Кіевлянина» и отъ кіевскаго русскаго драматическаго Общества.

Изъ Казани: отъ представителей казанскаго общества и университета, за подписями: П. Осокина, Янишевскаго и Н. Ковалевскаго, и отъ г. Васильева.

Изъ Харькова—отъ совѣта Харьковскаго университета и отъ г. Безсонова.

Изъ Одессы: отъ Новороссійскаго университета, отъ одесскаго Славянскаго Общества и отъ редакціи газеты «Правда».

Изъ Петербурга: отъ петербургскаго общества съ подписями: г. Модестова—за распорядителей пушкинскаго праздника въ Петербургѣ и П. Анучина—за старшинъ с.-петербургскаго купеческаго собранія, отъ исправляющаго должность редактора «Правительственнаго Вѣстника», г. Данилевскаго, отъ Чешскаго вспомогательнаго Общества въ Петербургѣ и отъ русскаго семейства, за подписью «Ефимовы».

Изъ Варшавы—отъ 3-й мужской гимназіи.

Изъ Риги—отъ рижской Александровской женской Ломон гимназіи и отъ городскаго Екатерининскаго училища.

Изъ Ревеля—отъ тѣснаго кружка почитателей незабвеннаг за подписями: генерала Левицкаго, барона Вреде, Фонъ-Га Фонъ-Миллера.

Изъ Люблина—отъ люблинскаго русскаго общества, за п губернатора, генералъ маіора Лишина, и отъ люблинскихъ му женской гимназій.

Изъ Полтавы—отъ полтавской духовной семинаріи, за п ректора.

Изъ Рязани—отъ рязанской духовной семинаріи.

Изъ Смоленска—отъ редакціи «Смоленскаго Вѣстника».

Изъ Костромы—отъ г. Малиновскаго.

Изъ Зарайска—отъ почитателей таланта Пушкина, за п г. Бочарникова.

Изъ Кронштадта—отъ редакціи «Кронштадтскаго Вѣстни

Изъ Царскаго Села—отъ редактора журнала «Русская г. Навроцкаго.

Изъ Саратова—отъ редакцій: «Саратовскаго Листка», «(скаго Дневника» и газеты «Волга».

Изъ Тамбова—отъ тамбовскаго реальнаго училища.

9.

Списокъ учрежденій и лицъ, принесшихъ вѣнки въ засѣданіе ства Любителей Россійской словесности

7-го іюня:

1) Гельсингфорскій Александровскій университетъ.
2) Московское губернское земство.
3) Общество русскихъ драмматическихъ писателей.
4) Московское Общество любителей художествъ.
5) Общество любителей музыкальнаго и драматическаго ис
6) Общество распространенія техническихъ знаній.

7) Московское общество бывшихъ университетскихъ воспитанниковъ.
8) Общество любителей естествознанія.
9) Учебный отдѣлъ общества распространенія техническихъ знаній.
10) Юнкерское и Александровское военное училище.
11) Воспитанники 1-й военной гимназіи.
12) » 2-й » »
13) » 3-й » »
14) » 4-й » »
15) Воспитанники Николаевскаго сиротскаго института.
16) Частная гимназія г. Креймана.
17) Преподаватели и воспитанники частной гимназіи г. Поливанова.
18) Воспитанники духовнаго училища при хорѣ синодальныхъ пѣвчихъ.
19) Воспитанницы учебнаго заведенія г-жи Арсеньевой.
20) » пансіона г-жи Дюмушель.
21) » учебнаго заведенія г-жи Мача и Бессъ.
22) » » » г-жи Эвеніусъ.
23) » » » княгини Мещерской.
24) Воспитанники реальнаго училища г. Воскресенскаго.
25) Петропавловское училище.
26) Русское хоровое общество.
27) Московскій Артистическій кружокъ.
28) Московскій Шекспировскій кружокъ.
29) Редакція «Русской Мысли.»
30) Редакція «Новаго Времени».
31) » «Русскаго Курьера».
32) » «Современныхъ Извѣстій».
33) » «Будильника».

Непомѣщенные въ списокъ вѣнки, которые были вывѣшены:

34) Отъ Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества.
35) » Московской консерваторіи.
36) » Народныхъ школъ Московскаго уѣзда.
37) » Комиссіи народныхъ училищъ.
38) » Императорскаго общества акклиматизаціи.

39) Отъ Московскаго главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

40) » Московскаго уѣзднаго земства.

10.

Къ открытію памятника Пушкину.

(Голосъ крестьянина) *).

У насъ на православной Руси и въ православномъ же первопрестольномъ столичномъ градѣ, въ Москвѣ, открывается сооружаемый памятникъ покойному нашему великому народному поэту Александру Сергѣевичу Пушкину. По этому поводу всѣ наши столичныя газеты, почти наперерывъ одна передъ другою, стараются высказать у себя на столбцахъ все рѣшительно, что только имъ откуда доставится, или что самими ими услышится и узнается объ открытіи этого памятника и о предполагаемомъ торжествѣ. Такъ, пишутъ у насъ въ газетахъ, что въ день открытія этого памятника будетъ данъ блестящій обѣдъ и что память великаго нашего поэта предполагается почтить двумя засѣданіями, въ которыхъ предполагается прочитать: «о ходѣ работъ по устройству памятника»—академикомъ Гротомъ и «нѣсколько рѣчей о заслугахъ Пушкина, какъ поэта»—гг. Юрьевымъ, Тургеневымъ, Островскимъ, профессоромъ Стороженко и другими. Пишутъ также и то, что даже и окна, въ близкихъ домахъ къ памятнику, разбираются по 25 рублей за окно. Значитъ, это торжество будетъ великое; значитъ, что нынѣшній русскій народъ понимаетъ значеніе бывшаго у себя на Руси великаго дѣятеля въ творчествѣ письменнаго Божьяго слова.

За симъ я позволяю себѣ сказать, именемъ нынѣшняго свободнаго и многомилліоннаго нашего крестьянства, что желательно было, чтобы при такомъ, вполнѣ заслуженномъ поэтомъ торжествѣ было обращено вниманіе на приравненіе Пушкинской эпохи къ нашему времени. Намъ, напримѣръ, очень коротко извѣстно, что все великое поэтическое творчество Пушкина относится ко времени существованія у насъ, во всей своей силѣ, крѣпостнаго права. И государственный

*) Напечатано въ «Русскомъ Курьерѣ».

строй, и все вообще въ немъ—были въ то время совершенно иные, чѣмъ они стали теперь и чѣмъ разовьются далѣе въ нашемъ свободно трудовомъ государствѣ. Крѣпостное право мѣшало развитію могучаго генія, его полному и общенародному творчеству.

Итакъ, великая заслуга будетъ, если ко всѣмъ рѣчамъ въ честь Пушкина при открытіи ему памятника присоединится еще одна или и больше рѣчей, въ которыхъ сопоставится Пушкинское и наше время—время свободнаго народнаго труда, когда великій поэтъ становится доступенъ этому народу.

Желнобобовъ.

11.

Признательность депутатовъ Московскому Городскому Обществу.

«Нижеподписавшіеся депутаты на пушкинскомъ праздникѣ отъ различныхъ учрежденій, обществъ и періодическихъ изданій считаютъ весьма пріятнымъ долгомъ для себя засвидѣтельствовать московской городской думѣ искреннѣйшую признательность за самый теплый, самый радушный пріемъ, встрѣченный ими въ Москвѣ, за привѣтливую предупредительность, съ которою исполнялись ихъ малѣйшія желанія, за постоянныя и увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ старанія города доставить своимъ гостямъ всевозможныя удобства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

«Воспоминаніе объ этомъ истинно-русскомъ гостепріимствѣ московской думы будетъ для всѣхъ иногородныхъ депутатовъ однимъ изъ самыхъ отрадныхъ, какія останутся у нихъ связанными съ мыслью объ ихъ пребываніи на многозначительномъ для всей Россіи торжествѣ».

Заявленіе это подписано 61 депутатомъ, въ числѣ которыхъ имѣются подписи И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго, гг. Лежера, Сухомлинова и друг.

VIII.

АКТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ИСТОРІИ ОТКРЫТІЯ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.

Акты, относящіеся до исторіи открытія памятника Пушкину.

I.

Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину.

(Чтено академикомъ Я. К. Гротомъ въ публичномъ засѣданіи Высочайше утвержденнаго Комитета по сооруженію памятника Пушкину, 5 іюня, въ залѣ Московской Городской Думы).

Отъ имени Комитета, принявшаго на себя заботы по сооруженію памятника Пушкину, имѣю честь представить краткую исторію этого дѣла.

Мысль о памятникѣ великому поэту въ первый разъ была пущена ходъ изъ среды бывшихъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея по ду приготовленій, въ 1860 году, къ празднованію 50-лѣтняго лея его, причемъ мѣсто будущему монументу предназначено было Царскомъ Селѣ, въ саду нѣкогда принадлежавшемъ Лицею. Сборъ ертвованій по подпискѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія тогда же от-тый по представленію директора Лицея Н. И. Миллера, въ немно-ходы доставилъ 13,359 руб. Въ то же время художниками Лаве-нимъ и Бахманомъ составленъ былъ проектъ памятника, уже и осу-ствленный нервымъ изъ нихъ въ модели довольно обширныхъ раз-овъ, помѣщенной въ залѣ Александровскаго Лицея.

Мало-по-малу однако-же притокъ пожертвованій сталъ оскудѣвать корѣ совершенно прекратился. Въ такомъ положеніи было дѣло,

когда на обычномъ лицейскомъ обѣдѣ 19 октября 1870 года одинъ изъ участниковъ его воспользовался случаемъ возобновить вопросъ о памятникѣ нашему поэту. Предложеніе это встрѣтило большое сочувствіе и тутъ же, по мысли К. К. Грота, задумано было учредить, для дальнѣйшаго веденія дѣла, Комитетъ изъ воспитанниковъ первыхъ выпусковъ Лицея. По ходатайству Августѣйшаго Попечителя его, Е. И. В. Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, предположеніе наше удостоилось одобренія Государя Императора, и такимъ образомъ въ февралѣ 1871 года составился, подъ главнымъ вѣдѣніемъ Его Высочества, Комитетъ для сооруженія памятника Пушкину изъ слѣдующихъ семи лицъ, бывшихъ воспитанниковъ:

1-го выпуска Лицея: статсъ-секретаря барона (въ послѣдствіи графа) М. А. Корфа, и адмирала Ф. Ф. Матюшкина.

6-го выпуска академика Грота.

7-го вып. статсъ-секретарей К. К. Грота и Н. А. Шторха и дѣйств. статск. сов. А. И. Колемина.

Седьмымъ членомъ избранъ былъ воспитанникъ Лицейскаго пансіона, вышедшій въ 1829 г. статсъ-секретарь, управляющій дѣлами Комитета Министровъ Ѳ. П. Корниловъ, которому выпалъ жребій принять самое дѣятельное участіе въ окончательныхъ распоряженіяхъ по постановкѣ и открытію памятника.

Да позволено мнѣ будетъ, при этомъ случаѣ, почтить сердечнымъ воспоминаніемъ трехъ членовъ нашего Комитета, исторгнутыхъ смертью изъ среды его прежде окончанія дорогаго имъ дѣла. Особенно потрудился въ немъ младшій изъ нихъ, Н. А. Шторхъ; по своему посту въ IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи онъ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ Комитета и хранепіемъ суммъ, составлявшихся изъ приношеній на памятникъ. По смерти его, въ декабрѣ 1878, заботы эти принялъ на себя К. К. Гротъ, а послѣ отъѣзда его, по болѣзни, въ минувшемъ году за границу, Ѳ. П. Корниловъ. Оба они не могли обойтись безъ непосредственной помощи IV Отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Величества, и Комитетъ съ особеннымъ удовольствіемъ свидѣтельствуетъ, какъ много онъ обязанъ, со времени кончины Н. А. Шторха, просвѣщенному содѣйствію барона А. Ф. Гюне. Всею счетною частію непосредственно занимался помощникъ бухгалтера К. К. Тимо-

Два старшіе члена, потерю которыхъ мы оплакиваемъ, были достойные товарищи Пушкина, графъ Корфъ, умершій въ началѣ 1876 года, и адмиралъ Матюшкинъ, съ дѣтства связанный съ поэтомъ узами нѣжнѣйшей дружбы. По кончинѣ его въ сентябрѣ 1872 года Комитетъ съ Высочайшаго соизволенія избралъ членомъ своимъ воспитанника 6 курса Лицея, сенатора М. Н. Похвиснева.

Въ исторіи нашего дѣла Матюшкинъ памятенъ тѣмъ, что онъ первый подалъ мысль избрать мѣстомъ сооруженія Москву. Я упомянулъ, что первоначально рѣшено было поставить памятникъ въ Царскосельскомъ лицейскомъ саду; но Комитетъ, находя это мѣсто слишкомъ уединеннымъ, считалъ необходимымъ пріискать другой, болѣе отвѣчающій цѣли пунктъ. Въ Петербургѣ, уже богатомъ памятниками царственныхъ особъ и знаменитыхъ полководцевъ, мало было надежды найти достойное поэта, достаточно открытое и почетное мѣсто. Между тѣмъ нельзя было не согласиться съ Матюшкинымъ, что постановка памятника Пушкину въ Москвѣ, гдѣ безпрестанно толпятся, смѣняясь, уроженцы всѣхъ странъ Россіи, особенно была бы способна придать ему значеніе вполнѣ народнаго достоянія. Съ другой стороны, связи Пушкина съ Москвой были нисколько не слабѣе, если еще не сильнѣе тѣхъ, которыя роднили его съ Петербургомъ. Въ Москвѣ онъ родился, и до 12-лѣтняго возраста прожилъ частью въ самомъ городѣ, частью въ подмосковномъ сельцѣ Захаровѣ. Здѣсь онъ ознакомился съ народнымъ бытомъ и языкомъ, сблизился съ самимъ народомъ.

Здѣсь нашелъ онъ могучее противодѣйствіе тому французскому воспитанію, которое онъ по духу времени получалъ въ родительскомъ домѣ: въ деревнѣ ему полюбились крестьянскія пѣсни, хороводы и пляски. Въ сосѣднемъ съ Захаровымъ историческомъ селѣ Вяземахъ онъ слышалъ преданія, впервые пробудившія въ немъ любовь къ русской старинѣ. По родственнымъ и дружескимъ связямъ своего отца, онъ съ дѣтства вступилъ въ кругъ московскихъ литераторовъ, къ которому, кромѣ дяди его Василья Львовича, принадлежали Карамзинъ, Дмитріевъ, Тургеневъ, Жуковскій; понятно, какъ общество этихъ людей должно было дѣйствовать на развитіе литературныхъ вкусовъ и авторскаго направленія въ отрокѣ. Послѣ своего помѣщенія въ Лицей, Пушкинъ долго не былъ въ Москвѣ. По окончаніи 6-лѣтняго воспитанія въ этомъ заведеніи онъ не пробылъ въ Петербургѣ и трехъ полныхъ лѣтъ;

а затѣмъ наступилъ періодъ его страннической жизни, продолжавшійся опять 6 лѣтъ. Но въ Москвѣ же, съ новымъ царствованіемъ, началось его общественное возрожденіе, когда императоръ Николай послѣ коронаціи вызвалъ его изъ деревни, милостиво положилъ конецъ его изгнанію и объявилъ себя его цензоромъ. Наконецъ въ Москвѣ же встрѣтилъ онъ ту, съ которою рука объ руку вступилъ на новый путь жизни, введшій его въ невѣдомый прежде міръ идей и нравственныхъ ощущеній. Тамъ совершилась и самая женитьба Пушкина. Около этого времени и въ немногіе остальные годы жизни своей онъ часто бывалъ въ Москвѣ и принималъ дѣятельное участіе въ ея литературномъ движеніи. Есть мнѣніе, будто онъ не любилъ своего роднаго города; можетъ-быть, увлекаясь остроуміемъ, онъ иногда дѣйствительно подшучивалъ надъ Москвой, точно также какъ въ другія минуты бранилъ Петербургъ, видя въ немъ «скуку, холодъ и гранитъ». Но нигдѣ въ сочиненіяхъ его мы не находимъ слѣдовъ серіознаго нерасположенія къ Москвѣ. Напротивъ въ нихъ часто выражается его сочувствіе къ ней. Въ примѣръ того можно привести особенно VII главу Евгенія Онѣгина, предъ которою онъ помѣстилъ нѣсколько эпиграфовъ изъ разныхъ поэтовъ въ похвалу Москвѣ, а потомъ самъ съ горячею любовью обращается къ пей, называя ее своею. „Благослови Москву, Россія“, сказалъ онъ въ стихотвореніи Наполеонъ.

Праздным и ребяческимъ дѣломъ было бы хотѣть сравнительно опредѣлить, которая изъ обѣихъ столицъ имѣла болѣе правъ па памятникъ Пушкину; но изъ сказаннаго достаточно видно, до какой степени Москва была близка поэту и какъ много было основаній избрать въ настоящемъ дѣлѣ древнюю столицу, это средоточіе Россіи въ духовномъ, какъ и въ физическомъ смыслѣ. По всеподданнѣйшему докладу Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, Государь Императоръ, согласно съ ходатайствомъ Комитета, 20 марта 1871 года, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: «чтобы памятникъ Пушкину поставленъ былъ не въ Царскомъ Селѣ, какъ прежде указано было, а въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія поэта, гдѣ монументъ его получитъ вполнѣ національное значеніе».

Затѣмъ Комитету надлежало сообразить, въ какомъ именно пунктѣ Москвы всего приличнѣе воздвигнуть памятникъ. По этому поводу членъ Комитета К. К. Гротъ въ концѣ 1871 года вызвался съѣздить туда

для совѣщанія съ наиболѣе интересующимися дѣломъ мѣстными жителями. При его участіи, у князя В. А. Черкасскаго состоялось собраніе изъ слѣдующихъ лицъ: городскаго головы Лямина, И. С. Аксакова, П. И. Бартенева, М. Н. Каткова, П. И. Миллера, М. П. Погодина и Ю. Ѳ. Самарина. Послѣ недолгихъ преній Комитету предложено было на выборъ два мѣста, именно: либо край Тверскаго бульвара противъ Страстнаго монастыря, либо новообразованный въ то время скверъ при Страстномъ бульварѣ. Комитетъ отдалъ предпочтеніе первому изъ названныхъ двухъ пунктовъ. Выборъ этотъ по одобреніи его московскимъ генералъ-губернаторомъ, его сіятельствомъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, удостоился Высочайшаго утвержденія 17 іюня 1872 года, и съ согласія Общей Думы рѣшено было отрѣзать отъ Тверскаго бульвара подъ памятникъ около 30 саженъ по прямой линіи. На этомъ-то мѣстѣ и воздвигнуто открытое нынѣ сооруженіе.

Далѣе Комитету предстояло составить новый проектъ памятника, такъ какъ для исполненія прежняго требовалась такая сумма (именно 89,000 р.), на полученіе которой Комитетъ въ то время не могъ разсчитывать. Притомъ и по замыслу своему проектъ этотъ не вполнѣ отвѣчалъ тому идеалу простоты и единства созданія который желательно было видѣть осуществленнымъ въ памятникѣ поэту, столь отличавшемуся именно этими чертами творчества въ своихъ произведеніяхъ. Желая въ то же время послужить русскому искусству вызовомъ наличныхъ представителей его къ участію въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ, Комитетъ въ 1872 году открылъ восьмимѣсячный конкурсъ, предлагая всѣмъ русскимъ ваятелямъ представить скульптурныя модели обѣихъ частей памятника: пьедестала и статуи поэта, причемъ за наиболѣе удовлетворительные проекты назначено шесть премій различныхъ размѣровъ.

Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, въ мартѣ 1873 года явилось пятнадцать моделей, которыя и были выставлены на общественный судъ въ залѣ Опекунскаго Совѣта. Для оцѣнки ихъ, равно какъ и прежде для составленія программы конкурса и проекта моделей, Комитетъ приглашалъ къ совмѣстнымъ съ нимъ совѣщаніямъ извѣстнѣйшихъ художниковъ изъ среды не только скульпторовъ, но и живописцевъ. Организованная такимъ образомъ коммиссія присяжныхъ нашла, что, хотя ни одна изъ представленныхъ моделей не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ

программы, однакоже нѣкоторыя изъ нихъ, по относительнымъ достоинствамъ своимъ, заслуживаютъ награды, и премій присуждено на 3,500 рублей слѣдующимъ художникамъ: гг. Опекушину, Забѣлѣ, Шредеру Боку и Ильенко.

Затѣмъ признано нужнымъ учредить новый конкурсъ, который и состоялся тѣмъ же способомъ и на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ. Представленнымъ вслѣдствіе того въ мартѣ 1874 года 19 моделямъ устроена была опять публичная выставка, на этотъ разъ въ залѣ Академіи Наукъ. Приглашенные для обсужденія ихъ вмѣстѣ съ Комитетомъ эксперты изъ художниковъ и литераторовъ и теперь не признали ни одной модели достойною полнаго одобренія, но присудили, по произведенной баллотировкѣ, второстепенныя преміи, всего на 2,000 руб., тремъ изъ состязавшихся скульпторовъ, именно: гг. Опекушину, Забѣлѣ и Боку.

Такъ какъ послѣ двухъ не приведшихъ къ цѣли конкурсовъ учреждать третій казалось безполезнымъ, то вмѣсто того, по совокупному опредѣленію комитета и экспертовъ, предложено было двумъ составителямъ наиболѣе удавшихся моделей, гг. Опекушину и Забѣллѣ изготовить въ увеличенномъ размѣрѣ двѣ новыя модели, исправивъ прежнія по указаніямъ небольшой коммиссіи экспертовъ, составленной, подъ предсѣдательствомъ профессора архитектуры Д. И. Гримма, изъ художниковъ по скульптурной части — Лаверецкаго, по живописи — Келера и Крамскаго. Представленныя вслѣдствіе того въ маѣ 1875 года двѣ модели выставлены были въ помѣщеніи постоянной художественной выставки. Комитетъ, по обсужденіи ихъ вмѣстѣ съ приглашенными имъ экспертами, находилъ въ обѣихъ положительныя достоинства, но въ виду необходимости рѣшиться въ пользу одной изъ нихъ, отдалъ предпочтеніе модели г. Опекушина, какъ соединявшей въ себѣ съ простотой, непринужденностью и спокойствіемъ позы типъ наиболѣе подходящій къ характеру наружности поэта.

Вылѣпленная по этой модели колоссальная статуя, окончательно еще усовершенствованная по замѣчаніямъ экспертизы, представлена была принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ на воззрѣніе Государя Императора и, удостоенная Высочайшаго Его Величества одобренія, отлита изъ бронзы на заводѣ покойнаго Когуна въ С.-Петербургѣ.

Для постановки памятника и другихъ строительныхъ работъ избранъ тъ г. Опекушинымъ, по предоставленному ему праву, архитекторъ С. Богомоловъ; для каменныхъ же работъ Комитетъ пригласилъ подчика А. А. Баринова. Наблюденіе за работами и извѣщеніе Комитета одѣ ихъ принялъ на себя постоянно живущій въ Москвѣ, бывшій питанникъ 6-го курса Лицея П. И. Миллеръ.

Ограничиваясь этими немногими свѣдѣніями о ходѣ сооруженія пагника, я долженъ просить еще на нѣсколько минутъ вашего благоюннаго вниманія, мм. гг-ни и гг., чтобы присоединить къ нимъ кратi отчетъ въ употребленіи собранныхъ по подпискѣ денежныхъ ѣдствъ.

Когда Комитетъ начиналъ свою дѣятельность, имѣвшаяся въ расряженіи его сумма вмѣстѣ съ накопившимися процентами составляла ,000 р. съ небольшимъ. Для возобновленія сбора пожертвованій начатано было въ газетахъ приглашеніе и вслѣдъ затѣмъ приступлено раздачѣ подписныхъ книжекъ. Но прежде всего мы должны съ благовѣйною признательностью упомянуть о томъ милостивомъ участіи, кое въ этой подпискѣ соизволили принять Августѣйшіе Члены Императорскаго Семейства. Частныя приношенія начали поступать со всѣхъ оронъ. Кромѣ множества отдѣльныхъ лицъ, успѣшному сбору значительно содѣйствовали редакціи главныхъ повременныхъ изданій и нѣкоторые книгопродавцы. Комитетъ, положивъ въ основаніе своихъ дѣйвій два коренныя начала—гласность и строгую отчетность—вскорѣ алъ печатать въ газетахъ свѣдѣнія о постепенномъ приращеніи своихъ средствъ и мало-по-малу собранная имъ сумма возросла до 83,922 . 61 коп. Въ послѣдствіи итогъ всей суммы съ накопившимися на процентами составилъ 106,575 руб. 10 коп.

Такъ какъ еще при первоначально открытой подпискѣ мѣстомъ хранія стекавшихся пожертвованій избрано было IV Отдѣленіе Собственi Его Величества Канцеляріи, то туда же и теперь окончательно поплали собираемыя Комитетомъ суммы. Самыми крупными расходами ли слѣдующіе:

	Руб.	Коп.
На преміи по двумъ конкурсамъ издержано . . .	5,500	—
Академику Опекушину за вылѣпку гипсовой статуи очено.	20,000	—

	Руб.	Коп.
Архитектору Богомолову	5,500	—
Подрядчику Баринову	40,016	53
За отливку статуи изъ бронзы на заводѣ Когуна .	15,745	—
Всего издержано, считая и болѣе мелкіе расходы .	87,510	16
За всѣми расходами остается въ распоряженіи Комитета	19,064	94

Имѣющейся въ остаткѣ суммѣ должно быть придумано назначеніе возможно согласное съ желаніями жертвователей и близкое къ главной цѣли сбора, что и будетъ предметомъ обсужденія Комитета, какъ скоро онъ найдетъ возможность собраться въ болѣе полномъ составѣ.

Въ заключеніе считаю самымъ пріятнымъ долгомъ выразить глубочайшую благодарность Комитета всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и отдѣльнымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ему трудомъ или пожертвованіями въ исполненіи задачи, которую онъ принялъ на себя предъ обществомъ. Ихъ просвѣщенному вниманію, довѣрію и участію обязанъ онъ тѣмъ, что могъ съ успѣхомъ довести до конца дѣло, конечно, почетное и отрадное для каждаго Русскаго, но представлявшее и свои несомнѣнныя трудности. Пушкинскій Комитетъ почитаетъ себя счастливымъ и гордится тѣмъ, что ему суждено было подъ всемилостивѣйшимъ покровительствомъ Государя Императора и при Августѣйшемъ содѣйствіи Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго послужить орудіемъ этого истинно народнаго предпріятія, совершеннаго по частному почину, безо всякой примѣси бюрократическаго или приказнаго характера, безъ дополнительныхъ пособій отъ казны и притомъ со сбереженіемъ довольно значительной суммы.

2.

Актъ передачи памятника Пушкину въ вѣдѣніе Московскаго городскаго управленія.

«Высочайше утвержденный комитетъ по сооруженію памятника Пушкину, въ исполненіе возложеннаго на него волею Государя Императора порученія и по открытіи нынѣ памятника сего въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, его сіятельства московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова, городскихъ властей и со-

ихся изъ многихъ мѣстностей депутацій отъ различныхъ вѣ-
въ, учрежденій и обществъ, симъ передаетъ означенный памят-
въ вѣдѣніе московской городской думы. Составивъ, въ удостовѣ-
того, настоящій актъ и прилагая къ оному чертежъ и планъ па-
ка, комитетъ поручаетъ это драгоцѣнное народное достояніе про-
нной заботливости городскаго управленія первопрестольной сто-
бывшей колыбелью великаго поэта».

ктъ этотъ подписанъ: Принцемъ Ольденбургскимъ, членами коми-
статсъ-секретаремъ Корниловымъ и академикомъ Гротомъ.

IX.

РѢЧИ и ЧТЕНІЯ

ПО ПОВОДУ

ОТКРЫТІЯ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.

ЗЧИ И ЧТЕНІЯ ПО ПОВОДУ ОТКРЫТІЯ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.

1.

Митрополита Макарія (произнесенное въ соборномъ храмѣ аго монастыря, послѣ панихиды по А. С. Пушкинѣ, по случаю открытія ему въ Москвѣ памятника).

сотвори ему вѣчную память.

Нынѣ свѣтлый праздникъ русской поэзіи и отечественнаго слова. Россія чествуетъ торжественно знаменитѣйшаго изъ сво- этовъ открытіемъ ему памятника, а церковь отечественная, освя- о торжество особымъ священнослуженіемъ и молитвами о вѣч- упокоеніи души чествуемаго, возглашаетъ вѣчную память. Всѣ, дорого родное слово и родная поэзія, на всѣхъ пространствахъ , безъ сомнѣнія, участвуютъ сердцемъ въ настоящемъ торжествѣ ь бы присутствуютъ въ лицѣ васъ, достопочтеннѣйшіе предста- и любители отечественной словесности, науки и искусства! А Москва, градъ первопрестольный, естественно ликовать нынѣ всѣхъ: ты была родиной нашего славнаго поэта: на одной изъ возвышенностей воздвигнутъ въ честь его достойный памятникъ ъ твоимъ гостепріимнымъ кровомъ совершается нынѣ сынами стекшимися къ тебѣ со всѣхъ сторонъ, настоящее торжество. ы чествуемъ человѣка избранника, котораго Самъ Творецъ отли- возвысилъ посреди насъ необыкновенными талантами и коему

указалъ этими самыми талантами на особенное призваніе въ области русской поэзіи. Чествуемъ нашего величайшаго поэта, который понялъ и вполнѣ созналъ свое призваніе; не зарылъ въ землю талантовъ, данныхъ ему отъ Бога, а употребилъ ихъ на то самое дѣло, на которое былъ избранъ и посланъ и совершилъ для русской поэзіи столько, сколько не совершилъ никто. Онъ поставилъ ее на такую высоту, на которой она никогда не стояла и надъ которою не поднялась досель. Онъ сообщилъ русскому слову въ своихъ твореніяхъ такую естественность и простоту и вмѣстѣ такую обаятельную художественность, какихъ мы напрасно стали бы искать у прежнихъ нашихъ писателей. Онъ создалъ для насъ такой стихъ, какого до того времени не слыхала Россія, стихъ въ высшей степени гармоническій, который поражалъ, изумлялъ, восхищалъ современниковъ и доставлялъ имъ невыразимое эстетическое наслажденіе и который надолго останется образцовымъ для русскихъ поэтовъ; мы чествуемъ не только величайшаго нашего поэта, но и поэта нашего народа, какимъ явился онъ, если не во всѣхъ, то въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ. Онъ отозвался своей чуткою душой на всѣ преданія русской старины и русской исторіи, на всѣ своеобразныя проявленія русской жизни. Онъ глубоко проникся русскимъ духомъ, и все воспринятое имъ отъ русскаго народа перетворилъ своимъ геніальнымъ умомъ, воплотилъ и передалъ тому же народу въ сладкозвучныхъ пѣсняхъ своихъ, которыми и услаждалъ соотечественниковъ и укрѣплялъ въ чувствахъ патріотизма и любви ко всему родному. Мы воздвигли памятникъ нашему великому народному поэту потому, что еще прежде онъ самъ воздвигъ себѣ «памятникъ нерукотворный» въ своихъ безсмертныхъ созданіяхъ; и въ этомъ памятникѣ воздвигъ памятникъ и для насъ, для всей Россіи, который никогда не потеряетъ для нея своей цѣны и къ которому потому «не заростетъ народная тропа». Къ нему будутъ приходить отдаленные потомки, какъ приходимъ мы и какъ приходили современники.

Сыны Россіи! Освящая нынѣ памятникъ знаменитѣйшему изъ нашихъ поэтовъ, какъ дань признательности къ его необыкновеннымъ талантамъ и необыкновеннымъ твореніямъ, которыя онъ намъ оставилъ, можемъ ли удержаться, чтобы не вознести живѣйшей благодарности къ Тому, Кто даровалъ намъ такого поэта, Кто надѣлилъ его такими талантами, Кто помогъ ему исполнить свое призваніе! А съ этого столько

ственною для насъ въ настоящія минуты благодарностью, можемъ
е соединить и теплой молитвы отъ лица всей земли Русской, да по-
етъ ей Господь еще и еще геніальныхъ людей и великихъ дѣятелей
а литературномъ только, но и на всѣхъ поприщахъ общественнаго
ударственнаго служенія! Да украсится она, наша родная, во всѣхъ
хъ достойными памятниками въ честь достойнѣйшихъ сыновъ
хъ. Аминь.

2.

Рѣчь И. С. Аксакова.

(Произнесена на думскомъ обѣдѣ, 6-го іюня).

«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой», сказалъ
инъ, не задолго до смерти, въ справедливомъ сознаніи совершеннаго
подвига. И со всей Руси великой, отъ всѣхъ концовъ ея, съ верхов-
высотъ власти и со всѣхъ общественныхъ ступеней, стеклись сюда
послы и представители всенароднаго мнѣнія, чтобы, предъ лицомъ
міра, всею Россіей поклониться великому, воистину Русскому поэту.
ѣсто и не время пускаться здѣсь въ разсужденія о правахъ Пуш-
на такое высокое наименованіе. Да и нѣтъ въ томъ надобности.
ющимъ торжествомъ, принявшимъ такіе неожиданные, небывалые
ѣры, превысившіе всѣ первоначальныя программы, воочію всевластно
вилось дѣйствительное доселѣ можетъ-быть многимъ сокрытое
ніе Пушкина для Русской земли. Длиненъ мучителенъ Русскому
ду былъ переходъ отъ эпическаго творчества къ высшимъ формамъ
ства. Долга была ночь отрицанія, лжи, умственнаго и духовнаго
ва... Будто днемъ озарило Россію поэзіей Пушкина, и оправдалась
народность, по крайней мѣрѣ, хоть въ сферѣ искусства. На немъ
ть высшихъ даровъ нашего народнаго духа. Настоящее торжество—
побѣдное торжество впервые въ лицѣ Пушкина расторгшаго свой
ъ и воспарившаго смѣлымъ свободнымъ полетомъ народнаго
ческаго генія. Настоящее торжество, это радостный благовѣстъ
го мужающаго наконецъ самосознанія.

Пушкинъ, это народность и просвѣщеніе; Пушкинъ, это залогъ
го примиренія прошлаго съ настоящимъ, это звено органически свя-

*

зующее, хотя бы еще только въ области поэзіи, два періода нашей исторіи.

«Не случайно поэтому, а глубокій историческій смыслъ сказался въ томъ, что именно въ Москвѣ, въ древней исторической столицѣ Русскаго народа, признаваемой и теперь средоточіемъ его духа, воздвиглась нѣдная хвала первому истинно русскому, истинно великому народному поэту.

«Не мало памятниковъ красуется у насъ въ Россіи прославленныхъ въ героямъ государственнаго и военнаго поприща прошлаго и нынѣшняго вѣковъ, но, повторяю я вмѣстѣ съ поэтомъ Языковымъ:

Но слава времени, когда
И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
На полѣ книжнаго труда
Вѣнчанный славою, и гордый воевода;
Герой счастливый на войнѣ,
Стоятъ торжественно, передъ лицомъ народа,
Уже на равной вышинѣ!

«Отъ имени Москвы, по уполномочію ея представителей, подымаю бокалъ—не въ цамять отъ насъ отшедшаго, но во славу неумирающаго вѣчно живущаго межь насъ поэта!»

3.

Рѣчь М. Н. Каткова

(произнесена на думскомъ обѣдѣ 6-го іюня).

„Почти наканунѣ нынѣшняго торжества открылось въ Петербургѣ общество, которое поставило себѣ задачей изыскивать способы какъ бы предотвратить злую необходимость войны и водворить миръ на землѣ. Отдадимъ справедливость по крайней мѣрѣ добрымъ намѣреніямъ. Пожелаемъ, чтобы по крайней мѣрѣ подолѣе длилось то состояніе перемирія, въ которомъ державы находятся отъ войны до войны.

„Это случайное совпаденіе да послужитъ добрымъ знаменіемъ на праздникѣ мира, который оживилъ нашу Москву и привлекъ въ нее столько гостей.

„Если на полѣ битвы и смертельные враги, стоя въ одномъ ряду противъ общаго непріятеля, чувствуютъ за одно, мыслятъ согласно и

ѣйствуютъ дружно, то неужели не должно имѣть такую же силу дѣло ирнаго торжества, неужели общій непріятель можетъ лучше единить и ружить людей, чѣмъ предметъ ихъ общей любви, ихъ общаго чество- нія?

„На праздникѣ Пушкина, передъ его памятникомъ, собрались лица зныхъ мнѣній, быть можетъ, несогласныхъ, быть можетъ непріязнен- ихъ. Вѣрно, однако, то, что всѣ собрались добровольно и, стало быть, искреннимъ желаніемъ почтить дорогую всѣмъ память.

„Я говорю подъ сѣнію памятника Пушкина, и потому надѣюсь, что е искреннее слово будетъ принято дружелюбно всѣми безъ исключе- . Кто бы мы ни были и откуда бы ни пришли, и какъ бы мы ни раз- ились во всемъ прочемъ, но въ этотъ день, на этомъ торжествѣ, мы , я надѣюсь, единомышленники и союзники. Кто знаетъ, быть мо- тъ, это минутное сближеніе послужитъ залогомъ болѣе прочнаго сбли- нія въ будущемъ и поведетъ къ замиренію, по крайней мѣрѣ, къ смяг- нію вражды между враждующими.

„Буду еще смѣлѣе. На русской почвѣ, люди столь же искренно же- ющіе добра, какъ искренно сошлись мы всѣ на праздникѣ Пушкина, гутъ сталкиваться и враждовать между собою въ общемъ дѣлѣ только недоразумѣнію. Къ сожалѣнію, недоразумѣнія составляютъ силу нь серьезную, которая не легко уступаетъ. Сила эта питается всѣми ловѣческими слабостями, и есть одна слабость, которая всѣхъ болѣе одитъ недоразумѣнія и отравляетъ отношенія людей.

„Всякій любитъ хорошее, и всякому пріятно чувствовать хорошее себѣ. Это очень естественно, но тутъ кроется опасность. Мы невольно іучаемся хорошее любить въ себѣ, а дурное ненавидѣть въ другихъ. лагодатный миръ водворился бы на землѣ, еслибы люди пріучились, напротивъ, хорошее любить болѣе въ другихъ, а дурное ненавидѣть ъ себѣ.

„Не будемъ предаваться мечтамъ и утопіямъ, будемъ только на- яться, что сила свѣта возьметъ свое, что сила недоразумѣній, раздѣ- ющихъ людей, будетъ ослабѣвать, и что все шире и шире будетъ ста- виться область, въ которой люди разныхъ мнѣній могутъ сходиться рно и даже дружно.

„На пиршествѣ, которое Москва даетъ своимъ гостямъ, собравшим-

ся чествовать Пушкина, слѣдуетъ дать слово самому виновнику торжества. Пусть самъ Пушкинъ провозгласитъ свой тостъ:

Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ.
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума,
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!"

4.

Рѣчь Н. А. Некрасова.

(Произнесена на думскомъ обѣдѣ, 6-го іюня).

«Педагогическая сторона литературной дѣятельности Пушкина должна вѣчно одушевлять русскую школу благодарною о немъ памятью. Она заключается, по моему мнѣнію, въ той любви, которую онъ завѣщалъ послѣдующимъ поколѣніямъ въ своихъ произведеніяхъ къ русскому слову, къ русскому искусству и къ русской народности.

«Какъ геніальный художникъ, произведеніямъ котораго присуща долговѣчность, онъ одушевлялъ ихъ не духомъ призрачной, мимолетной правды, а духомъ вѣчной правды дѣйствительной жизни, отзываясь своею душою на все истинно-прекрасное, гдѣ бы опо ни было и въ чемъ бы оно ни проявлялось. Но въ своемъ сочувствіи ко всему истинно-прекрасному, своему и чужому, Пушкинъ никогда не становился на трясину космополитизма, а всегда стоялъ на твердой почвѣ русской народности и былъ благороднѣйшимъ выразителемъ ея въ искусствѣ. Русская народность проявлялась у него не въ одной лишь красотѣ русскаго слова, не въ одномъ лишь художественномъ изображеніи русской жизни, но она проявлялась у него также сильно и въ красотѣ его русской души, умѣющей находить великое и прекрасное даже во врагѣ и чувствовать состраданіе къ послѣднему въ несчастную годину паденія. Такое широкое и высокое значеніе впервые получила русская народность въ произведеніяхъ Пушкина и нашла въ нихъ все художествен-

женіе. Припомнимъ, что Пушкинъ первый между европейскими почтилъ день кончины Наполеона, бывшаго недавно врагомъ народа, слѣдующимъ художественнымъ словомъ примиренія:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

ь могъ отнестись ко врагу Пушкинъ, потому что у него была ского человѣка.

имѣлъ полное право сказать о себѣ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

завъ своею литературною дѣятельностію значеніе русскаго ского искусства и русской народности, Пушкинъ завѣщалъ ить великія начала нашей національности. Лучшимъ средя этого должна служить школа. Русскій народъ долженъ ю національную школу, которая учила бы его знанію русской русской жизни, и соотвѣтствовала бы русскому уму и русскому Нечего бояться исключительности. Нашъ великій поэтъ предсобою лучшее доказательство того, что русская національ-южетъ отличаться исключительностію, или нетерпимостью къ народамъ. Пусть русская школа по примѣру своего національ-а воспринимаетъ въ себя отъ кого бы то ни было все истинно-отбрасываетъ все то, что не имѣетъ въ себѣ признаковъ пользы для русскаго образованія. Только подъ условіемъ на-сти наша родная школа будетъ въ состояніи занять такое же кду европейскими школами, какое Пушкинъ далъ русской ди поэзіи другихъ народовъ. Воспользуемся же примѣромъ еликаго поэта на пользу родной намъ школы и будемъ ему ы не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ. Предлагаю тостъ е національнаго направленія нашей школы».

5.

Отношеніе Пушкина къ иностранной слозесности.

(Читанная Н. А. Стороженко на торжественномъ собраніи Московскаго университета 6 іюня 1880 г.) *).

Приглашенный совѣтомъ университета принять посильное участіе въ настоящемъ чествованіи памяти нашего великаго поэта, я избралъ предметомъ моей бесѣды съ вами вопросъ объ отношеніяхъ Пушкина къ корифеямъ западной литературы,—вопросъ, до сихъ поръ еще не вполнѣ разъясненный нашей критикой, хотя біографы Пушкина, въ особенности г. Анненковъ, въ своихъ драгоцѣнныхъ Матеріалахъ, собрали для этой цѣли достаточное количество данныхъ. Если я не ошибаюсь, то изученіе этого вопроса можетъ прибавить нѣсколько новыхъ чертъ для характеристики Пушкина, ибо исторія отношеній нашего поэта къ корифеямъ западной литературы не только опредѣляетъ собою сферу его литературнаго созерцанія, но и бросаетъ свѣтъ на развитіе его художественнаго вкуса, его жизненныхъ воззрѣній,—словомъ, на его авторскую физіономію.—Ранній періодъ поэтической дѣятельности Пушкина, заканчивающійся его ссылкой на югъ Россіи, характеризуется преобладаніемъ французскаго вліянія какъ въ его поэзіи, такъ и въ его нравственныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ. Подобно большинству своихъ современниковъ, Пушкинъ былъ воспитанъ на произведеніяхъ французской литературы; библіотека его отца состояла главнымъ образомъ изъ произведеній французской литературы XVII—XVIII в. и изъ переводовъ классиковъ на французскій языкъ. Еще до своего отъѣзда въ лицей Пушкинъ прочелъ Плутарха и Гомера во французскихъ переводахъ и цѣлую массу романовъ, поэмъ, путешествій и т. п. Первые поэтическіе опыты ребенка-Пушкина были написаны на французскомъ языкѣ: въ нихъ онъ подражалъ Мольеру (импровизированная комед. Escamoteur) и Вольтеру (шуточная поэма Toliade, написанная въ подражаніе Вольтеровой Генріадѣ); извѣстно также, что, за превосходное знаніе французскаго языка, Пушкина въ лицеѣ прозвали фра-

*) Напечатано въ «Русскомъ Курьерѣ».

цей могъ только поддержать и развить въ Пушкинѣ любовь ской литературѣ. Что бы ни говорили о невысокомъ уровнѣ анятій и слабости дисциплины въ лицеѣ, несомнѣнно, что ый интересъ былъ возбужденъ тамъ въ весьма сильной сте- итанники лицея составляли между собой литературные круж- ки нѣсколько рукописныхъ журналовъ и пополняли недостат- образованія чтеніемъ классическихъ писателей, преимуще- ранцузскихъ, пріобщавшихъ ихъ юные умы къ великому у движенію XVIII в. Воспитанный въ безусловномъ благого- орифеямъ французской литературы, Пушкинъ еще не дер- иться къ нимъ критически. Поэтическимъ кумиромъ его былъ мя литературный диктаторъ XVIII в. Вольтеръ, котораго читалъ величайшимъ изъ поэтовъ. Одно изъ раннихъ лицей- отвореній Пушкина, Городокъ, весьма важное въ автобі- омъ отношеніи, даетъ намъ прекрасное понятіе о степени на- Пушкина и объ его литературныхъ вкусахъ. Здѣсь 15-лѣт- ъ описываетъ другу, какъ онъ проводитъ время въ лицеѣ, ается, и при этомъ перечисляетъ всѣхъ своихъ любимыхъ

Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ и не скучаю
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ—мертвецы,
Парнасскіе жрецы.
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ.
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы,
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ.
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
И сдѣтства сталъ піитъ,
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ.

Соперникъ Эврипида,
Эроты нѣжный другъ,
Арьоста, Тасса внукъ—
Скажу ль? отецъ Кандида!
Онъ все: вездѣ великъ,
Единственный старикъ!

Упомянувъ затѣмъ о Гомерѣ, Виргиліи, Горація, Торквато Тассо, «добромъ и простосердечномъ» мудрецѣ Лафонтэнѣ, «исполинѣ» Мольерѣ, Расинѣ, Руссо, о „воспитанныхъ Амуромъ“ Парни съ Грекуромъ, объ „Аристархѣ“ Лагарпѣ, а изъ русскихъ—о Державинѣ, Дмитріевѣ, Крыловѣ, Княжнинѣ, Озеровѣ, Фонъ-Визинѣ, Богдановичѣ и Карамзинѣ,—Пушкинъ продолжаетъ:

Мой другъ! Весь день я съ ними.
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.

Пушкинъ забылъ упомянуть еще объ одномъ поэтѣ, оставившемъ слѣдъ въ его лицейскихъ стихотвореніяхъ, именно о Манферсоновомъ Оссіанѣ, котораго онъ читалъ, по всей вѣроятности, въ Летурнеровскомъ переводѣ. Извѣстно то непреодолимое очарованіе, которое производилъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія этотъ мечтательный пѣвецъ, вытѣснившій изъ сердца Вертера самого Гомера. Пушкинъ заплатилъ дань общему увлеченію въ нѣсколькихъ своихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ (Кольна, Осгаръ, Эвлега), но тѣмъ все и ограничилось. Свѣтлое, бодрое анакреонтическое міросозерцаніе юнаго поэта не могло ужиться съ мечтательнымъ сумракомъ оссіановыхъ поэмъ, и Пушкинъ въ скоромъ времени разстался съ шотландскимъ бардомъ, и разстался навсегда. Гораздо сильнѣе было вліяніе французскихъ эротическихъ поэтовъ—Грекура, Парни, а изъ русскихъ—Батюшкова, настроившихъ музу Пушкина на эротическій ладъ и сообщившихъ его стиху античную грацію и пластику.—Подъ вліяніемъ передовыхъ мыслителей XVIII вѣка начали формироваться у юноши Пушкина серьезные взгляды на жизнь и ея задачи, какъ это видно изъ перваго посланія къ Чаадаеву (1818 г.), написаннаго вскорѣ послѣ выхода изъ лицея.—Въ 1819 г. Пушкинъ отправился на нѣкоторое время къ себѣ въ Михайловское; за нимъ слѣдовали и его любимые авторы:

Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

овенный ими, онъ пишетъ въ деревнѣ свое знаменитое сти-
«Уединеніе», гдѣ съ ювеналовскимъ негодованіемъ
крѣпостное право. Въ скоромъ времени къ сонму вдохнови-
кина прибавилось еще одно знаменитое имя, имя Андрэ
произведеніями котораго, вышедшими полнымъ собраніемъ
., Пушкинъ впервые познакомилъ русскую публику. — Сим-
я личность Шенье, его безстрашный характеръ, его востор-
обовь къ свободѣ, наконецъ, его трагическая судьба — все это
нему Пушкина съ неотразимой силой. Пушкинъ остался вѣ-
ье даже тогда, когда главный кумиръ его юности, Байронъ
ачивать надъ нимъ свое обаяніе.

Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,
Зоветъ меня другая тѣнь;
Давно безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь *).

ой Пушкина на югъ Россіи заключается періодъ исключи-
анцузскаго вліянія,—періодъ, который самъ поэтъ прекрасно
изовалъ въ своемъ «Посланіи къ Дельвигу» (1821).

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
О чемъ цензуру не прошу,
Отъ всего Тимковскій ахнетъ.

нѣ Пушкинъ подпалъ подъ могучее вліяніе новаго литератур-
гила, горѣвшаго тогда полнымъ блескомъ на литературномъ

стихотворенія Андрэ Шенье (1825).

горизонтѣ Европы, — поэта, котораго самъ Пушкинъ назвалъ власт телемъ душъ современнаго ему поколѣнія, лорда Байрона. Не одн силой таланта условливалось это вліяніе; были другія причины, подг товившія его, и притомъ причины чисто личныя. Пушкинъ уѣхалъ и Петербурга, пресыщенный грубыми эпикурейскими удовольствіями, к торыя не могли наполнить собою его души *),—озлобленный проти власти, полный презрѣнія къ обществу, которое эгоистически отверн лось отъ него въ годину невзгоды **). Душевная пустота томила ег онъ искалъ серьезной и возвышенной цѣли въ жизни—и не находи ее. Такое настроеніе было какъ нельзя болѣе благопріятно для в пріятія байронизма. Пушкинъ, настолько овладѣвшій тогда англійски языкомъ, что могъ читать Байрона въ подлинникѣ, бредилъ его про веденіями и старался подражать ему даже въ образѣ жизни. Вщ чемъ, вліяніе Байрона на поэзію Пушкина было не такъ сильно, ка можно было ожидать, судя по отзывамъ современниковъ ***), собстве нымъ признаніямъ Пушкина, говорившаго, что онъ, въ бытность св въ Кишиневѣ, буквально сходилъ съ ума отъ Байрона, и письма друзей поэта, убѣждавшихъ его не подражать Байрону, а остават самимъ собою (Рылѣевъ); во всякомъ случаѣ вліяніе Байрона на Пу кина было несравненно слабѣе вліянія того же поэта на Лермонто Лирическія стихотворенія Пушкина, относящіяся къ этой эпохѣ, пок зываютъ, что байроническое настроеніе только по временамъ овла вало нашимъ поэтомъ (Я пережилъ мои желанья, Элегія и т. п но не успѣло пустить глубокихъ корней въ его душѣ, по прежнему р крытой всему живому и поэтическому. Сказанное примѣняется и поэмамъ Пушкина. Первые признаки байронизма мы замѣчаемъ «Кавказскомъ плѣнникѣ», гдѣ Пушкинъ задался мыслью создать ти разочарованнаго героя, который

Жизни молодой
Давно утратилъ сладострастье,

---

*) См. стихотвореніе къ „Прелестницѣ“ (1818 г.).

**) См. посланіе къ Глинкѣ, начинающееся словами:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ, и т. д.

***) Извѣстенъ отзывъ гр. Воронцова о Пушкинѣ: „qu'il n'est encore q un faible imitateur d'un original très peu recommendable — Lord Byro

тотъ любитъ природу и презираетъ человѣка; но неизвѣстно, сколько въ этомъ типѣ личнаго, пережитаго и сколько нужно отнести на счетъ литературныхъ источниковъ Пушкина—поэмъ Байрона, Рэнэ, Шатобріана и др. произведеній того же направленія, ибо Пушкинъ прямо заявляетъ, что характеръ «Кавказскаго плѣнника» навѣянъ на него окружающей жизнью. «Я хотѣлъ,—пишетъ онъ къ одному изъ своихъ друзей,—изобразить это равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX в.». Пушкинъ самъ сознавалъ, что характеръ плѣнника вышелъ блѣденъ, самъ смѣялся надъ нимъ, но въ то же время признавался, что не можетъ отдѣлаться отъ симпатіи къ нему, потому что, — говорилъ онъ, — «въ немъ есть стихи моего сердца». Гораздо болѣе байронической тенденціи въ другой поэмѣ Пушкина—«Цыгане». Здѣсь Пушкинъ затрогиваетъ одну изъ самыхъ живыхъ сторонъ байронизма—именно вражду къ пропитанному матеріализмомъ и рабски-настроенному современному обществу, хотя герой поэмы, Алеко, презирающій людей за то, что они

Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ и цѣпей, —

самъ выставленъ мелкимъ эгоистомъ и не имѣетъ въ себѣ ничего титаническаго, свойственнаго героямъ Байрона. Въ Евгеніи Онѣгинѣ вліяніе Байрона почти не замѣтно: задуманный первоначально въ подражаніе шуточной поэмѣ Байрона «Беппо», Евгеній Онѣгинъ развивается совершенно самостоятельно, наполняется чисто-русскими характерами, обставляется чисто-русскими бытовыми подробностями, пока не становится, наконецъ, невиданной дотолѣ яркой картиной русскаго помѣщичьяго быта начала нынѣшняго столѣтія.

Низведенный до самыхъ скромныхъ размѣровъ, байронизмъ поэмъ Пушкина оказывается кромѣ того явленіемъ своеобразнымъ, во многомъ отступающимъ отъ своего источника. Пушкинъ могъ усвоить себѣ нѣкоторыя черты байроновскаго міросозерцанія, отвѣчавшія въ данный моментъ его личному настроенію; но, во-первыхъ, онѣ не проникли глубоко въ его душу,—во-вторыхъ, подъ вліяніемъ особыхъ условій жизни, онѣ приняли своеобразную окраску. Такъ, напримѣръ, байроновскій индивидуализмъ, эта апотеоза личности въ борьбѣ ея съ обществомъ и его устарѣлыми предразсудками, превратилась на русской

почвѣ въ обожаніе собственной личности и презрѣніе ко всякой чуж
равнымъ образомъ поколѣніе, къ которому принадлежалъ Пушкинъ,
могло понять всей глубины байроновскаго разочарованія и видѣло
немъ только слѣдствіе жизненнаго пресыщенія. Словомъ, вся филосо
ская, пессимистская и политико-соціальная основа поэзіи Байрона,
ея пламеннымъ протестомъ противъ наступившей въ Европѣ реакці
съ ея страстною любовью къ свободѣ и священною ненавистью къ
угнетателямъ, осталась почти совершенно чужда его русскимъ подра
жателямъ. Мы можемъ указать только на одно стихотвореніе Пушкина—
«Возстань, о Греція, возстань»,—въ которомъ слышится байро
новскій мотивъ сочувствія къ бьющемуся за свободу народу. Несмотря
на то, что байронизмъ былъ понятъ у насъ одностороннимъ образомъ,
несмотря на условность и тенденціозность самихъ типовъ, созданныхъ
Байрономъ, — все-таки безспорно, что поэзія его вошла обновляющимъ элементомъ въ поэзію Пушкина, что она была необходимою ступенью, черезъ которую долженъ былъ пройти его геній на пути къ правдѣ и художественному совершенству. И именно такимъ образомъ смотрѣлъ самъ Пушкинъ на этотъ переходный моментъ своей поэтической дѣятельности. Въ своемъ разборѣ ѳракійскихъ элегій Тепликова («Современникъ», 1836), Пушкинъ, защищая молодаго поэта отъ упрековъ въ рабскомъ подражаніи Байрону даетъ намъ ключь къ правильному пониманію своихъ собственныхъ отношеній къ великому англійскому поэту. «Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудрено,— говоритъ онъ,—садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить своей судьбы съ судьбою Чайльдъ Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ—еще не поэтъ и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія Можно ли за то укорять его? Талантъ неволенъ и его подражаніе не есть безстыдное посѣщеніе—признакъ умственной скудости, неблагородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія»... Итакъ, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія—вотъ разгадка, такъ называемаго, байроническаго періода поэтической дѣятельности Пушкина. Вотъ та идея, которая одушевляла Пушкина, когда онъ, пробуя свои силы, создавалъ въ духѣ Байрона характеры

своихъ героевъ. И, прибавимъ, надежда не обманула поэта: на почвѣ байронизма зародилась идея „Евгенія Онѣгина“, которымъ Пушкинъ открылъ новый міръ правды и народности въ нашей поэзіи.

Въ началѣ 1824 г. Пушкинъ писалъ къ одному московскому пріятелю о своемъ времяпровожденіи въ Одессѣ: «Читаю Библію,— Св. Духъ иногда мнѣ по сердцу,—но предпочитаю Гете и Шекспира». За нѣсколько дальнѣйшихъ строчекъ этого письма, въ которомъ Пушкинъ шутя сообщаетъ, что онъ беретъ у какого-то глухаго англичанина уроки чистаго атеизма, Пушкинъ былъ высланъ изъ Одессы въ Михайловское.

Стихотвореніемъ своимъ «Къ морю» онъ, по вѣрному замѣчанію г. Анненкова, простился не только съ моремъ, но и съ пѣвцомъ моря—Байрономъ. Въ деревнѣ Пушкинъ всецѣло предался изученію Шекспира, и это изученіе не замедлило отразиться во взглядахъ его на задачи поэзіи вообще и драматическаго творчества въ особенности. Сопоставляя драмы Шекспира съ трагедіями Байрона, Пушкинъ видѣлъ, какъ его недавній кумиръ тускнѣлъ и меркнулъ въ лучахъ шекспировскаго генія. — «Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги, — пишетъ Пушкинъ къ Раевскому, — но что за человѣкъ Шекспиръ! Я не могу придти въ себя (Je n'en reviens pas). Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ трагикъ,—Байронъ, во всю жизнь понявшій только одинъ характеръ — именно свой собственный. И вотъ Байронъ одному изъ своихъ лицъ далъ гордость, другому — ненависть, третьему — меланхолію; такимъ образомъ изъ одного полнаго мрачнаго и энергическаго характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ. Развѣ это—трагедія? Существуетъ еще одно заблужденіе: задумавъ разъ какой-нибудь характеръ, писатель старается выразить его и въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, на подобіе моряковъ и педантовъ въ старинныхъ романахъ Фильдинга. Все это далеко отъ природы. Отсюда—неловкость діалога и бѣдность его. Но разверните Шекспира. Никогда не выдаетъ онъ своего дѣйствующаго лица преждевременно. Оно говоритъ у него со всею беззаботностію жизни, потому что въ данную минуту поэтъ уже знаетъ, какъ заставить его говорить, сообразно характеру, имъ выражаемому».

Подъ вліяніемъ драматическихъ хроникъ Шекспира Пушкинъ задумываетъ историческую трагедію изъ русской жизни. Онъ останавли-

вается на эпохѣ Бориса Годунова и прилежно изучаетъ лѣтописи и ист
рію Карамзина. «По примѣру Шекспира, — говоритъ онъ въ друго
письмѣ,—я ограничился соображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ,
гоняясь за сценическими эффектами и романтическимъ пафосомъ. Сти
ея вышелъ смѣшанный. Онъ пошлъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ прихо
лось выводить грубыя и пошлыя лица». Слѣды пристальнаго изуче
Шекспира видны и въ стремленіи къ объективному воспроизведе
эпохи, и въ созданіи цѣльныхъ и живыхъ характеровъ, соединяющ
въ себѣ типическое съ индивидуальнымъ, и въ психологическомъ мо
вированіи дѣйствія и, наконецъ, въ самомъ языкѣ, нерѣдко достиг
щемъ у Пушкина шекспировскаго лиризма, энергіи и типичности. Б
Бѣлинскій замѣтилъ, что Борисъ Годуновъ построенъ по образцу д
матическихъ хроникъ Шекспира, что вся трагедія состоитъ изъ отдѣ
ныхъ сценъ, изъ которыхъ каждая существуетъ какъ бы независ
отъ цѣлаго. Можно указать также на нѣкоторые отдѣльные мотив
положенія, которыя Пушкинъ нашелъ у Шекспира, но которыя
разработалъ совершенно самостоятельно. Такъ, одна сцена въ Генр
IV Шекспира, когда умирающій король даетъ наставленіе своему сы
какъ царствовать, вызвала подобную же сцену въ Борисѣ Годун
подобно англійскому узурпатору, и русскій узурпаторъ считаетъ н
нимъ поставить на видъ своему преемнику, что ему царствовать бу
легче потому, что престолъ переходитъ къ нему не путемъ преступле
но по праву.—Мнѣ кажется также, что молитва преступнаго и кающ
ся короля въ Ш-мъ актѣ Гамлета осталась не безъ вліянія на знамени
монологъ Бориса, начинающійся словами: Достигъ я высшей вл
ти, который Бѣлинскій находилъ не свойственнымъ Борису и дос
нымъ развѣ мелодраматическаго злодѣя; можно указать еще на на
ныя сцены, на введеніе въ драму личности юродиваго, какъ на от
ленные шекспировскіе отголоски, но все это—мелочи. Главная зас
Пушкина состоитъ въ глубокомъ проникновеніи въ духъ Шекспир
драмы, въ усвоеніи себѣ основныхъ пріемовъ шекспировскаго твор
ства.—Микевичъ былъ такъ пораженъ истинно-шекспировскимъ
хомъ Бориса Годунова, въ особенности прологомъ, что надѣялся со в
менемъ привѣтствовать въ Пушкинѣ втораго Шекспира и невол
воскликнулъ: «Tu Shakespeare eris si fata sinant"!

Подъ вліяніемъ изученія произведеній Шекспира Пушкинъ отча

развилъ, отчасти перестроилъ свою собственную литературную теорію. Въ глубинѣ души Пушкина всегда лежало стремленіе къ правдѣ и естественности; все искусственное выходило у него блѣдно и искусственно. Онъ прежде всѣхъ чувствовалъ фальшь своихъ собственныхъ героевъ, но теперь эти взгляды, укрѣпленные изученіемъ Шекспира, сдѣлались главной основой его литературнаго кодекса. Когда онъ съ высоты Шекспировскаго творчества и шекспировскаго реализма взглянулъ на произведенія своихъ прежнихъ кумировъ, то они показались ему дѣланными и холодными; въ Вольтерѣ, который въ ранней юности казался ему первымъ изъ поэтовъ, онъ теперь отрицалъ не только поэтическое вдохновеніе, но даже и поэтическое чутье; самъ «исполинъ» Мольеръ казался ему далеко не исполиномъ въ сравненіи съ Шекспиромъ. Сопоставленіе ихъ между собою повело Пушкина къ замѣчательнымъ соображеніямъ о сравнительномъ достоинствѣ ихъ драматической манеры сохранившимся въ его Запискахъ *). „Лица, созданныя Шекспиромъ' говоритъ Пушкинъ,—не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера скупой скупъ—и только; у Шекспира Шейлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женой своего благодѣтеля—лицемѣря, спрашиваетъ стаканъ воды—лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ**) произноситъ судебный приговоръ съ тщеславной строгостью, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленными сужденіями государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, а не спѣшною смѣсью набожности и волокитства'. Трудно въ немногихъ словахъ выразить сильнѣе коренное различіе въ драматической манерѣ не только Мольера (по нашему мнѣнію, Мольеръ менѣе грѣшенъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ Корнель и Расинъ) и Шекспира, но англійскихъ и французскихъ драматурговъ вообще. Дѣйствительно, французскіе драматурги XVII вѣка, по-

*) Записки Пушкина до сихъ поръ не вполнѣ изданы; но значительныя извлеченія изъ нихъ напечатаны въ 5 томѣ Анненковскаго изданія Пушкина.

**) Пушкинъ разумѣетъ Анжело въ драмѣ: «Мѣра за мѣру.»

добно своему великому соотечественнику, Декарту, идутъ по больше части отъ абстракта, отъ идеи, сосредоточиваютъ все свое вниманіе на изображеніи одной страсти, чаще всего въ одномъ данномъ положеніи оттого ихъ герои кажутся воплощеніемъ извѣстной идеи, а не живыми людьми; напротивъ того, англійскіе драматурги, идя по слѣдамъ своего соотечественника Бэкона, отправляются отъ конкретнаго, отъ разнообразія жизни; общее и типическое они такъ искусно сливаютъ съ частнымъ и индивидуальнымъ, что созданные ими характеры производятъ впечатлѣніе живыхъ людей. Зная отвращеніе Пушкина отъ всего искусственнаго, напряженнаго, манернаго, мы поймемъ, почему онъ проходитъ холодно мимо французскихъ романтиковъ—Альфреда де-Виньи, Ламартина, даже Виктора Гюго—и относится восторженно къ Альфреду де-Мюссе, который поразилъ его своею непосрѣдственностью и глубиною чувства.

Обыкновенно принимаютъ, что періодъ Шекспировскаго вліянія на Пушкина заканчивается 1832 годомъ, потому что съ этихъ поръ онъ не пробуетъ себя болѣе въ драматическомъ родѣ. Это мнѣніе можетъ быть принято не иначе, какъ съ большими оговорками. Справедливо что послѣ Русалки Пушкинъ не написалъ ничего драматическаго, и что онъ не переставалъ заниматься Шекспиромъ, это доказывается нѣкоторыми мѣстами его Записокъ, гдѣ онъ старается проникнуть въ характеръ Фальстафа проведенной параллелью между Шекспиромъ Мольеромъ и т. д. и наконецъ его поэмой Анжело (1833), которая есть не что иное какъ передѣлка Шекспировой Мѣры за мѣру. Не догадываясь объ источникѣ Анжело, не подозрѣвая, съ какими трудностями приходилось бороться Пушкину, Бѣлинскій несправедливо призналъ это произведеніе недостойнымъ таланта Пушкина, между тѣмъ какъ оно несомнѣнно обладаетъ многими существенными достоинствами: помимо художественной простоты разсказа и прекраснаго стиха Пушкинъ былъ сильно заинтересованъ психологической проблеммой заключающейся въ характерѣ Анжело. «Анжело—лицемѣръ,—замѣчаетъ онъ въ Запискахъ,—потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ его тайнымъ страстямъ. А какая глубина въ этомъ характерѣ!» Сообразно своей задачѣ, Пушкинъ выбрасываетъ изъ своего переложенія все не идущее прямо къ цѣли и, напротивъ того, пользуется всякимъ выраженіемъ, всякой чертой, проскользнувшей въ разговорѣ дѣйствую-

щихъ лицъ, которая можетъ бросить свѣтъ на загадочный характеръ Анжело. У Шекспира Анжело бросаетъ Маріанну главнымъ образомъ потому, что приданое ея погибло во время кораблекрушенія. Пушкинъ справедливо счелъ этотъ мотивъ слишкомъ тривіальнымъ для человѣка съ такой чистой репутаціей, какъ Анжело, и, уномянувъ вскользь объ этомъ обстоятельствѣ, выдвигаетъ другой мотивъ, именно дурные слухи, которые ходили объ его невѣстѣ.

Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,—
Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнье
Къ супругѣ Кесаря.

Послѣднихъ стиховъ нѣтъ у Шекспира: они прибавлены Пушкинымъ,—и нельзя не сознаться, что мотивъ выдвинутый Пушкинымъ на первый планъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ характеру Анжело, которому была всего дороже его незапятнанная репутація. Разсматриваемый какъ психологическій этюдъ, Анжело окажется весьма замѣчательнымъ произведеніемъ, а мастерской переводъ нѣсколькихъ сценъ показываетъ, что мы лишились въ Пушкинѣ великаго переводчика Шекспира. Я далеко не исчерпалъ всего богатаго матеріала представляемаго исторіей отношеній нашего поэта къ богатой литературѣ Запада, но, полагаю, и приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы признать, что поэты и мыслители западной Европы имѣли для нашего поэта громадное воспитательное значеніе. Изучая ихъ, муза Пушкина прониклась общечеловѣческимъ содержаніемъ, обогатилась множествомъ новыхъ мотивовъ, нашла въ нихъ; наконецъ, недосягаемые образцы художественнаго совершенства, и потому на праздникѣ, посвященномъ чествованію Пушкина, слѣдуетъ воздать должное, помянуть добрымъ словомъ и великихъ учителей его — тѣхъ геніевъ Запада, идя по слѣдамъ которыхъ, нашъ Пушкинъ и самъ научился открывать новые міры!

6.

Рѣчь академика М. И. Сухомлинова *)

(произнесенная имъ въ торжественномъ засѣданіи Общества Любите Россійской Словесности, 7 іюня).

Въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія совершились собы имѣющія великое значеніе въ исторіи нашей умственной жизни: уч дены университеты и литература обогатилась художественными пр веденіями, опредѣлившими съ неотразимою силой ея дальнѣйшее ра тіе. Мысль объ учрежденіи университетовъ завѣщана предшествую столѣтіемъ: въ исходѣ восемнадцатаго столѣтія выработанъ про университетовъ, надъ составленіемъ котораго потрудились лучшіе того времени. Въ самомъ концѣ восемнадцатаго столѣтія (26 мая 1 года) родился геніальный человѣкъ, дѣятельность котораго составл эпоху въ нашей литературѣ, а съ судьбами литературы тѣсно свя судьбы умственной и общественной жизни.

Представители науки защищали свободу изслѣдованія. Пуш исповѣдывалъ и проповѣдывалъ свободу поэтическаго творчества. Д уже повторяется, какъ неоспоримая истина, что поэтъ долженъ даться узкой исключительности и нетерпимости, что свѣтъ поэзіи, и свѣтъ солнца, свѣтитъ на праведныхъ и неправедныхъ и что об тивное изображеніе жизни во всей ея полнотѣ составляетъ какъ нравственную обязанность поэта. Обнимая всѣ стороны человѣче жизни, поэзія пріобрѣтаетъ внутреннюю силу и вліяніе, которое, ра или позже, обнаруживается въ обществѣ и оставляетъ въ немъ г гладимые слѣды. Въ созданіяхъ поэта-художника слышится не пл набѣжавшей волны, а живой голосъ истины, идущей изъ глубины ч человѣческой; внимая ея призывамъ.

Рабъ свои забудетъ муки –
И царь Саулъ заслушается ихъ...

На поэзію Пушкинъ смотрѣлъ какъ на святыню, и въ этом историческая заслуга передъ русскою литературой. Подобно тому, Ломоносовъ, доказывая, что занятіе науками, изученіе природы с в я т о, открывалъ путь для научныхъ изслѣдованій, вопреки н

*) Напечатана въ „Русскомъ Курьерѣ“.

кеству и лицемѣрію, такъ и Пушкинъ, признавая поэзію святыней и требуя нравственнаго достоинства отъ ея служителей, завоевывалъ ей право гражданства въ тогдашнемъ обществѣ, въ которомъ также господствовали предразсудки...

Выше всего цѣня свою свободу, поэтъ, какъ понималъ его Пушкинъ, не жертвуетъ своими убѣжденіями для житейскихъ выгодъ, не требуетъ награды за свой благородный подвигъ, не падаетъ къ ногамъ того или другаго кумира,—ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ

Не гнетъ ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи.

Не ту же ли мысль выражаетъ Гёте, заставляя своего пѣвца отказаться отъ золотой цѣпи, предложенной ему въ награду, и Шиллеръ, говоря, что художникъ есть сынъ вѣка, но горе ему, если онъ захочетъ быть его любимцемъ. По убѣжденію Шиллера, которому сочувствовалъ и Пушкинъ, поэтъ-художникъ, оставаясь вполнѣ свободнымъ и чуждаясь всякой односторонности, тѣмъ самымъ можетъ содѣйствовать къ искорененію, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, тѣхъ крайностей, которыя такъ возмущаютъ насъ въ жизни. А такихъ крайностей не мало. Въ то время, когда въ другихъ частяхъ свѣта уважаютъ человѣческое достоинство въ лицѣ негра, въ Европѣ преслѣдуютъ его въ лицѣ мыслителя. Художественное начало, художественныя формы имѣютъ великое значеніе, — они переживаютъ вѣка и не подлежатъ прихотямъ судьбы и людей. Храмы производили еще благоговѣйное наслажденіе, когда боги были уже осмѣяны; римляне раболѣпно склоняли колѣна передъ цезарями, когда статуи стояли еще гордо и прямо...

Отзываясь поэтической думой на все, что проситъ отвѣта у мысли и чувства художника, Пушкинъ изображалъ жизнь во всей ея полнотѣ, вводя въ область своей поэзіи «и гимны вѣщіе, внушенные богами, и пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ»,—другими словами, онъ съ одинаковою вѣрностью изображалъ и внутренній міръ людей, посвятившихъ себя высшимъ духовнымъ интересамъ, и бытъ народа, трудами рукъ своихъ пріобрѣтающаго насущный хлѣбъ. Пушкинъ черпалъ вдохновеніе изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ и художественно воспроизводилъ самыя рѣзкія противоположности и въ природѣ, и въ человѣкѣ, — украинскую степь и горы Кавказа, капитанскую дочь и Сальери,—зачитывался Байрона и Шекспира и заслушивался Арины Родіоновны.

Первою и, какъ оказалось, превосходною школою для изученія русской жизни было для Пушкина невольное путешествіе по Россіи. Сохранилось извѣстіе, что императоръ Александръ I, узнавши содержаніе нѣкоторыхъ стихотвореній молодаго еще Пушкина, направленныхъ противъ правительства, призвалъ автора къ себѣ и сказалъ: «ты мнѣ даешь совѣты, какъ управлять Россіей; но чтобъ имѣть къ нимъ довѣріе, надо, чтобы ты самъ узналъ Россію, и потому отправляйся прежде всего на Кавказъ». Пребываніе на югѣ Россіи, въ различныхъ слояхъ общества и народа—отъ гостиной аристократа до цыганскаго табора—ознаменовано цѣлымъ рядомъ произведеній, прославившихъ имя нашего поэта. Всѣ послѣдующія произведенія Пушкина носятъ яркую печать близкаго знакомства съ русскою жизнью. Скажу болѣе: къ нимъ необходимо долженъ обращаться историкъ Россіи при изображеніи внутренней жизни нашей въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія.

Поэзія была для Пушкина не праздною забавою, а дѣломъ жизни, которому отдавалъ онъ свои лучшія силы и для котораго работалъ неутомимо. Да, именно—работалъ. Онъ постоянно читалъ, изучалъ свои источники, дѣлалъ выписки, замѣтки, и т. п. Много времени и труда употребилъ онъ на собираніе матеріаловъ для исторіи пугачевскаго бунта и для исторіи Петра Великаго. Задумавъ написать пьесу изъ быта древняго міра, онъ внимательно перечитывалъ древнихъ писателей. Въ его черновыхъ тетрадяхъ часто встрѣчаются подобнаго рода замѣтки: «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи» и т. п. Пушкинъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и читалъ въ подлинникѣ произведенія, которыми гордится европейская литература. Трудясь самъ надъ своимъ образованіемъ, Пушкинъ обнаружилъ въ высшей степени вѣрное пониманіе литературныхъ эпохъ и дѣйствительнаго значенія писателей. Пушкинъ, руководствуясь единственно своимъ собственнымъ выборомъ и художественнымъ чутьемъ, прошелъ въ своемъ литературномъ образованіи почти тотъ же путь, который указывали люди науки, стоявшіе на высотѣ современной имъ европейской образованности. Съ университетскихъ каѳедръ говорилось у насъ о необходимости для русской литературы сбросить съ нея французское иго и обратиться къ литературѣ германской, отличающейся большою свободой и разносторон-

ностью. Изъ иностранныхъ писателей ученые наши особенно высоко цѣнили Шекспира и старались знакомить съ нимъ русскихъ читателей. Заплативъ неизбѣжную дань французской литературѣ и французскимъ классикамъ, Пушкинъ покинулъ «маркиза» Расина и сознательно предпочелъ ему Байрона. Но и Байронъ не долго оставался властителемъ его думъ. Силою своего ума и художественнаго таланта Пушкинъ уразумѣлъ все превосходство Шекспира надъ Байрономъ, который былъ кумиромъ современнаго Пушкину поколѣнія.

Поэтическія созданія Пушкина, при высокомъ художественномъ значеніи, проникнуты сознаніемъ человѣческаго достоинства и сочувствіемъ къ лучшимъ движеніямъ человѣческой души. «Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и истины», говорилъ Пушкинъ. Права свои на любовь и память народа онъ видѣлъ въ томъ, что въ стихахъ своихъ онъ «пробуждалъ добрыя чувства и милость къ падшимъ призывалъ». Особенное значеніе въ жизни Петра Великаго Пушкинъ придавалъ той, увѣковѣченной имъ, прекрасной минутѣ, когда всемогущій царь

... съ подданнымъ мирится
Виноватому вину отпуская веселится.

Изъ сонма героевъ, покрывшихъ себя славою на ратномъ полѣ, Пушкина привлекалъ всего сильнѣе величественный образъ Барклая-де-Толли, въ которомъ воинская доблесть сливалась съ глубоко нравственнымъ подвигомъ самоотверженія: для блага отвергнувшаго его народа великодушный вождь пожертвовалъ собою, безмолвно уступая и свой лавровый вѣнецъ,

И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрылся одиноко.

Не слава побѣдъ, рѣшавшихъ судьбы Европы, плѣняла Пушкина въ Наполеонѣ—«другомъ властителѣ его думъ», а та нравственная побѣда Наполеона надъ самимъ собою, когда, забывая опасность, онъ входилъ, какъ увѣряли тогда, къ зачумленнымъ и подкрѣплялъ страдальцевъ словомъ участія:

Нѣтъ, не у счастія на лонѣ
Его я вижу не въ бою,
Не зятемъ кесаря на тронѣ...
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой

Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней, Онъ
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость...

Высокое нравственное значеніе поэзіи Пушкина ясно сознавали наиболѣе чуткіе изъ его современниковъ и самые даровитые критики послѣдующихъ поколѣній.

Отъ Пушкина, отъ одного Пушкина,—говоритъ Полевой,—современники ожидали «удовлетворенія каждой новой потребности своихъ умовъ и сердецъ. Пушкинъ былъ полный представитель своего современнаго отечества. Какимъ благороднымъ чувствомъ современныхъ не билось теплое сердце нашего поэта? Что прекрасное и славное не находило сочувствія въ его душѣ? Хотите ли исчислить все, что высокаго и задушевнаго успѣлъ перемыслить и сказать Пушкинъ въ жизнь свою? Переберите все, что врѣзалось въ сердце ваше отъ его неподражаемыхъ стиховъ».—По убѣжденію Бѣлинскаго, поэзія Пушкина обладаетъ «особенною способностью развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Прійдетъ время, когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство.»

Что касается до уваженія Пушкина къ правамъ разума, къ свободному развитію науки и литературы въ Россіи, то въ самихъ произведеніяхъ великаго поэта находятся свидѣтельства, драгоцѣнныя въ этомъ отношеніи.

Пушкину суждено было пережить тяжелую пору для нашей научной и литературной дѣятельности. Какой-то злобный демонъ, духъ разрушенія и гибели, парилъ надъ русскими университетами, изгоняя изъ нихъ служителей истиннаго бога—бога свѣта и знанія. Тотъ же духъ недовѣрія и преслѣдованія тяготѣлъ и надъ литературой. Писатели должны были умолкать на полусловѣ и вслѣдствіе этого происходило то, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: недосказанная правда казалась ложью и недосказанная ложь—правдою.

Совершенную противоположность представляетъ эпоха предшествовавшая—начало девятнадцатаго столѣтія, бывшее вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ царствованія императора Александра I. Тогда люди государственные, участвовавшіе въ составленіи университетскаго устава, дозывали необходимость свободы изслѣдованія и преподаванія. Тогда ставители цензурнаго устава открыто и прямо говорили противъ всяхъ стѣсненій печатному слову и добивались для него возможно-большей свободы.

На чью же сторону склонялся Пушкинъ? Что говорили ему его свѣтлый умъ, его чистая совѣсть? — Пушкинъ выразилъ свой взглядъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, и слова его должны сдѣлаться достояніемъ исторіи и девизомъ всѣхъ русскихъ университетовъ, всѣхъ истинныхъ друзей науки, литературы и просвѣщенія:

„Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать.

7.

Личность Пушкина*).

(Читано Я. К. Гротомъ въ собраніи Общества Люб. Россійской Словесности, въ Москвѣ 7-го іюня 1880 года).

Гоголь въ одномъ письмѣ къ старинному другу Пушкина, Нащокину говорилъ: «Свѣтъ остается навсегда при разъ установленномъ отъ него же названіи. Ему нѣтъ нужды, что у повѣсы была прекрасная душа, что въ минуты самыхъ повѣсничествъ сквозили ея благородныя движенія, что ни одного безчестнаго дѣла имъ не было сдѣлано, что бывшій повѣса уже умудренъ опытомъ и жизнію, что онъ уже не юноша, но отецъ семейства, выполняющій строго свои обязанности къ Богу и къ людямъ» и т. д. Эти слова были сказаны какъ будто нарочно въ приложеніи къ Пушкину. Легкое направленіе поэзіи его въ первую эпоху и нѣкоторые стихи, въ которыхъ онъ, подъ вліяніемъ Вольтера и

*) Напечатано въ „Новомъ Времени“.

другихъ писателей XVIII вѣка, принесъ дань юношескимъ увлеченіямъ, были причиною, что на Пушкина стали смотрѣть какъ на вольнодумца и безбожника. Эта репутація въ глазахъ многихъ оставалась за нимъ не только въ позднѣйшіе періоды его творчества, когда въ его образѣ жизни, въ его воззрѣніяхъ и направленіи его поэзіи давно совершился рѣшительный переломъ, но, къ удивленію нашему отчасти еще и теперь держится, по крайней мѣрѣ, въ средѣ людей, которые никогда серьезно не изучали произведеній Пушкина. Между тѣмъ для наблюдательнаго взора даже и въ молодости его сквозь видимое легкомысліе и беззавѣтную веселость проглядываетъ серьезное настроеніе и строгій взглядъ на жизнь. Такая противоположность отражалась и въ наружности Пушкина. Одинъ изъ современниковъ его, разсказывая о первыхъ своихъ впечатлѣніяхъ при встрѣчѣ съ нимъ въ Кишиневѣ говоритъ, что это былъ молодой человѣкъ необыкновенно живой въ своихъ пріемахъ, часто смѣющійся въ избыткѣ непринужденной веселости и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе.

Въ Пушкинѣ уже съ ранняго возраста какъ будто таилось предчувствіе краткости отмеженнаго ему вѣка: онъ спѣшилъ и жить, и создавать, какъ бы предугадывая, что ему назначенъ жребій Ахилла прославиться, наполнить міръ блескомъ своего имени и вдругъ сойти со сцены, жертвою страшной природы, которая была какъ бы ахиллесовой пятою его крѣпкаго и, казалось, несокрушимаго организма. Изъ разсказовъ его лицейскихъ товарищей и наставниковъ извѣстно, что онъ, сознавъ свой талантъ, въ послѣдніе годы пребыванія въ лицеѣ съ лихорадочнымъ жаромъ предавался страсти къ поэзіи, день и ночь думалъ о стихахъ и даже разъ во снѣ сочинилъ два удачные стиха, включенные имъ потомъ въ одну изъ тогдашнихъ пьесъ его. Слывя въ лицеѣ повѣсою, онъ однакожъ никогда не былъ празднымъ, съ удивительною легкостью и быстротою навсегда усвоивалъ себѣ все, что повидимому бѣгло читалъ или слышалъ, всякое пріобрѣтеніе ума или памяти. «Ни одно чтеніе, ни одинъ разговоръ, ни одна минута размышленія, говоритъ Плетневъ, не пропадали для него на цѣлую жизнь». Оттого-то при видимой лѣности и невнимательности къ класснымъ урокамъ, онъ, по словамъ того же писателя, «изъ преподаванія своихъ профессоровъ выносилъ болѣе, нежели товарищи», и уже въ лицеѣ овладѣлъ обширнымъ запасомъ преимущественно историко-литературныхъ свѣдѣній.

гдно даже изъ однихъ его лицейскихъ стихотворѐній, гдѣ насъ аетъ между прочимъ его знакомство съ древнимъ міромъ, съ его ьтурой и миѳологіей. Вопреки тому, что мы обыкновенно встрѣ- даже въ даровитыхъ людяхъ, у Пушкина память была одинаково имчива и для фактовъ, и для словъ; онъ такъ же легко и прочно инялъ историческія событія и анекдоты о знаменитыхъ людяхъ, и новые звуки и формы иностраннаго языка. Лицейскія стихотво- Пушкина представляютъ еще другую любопытную сторону: въ можно найдти слѣды того, что онъ уже тогда самъ понималъ не- ательность того взгляда, который сквозь оболочку юношеской вѣт- ти не замѣчалъ въ немъ совсѣмъ другого рода основы. Такъ еще ъ выходомъ изъ лицея онъ говорилъ въ своемъ посланіи къ гусару инну:

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный...
Пока живется намъ, живи
И черни презирай ревнивое болтанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ стихами, съ картами и съ книгой и съ бокаломъ,
Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный и сердце можно скрыть.

ъ послѣднихъ стихахъ 18-ти-лѣтній поэтъ обнаруживаетъ уже ательное самосознаніе и психологическую наблюдательность. О шнемъ внутреннемъ мірѣ его даетъ понятіе читанная имъ на кномъ экзаменѣ пьеса «Безвѣріе», гдѣ онъ, между прочимъ, го- ъ:

О вѣра! ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И ободренную съ надеждой отпускаешь.

о второй половинѣ стихотворенія изображено безотрадное со- е невѣрующаго. Очень ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что ѣса, какъ написанная для случая, не можетъ служить вѣрнымъ женіемъ дѣйствительнаго образа мыслей поэта. Пушкинъ никогда ѣлъ притворяться, не умѣлъ говорить или дѣлать что нибудь для или для угожденія другимъ: правдивость и откровенность состав-

ляли одну изъ господствующихъ чертъ нравственнаго существа его; онъ самъ называлъ себя

Врагомъ стѣснительныхъ условій и оковъ.

По выходѣ изъ лицея поэтъ посреди шумныхъ развлеченій столицы, въ кругу легкомысленныхъ друзей, не переставалъ читать и учиться; развитіе его души и таланта шло съ усиленной быстротой, и въ концѣ 1819 года, 20 лѣтъ отъ роду, онъ уже самъ сознавалъ въ себѣ новаго человѣка. Это прекрасно выразилось тогда же въ пьескѣ, напечатанной только 9-ю годами позже, подъ заглавіемъ «Возрожденіе», гдѣ онъ сравниваетъ себя съ картиной мастера, надъ которой какой-то бездарный живописецъ намалевалъ было новое изображеніе.

Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей:
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Между тѣмъ, однакожъ, своенравный геній поэта увлекалъ его иногда къ созданіямъ, бывшимъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ общественными условіями, посреди которыхъ онъ жилъ, и надъ головою его собралась грозная туча. Къ счастію, она не сдѣлалась для него гибельною: удаленіе его изъ Петербурга было чрезвычайно плодотворно и для поэзіи его, и для нравственнаго перерожденія. Это событіе, безъ сомнѣнія, глубоко потрясшее впечатлительную душу юноши, не могло не пробудить въ немъ грустныхъ размышленій, не заставить его задуматься надъ жизнью и судьбой человѣка, а наглядное знакомство съ живописной природой юга Россіи, съ разнохарактерными племенами ея и съ провинціальнымъ обществомъ должно было дать новый сильный толчокъ и такъ уже далеко опередившему годы развитію Пушкина. Въ Кишиневѣ, не смотря на множество случаевъ къ разсѣянной жизни, у него болѣе нежели въ столицѣ оставалось времени для занятій: это принужденное уединеніе естественно оживило въ немъ охоту къ умственному труду, и вотъ какъ самъ онъ отдаетъ отчетъ о томъ въ посланіи къ бывшему царскосельскому другу, гусару Чаадаеву.

Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ...
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друженъ умъ,
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ...

Съ этихъ-то поръ особенно въ Пушкинѣ становится замѣтно рѣдое сочетаніе политическаго таланта съ любознательностью; онъ глубоко зучаетъ каждый предметъ, котораго коснется; потребность эта скоро риводитъ его къ заимствованію предметовъ для поэзіи изъ исторіи аконецъ обращаетъ его къ чисто историческимъ трудамъ. Но пока лодомъ новаго его направленія былъ рядъ поэмъ, гдѣ съ каждымъ агомъ видимо зрѣетъ и мысль его, и художественное разумѣніе въ ворчествѣ. Можно сказать, что въ нихъ поэтъ уподобляется сказочому богатырю, растущему не по днямъ, а по часамъ: неудивительно, го самъ онъ какъ будто ежеминутно замѣчалъ полетъ времени надъ обою и на 22 году жизни уже готовъ былъ оплакивать улетѣвшую ность. «Я перевариваю воспоминанія», писалъ онъ въ это время ельвигу, «и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа оя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?» Въ 25 лѣтъ Пушкинъ является намъ уже совершенно остеневшимся, трудолюбивымъ, осторожнымъ въ своихъ сужденіяхъ и выодахъ. Изъ писемъ его, относящихся къ этой эпохѣ, когда онъ приступалъ къ созданію Бориса Годунова, видно, съ какою трезвостію ма, съ какимъ глубоко критическимъ смысломъ онъ всматривался въ зучаемыя имъ произведенія отечественной и иностранной, особенно нглійской литературы; уже Байронъ его не удовлетворяетъ и онъ все ое сочувствіе отдаетъ Шекспиру. Углубляясь въ русскія лѣтописи, ъ такъ опредѣляетъ ихъ характеръ, воспроизведенный имъ въ лицѣ инена: «умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простошіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное сутствіе суетности дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ времъ давно минувшихъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что такое добросовѣстное приготовленіе Пушкина

къ выполненію его художническихъ задачъ не могло не наложить пе
чати зрѣлости не только на его талантъ, но и на всю нравственну
физіономію его. Между прочимъ оно утвердило въ немъ правильны
взглядъ на прошлое, на дѣятельность нашихъ предшественниковъ, и
онъ въ своихъ замѣткахъ набросалъ эти слова, которыя нельзя довольн
повторять въ наше время: «Безкорыстная мысль, что внуки будут
уважены за имя, нами переданное, не есть ли благороднѣйшая надежд
нашего сердца?.. Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошед
шаго». Когда явился его блестящій разсказъ «Графъ Нулинъ»
и журнальная критика обрадовалась случаю пощеголять своимъ цѣл
мудріемъ, то обвиненіе поэта въ безнравственности содержанія глубо
оскорбило его, какъ видно изъ найденныхъ въ его бумагахъ возраж
ній, въ которыхъ онъ объясняетъ своимъ противникамъ, что так
безнравственное сочиненіе и какая разница между нравственностью
нравоученіемъ.

Рукописи Пушкина, оставшіяся послѣ его смерти, служатъ краснор
чивыми документами его необыкновеннаго трудолюбія. По безчисленны
поправкамъ въ его произведеніяхъ, можно судить, какъ не легко о
удовлетворялся тѣмъ, что выходило изъ-подъ пера его, какъ шло
нему самому названіе взыскательный художникъ, употре
ленное имъ въ одномъ изъ его сонетовъ, какихъ наконецъ усилій ст
ло ему то совершенство формы, та ровность отдѣлки, какихъ онъ
стигалъ во всѣхъ своихъ стихахъ. И это упорство въ работѣ тѣ
изумительнѣе, что намъ извѣстно, какою пылкою и страстною душ
онъ былъ одаренъ, какъ охотно онъ предавался развлеченіямъ обш
ства и наслажденіямъ природою. Въ одной замѣткѣ его о разныхъ
дахъ поэзіи наше вниманіе невольно останавливается на выраже
«Безъ постояннаго труда нѣтъ истинно великаго».

Хотя Пушкинъ никогда не рисовался своими душевными качест
ми, но есть много доказательствъ его сердечной доброты и человѣ
любія. Такъ, въ письмѣ къ брату своему Льву Сергѣевичу, писанно
по поводу перваго извѣстія о петербургскомъ наводненіи 1824 го
онъ послѣ размышленій и шутокъ, вызванныхъ этимъ необычайны
событіемъ, вдругъ перемѣняетъ тонъ: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ н
детъ. Онъ вовсе не такъ забавенъ. Если тебѣ вздумается помочь
кому-нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ, по про

сякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго». Въ слѣдующемъ прочитавъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», что слѣпой священникъ пекнигу Сираха и издаетъ свой трудъ по подпискѣ, онъ поручаетъ подписаться на нѣсколько экземпляровъ. Его отношенія къ Льву вичу были истинно братскія, — болѣе того: будучи 7-ю годами е его, онъ питаетъ къ нему нѣжную, какъ бы родительскую любвыражающуюся то въ заботливости о его образованіи, то въ со- житейскаго благоразумія. Сердясь на брата за легкомысліе и ство въ исполненіи порученій, онъ при первомъ свиданіи все за- ъ, платитъ долги его и не щадитъ хлопотъ, чтобы выводить его грудненій, въ которыя тотъ по своей винѣ безпрестанно попа-

кое же сочувствіе внушаетъ намъ Пушкинъ постоянствомъ своей ной привязанности къ старой нянѣ, къ которой онъ такъ часто щается въ стихахъ своихъ, черты которой въ фантазіи его слиі съ образомъ вдохновляющей его музы, какъ видно изъ слѣдуюотрывка:

„Наперстница волшебной старины,
. . . . . .
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила“.

бящее сердце Пушкина просвѣчиваетъ и въ житейскихъ его отноъ и въ дружеской перепискѣ, даже въ добродушной шутливости его письмахъ къ Нащокину, относящихся къ счастливымъ гоего женитьбы, есть мѣста драгоцѣнныя по своей простотѣ и искренТакъ, въ 1835 году, обрадованный полученіемъ длиннаго письма сковскаго друга своего, онъ ему отвѣчаетъ:

оворятъ, что несчастіе хорошая школа: можетъ быть. Но счастіе чшій университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, спокъ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и

моя, какъ тебѣ извѣстно!» Вотъ какъ Пушкинъ понималъ са и мы не можемъ не признать этой оцѣнки вѣрною.

Одну изъ отличительныхъ чертъ его личности составляло ство, замѣчаемое въ поведеніи его еще въ юности, котору одномъ стихотвореніи не даромъ назвалъ гордою. Покойный бывшій въ весьма частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Пушкин дѣтельствуетъ: «Въ жизни честь, можно сказать, рыцарская б ваніемъ его поступковъ, и онъ не отступалъ отъ своихъ пон ни одного разу въ жизни, при всѣхъ искушеніяхъ и перемѣна своей". Равнымъ образомъ и въ его поэзіи серьезная и безпри критика никогда еще не могла отыскать слѣдовъ нравствен женія.

Въ глубинѣ души его смолоду теплилось искреннее религіс ство. Уклоненія его въ противоположную сторону были не б либо мимолетныя сомнѣнія, либо юношескія шалости, въ кот въ позднѣйшіе годы горько раскаивался. Любопытно имъ сам данное замѣчаніе въ разговорѣ съ человѣкомъ другихъ у «Сердце мое склонно къ матеріализму, но умъ отвергаетъ ег стнымъ стихамъ его:

„Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана"

могутъ быть противопоставлены не только его же стансы, ные въ отвѣтъ на указъ митрополита Филарета, но и другі менѣе распространенные и болѣе ранніе, но замѣчательные

Ты, сердцу непонятный мракъ,
Пріютъ отчаянья слѣпого,
Ничтожество, пустой призракъ,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанье жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка,
Я все не вѣрую въ тебя.
Ты чуждъ мысли человѣка,
Тебя страшится гордый умъ!..
Но, улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной!

Такое настроеніе сопровождалось въ душѣ Пушкина наклонностью къ суевѣрію и расположеніемъ объяснить самые простые житейскіе случаи таинственными причинами, что впрочемъ составляетъ естественную черту поэтическихъ, одаренныхъ богатою фантазіею натуръ. Извѣстно, напр., какое значеніе онъ придавалъ совпаденію нѣкоторыхъ событій его жизни съ днемъ праздника Вознесенія. (Мимоходомъ замѣтимъ, что его собственное показаніе о рожденіи своемъ въ этотъ день, подтверждаетъ вѣрность факта, что онъ родился въ четвергъ 26 мая, число, на которое падалъ этотъ праздникъ въ 1799 г.). О сочувствіи Пушкина къ религіозности свидѣтельствуетъ между прочимъ статья его о Байронѣ, въ которой онъ старается оправдать британскаго поэта отъ упрековъ въ безвѣріи и замѣчаетъ, что можетъ быть скептицизмъ его былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго противъ внутренняго убѣжденія. Съ лѣтами религіозное чувство Пушкина становилось все теплѣе, все явственнѣе отражалось въ его поэзіи. Въ послѣдніе годы жизни однимъ изъ любимыхъ занятій его сдѣлалось чтеніе евангелія и молитвъ православной церкви; нѣкоторыя изъ нихъ, поражавшія его своимъ поэтическимъ достоинствомъ, заучивались имъ наизусть: одна переложена была даже въ стихи.

Приходило къ концу второе десятилѣтіе самостоятельной жизни поэта со времени его выпуска изъ лицея. Нельзя безъ изумленія остановиться на томъ фактѣ, что все великое, совершенное Пушкинымъ въ литературѣ, есть плодъ только двухъ съ небольшимъ десятилѣтій дѣятельности—отъ 1815 до начала 1837 года. Его нѣкогда столь веселая и шаловливая муза принимала все болѣе задумчивый характеръ. Ничто не выражаетъ этого перехода такъ наглядно, какъ двѣ первыя строфы стиховъ, приготовленныхъ имъ къ лицейской годовщинѣ, бывшей при жизни его, въ 1836 году:

Была пора: нашъ праздникъ молодой.

Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй;
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности, и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ,

Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился,
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ.
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ,
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Извѣстно, что Пушкинъ при чтеніи этихъ стиховъ за столомъ, о[illegible]волненія не могъ кончить ихъ и, пересѣвъ на диванъ, закрылъ ли[illegible] руками. Уже и за пять лѣтъ до того стихи, читанные имъ на лице[illegible]скомъ праздникѣ, отличались такимъ же оттѣнкомъ грусти: насчита[illegible] шесть опустѣвшихъ мѣстъ въ кругу своихъ товарищей, онъ задумчи[illegible] говорилъ:

И мнится, очередь за мною...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый.

И очередь Пушкина не замедлила придти. Давно уже его преслѣ[illegible]вала мысль о смерти:

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ...

Своею кончиною Пушкинъ вполнѣ искупилъ тѣ страстные поры [illegible] тѣ заблужденія сердца и ума, которыя только въ глазахъ неумоли[illegible] строгихъ судей его бурной молодости могутъ омрачить его память. По[illegible] среди страшныхъ мукъ на смертномъ одрѣ онъ явилъ и изумительную силу духа въ стоическомъ самообладаніи, и истинно-христіанскую кро[illegible]тость, и трогательную нѣжность семьянина. Побѣждая нестерпимую боль, онъ удерживался отъ стоновъ, чтобы не смущать жены, и гово[illegible]рилъ, что стыдно было бы дать пересилить себя такому вздору. Благодарность къ царю, прощеніе враговъ, заботливость объ оставляемой имъ семьѣ, полное примиреніе съ самимъ собою, таково было настроеніе, которое наполняло душу Пушкина въ послѣднія минуты жизни; такъ разстался онъ съ этимъ міромъ, гдѣ пожиравшее его пламя было для него источникомъ и столькихъ наслажденій, и столькихъ страданій, гдѣ онъ оставилъ столь блестящій и неизгладимый слѣдъ своего существованія

на радость грядущимъ поколѣніямъ. Біографъ П. В. Анненковъ справедливо называетъ его кончину «событіемъ, исполненнымъ драматической силы и глубокой нравственной идеи».

Послѣ всего, что далъ Пушкинъ своему народу и человѣчеству, послѣ его труженической жизни, послѣ его мученической смерти, у кого еще станетъ духу упрекать за ошибки юности эту почтенную тѣнь, являющуюся намъ въ двойномъ ореолѣ генія и страданія? Кто не благословитъ съ умиленіемъ память этого великаго писателя, навѣки связавшаго свое имя съ судьбами русскаго слова и русскаго искусства?

8.

Рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго.

(Произнесена 8-го іюня въ торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности) *).

Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и можетъ-быть единственное явленіе русскаго духа, сказалъ Гоголь. Прибавлю отъ себя: и пророческое. Да, въ появленіи его заключается для всѣхъ насъ, Русскихъ, нѣчто безспорно пророческое. Пушкинъ какъ разъ приходитъ въ самомъ началѣ правильнаго самосознанія нашего, едва лишь начавшагося и зародившагося въ обществѣ нашемъ послѣ цѣлаго столѣтія съ Петровской реформы, и появленіе его сильно способствуетъ освѣщенію темной дороги нашей новымъ направляющимъ свѣтомъ. Въ этомъ-то смыслѣ Пушкинъ есть пророчество и указаніе. Я дѣлю дѣятельность нашего великаго поэта на три періода. Говорю теперь не какъ литературный критикъ: касаясь творческой дѣятельности Пушкина я хочу лишь разъяснить мою мысль о пророческомъ для насъ значеніи его, и что я въ этомъ словѣ разумѣю. Замѣчу однакоже мимоходомъ, что періоды дѣятельности Пушкина не имѣютъ, кажется мнѣ, твердыхъ между собою границъ. Начало „Онѣгина“, напримѣръ, принадлежитъ по моему еще къ первому періоду дѣятельности поэта, а кончается „Онѣгинъ“ во второмъ періодѣ, когда Пушкинъ нашелъ уже свои идеалы въ родной землѣ, воспріялъ и возлюбилъ ихъ всецѣло своею любящею и прозорли-

*) Напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

вою душой. Принято тоже говорить, что въ первомъ періодѣ своей дѣятельности Пушкинъ подражалъ европейскимъ поэтамъ, Парни, Андрэ Шенье и другимъ, особенно Байрону. Да, безъ сомнѣнія, поэты Европы имѣли великое вліяніе на развитіе его генія, да и сохраняли вліяніе это во всю его жизнь. Тѣмъ не менѣе, даже самыя первыя поэмы Пушкина были не однимъ лишь „подражаніемъ, такъ что и въ нихъ уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его генія. Въ подраженіяхъ никогда не появляется такой самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія, которыя явилъ Пушкинъ напримѣръ въ „Цыганахъ“—поэмѣ, которую я всецѣло отношу еще къ первому періоду его творческой дѣятельности. Не говорю уже о творческой силѣ и о стремительности, которой не явилось бы столько, еслибъ онъ только лишь подражалъ. Въ типѣ Алеко, героѣ поэмы «Цыганы», сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная поэтомъ въ такой гармонической полнотѣ въ «Онѣгинѣ», гдѣ почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осязаемо реальномъ и понятномъ видѣ. Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ конечно не Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей Русской землѣ, поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго кажется не исчезнутъ. И если они не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у Цыганъ въ ихъ дикомъ своеобразномъ бытѣ своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго интеллигентнаго общества, то все равно ударяются въ соціализмъ, котораго еще не было при Алеко, ходятъ съ новою вѣрой на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя, какъ и Алеко, что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья не только для себя самого, но и всемірнаго. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемірное счастіе, чтобъ успокоиться; дешевле онъ не примирится,—конечно, пока дѣло только въ теоріи. Это все тотъ же русскій человѣкъ, только въ разное время явившійся. Человѣкъ этотъ, повторяю, зародился какъ разъ въ началѣ втораго столѣтія послѣ великой Петровской ре-

формы въ нашемъ-интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы. О, огромное большинство интеллигентныхъ Русскихъ, и тогда при Пушкинѣ, какъ и теперь, въ наше время, служили и служатъ мирно въ чиновникахъ, въ казнѣ или на желѣзныхъ дорогахъ и въ банкахъ, или просто наживаютъ разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читаютъ лекціи,—и все это регулярно, лѣниво и мирно, съ полученіемъ жалованья, съ игрой въ преферансъ, безо всякаго поцолзновенія бѣжать въ цыганскіе таборы или куда нибудь въ мѣста болѣе соотвѣтствующія нашему времени. Много, много что полиберальничаютъ «съ оттѣнкомъ европейскаго соціализма», но которому приданъ нѣкоторый благодушный русскій характеръ, но вѣдь все это вопросъ только времени. Что въ томъ, что одинъ еще и не начиналъ безпокоиться, а другой уже успѣлъ дойти до запертой двери и объ нее крѣпко стукнулся лбомъ. Всѣхъ въ свое время то же самое ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную дорогу смиреннаго общенія съ народомъ. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь «избранныхъ», довольно лишь десятой доли забезпокоившихся, чтобъ и остальному огромному большинству не видать чрезъ нихъ покоя. Алеко конечно еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачъ о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чемъ она могла бы явиться и когда именно она потеряна, конечно, онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно. Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: «правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ-быть, гдѣ-то въ другихъ земляхъ, европейскихъ, напримѣръ, съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною и гражданскою жизнью». И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ вѣдь въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ какъ институтка въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено образованное русское общество. Онъ пока всего только отор-

ванная носящаяся по воздуху былинка. И онъ это чувствуетъ и этим
страдаетъ, и часто такъ мучительно! Ну и что же въ томъ, что, при
надлежа можетъ-быть къ родовому дворянству и даже весьма вѣроятн
обладая крѣпостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по вольности своег
дворянства, маленькую фантазійку прельститься людьми живущим
«безъ закона» и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и пока
зывать Мишку? Понятно, женщина, «дикая женщина», по выражені
одного поэта, всего скорѣе могла подать ему надежду на исходъ тоск
его, и онъ съ легкомысленною, но страстною вѣрой бросается къ Зем
фирѣ: «Вотъ, дескать, гдѣ исходъ мой, вотъ гдѣ можетъ быть мо
счастье, здѣсь, на лонѣ природы, далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей,
которыхъ нѣтъ цивилизаціи и законовъ!» И что же оказывается: пр
первомъ столкновеніи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ н
выдерживаетъ и обагряетъ свои руки кровью. Не только для міровс
гармоніи, но даже и для Цыганъ не пригодился несчастный мечтател
и они выгоняютъ его—безъ отмщенія, безъ злобы, величаво и просто
душно:

Оставь насъ, гордый человѣкъ;
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ.

Все это конечно фантастично, но «гордый-то человѣкъ» реаленъ
мѣтко схваченъ. Въ первый разъ схваченъ онъ у насъ Пушкинымъ,
это надо запомнить. Именно, именно, чуть не по немъ, и онъ злобн
растерзаетъ и казнитъ за свою обиду, или, что даже удобнѣе, вспом
нивъ о принадлежности своей къ одному изъ четырнадцати классов
самъ возопіетъ можетъ быть (ибо случалось и это) къ закону терзаю
щему и казнящему, и призоветъ его, только бы отомщена была лична
обида его. Нѣтъ, эта геніальная поэма не подражаніе! Тутъ уже по
сказывается русское рѣшеніе вопроса, «проклятаго вопроса», по наро
ной вѣрѣ и правдѣ: «Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего слом
гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись н
родной нивѣ», вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному р
зуму. «Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ, найди себя въ себ
овладѣй собой, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не вн
тебя и не за моремъ гдѣ нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственном
трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя,—и станешь своб

денъ какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконецъ народъ свой и святую правду. Не у Цыганъ и нигдѣ міровая гармонія, если ты первый самъ ея недостоинъ, злобенъ и гордъ, и требуешь жизни даромъ, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить». Это рѣшеніе вопроса въ поэмѣ Пушкина уже сильно подсказано. Еще яснѣе выражено оно въ «Евгеніи Онѣгинѣ», поэмѣ уже не фантастической, но осязательно реальной, въ которой воплощена настоящая русская жизнь съ такою творческою силой и съ такой законченностію, какой и не бывало до Пушкина, да и послѣ его пожалуй.

* *
*

Онѣгинъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга, непремѣнно изъ Петербурга, это несомнѣнно необходимо было въ поэмѣ, и Пушкинъ не могъ упустить такой крупной реальной черты въ біографіи своего героя. Повторяю опять, это тотъ же Алеко, особенно потомъ, когда онъ восклицаетъ въ тоскѣ:

Зачѣмъ какъ тульскій засѣдатель
Я не лежу въ параличѣ?

Но теперь, въ началѣ поэмы, онъ пока еще на половину фатъ и свѣтскій человѣкъ, и слишкомъ еще мало жилъ, чтобъ успѣть вполнѣ: разочароваться въ жизни. Но и его уже начинаетъ посѣщать и безпокоить

Бѣсъ благородный скуки тайной.

Въ глуши, въ сердцѣ своей родины, онъ конечно не у себя, онъ не дома. Онъ не знаетъ, что ему тутъ дѣлать и чувствуетъ себя какъ бы у себя же въ гостяхъ. Въ послѣдствіи, когда онъ скитается въ тоскѣ по родной землѣ и по землямъ иностраннымъ, онъ, какъ человѣкъ безспорно умный и безспорно искренній, еще болѣе чувствуетъ себя и у чужихъ себѣ самому чужимъ. Правда, и онъ любитъ родную землю, но ей не довѣряетъ. Конечно, слыхалъ и объ родныхъ идеалахъ, но имъ не вѣритъ. Вѣритъ лишь въ полную невозможность какой бы то ни было работы на родной нивѣ, а на вѣрующихъ въ эту возможность, — и тогда какъ и теперь немногихъ,—смотритъ съ грустною насмѣшкой. Ленскаго онъ убилъ просто отъ хандры, почемъ знать, можетъ быть отъ хандры, по міровому идеалу,—это слишкомъ по-нашему, это вѣроятно.

Не такова Татьяна: это типъ твердый, стоящій твердо на своей почвѣ. Она глубже Онѣгина и конечно умнѣе его. Она уже однимъ благородным инстинктомъ своимъ предчувствуетъ, гдѣ и въ чемъ правда, что и выразилось въ финалѣ поэмы. Можетъ быть Пушкинъ даже лучше бы сдѣлалъ, еслибы назвалъ свою поэму именемъ Татьяны, а не Онѣгина, ибо безспорно она главная героиня поэмы. Это положительный типъ, а не отрицательный, это типъ положительной красоты, это апоѳеоза русской женщины, и ей предназначалъ поэтъ высказать мысль поэмы въ знаменитой сценѣ послѣдней встрѣчи Татьяны съ Онѣгинымъ. Можно даже сказать, что такой красоты положительный типъ русской женщины почти уже и не повторялся въ нашей художественной литературѣ—кромѣ развѣ образа Лизы въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» Тургенева. Но манера глядѣть свысока сдѣлала то, что Онѣгинъ совсѣмъ даже не узналъ Татьяну, когда встрѣтилъ ее въ первый разъ, въ глуши, въ скромномъ образѣ чистой, невинной дѣвушки, такъ оробѣвшей предъ нимъ съ перваго разу. Онъ не съумѣлъ отличить въ бѣдной дѣвочкѣ законченности и совершенства и дѣйствительно можетъ быть принялъ ее за «нравственный эмбріонъ». Это она то эмбріонъ, это послѣ письма то ея къ Онѣгину! Если есть кто нравственный эмбріонъ въ поэмѣ, такъ это, конечно, онъ самъ, Онѣгинъ, и это безспорно. Да и совсѣмъ не могъ онъ узнать ее: развѣ онъ зналъ душу человѣческую? Это отвлеченный человѣкъ, это безпокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узналъ онъ ее и потомъ въ Петербургѣ, въ образѣ знатной дамы, когда, по его же словамъ, въ письмѣ къ Татьянѣ, «постигалъ душой всѣ ея совершенства». Но это только слова. Она прошла въ его жизни мимо него неузнанная и неоцѣненная имъ; въ томъ и трагедія ихъ романа. О, еслибы тогда, въ деревнѣ, при первой встрѣчѣ съ нею, прибылъ туда же изъ Англіи Чайльдъ-Гарольдъ или даже какъ нибудь, самъ лордъ Байронъ, и замѣтивъ ея робкую скромную прелесть, указалъ бы ему на нее,—о, Онѣгинъ тотчасъ же былъ бы пораженъ и удивленъ, ибо въ этихъ міровыхъ страдальцахъ такъ много подъ часъ лакейства духовнаго! Но это то не случилось, искатель міровой гармоніи, прочтя ей проповѣдь и поступивъ все такъ очень честно, отправился съ міровою тоской своею и съ пролитою въ глупенькой злости кровью на рукахъ своихъ, скитаться по родинѣ, не примѣчая ея и, кипя здоровьемъ и силою, восклицать съ проклятіями:

Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,
Чего мнѣ ждать, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. Въ безсмертныхъ строфахъ романа поэтъ изобразилъ ее посѣтившею домъ этого столь чуднаго и загадочнаго для ней человѣка. Я уже не говорю о художественности, недосягаемой красотѣ и глубинѣ этихъ строфъ. Вотъ она въ его кабинетѣ, она разглядываетъ его книги, вещи, предметы, старается угадать по нимъ душу его, разгадать свою загадку, и «нравственный эмбріонъ» останавливается наконецъ въ раздумьи, со странною улыбкой, съ предчувствіемъ разрѣшенія загадки, и губы ея тихо шепчутъ:

Ужь не пародія ли онъ?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. Въ Петербургѣ, потомъ, спустя долго, при новой встрѣчѣ ихъ, она уже совершенно его знаетъ. Кстати, кто сказалъ, что свѣтская, придворная жизнь, тлетворно коснулась ея души, и что именно санъ свѣтской дамы и новыя свѣтскія понятіи были отчасти причиной отказа ея Онѣгину? Нѣтъ, это не такъ было. Нѣтъ, это та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она, напротивъ, удручена этою пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдаетъ; она ненавидитъ свой санъ свѣтской дамы, и кто судитъ о ней иначе, тотъ совсѣмъ не понимаетъ того, что хотѣлъ сказать Пушкинъ. И вотъ она твердо говоритъ Онѣгину:

Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Высказала она это какъ русская женщина вполнѣ, въ этомъ ея апоѳеоза. Она высказываетъ правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ея религіозныя убѣжденія, про взглядъ на таинство брака—нѣтъ, этого я не коснусь. Но что же: потому ли она отказалась идти за нимъ, не смотря на то, что сказала ему: «я васъ люблю», потому ли, что она «какъ русская женщина» (а не южная, или не французская какая-нибудь), не способна на смѣлый шагъ, не въ силахъ порвать свои путы, не въ силахъ пожертвовать обаяніемъ честей, богатства, свѣтскаго своего значенія, условіями добродѣтели? Нѣтъ, русская женщина смѣла. Русская женщина смѣло пойдетъ за тѣмъ, во что повѣритъ и она доказала это. Но она «другому отдана, и будетъ вѣкъ ему вѣрна». Кому же, чему же вѣрна? Какимъ это обязанностямъ?

Этому-то старику генералу, котораго она не можетъ же любить, не-
тому что любитъ Онѣгина, и за котораго вышла потому только, что
ее «съ слезами заклинаній молила мать», а въ обиженной, изране-
ной душѣ ея было тогда лишь отчаяніе и никакой надежды, никакого
просвѣта? Да, вѣрна этому генералу, ея мужу, честному человѣку,
ее любящему и ею гордящемуся. Пусть ее «молила мать», но вѣдь она,
а не кто другая, дала согласіе, она вѣдь, она сама поклялась быть
честною женой его. Пусть она вышла за него съ отчаянія, но измѣна
ея покроетъ его стыдомъ, позоромъ и убьетъ его. А развѣ можетъ че-
ловѣкъ основать свое счастье на несчастьи другаго? Счастье не въ
однихъ только наслажденіяхъ любви, а и въ высшей гармоніи духа.
Чѣмъ успокоить духъ, если назади стоитъ не честный, безжалостный,
безчеловѣчный поступокъ? Ей бѣжать изъ-за того только, что тутъ мое
счастье? Но какое же можетъ быть счастье, если оно основано на чу-
жомъ несчастьи? Позвольте, представьте, что вы сами возводите зда-
ніе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать
имъ наконецъ миръ и покой. И вотъ, представьте себѣ тоже, что для этого
необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно че-
ловѣческое существо, мало того—пусть даже не столь достойное, смѣш-
ное даже на иной взглядъ существо, не Шекспира какого-нибудь, а
просто честнаго старика, мужа молодой жены, въ любовь которой онъ
вѣритъ слѣпо, хотя сердца ея не знаетъ вовсе, уважаетъ ее, гордится
ею, счастливъ ею и покоенъ. И вотъ только его надо опозорить, обез-
честить и замучить, и на слезахъ этого обезчещеннаго старика воз-
вести наше зданіе! Согласитесь ли вы быть архитекторомъ такого
зданія на этомъ условіи? Вотъ вопросъ. И можете ли вы допустить
хотя на минуту идею, что люди, для которыхъ вы строили это зданіе,
согласились бы сами принять отъ васъ такое счастіе, если въ фунда-
ментѣ его заложено страданіе, положимъ хоть и ничтожнаго существа,
но безжалостно и несправедливо замученнаго и, принявъ это счастіе,
остаться на вѣки счастливыми? Скажите, могла ли рѣшить иначе
Татьяна, съ ея сердцемъ столько выстрадавшимъ?

Нѣтъ: чистая русская душа рѣшаетъ вотъ какъ: «пусть наконецъ
никто и никогда, а этотъ старикъ тоже, не узнаютъ моей жертвы и не
оцѣнятъ ея, но не хочу быть счастливою, загубивъ другаго!». Тутъ тра-
гедія, она и совершается, и перейти предѣла нельзя, уже поздно, и вотъ

яна отсылаетъ Онѣгина. Скажутъ: да вѣдь несчастенъ же и Онѣ-
: одного спасла, а другаго погубила. Позвольте, тутъ другой во-
ь, и даже можетъ быть и самый важный въ поэмѣ. Кстати, вопросъ:
ıу Татьяна не пошла съ Онѣгинымъ, имѣетъ у насъ, по крайней
, въ литературѣ нашей, своего рода исторію весьма характерную,
гому я и позволилъ себѣ такъ объ этомъ вопросѣ распространиться.
его характернѣе, что нравственное разрѣшеніе этого вопроса столь
) подвергалось у насъ сомнѣнію. Я вотъ какъ думаю: еслибы
яна даже стала свободною, еслибъ умеръ ея старый мужъ и она
вѣла, то и тогда бы она не пошла за Онѣгинымъ. Надобно же по-
ть всю суть этого характера! Вѣдь она же видитъ, кто онъ такой:
ый скиталецъ, увидалъ вдругъ женщину, которою прежде пре-
егъ въ новой блестящей недосягаемой обстановкѣ,—да вѣдь въ
обстановкѣ-то, пожалуй, и вся суть дѣла. Вѣдь этой дѣвочкѣ, ко-
ю онъ чуть не презиралъ, теперь поклоняется свѣтъ,—свѣтъ, этотъ
шный авторитетъ для Онѣгина, несмотря на всѣ его міровыя стрем-
ı, — вотъ вѣдь, вотъ почему онъ бросается къ ней ослѣпленный.
› мой идеалъ, восклицаетъ онъ, вотъ мое спасеніе, вотъ исходъ
и моей, я проглядѣлъ его, а «счастье было такъ возможно, такъ
ко!» И какъ прежде Алеко къ Земфирѣ, такъ и онъ устремляется
'атьянѣ, ища въ новой причудливой фантазіи всѣхъ своихъ разрѣ-
ій. Да развѣ этого не видитъ въ немъ Татьяна, да развѣ она не
лядѣла его уже давно? Вѣдь она твердо знаетъ, что онъ въ сущ-
и любитъ только свою новую фантазію, а не ее, смиренную какъ и
кде Татьяну! Она знаетъ, что онъ принимаетъ ее за что-то другое,
за то, что она есть, что не ее даже онъ и любитъ, что можетъ
› онъ и никого не любитъ, да и не способенъ кого-нибудь даже лю-
, несмотря на то, что такъ мучительно страдаетъ! Любитъ фантазію,
ѣдь онъ и самъ фантазія. Вѣдь если она пойдетъ за нимъ, то онъ
ра же разочаруется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо. У
никакой почвы, это былинка, носимая вѣтромъ. Не такова она
е: у ней и въ отчаяніи, и въ страдальческомъ сознаніи, что погибла
кизнь, все-таки есть нѣчто твердое и незыблемое, на что опирается
уша. Это ея воспоминанія дѣтства, воспоминанія родины, въ дере-
жкой глуши, въ которой началась ея смиренная чистая жизнь,—это
естъ и тѣнь вѣтвей надъ могилой ея бѣдной няни». О, эти воспо-

минанія и прежніе образы ей теперь всего драгоцѣннѣе, эти образы одни только и остались ей, но они то и спасаютъ ея душу отъ окончательнаго отчаянія. И этого не мало, нѣтъ, тутъ уже многое, потому что тутъ цѣлое основаніе, тутъ нѣчто незыблемое и неразрушимое. Тутъ соприкосновеніе съ родиной, съ роднымъ народомъ, съ его святынею. А у него что есть и кто онъ такой? Не идти же ей за нимъ изъ состраданія, чтобы только потѣшить его, чтобы хоть на время изъ безконечной любовной жалости подарить ему призракъ счастья, твердо зная напередъ, что онъ завтра же посмотритъ на это счастье свое насмѣшливо. Нѣтъ, есть глубокія и твердыя души, которыя не могутъ сознательно отдать святыню свою на позоръ, хотя бы и безконечнаго состраданія. Нѣтъ, Татьяна не могла пойти за Онѣгинымъ.

Итакъ, въ «Онѣгинѣ», въ этой безсмертной и недосягаемой поэмѣ своей, Пушкинъ явился великимъ народнымъ писателемъ, какъ до него никогда и никто. Онъ разомъ, самымъ мѣткимъ, самымъ прозорливымъ образомъ отмѣтилъ самую глубь нашей сути, нашего верхняго надъ народомъ стоящаго общества. Отмѣтивъ типъ русскаго скитальца, скитальца до нашихъ дней и въ наши дни, первый угадавъ его геніальнымъ чутьемъ своимъ, съ историческою судьбой его и съ огромнымъ значеніемъ его и въ нашей грядущей судьбѣ, рядомъ съ нимъ поставивъ типъ положительной и безспорной красоты въ лицѣ русской женщины, Пушкинъ, и конечно тоже первый изъ писателей русскихъ, провелъ передъ нами въ другихъ произведеніяхъ этого періода своей дѣятельности цѣлый рядъ положительно прекрасныхъ русскихъ типовъ, найдя ихъ въ народѣ Русскомъ. Главная красота этихъ типовъ въ ихъ правдѣ, правдѣ, безспорной и осязательной, такъ что отрицать ихъ уже нельзя, они стоятъ, какъ изваянные. Еще разъ напомню: говорю не какъ литературный критикъ, а потому и не стану разъяснять мысль мою особенно подробнымъ литературнымъ обсужденіемъ этихъ геніальныхъ произведеній нашего поэта. О типѣ русскаго инока-лѣтописца, напримѣръ, можно было бы написать цѣлую книгу, чтобъ указать всю важность и все значеніе для насъ этого величаваго русскаго образа, отысканнаго Пушкинымъ въ Русской землѣ, имъ выведеннаго, имъ изваяннаго и поставленнаго передъ нами теперь уже на вѣки въ безспорной, смиренной и величавой духовной красотѣ своей, какъ свидѣтельство того мощнаго духа народной жизни, который можетъ выдѣлять изъ себя образы такой

юримой правды. Типъ этотъ данъ, есть, его нельзя оспорить, ска-
что онъ выдумка, что онъ только фантазія и идеализація поэта.
озерцаете сами и соглашаетесь: да это есть, стало-быть и духъ на-
, его создавшій, есть, сталобыть и жизненная сила этого духа есть и
велика и необъятна. Повсюду у Пушкина слышится вѣра въ рус-
характеръ, вѣра въ его духовную мощь, а коль вѣра, стало-быть
цежда, великая надежда за русскаго человѣка.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни —

лъ самъ поэтъ по другому поводу, но эти слова его можно прямо
ѣнить ко всей его національной творческой дѣятельности. И никогда
ни одинъ русскій писатель, ни прежде, ни послѣ его, не соединялся
задушевно и родственно съ народомъ своимъ какъ Пушкинъ. О, у
много есть знатоковъ народа нашего между писателями, и такъ
нтливо, такъ мѣтко и такъ любезно писавшихъ о народѣ, а между
, если сравнить ихъ съ Пушкинымъ, то, право же, до сихъ поръ,
нимъ, много что за двумя исключеніями изъ самыхъ позднѣйшихъ
бдователей его, это лишь «господа» о народѣ пишущіе. У самыхъ
нтливыхъ изъ нихъ, даже вотъ у этихъ двухъ исключеній, о кото-
я сейчасъ упомянулъ, нѣтъ, нѣтъ, а и промелькнетъ вдругъ нѣчто
комѣрное, нѣчто изъ другаго быта и міра, нѣчто желающее под-
народъ до себя и осчастливить его этимъ поднятіемъ. Въ Пушкинѣ
сть именно что то сроднившееся съ народомъ «взаправду», дохо-
е въ немъ почти до какого-то простодушнѣйшаго умиленія. Возь-
сказаніе о Медвѣдѣ и о томъ, какъ убилъ мужикъ его боярыню-
бдицу, или припомните стихи:

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,

поймете что я хочу сказать.

Всѣ эти сокровища искусства и художественнаго прозрѣнія остав-
нашимъ великимъ поэтомъ какъ-бы въ видѣ указанія для буду-
грядущихъ за нимъ художниковъ, для будущихъ работниковъ на
же нивѣ. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не
бы и послѣдовавшихъ за нимъ талантовъ. По крайней мѣрѣ, не
лились бы они въ такой силѣ и съ такою ясностью, несмотря даже
ликія ихъ дарованія, въ какой удалось имъ выразиться въ по-
твіи, уже въ наши дни, не въ художественномъ лишь творчествѣ:

не было бы Пушкина, не опредѣлилась бы можетъ быть такою
лебимою силой (въ какой это явилось потомъ, хотя все еще не
а у очень лишь немногихъ) наша вѣра въ нашу русскую самос
ность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народн
а затѣмъ и вѣра въ наше грядущее самостоятельное назначеніе
европейскихъ народовъ. Этотъ подвигъ Пушкина особенно выя
если вникнуть въ то, что я называю третьимъ періодомъ ег
жественной дѣятельности.

**
*

Еще и еще разъ повторю: эти періоды не имѣютъ такихъ т
границъ. Нѣкоторыя изъ произведеній даже этого третьяго
могли, напримѣръ, начаться въ самомъ началѣ поэтической дѣ
сти нашего поэта, ибо Пушкинъ былъ всегда цѣльнымъ, цѣло
такъ-сказать, организмомъ, носившимъ въ себѣ всѣ свои зач
зомъ, внутри себя, не воспринимая ихъ извнѣ. Внѣшность то
дила въ немъ то, что было уже заключено въ глубинѣ души
организмъ этотъ развивался, и періоды этого развитія дѣйст
можно обозначить и отмѣтить, въ каждомъ изъ нихъ, его осо
рактеръ и постепенность вырожденія одного періода изъ друг
кимъ образомъ къ третьему періоду можно отнести тотъ разр
произведеній, въ которыхъ преимущественно засіяли идеи вс
отразились поэтическіе образы другихъ народовъ и воплотил
геніи. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній явились уже послѣ
Пушкина. И въ этотъ-то періодъ своей дѣятельности нашъ поэ
ставляетъ собою нѣчто почти даже чудесное, неслыханное и
ное до него нигдѣ и ни у кого. Въ самомъ дѣлѣ, въ европейск
тературахъ были громадной величины художественные геніи-
пиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного изъ э
ликихъ геніевъ, который бы обладалъ такою способностью в
отзывчивости какъ нашъ Пушкинъ. И эту-то способность, глав
способность нашей національности, онъ именно раздѣляетъ съ
нашимъ и тѣмъ, главнѣйше, онъ и народный поэтъ. Самые ве
изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себ
кою силой геній чужаго, сосѣдняго можетъ-быть съ ними наро
его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призва
могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обращаясь къ чуж

родностямъ, европейскіе поэты чаще всего превоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по своему. Даже у Шекспира, его Итальянцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ же Англичане. Пушкинъ лишь одинъ изо всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность. Вотъ сцены изъ «Фауста», вотъ «Скупой рыцарь» и баллада: «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный». Перечтите «Донъ-Жуана», и если-бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написалъ не Испанецъ. Какіе глубокіе, фантастическіе образы въ поэмѣ: «Пиръ во время чумы»! Но въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ геній Англіи, эта чудесная пѣсня о чумѣ героя поэмы, эта пѣсня Мери со стихами:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,

это англійская пѣсня, это тоска британскаго генія, его плачъ, его страдальческое предчувствіе своего грядущаго. Вспомните странные стихи:

Однажды странствуя среди долины дикой.

Это почти буквальное переложеніе первыхъ трехъ страницъ изъ странной мистической книги, написанной въ прозѣ, одного древняго англійскаго религіознаго сектатора,—но развѣ это только переложеніе? Въ грустной и восторженной музыкѣ этихъ стиховъ самая душа сѣвернаго протестантизма, англійскаго ересіарха, безбрежнаго мистика, съ его тупымъ, мрачнымъ и непреоборимымъ стремленіемъ и со всѣмъ безудержемъ мистическаго мечтанія. Читая эти странные стихи, вамъ какъ бы слышится духъ вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ становится этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма, понятна становится наконецъ самая исторія, и не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали съ ними въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ съ ними въ то, во что они повѣрили. Кстати: вотъ рядомъ съ этимъ религіознымъ мистицизмомъ, религіозныя же строфы изъ Корана или «Подражанія Корану»: развѣ тутъ не мусульманинъ, развѣ это не самый духъ Корана и мечъ его, простодушная величавость вѣры и грозная кровавая сила ея? А вотъ и древній міръ, вотъ «Египетскія Ночи», вотъ эти земные боги, сѣвшіе надъ народомъ своимъ богами, уже презирающіе геній народный и стремленія его, уже не вѣрящіе въ него

болѣе, ставшіе впрямъ уединенными богами и обезумѣвшіе въ е
неніи своемъ въ предсмертной скукѣ своей и тоскѣ тѣшащіе себя ф
тастическими звѣрствами, сладострастіемъ насѣкомыхъ, сладострасті
пауковой самки съѣдающей своего самца. Нѣтъ, положительно ска
не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью какъ Пушкинъ, и
въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глуб
ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, пере
площеніи почти совершенномъ, а потому и чудесномъ, потому что ни
ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось.
только у Пушкина, и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ явленіе невид
ное и неслыханное, а по нашему и пророческое, ибо... ибо тутъ-т
выразилась наиболѣе его національная русская сила, выразилась име
народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ разви
народность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ, и вы
зилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности к
не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и ко
человѣчности? Ставъ вполнѣ народнымъ поэтомъ, Пушкинъ тотчасъ
какъ только прикоснулся къ силѣ народной, такъ уже и предчувству
великое грядущее назначеніе этой силы. Тутъ онъ угадчикъ, тутъ
пророкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое для насъ Петровская реформа, и не
будущемъ только, а даже и въ томъ что уже было, произошло, что у
явилось во очію? Что означала для насъ эта реформа? Вѣдь не бы
же она только для насъ усвоеніемъ европейскихъ костюмовъ, обычае
изобрѣтеній и европейской науки. Вникнемъ какъ дѣло было, погляди
попристальнѣе. Да, очень можетъ быть, что Петръ первоначально тол
въ этомъ смыслѣ и началъ производить ее, т.-е. въ смыслѣ ближай
утилитарномъ, но въ послѣдствіи, въ дальнѣйшемъ развитіи имъ св
идеи Петръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенному чутью,
торое влекло его, въ его дѣлѣ, къ цѣлямъ будущимъ, несомнѣнно огр
нѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайшій утилитаризмъ. Такъ точн
Русскій народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ рефор
а несомнѣнно уже ощутивъ своимъ предчувствіемъ почти тотчасъ
нѣкоторую дальнѣйшую, несравненно болѣе высшую цѣль чѣмъ ближ
шій утилитаризмъ,—ощутивъ эту цѣль опять-таки конечно, повтор
это, безсознательно, но однакоже и непосредственно и вполнѣ жизн

но. Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному воссоединенію; къ единенію всечеловѣческому! Мы невраждебно (какъ казалось должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовію приняли въ душу нашу геніи чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго перваго шагу различать, понимать противорѣчія, извинять и примирять различія, и тѣмъ уже выказали готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому воссоединенію со всѣми племенами великаго Арійскаго рода. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно все-европейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ можетъ быть и значитъ только (въ концѣ концовъ это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, „всечеловѣкомъ“, если хотите. И все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящаго Русскаго Европейца и удѣлъ всего великаго Арійскаго племени такъ же дорогъ какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ воссоединенію людей. Если захотите вникнуть въ нашу исторію Петровской реформы, вы найдете уже слѣды и указанія этой мысли, этого чаянія моего, если хотите, въ характерѣ общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ государственной политикѣ нашей. Ибо что дѣлала Россія во всѣ эти два вѣка въ своей политикѣ какъ не служила Европѣ можетъ-быть гораздо болѣе чѣмъ себѣ самой? Не думаю, чтобъ отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило. О, народы Европы и не знаютъ какъ они намъ дороги! И въ послѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, то-есть конечно не мы, а будущіе грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовію всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ можетъ-быть и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону! Знаю, слишкомъ знаю, что слова мои могутъ показаться

восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я раскаиваюсь, что ихъ высказалъ. Этому надлежало быть высказанным но особенно теперь, въ минуту торжества нашего, въ минуту чествованія нашего великаго генія, эту именно идею въ художественной сила своей воплощавшаго. Да и высказывалась уже эта мысль не разъ, я ничуть не новое говорю. Главное, все это покажется самонадѣяннымъ: «это намъ-то дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой землѣ такой удѣлъ? Это намъ-то предназначено въ человѣчествѣ высказать новое слово?» Что же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всемірному, ко всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское можетъ-быть изо всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено, вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ геніи Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю «въ рабскомъ видѣ исходилъ благословляя» Христосъ. Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго слова Его? Да и самъ Онъ не въ ясляхъ ли родился? Повторяю; по крайней мѣрѣ, мы уже можемъ указать на Пушкина, на всемірность и всечеловѣчность его генія. Вѣдь могъ же онъ вмѣстить чужіе геніи въ душѣ своей какъ родные. Въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ, въ художественномъ творчествѣ, онъ проявилъ эту всемірность стремленія русскаго духа неоспоримо, а въ этомъ уже великое указаніе. Если наша мысль есть фантазія, то съ Пушкинымъ есть, по крайней мѣрѣ, на чемъ этой фантазіи основаться. Еслибы жилъ онъ дольше, можетъ-быть явилъ бы безсмертные и великіе образы души русской, уже понятные нашимъ европейскимъ братьямъ, привлекъ бы ихъ къ намъ гораздо болѣе и ближе чѣмъ теперь, можетъ-быть успѣлъ бы имъ разъяснить всю правду стремленій нашихъ, и они уже болѣе понимали бы насъ чѣмъ теперь, стали бы насъ предугадывать, перестали бы на насъ смотрѣть столь недовѣрчиво и высокомѣрно, какъ теперь еще смотрятъ. Жилъ бы Пушкинъ долѣе, такъ и между нами было бы можетъ-быть менѣе недоразумѣній и споровъ чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ.

9.

Пушкинъ какъ поэтъ и человѣкъ.

(Прочитано А. И. Незеленовымъ 6-го іюня на пушкинскомъ празднествѣ въ Петербургѣ) *).

Быстро летитъ время въ русской землѣ. Поэтъ, память котораго торжествуемъ мы сегодня, еще могъ бы жить среди насъ, а между тѣмъ для него несомнѣнно уже наступила исторія, время спокойной оцѣнки его поэзіи, его духовнаго труда. Смѣнялись направленія нашей критики—мѣнялись и наши отношенія къ нему. Безотчетный восторгъ отъ его дивныхъ стиховъ уступалъ мѣсто скептическому взгляду на внутреннюю ихъ цѣнность; признаніе за нимъ широты воззрѣній боролось съ отрицаніемъ всякихъ серьезныхъ убѣжденій въ его творчествѣ. Но теперь борьба этихъ мнѣній успокоена ходомъ времени, и памятникъ великому поэту открывается какъ разъ въ пору, когда можно сказать о немъ безпристрастное слово.

Ясно сознать сущность и заслугу своей дѣятельности—это счастье выпадаетъ на долю немногихъ. Пушкинъ принадлежитъ къ ихъ числу.

Онъ опредѣлилъ самъ сущность своей поэзіи въ стихотвореніи «Эхо».

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ,
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Согласно съ собственнымъ опредѣленіемъ, Пушкинъ былъ живымъ и правдивымъ эхомъ русской жизни.

*) Напечатано въ „Новомъ Времени“.

Въ русскомъ обществѣ, созданномъ петровской реформой, замѣчаются два теченія: одно есть продолженіе древней русской жизни, другое пришло къ намъ съ Запада. Историческая задача наша состоитъ въ сліяніи этихъ теченій въ одну многоводную, широкую и глубокую рѣку; но пока въ нашей жизни обозначились два типа, подъ одинъ изъ которыхъ можно подвести почти каждаго изъ насъ. Первый, который названъ однимъ изъ нашихъ критиковъ—«хищнымъ» и который иначе можно бы назвать «тревожнымъ» или «страстнымъ», сложился подъ западно-европейскими вліяніями; второй (добродушный и смиренный)—нашъ національный, древне-русскій типъ.

Въ поэзіи Пушкина мы видимъ отраженіе и того и другаго, отраженіе во множествѣ видовъ, на которые они подраздѣляются, во множествѣ личностей.

Въ началѣ своей дѣятельности поэтъ увлекался людьми тревожными, страстными, гордыми, неудовлетворяющимися ни собою, ни окружающею ихъ жизнью. Онъ былъ тогда подъ вліяніемъ поэзіи и мысли Запада, онъ подчинялъ свою творческую силу силѣ поэзіи Байрона. Это было въ ту пору, когда (по его словамъ) ему

казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безымянныя страданья.

Потомъ для него настала иная пора, когда онъ сознательно полюбилъ простую, обыденную русскую дѣйствительность (безсознательно сердце его лежало къ ней и прежде), полюбилъ

песчанный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью изъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ.

Этотъ переворотъ въ творчествѣ Пушкина совпалъ съ невольнымъ переселеніемъ его съ юга въ Михайловское, на родной сѣверъ. Но онъ подготовленъ былъ уже ранѣе. Въ Одессѣ душой поэта овладѣли сомнѣнія, онъ переживалъ періодъ рефлексіи, который знакомъ всѣмъ

ѓросшимъ подъ вліяніемъ Запада. Его сталъ посѣщать «какой
ій геній», демонъ:

Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ,
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

вѣтно отдавшись на нѣкоторое время своей русской душою
ону, поэтъ обратилъ его скептицизмъ между прочимъ и на то,
у пору увлекался,—на поэзію Байрона, на байроническіе ха-
въ «Цыганахъ» онъ развѣнчалъ Алеко (конечно, побуждае-
гому инстинктомъ своей русской натуры, воспитанной сказка-
ики няни). Алеко благородно возмущается зломъ жизни циви-
го общества, въ которомъ люди

Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.

ь самъ оказывается эгоистомъ и деспотомъ, и старикъ-цыганъ
гъ надъ нимъ приговоръ:

Ты для себя лишь хочешь воли.
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ,
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ. Оставь же насъ.

лытка Пушкина изобразить въ «Цыганахъ» людей противо-
ь Алеко не удалась, потому что онъ былъ еще далекъ отъ
ь Михайловскомъ онъ сблизился съ народной жизнью и поэ-
олнѣ проникся народными началами. Его руководительницей
великомъ дѣлѣ была старушка няня Арина Родіоновна. Кому
), какъ любилъ поэтъ ее, «подругу своихъ суровыхъ дней»,
ихлую голубку». Она опять (какъ въ дѣтствѣ) разсказы-
сказки, которыя онъ записывалъ, чтобы впослѣдствіи пере-
ь свои чудные стихи, она пѣла ему пѣсни—

какъ синица
Тихо за моремъ жила;
.....какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Кромѣ того онъ самъ (одинъ изъ первыхъ у насъ на Руси) записывалъ народныя пѣсни и составилъ «замѣчательный» (по словамъ П. В. Кирѣевскаго) сборникъ ихъ. Въ Михайловскомъ занялся онъ и русскою исторіей, чтеніемъ лѣтописей... Ожесточеннымъ, недовольнымъ, разочарованнымъ въѣзжалъ онъ въ Михайловское въ 1824 году; исцѣлившимъ сердечныя раны «на лонѣ сельской тишины» и искренней душевной дружбы, народнымъ поэтомъ, авторомъ народной трагедіи «Борисъ Годуновъ» выѣзжалъ онъ изъ родного села въ 1826 году.

Пушкинъ былъ художникъ — по преимуществу, поэтъ красоты и гармоніи (какъ прекрасно понялъ это великимъ эстетическимъ чувствомъ своимъ Бѣлинскій). Вотъ почему Пушкинъ и не могъ вдаться въ какую-нибудь односторонность, съузить свое міросозерцаніе. Понявъ ложную сторону страстныхъ и гордыхъ идеаловъ, нѣкогда увлекавшихъ его, понявъ, съ другой стороны, красоту души простаго русскаго человѣка и его простой обстановки, поэтъ одинаково безпристрастно и вмѣстѣ съ тѣмъ любовно, одинаково объективно отнесся къ обѣимъ, открытымъ для него теперь сферамъ жизни. Это всего ярче выражается въ его отношеніяхъ къ двумъ основнымъ, такъ сказать, стихійнымъ типамъ его поэзіи—Онѣгину и Бѣлкину.

Искусство не только отражаетъ въ себѣ живую дѣйствительность, но и даетъ намъ поэтическую, т. е. безпристрастную ея оцѣнку. И въ этомъ смыслѣ высоко-поэтическимъ должно назвать отношеніе Пушкина къ двумъ названнымъ типамъ.

Въ I-й главѣ «Онѣгина», написанной поэтомъ еще въ ранней молодости, и, главное, подъ вліяніемъ грубыхъ кишиневскихъ увлеченій, отношенія его къ Онѣгину, къ пошлости его свѣтской и разгульной жизни, какъ-то неопредѣленны, грубо-сочувственны и странны; но въ дальнѣйшихъ главахъ романа взглядъ Пушкина на своего героя — глубокій и правильный. Вполнѣ соглашаясь съ своей Татьяной, онъ показываетъ намъ, что въ сердцѣ Онѣгина есть

И гордость, и прямая честь,

что онъ и уменъ, и способенъ на сильное, страстное чувство, что онъ даже не чуждъ доброты; но что онъ въ тоже время эгоистъ до мозга костей, и изъ эгоизма губитъ и себя, и тѣхъ, съ кѣмъ приходится ему встрѣчаться въ жизни, хотя бы они были ему близки и дороги, какъ

нскій и Татьяна. Поэтъ вѣритъ разочарованію своего героя; но ъ видитъ въ то же время, что Онѣгинъ рисуется этимъ разочаро-ніемъ не только передъ другими, но и передъ самимъ собою, и потому еувеличиваетъ его.

Таковы же отношенія Пушкина и къ Ив. Петровичу Бѣлкину, авто- «Повѣстей Бѣлкина» и «Лѣтописи» своего родного села Горохина. въ предисловій къ этимъ произведеніямъ мы узнаемъ біографію Ивана гровича, а изъ воззрѣній и сочувствій, невольно высказываемыхъ ъ въ его творчествѣ, изъ склада и тона, изъ языка его сочиненій акомимся съ его характеромъ. Пушкинъ сочувственно относится къ равому, ясному уму Бѣлкина, къ его простотѣ и смиренію; но онъ въ же время очень хорошо видитъ и наивность Бѣлкина, и недостатокъ немъ душевной силы, и то, что его смиреніе переходитъ зачастую аницы въ преклоненіи передъ всѣмъ чужимъ.

Какъ всякій художникъ, Пушкинъ изъ души своей взялъ и Онѣ-на, и Бѣлкина; но самъ онъ—ни тотъ, ни другой. Его идеалъ—го-здо выше. Этотъ идеалъ нашелъ отчасти свое осуществленіе въ выс-немъ образѣ поэзіи Пушкина—въ Татьянѣ.

Чтобы быть вѣрнымъ изобразителемъ современной ему русской дѣй-вительности, Пушкинъ долженъ былъ обратиться къ поэтическому ученію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась наша новая жизнь; ъ это и сдѣлалъ. Между его созданіями мы находимъ и такія, кото-я изображаютъ нашу историческую старину, и такія, въ которыхъ ъ рисуетъ западно-европейскій бытъ и его представителей. Онъ на-салъ балладу «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», сказки, Пѣсни западныхъ авянъ, драмы: «Русалка» и «Борисъ Годуновъ», романъ «Арапъ тра Великаго», поэму «Полтава», повѣсть «Капитанская дочка».— ъ другой стороны, онъ создалъ: «Египетскія ночи», драмы: «Скупой царь», «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», «Пиръ во время чумы» Моцартъ и Сальери», «Каменный гость».—Въ этомъ необыкновенномъ знообразіи творчества сказалась широта его поэзіи.

О той же широтѣ свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что не зобразителемъ дворянскаго только сословія былъ онъ, а также и поэ-мъ простого народа. Народъ является у него: въ стихотвореніи 1819 да «Уединеніе», въ программѣ драмы изъ народнаго быта (задуман-ой въ Кишиневѣ), потомъ въ «Борисѣ Годуновѣ», въ балладахъ «Утоп-

ленникъ» и «Бѣсы», въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (въ лицѣ няни Татьяны), въ сказкахъ, въ «Дубровскомъ» и въ «Капитанской дочкѣ». Сблизившись съ народомъ въ жизни, Пушкинъ не идеализируетъ мужика, въ своей поэзіи, рисуетъ его совершенно реально; но относится къ нему и совершенно серьезно, и вполнѣ сочувственно. Поэтъ желаетъ народу свободы:

Увижу-ль, наконецъ, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, счастливая заря!

Но онъ этимъ не ограничивается, а идетъ дальше: онъ показываетъ намъ присутствіе въ народной душѣ и здравой мысли, и высокаго нравственнаго чувства. Такъ, напримѣръ, баллада «Утопленникъ» учитъ насъ, что по народному представленію (какъ понималъ его Пушкинъ) человѣкъ долженъ исполнить нравственный долгъ свой, хотя бы отъ этого пришлось ему пострадать лично,—въ противномъ случаѣ совѣсть не дастъ ему покоя.

* *
*

Таково содержаніе поэзіи Пушкина. Въ чемъ же ея заслуга? Это опредѣлилъ опять самъ поэтъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

«Живая прелесть», живая красота творчества—вотъ главная характеристическая черта поэзіи Пушкина. Онъ умѣлъ такъ понимать и такъ изображать красоту, и красоту природы, и (главное) красоту человѣческаго духа, какъ никто. Изящнѣе его произведеній нѣтъ ни въ одной литературѣ. Ему, какъ художнику, нѣтъ соперника въ мірѣ. И вотъ почему онъ чувствовалъ себя какъ дома во всѣхъ сферахъ жизни, и самыя разнообразныя явленія ея были ему одинаково доступны и съ одинаковымъ совершенствомъ возсоздавались его творческой фантазіей. Одна только область оставалась для него закрытой, это—та сфера жизни, въ которой нѣтъ красоты; въ ней онъ оказывался безсильнымъ. Изображеніе зла и пошлости жизни не входило въ кругъ поэзіи Пушкина.

ыли попытки (вызванныя, впрочемъ, благородными побужденіями)
ть за это великаго художника: онъ (говорили) не боролся и не хо-
бороться со зломъ нашей дѣйствительности, хотя и чувствовалъ
тствіе этого зла въ жизни.

Но такія обвиненія—несправедливы. Это значитъ обвинять Пуш-
за то, что онъ былъ только самимъ собою, а не былъ еще и Го-
ъ, не взялъ на себя задачи, которая предлежала другому великому
ту. Громадна была творческая сила Пушкина; но эта сила имѣла
границы.

адачей поэта было показать красоту души человѣческой, и дѣло
онъ сдѣлалъ и имѣетъ неотъемлемое право на вѣчную благодарную
ъ потомства!

Всмотритесь въ безчисленное множество лицъ, созданныхъ Пушки-
,—и въ каждомъ вы замѣтите слѣды духовной красоты.

Сколько прекрасныхъ людей въ жизни не обратятъ на себя нашего
нія, потому только, что въ нихъ нѣтъ ничего выдающагося,
ктнаго; мы пройдемъ равнодушно мимо ихъ и не думая, что за ихъ
енной наружностью кроются духовныя богатства. А Пушкинъ по-
ваетъ намъ эти богатства и заставляетъ насъ невольно любить
ъ людей. Вотъ, напр., старики Мироновы въ «Капитанской дочкѣ».
можетъ быть, свысока отнеслись бы къ этимъ простымъ людямъ за
наивность, грубость, невѣжество, простодушіе... Но поэтъ подмѣ-
ихъ безконечную доброту, ихъ вѣчную преданность другъ другу,
ту ихъ смиренія, ихъ героизмъ, которому они сами не придаютъ
ченія,—и мы останавливаемся передъ ними съ благоговѣйнымъ
еніемъ.

Наоборотъ, внѣшній эффектъ, могущій прельстить насъ своимъ ми-
нымъ блескомъ, Пушкинъ умѣетъ развѣнчать, потому что понимаетъ
нить чуткой душою своею отсутствіе въ немъ настоящей красоты.—
ктно положеніе Онѣгина, читающаго наставленіе Татьянѣ послѣ
ченія отъ нея письма,—Онѣгинъ рисуется своимъ разочарованіемъ,
ино скорбитъ объ утраченныхъ надеждахъ, о невозможности для
вновь чувствовать и жить:

Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата,
Не обновлю души моей.

Онъ красиво драпируется чувствомъ благородства и великодушія:

Не всякій васъ какъ я пойметъ,
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.

Но Пушкинъ безпощадно разбиваетъ весь этотъ кажущійся блескъ, заставляя Онѣгина послѣ всего этого влюбиться въ Татьяну. Въ этой любви Онѣгина есть, однако, большая доля правды, — и мы слышимъ ее въ неподдѣльной страстности его письма, хотя и въ этой искренней страсти своего героя поэтъ опять-таки подмѣчаетъ фальшивую ноту тщеславія, — и устами Татьяны называетъ Онѣгина «чувства мелкаго рабомъ»,

Какъ бы низко человѣкъ ни упалъ, но въ душѣ его почти всегда сохраняется хоть что-нибудь свѣтлое, хоть тѣнь добра. И вотъ Пушкинъ показываетъ намъ эти слѣды нравственной красоты въ падшихъ людяхъ и пробуждаетъ въ нашей душѣ доброе чувство состраданія и скорби. Въ свирѣпой душѣ Пугачева (въ повѣсти «Капитанская Дочка») онъ съумѣлъ подмѣтить человѣческое чувство благодарности, гуманный порывъ великодушія, негодованіе, что смѣютъ обижать сироту. Скупой баронъ, герой драмы «Скупой рыцарь», кажется, утратилъ все человѣческое, даже любовь и уваженіе къ себѣ самому, а между тѣмъ поэтъ видитъ въ немъ живое чувство чести и показываетъ намъ, какъ, неожиданно пробужденное, оно потрясаетъ всю душу скупца, — и вмѣсто ненависти и презрѣнія мы чувствуемъ состраданіе къ падшему брату. Вотъ что значитъ стихъ—

И милость къ падшимъ призывалъ.

* *
*

Россія ставитъ памятникъ великому поэту. Можемъ ли мы сказать, что она ставитъ его и великому человѣку, достойному этого имени по своему уму и сердцу?

Оставляя въ сторонѣ общій вопросъ объ отношеніи таланта и творчества поэта къ его нравственному облику, обратимся собственно къ Пушкину и его характеру.

Великій поэтъ нашъ не получилъ, какъ извѣстно, хорошаго образованія въ школѣ. Онъ это очень ясно сознавалъ.

«Въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (писалъ онъ въ своихъ запискахъ про А. Н. Вульфа). Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ, какъ мы..... выучились танцовать».

Но Пушкинъ самъ потомъ пополнилъ недостатки въ своихъ зна-
хъ и развитіи, занимаясь настоятельно и серьезно самообразова-
мъ. Это началось на югѣ (высылка туда изъ Петербурга была для
та спасеніемъ отъ пустой и разгульной столичной жизни); на югѣ
инялся онъ за изученіе Байрона, а для этого и англійскаго языка,
гомъ за изученіе другихъ поэтовъ Запада; въ Одессѣ онъ сталъ
бирать библіотеку. Еще серьезнѣе взялся онъ за дѣло въ Михай-
вскомъ. Онъ изучалъ тамъ Шекспира, Карамзина, русскія лѣтописи,
дита; онъ выписывалъ туда изъ Петербурга множество серьезныхъ
чиненій; много книгъ нашелъ онъ и въ библіотекѣ Тригорскаго.
ѣнія поэта сопровождались обыкновенно выписками изъ читаемыхъ
чиненій, замѣтками на нихъ. По этимъ замѣткамъ, по критическимъ
ѣніямъ Пушкина о литературныхъ явленіяхъ въ его критическихъ
атьяхъ и письмахъ мы видимъ, какъ дѣльны и плодотворны были его
ственные труды. Они шли, все усиливаясь, до самой смерти, застиг-
й его (какъ извѣстно) на серединѣ работы надъ серьезнымъ уче-
мъ сочиненіемъ о Петрѣ Великомъ. Поэтическое творчество Пуш-
на стояло въ тѣсной связи съ его учеными занятіями: драма «Бо-
съ Годуновъ», напримѣръ, основана на историческомъ изученіи
охи и на изученіи сочиненій Шекспира; повѣсть «Капитанская
ка» стоитъ въ тѣсной связи съ «Исторіей пугачевскаго бунта» и
д. и т. д. Геніальный художникъ совершенно ясно понималъ, что по-
ческое творчество только тогда можетъ быть плодотворнымъ, когда
ъ нимъ есть научная почва.

Что касается нравственной стороны поэта, то сильное слово гово-
ъ въ пользу чистоты его сердца, его созданія, за исключеніемъ
ъ произведеній ранней юности, про которыя впослѣдствіи самъ онъ,
ждая ихъ, выразился:

Въ часы забавъ, иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Во всѣхъ остальныхъ сочиненіяхъ личность Пушкина является намъ
вышенной и прекрасной. Тотъ идеалъ, во имя котораго судитъ онъ
оевъ своей поэзіи, стоитъ на недосягаемой нравственной высотѣ, и
не найдемъ ни одного темнаго явленія въ жизни, ни одной дурной

черты въ человѣческомъ характерѣ, которыя бы онъ не то что оправдалъ, а хотя бы только не замѣтилъ, мимо которыхъ онъ прошелъ бы спокойно и равнодушно.

Разладъ, отчаянье, безотрадная скорбь были чужды его поэтическому созерцанію, онъ всегда находилъ изъ нихъ выходъ, и всего чаще этимъ выходомъ была любовь къ молодой жизни, къ молодому поколѣнію, идущему смѣнить поколѣніе прежнее. Такимъ чувствомъ любви къ новой жизни проникнута, напримѣръ, элегія «Брожу ли я...», гдѣ чувство скорби поэта о своей близкой смерти уступаетъ мѣсто чувствамъ болѣе возвышеннымъ:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!

Подобныхъ примѣровъ можно привести не мало.

Существуетъ мнѣніе (и оно укоренилось у насъ), что Пушкинъ былъ зараженъ родовыми предразсудками, аристократическою гордостью. Если мы вникнемъ въ отношенія Пушкина къ народу и къ лицамъ изъ народа, являющимся въ его поэзіи, если мы вспомнимъ о его отношеніяхъ къ старушкѣ-нянѣ, то справедливость обвиненія невольно покажется намъ сомнительной. Дѣло это требуетъ серьезнаго изслѣдованія; но нельзя и теперь не замѣтить, что уваженіе Пушкина къ своимъ предкамъ—въ сущности сводится къ уваженію ихъ историческихъ заслугъ. Такъ, въ одномъ письмѣ о драмѣ «Борисъ Годуновъ», онъ съ нѣкоторой гордостью говоритъ о Гаврилѣ Пушкинѣ, что тотъ сидѣлъ въ думѣ въ 1616 г. рядомъ съ Кузьмой Мининымъ.

«Только дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго» (выразился поэтъ въ одной замѣткѣ). «Потомство Мининыхъ и Ломоносовыхъ по справедливости можетъ гордиться сими именами, какъ лучшимъ своимъ достояніемъ».

Чувство любви является въ поэзіи Пушкина такимъ просвѣтленнымъ и чистымъ, что мы останавливаемся передъ нимъ съ невольнымъ благоговѣніемъ. Такія лирическія стихотворенія, какъ «Я помню чудное мгновенье», «Въ послѣдній разъ твой образъ милый» и особенно „Для береговъ отчизны дальней“ — несомнѣнно принадлежатъ къ перламъ

ой поэзіи, какъ по высотѣ и силѣ чувства, такъ и по изумительсотѣ его выраженія.

свое призваніе, на свое творчество Пушкинъ смотрѣлъ очень). Еще въ 26-мъ году, въ Михайловскомъ, въ стихотвореніи къ» онъ высказалъ, какъ высоки были его требованія отъ

Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!“

этихъ стихахъ слышится религіозное настроеніе. Это настроеніе лось у Пушкина съ годами, и въ концѣ дѣятельности вызвало убокихъ духовныхъ стихотвореній.

лѣднее время жизни, когда поэтъ, по выраженію Лермонтова, ъ

Въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный,
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей,

я него тяжелой порой, временемъ мелочныхъ оскорбленій, раз- жизненныхъ мечтаній о счастіи... Онъ находилъ тогда утѣшерелигіозномъ чувствѣ и въ сознаніи нравственной высоты своего воей поэзіи:

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна,
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца!

ми стихами и закончилась дѣятельность Пушкина.

икій поэтъ и нравственно-возвышенная благородная человѣчеичность неразрывно связаны въ нашемъ Пушкинѣ. Ставя ему къ, Россія чтитъ въ немъ одинаково поэта и человѣка.

ная тебѣ слава, великій гражданинъ русской земли!

10.

Письмо Пушкина къ А. А. Орлову.

(Читано на обѣдѣ 6-го іюня внукомъ Орлова Е. А. Погожевымъ).

Милостивый государь Александръ Анфимовичъ!

Искренно благодарю за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно, не имѣющее нужды ни въ чьемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность. Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камешекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Галіафу Филяpину, то слава Создателю! Первая глава вашего Выжигина есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Анфимовичъ, удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростію пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей Пчелы. Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ф. Косичкинъ заваритъ такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ Молвѣ объявленіе о намѣреніи вашемъ писать «Исторію русскаго народа»: можно ли вѣрить сей пріятной новости? Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь всегда готовымъ къ вашимъ услугамъ А. Пушкинъ.

24 ноября, 1831 г. С.-Петербургъ.

P. S. Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, милостивый государь Александръ Анфимовичъ. Но, отправлясь въ Москву, я его вамъ не отослалъ, а надѣялся лично съ вами увидѣться. Судьба насъ не свела, о чемъ искренно жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою, оставьте въ покоѣ людей, которые не стоятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется, теперь Полевой нападаетъ на васъ и на меня. Собираюсь на него разсердиться. Покамѣстъ съ нимъ возятся К—овъ и М—овъ подъ именемъ Н. Луговова. Мое дѣло—сторона. А. П.

1832 г. 9 января. Спб.

11.

Рѣчь В. О. Ключевскаго.

ронзнесена въ торжественномъ собраніи московскаго университета 6-го іюня, въ день открытія памятника Пушкина *).

Значеніе Пушкина не ограничивается его мѣстомъ въ исторіи то-, что онъ самъ считалъ собственно литературой, т. е, въ исторіи литературы художественной. У него есть мѣсто и въ болѣе тѣсной литературной области; въ его творчествѣ есть сторона спеціальная, но изкая всякому, для кого русское слово—родное. Его творенія предавляютъ интересъ и для русскаго историка.

Я разумѣю здѣсь не тотъ интересъ, какой имѣетъ для историка якій памятникъ поэзіи. Въ этомъ смыслѣ вся поэтическая дѣятельсть Пушкина принадлежитъ нашей исторіи. Пушкинъ отдѣленъ отъ съ цѣлымъ поколѣніемъ, Новый слой понятій и заботъ, ему неизвѣстхъ и чуждыхъ его времени, образовался надъ его могилой. Онъ былъ дѣтелемъ стремленій и отношеній, отъ которыхъ уже далеко отодвились мы. Художественная красота его произведеній пріучила насъ любовію повторять то, чего мы уже не раздѣляемъ, эстетически любваться даже тѣмъ, чему мы не сочувствуемъ нравственно; въ стихѣ, чше котораго мы не знаемъ доселѣ, подъ часъ звучатъ воззрѣнія, коыя для насъ—общественная или нравственная археологія. Съ этой роны, все, написанное Пушкинымъ,—историческій документъ, длинй рядъ его произведеній—поэтическая лѣтопись его времени.

И самъ Пушкинъ—уже вполнѣ историческое явленіе, представиль исчезнувшаго порядка идей, исполненія нѣкоторыхъ его благихяній мы ждемъ доселѣ. Мы изучаемъ его такъ же, какъ изучаемъ дей XVIII и XVII в. в. Независимо отъ своего таланта, для насъ ь—наиболѣе выразительный образъ извѣстной эпохи. Самые недотки его имѣютъ для насъ не столько біографическій, сколько историческій интересъ. Мы ошибемся въ цѣнѣ его современниковъ, если удемъ, сколько силъ этого великолѣпнаго таланта потрачено было

*) Напечатана въ іюньской книжкѣ „Русской Мысли“.

на вѣтеръ, на дѣтскія игрушки для взрослыхъ. Пушкинъ имѣлъ печа
ное право болѣе всѣхъ, говоря словами другаго поэта, благодар
свое время.

За жаръ души, растраченный въ пустынѣ.

Безъ Пушкина нельзя представить себѣ эпохи 20-хъ и 30-хъ г
довъ, какъ нельзя безъ его произведеній написать исторіи перв
половины нашего вѣка. При какомъ угодно взглядѣ на Пушкина, н
значеніе его поэзіи, за нимъ останется страница въ нашей исторіи.

Но его нельзя обойти и въ нашей исторіографіи, хотя онъ не был
историкомъ по ремеслу,—ни по призванію, прибавятъ, можетъ быть
иные. Вѣрнѣе, онъ только мало зналъ отечественную исторію, хотя и н
меньше большинства образованныхъ русскихъ своего времени. Но он
живѣе ихъ чувствовалъ этотъ недостатокъ и гораздо болѣе ихъ размыш
лялъ о томъ, что зналъ. Изъ его замѣтокъ и журнальныхъ статей ви
димъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на него историческій труд
Карамзина, какъ онъ слѣдилъ за современной исторической письмен
ностью. По мѣрѣ созрѣванія его мысли и таланта усиливалась и ег
историческая любознательность. Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, он
много занимался родной стариной даже въ архивахъ. Онъ иногда обра
щался къ русскому прошедшему, чтобы найти матеріалъ для поэтиче
скаго творчества, взять фабулу для поэтическаго созданія. Но я хоч
сказать не объ этихъ пьесахъ. Борисъ Годуновъ, Полтава, Мѣд
ный Всадникъ—читая ихъ, мы готовы забыть, что это—историче
скіе сюжеты: эстетическое наслажденіе оставляетъ здѣсь слишком
мало мѣста для исторической критики.

Иное значеніе имѣло для Пушкина ближайшее къ нему столѣті
Онъ выросъ среди живыхъ преданій и свѣжихъ легендъ XVIII в. Ека
терининскіе люди и дѣла стояли къ нему ближе, чѣмъ онъ самъ стоит
къ намъ. Тамъ онъ угадывалъ зарожденіе понятій, интересовъ и т
повъ, которыми дорожилъ особенно или которые встрѣчалъ постоян
вокругъ себя. Объ этомъ вѣкѣ онъ заботливо собиралъ свѣдѣнія и зна
много. Онъ могъ разсказать о немъ гораздо больше того, что занесъ в
свои записки, замѣтки, анекдоты и т. п. Иногда онъ облекалъ явлен
этого времени въ художественную форму повѣсти или романа. Во всем
этомъ нѣтъ слѣдовъ продолжительнаго и систематическаго изученія.
здѣсь рядомъ съ поспѣшными сужденіями встрѣчаемъ замѣчанія, ко

рыя сдѣлали бы честь любому ученому историку. Наша ографисторіія ничего не выиграла ни въ правдивости, ни въ занимательности, долго развивая взглядъ на нашъ XVIII в., противоположный высказанному Пушкинымъ въ одной кишиневской замѣткѣ 1821 г. Самъ поэтъ не придавалъ серьезнаго значенія этимъ отрывочнымъ, мимоходомъ набросаннымъ или неконченнымъ вещамъ. Но эти-то вещи и имѣютъ серьезную цѣну для историіографіи. Пушкинъ былъ историкомъ тамъ, гдѣ не думалъ быть имъ и гдѣ часто не удается стать имъ настоящему историку. Капитанская Дочка была написана между дѣломъ, среди работъ надъ пугачевщиной; но въ ней больше исторіи чѣмъ въ Исторіи Пугачевскаго бунта, которая кажется длиннымъ объяснительнымъ примѣчаніемъ къ роману. Я хочу напомнить объ историческомъ интересѣ, который заставляетъ читать и перечитывать эти второстепенныя пьесы Пушкина.

Нашъ XVIII в. гораздо труднѣе своихъ предшественниковъ для изученія. Главная причина тому—большая сложность жизни. Общество замѣтно пестрѣетъ. Вмѣстѣ съ соціальнымъ раздѣленіемъ увеличивается въ немъ и разнообразіе культурныхъ слоевъ, типовъ. Люди становятся менѣе похожи другъ на друга по мѣрѣ того, какъ дѣлаются неравноправнѣе. Воспроизвести процессъ этого нравственнаго раздѣленія гораздо труднѣе, чѣмъ раздѣленія политическаго. Съ половины вѣка выступаютъ рядомъ образчики типовъ разнохарактернаго и разновременнаго происхожденія. Чѣмъ далѣе, тѣмъ классификація ихъ становится труднѣе. Часто недоумѣваешь, къ какой эпохѣ пріурочить зарожденіе того или другаго изъ нихъ, въ какомъ порядкѣ разложить ихъ по историческимъ витринамъ.

Между этими типами есть одинъ,—можетъ быть, самое своеобразное явленіе общественной физіологіи. Онъ зародился лѣтъ 200 назадъ и, вѣроятно, долго проживетъ послѣ насъ. Ему трудно дать простое и точное названіе: въ разныя поколѣнія онъ являлся въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ. Достаточно указать на два имени въ его генеалогіи, чтобы видѣть степень его измѣнчивости. Едва ли не первымъ блестящимъ образчикомъ этого типа былъ администраторъ и дипломатъ XVII в. А. Л. Ординъ-Нащокинъ. Но скучающій отъ бездѣлья Евгеній Онѣгинъ былъ въ прямой нисходящей поэтическимъ потомкомъ этого историческаго дѣльца. Дадимъ этому типу имя сложное, какъ и онъ

самъ. Это—русскій человѣкъ, который выросъ въ убѣжденіи, что онъ
родился не европейцемъ, но обязанъ стать имъ. Вотъ уже 200 лѣтъ
этотъ типъ господствуетъ надъ остальными и по вліянію на наше обще-
ство и по своему интересу для историка. Безъ его біографіи пустѣетъ
исторія нашего общества послѣднихъ двухъ столѣтій. Около него со-
средоточиваются, иногда отъ него исходятъ самыя важныя умственныя,
а подъ часъ и политическія движенія.

При всей видимой измѣнчивости, основныя черты типа остаются
однѣ и тѣ же во всѣхъ фазахъ его развитія. Слѣдя за ними, удив-
ляешься не тому, что отцы и дѣти выходятъ такъ не похожи другъ
на друга, а тому, что столь непохожіе другъ на друга люди—все-
таки отцы и дѣти. Разнообразіе видовъ одного типа происходитъ отъ
различныхъ способовъ рѣшенія культурнаго вопроса, который лежитъ
въ самой его сущности: родившись русскимъ и рѣшивъ, что русскій —
не европеецъ, какъ сдѣлаться европейцемъ? Первое поколѣніе этого
типа вообще склонялось къ той мысли, что все русское надобно дѣлать
по-западно-европейски. Второе уже думало, что все русское хорошо
было бы передѣлать въ западно-европейское. Чувствуя свое невѣже-
ство, иногда находили, что надобно заимствовать съ запада свѣтъ
знанія, но безъ огня, которымъ можно обжечься; а въ другое время
брала верхъ увѣренность, что можно взять этотъ свѣтъ цѣликомъ,
только не слѣдуетъ подносить его близко къ глазамъ, чтобы не об-
жечься. Далѣе, одни думали, что можно стать европейцемъ, оста-
ваясь русскимъ; другіе настаивали, что необходимо для этого пере-
стать быть русскимъ, что вся тайна европеизаціи для насъ заклю-
чается въ совлеченіи съ себя всего національнаго. Существовало даже
убѣжденіе, нелишенное остроумія, и, можетъ быть, существуетъ до-
селѣ, что если человѣчность нашла себѣ высшее выраженіе въ евро-
пеизмѣ, то надобно имѣть въ себѣ возможно меньше западно-европей-
скаго, чтобы стать европейцемъ. Что еще замѣчательнѣе,—это убѣж-
деніе едва ли не первые начали высказывать у насъ русскіе съ за-
падно-европейскими фамиліями.

Вы видите, мм. гг., что этотъ типъ нельзя упрекнуть въ упря-
мствѣ и застоѣ: въ немъ, напротивъ, слишкомъ много нравственной
гибкости и умственнаго движенія. Все это затрудняетъ его историче-
ское изученіе, научную классификацію его разновидностей. Пушкинъ

ересовался этимъ типомъ и любилъ нѣкоторыя его явленія. Онъ и
ъ представлялъ одну изъ его разновидностей, даровитую, воспріим-
ую, блестящую. Его наблюдалъ онъ вокругъ себя и изъ этихъ наб-
деній создалъ свою эпопею Евгенія Онѣгина. Сознательно или нѣтъ,
разновременныхъ варіантахъ того же типа съ особенной любовью
навливался онъ и въ преданіяхъ прошедшаго. Этимъ онъ и помогъ
его историку въ изученіи любопытнаго типа. Въ длинномъ рядѣ
изовъ и повѣстей, конченныхъ и не конченныхъ, въ Арапѣ
тра Великаго, въ Дубровскомъ, въ Капитанской
чкѣ и др. передъ читателемъ проходятъ разнохарактерныя фигуры
го типа, появлявшіяся на пространствѣ слишкомъ ста лѣтъ. На-
ось, вы охотно позволите мнѣ ограничиться простымъ хронологиче-
мъ каталогомъ этихъ не лишенныхъ занимательности физіономій.

Позади ихъ всѣхъ стоитъ чопорный Гаврила Афанасьевичъ Р. въ
апѣ Петра В. Это—невольный, зачисленный въ европейцы по
зу русскій. Всѣ его понятія и симпатіи принадлежатъ еще старой
вропейской Россіи, хотя онъ не прочь послужить на новой службѣ
дѣлать карьеру. Это еще не типъ европеизованнаго русскаго, а ско-
русская гримаса европеизаціи, первая и кислая. Вкусъ новой куль-
ы еще не привился; но это вопросъ недолгаго времени. Самъ арапъ
рагимъ, къ сожалѣнію, остался недорисованнымъ въ неконченной
вѣсти. Можно только догадываться по нѣкоторымъ штрихамъ, что
ъ него имѣлъ выйдти одинъ изъ петровскихъ дѣльцовъ,—людей хо-
шо намъ знакомыхъ по Нартовымъ, Неплюевымъ и др. Это—харак-
ры рѣзкіе и жесткіе, но хрупкіе по недостатку гибкости, и потому
живучіе: они вымирали уже при Екатеринѣ II. За то живучъ былъ
щественно-физіологическій видъ, представленный въ лицѣ молодаго
., Ибрагимова товарища по курсу высшей европеизаціи въ париж-
ихъ салонахъ. Это—русскій петиметръ XVIII в., великосвѣтскій
русскій шалопай на европейскую ногу, «скоморохъ», по выраженію
стараго кн. Лыкова въ Арапѣ, или «обезьяна, да не здѣшняя»,
какъ названъ онъ въ одной комедіи Сумарокова. Въ Арапѣ Петра В.
онъ еще не на своемъ мѣстѣ, не въ пору вернулся изъ-за моря и испы-
тываетъ неудобства рано прилетѣвшей ласточки. Полная весна насту-
титъ для него въ женскія эпохи, при двухъ Аннахъ, двухъ Екатери-
ахъ и одной Елизаветѣ. При Петрѣ ему холодно и неловко въ его

нарядномъ кафтанѣ среди дѣловыхъ людей, которые скидали рабочі[illegible] куртки только по праздникамъ. Со временемъ онъ будетъ нужнымъ важнымъ человѣкомъ въ праздномъ обществѣ; теперь онъ шутъ по не[illegible] волѣ и Петръ колетъ ему глаза его бархатными штанами, какихъ н[illegible] носитъ и царь. Троекуровъ въ Дубровскомъ—постарѣвшій петиметр[illegible] въ отставкѣ, пріѣхавшій въ деревню дурить на досугѣ. У младших[illegible] петровскихъ дѣльцовъ часто бывали такія дѣти. Живя въ болѣе расп[illegible]щенное время, они теряли знанія и выдержку отцовъ, не теряя и[illegible] аппетитовъ и вкусовъ. Невѣжественный и грубый, Троекуровъ одна[illegible] старается дать дочери модное воспитаніе съ гувернеромъ французо[illegible] и выдаетъ замужъ за самаго моднаго барина. Троекуровы родились п[illegible] Елизаветѣ, процвѣтали въ столицѣ, дурили по захолустьямъ при Ек[illegible]теринѣ II, но посѣяны они еще при Аннахъ. Это—миніатюрныя пр[illegible]винціальныя пародіи временщиковъ столицы, которыхъ превосход[illegible] характеризовалъ гр. Н. Панинъ, назвавъ «припадочными людьми [illegible]. «Какъ увидишь его, Троекурова, говорилъ мѣстный дьячекъ,—стра[illegible] и ужасъ! а спина то сама такъ и гнется, такъ и гнется»... Особен[illegible] удался Пушкину въ Дубровскомъ кн. Верейскій, достойный [illegible] Троекурова. Это—настоящее созданіе Екатерининской эпохи, цвѣто[illegible], выросшій на почвѣ закона о вольности дворянства и обрызганный каплями росы вольтерьянскаго просвѣщенія. Кн. Верейскій—едва ли не самый ранній экземпляръ новой разновидности нашего типа, которая развилась очень быстро. Подобными ему людьми до скуки переполняется высшее русское общество съ конца царствованія Екатерины. За границей они растрачивали богатый дѣдовскій и отцовскій запасъ нервовъ и звонкой наличности и возвращались въ Россію платить долги. Кн. Верейскій жилъ за моремъ и, пріѣхавъ умирать въ Россію, напрасно пытался оживить угасшія силы и затѣями сельской роскоши, и расцвѣтшей на сельскомъ привольѣ дочерью Троекурова. Онъ—иначе, тоньше редижированный Троекуровъ: его европеизованное варварство изъ остраго и буйнаго Троекуровскаго переродилось въ тихое, меланхолическое, не подъ гуманизирующимъ вліяніемъ Монтескье или Вольтера, а просто потому, что тесть привезъ въ деревню изъ Петербурга мускулы и нервы, чего зять уже не привезъ изъ Парижа. Отсюда «непрестанная» скука кн. Верейскаго, которая съ его легкой руки стала непремѣнной особенностью дальнѣйшихъ видовъ этого типа.

Дубровскій отецъ—лице любопытное по своей литературной судьбѣ. Это—любимое некомическое лице нашей комедіи XVIII в., ея Правдинъ, Стародумъ или какъ тамъ еще оно называлось. Но оно никогда, не удавалось ей. Это потому, что екатерининская комедія хотѣла изобразить въ немъ человѣка стараго петровскаго покроя, а при Екатеринѣ II такой покрой уже выводился. Пушкинъ отмѣтилъ его вскользь, двумя-тремя чертами, и однако онъ вышелъ у него живѣе и правдивѣе чѣмъ въ комедіи XVIII в. Дубровскій сынъ—другой полюсъ вѣка и вмѣстѣ его отрицаніе. Въ немъ замѣтны уже черты мягкаго, благороднаго, романически протестующаго и горько обманутаго судьбой александровца, члена Союза Благоденствія.—Среди образовъ XVIII в. не могъ Пушкинъ не отмѣтить и недоросля и отмѣтилъ его безпристрастнѣе Фонъ-Визина. У послѣдняго Митрофанъ сбивается въ каррикатуру, въ комическій анекдотъ. Въ исторической дѣйствительности недоросль—не каррикатура и не анекдотъ, а самое простое и вседневное явленіе, къ тому же не лишенное довольно почтенныхъ качествъ. Это—самый обыкновенный, нормальный русскій дворянинъ средней руки. Высшее дворянство находило себѣ пріютъ въ гвардіи, у которой была своя политическая исторія въ XVIII в., впрочемъ, болѣе шумная, чѣмъ плодотворная. Скромнѣе была судьба нашихъ Митрофановъ. Они всегда учились понемногу, сквозь слезы при Петрѣ I, со скукой при Екатеринѣ II, не дѣлали правительствъ, но рѣшительно сдѣлали нашу военную исторію XVIII в. Это—пѣхотные армейскіе офицеры и въ этомъ нѣ они протоптали славный путь отъ Кунерсдорфа до Рымника и до ови. Они съ русскими солдатами вынесли на своихъ плечахъ дорогіе вры Миниховъ, Румянцовыхъ и Суворовыхъ. Пушкинъ отмѣтилъ два ца недоросля или точнѣе, два момента его исторіи: одинъ является Петрѣ Андреевичѣ Гриневѣ, невольномъ пріятелѣ Пугачева, другой наивномъ беллетристѣ и лѣтописцѣ села Горохина Иванѣ Петровичѣ кинѣ, уже человѣкѣ XIX в., «временъ новѣйшихъ Митрофанѣ». Къ мъ Пушкинъ отнесся съ сочувствіемъ. Недаромъ и капитанская М. И. Миронова предпочла добродушнаго армейца Гринева остроу и знакомому съ французской литературой гвардейцу Швабрину. ику XVIII в. остается одобрить и сочувствіе Пушкина и вкусъ і Ивановны.

ькова у Пушкина коллекція художественно-историческихъ порт-

ретовъ, которые всѣ изображаютъ одинъ и тотъ же типъ въ его видо-
измѣненіяхъ. Рядъ ихъ замыкается современникомъ поэта Е. Онѣги-
нымъ. Герой особаго рода, онъ однако сродни своимъ предшественни-
камъ: и Троекуровъ, и Верейскій, и Митрофаны всѣхъ сортовъ—во-
они прямые или боковые его предки. Онѣгинъ—лице столько же ист-
рическое, сколько поэтическое. Мы всѣ читали сочиненія и записки лю-
дей, чаявшихъ обновленія Россіи послѣ войнъ за освобожденіе Европы.
Припоминая читанное, мы знаемъ, чѣмъ были Онѣгины послѣ 1815
года. Поэма Пушкина разсказываетъ, чѣмъ стали они послѣ 1825 г.
Это—Чацкіе, уставшіе говорить и съ разбитыми надеждами, а потому
скучающіе. Позже, у Лермонтова они являются страдающими отъ скуки
на горахъ Кавказа, какъ другіе въ то время страдали, хотя и не отъ
одной скуки, за горами Урала.

Такъ у Пушкина находимъ довольно связную лѣтопись нашего об-
щества въ лицахъ за 100 л. слишкомъ. Когда эти лица рисовались,
масса мемуаровъ XVIII в. и начала XIX в. лежала подъ спудомъ. Въ
наши дни они выходятъ на свѣтъ. Читая ихъ, можно дивиться вѣр-
ности глаза Пушкина. Мы узнаемъ здѣсь ближе людей того времени; но
эти люди—знакомые уже намъ фигуры. «Вотъ Гаврила Афанасьевичъ,
восклицаемъ мы, перелистывая эти мемуары, а вотъ Троекуровъ, кн.
Верейскій» и т. д. до Онѣгина включительно. Пушкинъ—не мемуа-
ристъ и не историкъ; но для историка большая находка, когда между
собой и мемуаристомъ онъ встрѣчаетъ—художника. Въ этомъ значеніе
Пушкина для нашей исторіографіи, по крайней мѣрѣ, главное и ближайшее значеніе.

12.

Рѣчь Ф. Ѳ. Миллера.

Произнесена на литературномъ утрѣ, 6 іюня, въ Соляномъ городкѣ, въ Петербургѣ) *).

Наши петербургскія поминки Пушкина, конечно, только слабая тѣнь того, что происходитъ теперь въ Москвѣ. Туда, въ Бѣлокаменную, собрались наши лучшія силы—на поклонъ воздвигаемому въ ней па-

*) Напечатана тамъ же въ іюльской книжкѣ „Русской Старины“.

ку. И мы не станемъ завидовать Москвѣ; мы знаемъ, что Пушне даромъ сказалъ о родномъ своемъ городѣ:

Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

о мы знаемъ также, что Пушкинъ воспѣлъ и нашъ Петербургъ;
ъ любилъ „твореніе Петра“, какъ любилъ и глубоко понималъ
творца—того „славнаго шкипера“, который „всеобъемлющею
былъ на тронѣ вѣчнымъ работникомъ“. Мы не станемъ на похъ Пушкина возобновлять старую тяжбу „порфироносной вдовы“
вой царицей“, какъ и старый, но все еще непорѣшенный вопросъ
евней и новой Россіи“. Замѣтимъ только, что хотя дѣтство поэта
екло въ Москвѣ, его коснулись тогда, главнымъ образомъ, впенія той Москвы, которая умѣла и послѣ двѣнадцатаго года не
Петербурга внимать вѣщаніямъ каждаго „французика изъ Бордо“.
ѣ принадлежитъ фундаментъ того, какъ выразился самъ Пуш„проклятаго воспитанія“, которое искупалось только вліяніемъ
ни. Но вліяніе это окончательно восторжествовало надъ поэтомъ
тогда, когда онъ очутился съ глазу на глазъ со своею „дряхлой
ой“ въ селѣ Михайловскомъ. Да, не отъ Москвы, а отъ деревни
ительно пахнуло на Пушкина „русскимъ духомъ“;—только нанись воздухомъ деревни, онъ разглядѣлъ, наконецъ, и старую
ческую Москву подъ густымъ наслоеніемъ Москвы Грибоѣй.

це на двадцатомъ году жизни Пушкинъ сложилъ свою поэтичепритчу о той картинѣ, по которой такъ безцеремонно прошлась
кисть, но съ которой, мало-по-малу, спали всѣ наносныя краски.
а эта заключаетъ въ себѣ не тотъ только смыслъ, какой онъ ей
залъ тогда, намекая на свое нравственное «возрожденіе». Она
бы пророчески указываетъ на то общее перерожденіе поэта, кокончательно совершилось въ Михайловскомъ. Съ него тогда
всѣ тѣ чужія краски, въ которыхъ сказывался отпечатокъ разхъ вліяній, испытанныхъ нами вплоть до самаго байронизма.
бы сокращенно переживъ то, что пережила наша литература
ъ съ классицизма), Пушкинъ сбросилъ, наконецъ, съ себя даже
овременнаго «властителя думъ», вмѣстѣ съ тѣмъ у него «раз-

верзлись зѣницы», чтобы разглядѣть и въ нашемъ народномъ образѣ сквозь всякія наносныя черты, его подлинный, еще неизглаженный складъ. Простота и непритязательность, отсутствіе всякаго щегольства собою, всего того, что называется позою и на что даже не имѣется русскаго слова,—вотъ тѣ черты нашего народнаго права, которыя такъ глубоко отразились въ нашемъ народномъ эпосѣ, которыхъ такъ долго недоставало нашей книжной поэзіи, и которыя разомъ, наконецъ, сказались у Пушкина, чтобы послужить основою цѣлой и уже незыблемой школѣ простоты и жизненной правды. Тотъ, кто выдавался за русскаго Байрона, однимъ геніальнымъ стихомъ поражаетъ, наконецъ, въ самое сердце весь байронизмъ, уличая его въ той нравственной фальши, сознаніе которой далось, наконецъ, это правда, но такъ трудно далось, и самому Байрону, именно съ этой-то самообличительной стороны всего менѣе понятому.

„Ты для себя лишь хочешь воли....“

Устами стараго цыгана сказалъ Пушкинъ тезкѣ своему Алеко; и стихъ этотъ такъ мѣтко оцѣненный въ свое время Бѣлинскимъ, сразу порываетъ всякую личную связь между героемъ «Цыганъ» и Пушкинымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и между Пушкинымъ и великимъ западнымъ пѣвцомъ, всевластной личности. въ «Онѣгинѣ» герой поэмы является уже совершенно отрѣшеннымъ отъ самого поэта, и байронизмъ Евгенія есть только тотъ байронизмъ, который тогда сказывался на свой манеръ въ нашемъ постоянно безпочвенномъ обществѣ. Разъ навсегда нашъ поэтъ отрѣшился отъ чуждой нашему подлинному народному духу замашки себялюбиво носиться съ самимъ собой, а вмѣстѣ съ тѣмъ поэтически закрѣпилъ за нами способность сочувствовать чуткимъ сердцемъ всему живому, понимать и возсоздавать жизнь любой страны и любаго народа, въ силу той нашей широты и общительности, которая не только въ насъ уцѣлѣла на зло всѣмъ наноснымъ чертамъ того, что́ принято называть китаизмомъ, но и сохранила способность переходить изъ достоинства въ положительный недостатокъ.

Глубоко-нравственная по самому отпечатку этой шири, любви и правды, и по своей художественной простотѣ и трезвости, поэзія Пушкина, казалось бы, исключала возможность спора о томъ, должно ли или не должно искусство приносить пользу. Споръ этотъ возникъ въ

нашей критикѣ опять таки отъ чужихъ вліяній, хотя имъ, повидимому, уже не было мѣста при той полной самостоятельности, которой достигъ у насъ Пушкинъ въ творчествѣ. Жалкое непониманіе великаго поэта той особаго рода «чернью», которая встрѣчается и въ самомъ благовоспитанномъ обществѣ доводила Пушкина до раздраженныхъ стиховъ о полной независимости поэта отъ злобы дня, — и это подало поводъ видѣть у него манифестъ такъ называемаго искусства для искусства, за который одни особенно превозносятъ поэта, другіе же отлучаютъ его отъ сонма живыхъ людей. Но Пушкинъ именно въ эпоху своего возрожденія въ животворящей купѣли народности и выставилъ поэта борцомъ за истину, заповѣдавъ ему устами самого Бога:

Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Проникнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!

А подъ самый конецъ своей кратковременной жизни онъ призналъ именно такое служеніе человѣчеству въ своей собственной поэзіи, и это то признаніе внушило ему стихи, вполнѣ чуждые всякаго напускнаго смиренія. При формѣ, связанной еще съ классическими воспоминаніями, Пушкинъ вполнѣ тутъ самостоятеленъ въ содержаніи, такъ искренно и такъ просто цѣня себя по своей связи съ великимъ цѣлымъ, и такъ нераздѣльно сознавая въ себѣ и поэта, и человѣка. Это стихотвореніе могло бы намъ послужить основой для самостоятельной теоріи искусства и положить конецъ тому разладу теоріи съ жизнью, который такъ громко сказывался не только у тѣхъ, кто проповѣдуетъ свободу теоріи, но и у тѣхъ, кто стоитъ за ея подчиненіе жизни. На Пушкинской почвѣ это представляется чисто праздным споромъ, потому что почва эта зиждется на той народной цѣлостности духа, которая такъ ясно выразилась въ нашемъ древнемъ языкѣ употребленіемъ одного выраженія—лѣпота — въ смыслѣ и красоты, и добра, и истины. Мнѣ остается только привести вполнѣ подразумѣваемое мною стихотвореніе Пушкна. Не даромъ и надпись на томъ памятникѣ, который воздвигнутъ ему теперь въ Москвѣ, взята именно отсюда.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа,
Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.
И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.
Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца.
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Да пребудетъ съ нами этотъ завѣтъ нашего великаго поэта навсегда и вездѣ—на поприщѣ творчества и художественнаго, и научнаго, и, наконецъ — прямо жизненнаго. Будемъ отзывчивы, стойки и непоклонливы!

13.

Рѣчь Н. А. Чаева.

(Произнесена 8 іюня въ Обществѣ Любителей Россійской словесности) *).

Мм. Гг.

Въ жизни, въ исторіи, въ судьбахъ человѣческаго духа есть свои вѣковые завѣты, свои обѣтованія, чаянія и оправданія. Пѣснотворчество, поэзія была искони провозвѣстницею великихъ міровыхъ переворотовъ въ области мысли, науки, вѣдѣнія; она не только всюду и всегда первая, — какъ полный упованій отрокъ, — съ знаменіемъ побѣды выходила на встрѣчу приближающейся кротко истинѣ, но была и зарею предваряющею утро.

*) Напечатана въ іюньской книжкѣ „Русской Мысли“.

ьрожденіе великаго поэта есть тайна, чудо, милость, ниспосланъ
ьроду, міру, племени; его не объяснишь одной потребностію вѣка,
я величія твореній генія не сыщешь лишь въ задаткахъ почвы,
его породившей; на гордую пословицу «каково поле, таковъ и
ъ, таково и жито», намъ справедливо возразятъ другой, русской
зицей — «не поле родитъ, нива». Не подыми, не воздѣлай,
:оль труженикъ-пахарь поля, оно не дастъ золотаго, нетлѣннаго
, а станетъ глохнуть.

Іироко озаряя Божій міръ теплыми лучами красоты, поэзія, искус-
Муза всегда ждала и ждетъ любви, тепла, отвѣта, вѣсти сердеч-
ъ внимающихъ, не для себя, не для вѣнцовъ, ненужныхъ ей,
анной отъ вѣка, но для того, чтобъ возгрѣвать любовью нашею,
асъ же великій, ей врученный свыше даръ, -- даръ чудодѣйство-

Ынѣшній день, когда, не смотря на тяжкую, недавнюю свою ут-
вся Русь, вся изъ конца въ конецъ, единымъ сердцемъ, ринулась
овать великаго пѣвца своего, есть благодатнѣйшій на славномъ
творчества роднаго слова. День этотъ обѣщаетъ не одинъ богатый
ай на нивѣ, честно воздѣланной великимъ, вѣщимъ, нашимъ па-
ъ.

Іа.... Это былъ могучій, богатырь-оратай; брошенную имъ за раки-
кустъ соху, какъ не вертятъ, со всѣхъ сторонъ, за обжи, другіе,
безсильные оратаи, — не подается, не ворохнется покуда соха
ырская. Недаромъ такъ глубоко, до материка взорала, подняла
епочатую землю, коренья, каменья вывертывая; не даромъ такъ
ы и свѣжи, здоровы и могучи вешніе всходы русскаго художест-
го слова.

Іо для того, чтобы понять какъ не легокъ, великъ былъ подвигъ
нашего пахаря, надо, хоть на скоро, взглянуть, припомнить, чѣмъ
словесное поле, въ тотъ благословенный день, когда впервые вы-
онъ на свою великую работу.

оворя о словесности изящной, я не упоминаю о духовномъ рус-
краснорѣчіи, такъ какъ оно допускалось въ новомодные помѣ-
и хоромы россійской словесности съ одними требами, или когда
дило славить.

икое, непочатое поле живаго слова русскаго было засорено чуже-

земнымъ псевдоклассическимъ щебнемъ, пудрою, утыкано коленкоровы цвѣтами, завалено битымъ фаянсомъ и старыми робронами послѣ р ныхъ мадамъ де Помпадуръ, Ментенонъ и Людовиковъ. Вотъ слова мого Пушкина о нашей словесности въ началѣ нынѣшняго вѣка: «нич жество общее; французская, обмельчавшая словесность envahit to знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ, Дорать, Флоріан Мармонтель, Гишаръ и мадамъ Жанлисъ овладѣваютъ русскою сло весностью».

Изъ-подъ этой рухляди, этого хлама, натасканнаго прилежными любителями изящнаго слова для украшенія родныхъ луговъ и пажитей пробивалась иногда природная сила — мощь; а не говорю о Державинѣ, Крыловѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ; и у другихъ душевный вулканъ не выдержалъ, прорывался тамъ и сямъ порою живымъ пламенемъ; но это пламя русской самородной мысли, вылетѣвъ невзначай на Божій свѣтъ, пугалось тотчасъ же само себя, мысль пряталась изъ боязни какъ бы не увидали ея сарафана иностранцы, рядилась снова въ иноземный нарядъ и принуждала могучее наше слово съеживаться и бартавить, чтобъ походить на парижанина. Этотъ иноземный жаргонъ русской рѣчи нравился въ юности, по собственному признанію, особенно въ женскихъ устахъ, и самому Пушкину; но юный геній, рано заслыша сердцемъ величавую простоту роднаго слова, тутъ же залюбовался тѣмъ, что

.....гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

Какъ же это вдругъ,—ни съ того, ни съ сего, въ двадцать лѣтъ угораздило нашего пѣвца, сразу, сквозь этотъ одуряющій туманъ заграничныхъ парфюмовъ, увидать

„У лукоморья дубъ зеленый
Златую цѣпь на дубѣ томъ“
....?

Черезъ лѣса, черезъ моря, какой колдунъ перенесъ богатыря пѣвца прямехонько туда, гдѣ русскій духъ, гдѣ русью пахнетъ?

Вспомнимъ, что первые стихи народный нашъ пѣвецъ написалъ п французски, изломавъ для иностранной риѳмы даже, славное въ кахъ, имя свое изъ Пушкина въ «Pouchkine».

ихожу одинъ отвѣтъ на это и повторю: въ судьбахъ творческаго
ть тайны, «отъ вѣка умолчанныя».

ъ тяжекъ былъ видѣнію тогдашнихъ литераторовъ двадцати-
оэтъ, мы видимъ изъ разборовъ и, между прочимъ, изъ ожес-
й критики Руслана и Людмилы, поэмы,—вспомните,—д в а д-
Ѣ т н я г о Пушкина, сразу облюбленной всею Россіей, кромѣ,
ся, книжниковъ и фарисеевъ. Одинъ, какой-то, еще «увѣн-
первоклассный» писатель, какъ говорится въ предисловіи къ
зъ изданій поэмы, привѣтствовалъ молодаго пѣвца стихомъ:
чери велитъ на эту сказку плюнуть».

, теперь сполагоря, легко трунить надъ этими разборами, но
ыло молодому пѣвцу подъ градомъ такихъ привѣтствій нести
святыню души своей, да еще вмѣстѣ съ обрѣтеннымъ имъ
то заповѣднымъ, вѣковымъ кладомъ творчества народ-
го, по пословицѣ «знала лишь» его мощная «грудь, да по-

овершеніе,—и, можетъ быть, не безъ участія тѣхъ же ревни-
стоты нравовъ и изящества вкуса,—двадцатилѣтняго пѣвца
гоняетъ куда-то къ Молдаванамъ, въ Бессарабію; и вотъ онъ,
номъ въ походномъ мѣшкѣ, въ красной рубахѣ и поярковой
етитъ на почтовыхъ,—что сказочный Бова на самолетѣ коврѣ,
святое царство, на море—окіанъ, въ Кишиневъ, въ Одессу,
туда, гдѣ русскаго духа видомъ не видать и слыхомъ не

е положеніе славнаго пѣвца нашего въ эти ранніе годы, а съ
усской рѣчи, напоминаетъ положеніе богатыря царевича, за-
го вмѣстѣ съ матерью въ бочку на другой же день рожденія;
олотили накрѣпко, бросили въ море; плачетъ, бьется царица;
растетъ не по днямъ, а по часамъ... Сжалилась какая то
несла бочку на берегъ.

Мать съ младенцемъ спасена,
А изъ бочки кто ихъ выпетъ?
Богъ неужто ихъ покинетъ?

тъ.

Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся;
Понатужился немножко...

Какъ бы мнѣ на дворъ окошко
Попродѣлать, молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Что въ Кишиневъ не залетала даже лебедь поговорить, для практики, съ поэтомъ на родномъ языкѣ, это доказывается просьбою его къ брату не писать къ нему французскихъ писемъ, а то, говоритъ, позабуду совсѣмъ, русскій языкъ и русскую грамоту. Да, впрочемъ, во дни оны, и въ бѣлокаменной,—въ сердцѣ Россіи, не диво было позабыть по русски, вращаясь въ одномъ высшемъ обществѣ.

Не смотря на все это

„Вотъ открылъ царевичъ очи,
Отряхая грезы ночи:
Видитъ городъ онъ большой,
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.

Это явилось въ сказкѣ, по лебединому велѣнью, на пустомъ островѣ, сказочному царевичу; но,—тоже ни дать, ни взять, какъ въ сказкѣ, только неизвѣстно по чьему велѣнью, въ душѣ отторгнутаго воспитаніемъ, обществомъ, слоемъ, въ которомъ родился,—въ душѣ богатыря пѣвца, явились русскіе коренные, незапамятные по старинѣ, а, между тѣмъ, живые, близкіе, родные всѣмъ намъ образы. Говорятъ: нянька у него была.... Но, у кого же изъ тогдашнихъ баръ и не баръ, сочинителей не было сказочницы няньки, бабушки разскащицы? Отчего же никому эта неясная вѣсть старины не запала такъ глубоко въ сердце, какъ, помѣшанному на Байронѣ, барченку, подростку Пушкину?

Пѣтъ, намъ сдается, тутъ не одна нянька... Кто-то другой еще указалъ юношѣ заросшую тропинку къ стародавнему тайнику, гдѣ были заперты мудреными, нѣмецкими замками, наши Бовы и Еруслановы, русалки, царь-дѣвицы съ жаръ-птицами и золотыми пѣтушками. Стучались, толкались, правда, въ эту дверь и до него, счастливца, и не разъ, другіе, но никому не отворилась заповѣдная. Одинъ великій, свѣтлый, дѣтски чистый и простой,—какъ все великое,—могучій юморъ юноши Пушкина вызвалъ изъ-подъ земли, опять на Русь, весь этотъ чудный, пестрый, неутомимо шаловливый рой забытыхъ было русскихъ сновидѣ-

кій, рожденныхъ русскимъ сердцемъ, русскою душой, русскою почвой призраковъ.

Этотъ громадный, величайшій подвигъ, — вѣковое, всемірное событіе въ исторіи творчества слова, — эта міровая служба воззозданія и облеченья во всеоружіе красоты миѳа народнаго была совершена богатыремъ художникомъ такъ просто, такъ легко, что всѣмъ казалась,—да и кажется еще донынѣ,—службицей, не службой. Отогрѣтый пламенемъ любви пѣвца къ родному, оживленный чудодѣйственною силою творчества, озаренный лучами красоты, народный русскій миѳъ отнынѣ дѣлается достояньемъ всего человѣчества и вводитъ нашего поэта въ великую, безсмертную семью геніевъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Въ эти же дни, другой великій, единоплеменный намъ, пѣвецъ шелъ, но уже болѣе торною дорогою, въ ту же заповѣдную глубь славянскаго духа; влюбленный въ полудикую красавицу, Литву свою, онъ, одинокій, на чужбинѣ, дѣлалъ одно дѣло съ русскимъ пѣвцомъ волшебникомъ. Какъ было не обняться имъ, другъ другу не подать сердечной вѣсти, какъ не слетаться на общій островъ пѣть свои безсмертныя, вѣщія пѣсни, встрѣтившись въ нѣдрахъ роднаго имъ обоимъ материка, гдѣ очутились пѣвцы, отправясь съ разныхъ мѣстъ и разными дорогами?

Такъ пѣсня первая дѣлается миротворцемъ двухъ поссорившихся братьевъ, народовъ польскаго и русскаго. Мицкевичъ переводитъ Пушкина; польскій, литовскій миѳъ чрезъ Бурдыса, Марину, панну, воеводу дѣлается своимъ въ семействѣ коренныхъ нашихъ русскихъ образовъ.

Среди пробужденныхъ отъ вѣковаго, непробуднаго сна, спасенныхъ отъ забвенья ликовъ, Пушкинъ сталъ сразу, какъ въ родной семьѣ, какъ дома; нигдѣ такъ ярко не горитъ, такъ обаятельно не блещетъ его юморъ, нигдѣ не привлекательна такъ добродушная его улыбка, какъ среди нихъ, въ Русланѣ, въ сказкахъ и всюду, гдѣ они выглянутъ, появятся. Простота, правда, жизнь, которыми благоухаютъ эти полевые цвѣты, эти заглохшіе, было, чудные побѣги души народной, тотчасъ же сдѣлались нѣмыми обличителями всего ложнаго, ходульнаго, чужаго въ русскомъ пѣснотворчествѣ. Въ первый же день возрожденія роднаго миѳа, словно отъ дуновенья богатырской головы, взвились и улетѣли невѣсть куда, на вѣки вѣчные, всѣ коленкоровые букеты тогдашней нашей поэзіи, вмѣстѣ съ Агатонами, Хлоями и пудренными пастушками.

Воздухъ очистился, гусли пѣвца преобразились. Съ вѣщихъ, золотыхъ струнъ, о чемъ бы онъ ни заигралъ, полетѣли, что ласточки, повѣявшіе ласкающіе будто вешній вѣтерокъ, благоуханные, какъ полюшко, как роща, теплые, родные наши звуки; точно весной все пробудилось, ожило; повѣяло сосной, березкой, ландышемъ, черемухой.

Читая стихотворенія его, кто не чувствовалъ, что высказанное пѣвцомъ давнымъ давно бродило у меня, у васъ въ головѣ, на сердцѣ, на душѣ, а теперь, созрѣвъ, выяснившись, только воплотилось въ гармоническій стихъ, въ ясное, прозрачное, что струйка ключевой воды, звонкое слово. Кромѣ картинъ и образовъ, душевныя движенья, помыслы, грезы, чувства — все не чужое въ нихъ, — этихъ весеннихъ, теплыхъ пѣснях, все наше человѣческое, русское. Какъ будто

. . . . . весла зашумѣли
И, все оставя за собой,
Въ заливъ отчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли

Эта роскошная весна русской поэзіи не повторится. Будутъ великіе поэты на Руси, но уже Пушкина, весны не будетъ.

Духъ занимается, когда попробуешь окинуть, охватить умомъ, необозримую, ни въ ширь, ни въ даль, воздѣланную пахаремъ нашимъ ниву! Вся гамма русской души, весь мощный, обаятельный звонъ языка русскаго, начиная отъ высокаго, молитвенно-торжественнаго возгласа, отъ неуловимыхъ, ангельски чистыхъ звуковъ материнской ласки до удалаго посвиста отпѣтаго гуляки, все,—все откликнулось эхомъ, что въ заповѣдномъ лѣсу, въ великой, будто Русь сама, душѣ поэта.

Ограниченный временемъ я долженъ умолчать о исторической русской драмѣ; скажу лишь, въ ней, впервые, повѣяло нашею старино: читая, будто входишь въ старинную, русскую церковь съ темными ликами иконъ и длиннымъ солнечнымъ лучомъ, ворвавшимся въ окошко — .

Но объ одной ли драмѣ я долженъ умолчать, не по одному недостатку времени, но и по недостатку подготовки, силъ, и, повторяю, по необъятной ширинѣ нивы, воздѣланной нашимъ поэтомъ; на ней найдутся завязи не только всему созданному послѣ него, но имѣющему создаться въ русскомъ творчествѣ слова. Одинъ образъ русской красавицы Татьяны, образъ, навѣянный тѣми же вѣковыми, пробуждев-

и пѣвцомъ, грезами души народной, чего, чего не вызоветъ,—загоr о немъ. А романъ, а повѣсть, а исторія....?

О многомъ уже сказали и еще скажутъ, разумѣется, больше и лученя, знаменитые представители науки и изящной словесности, сошіеся на нашъ праздникъ.

Возрожденіе миѳа неминуемо отзовется всюду, а покуда валась еще только у насъ въ Россіи, въ области искусствъ образозльныхъ. Ваяніе получаетъ новый, непочатый міръ миѳа, образовъ кихъ, обязательствъ, вызывающихъ улыбку, какую вызвалъ развѣ чный, греческій юморъ, не опошленный еще грубымъ прикосновеъ гордаго Рима. Нашъ москвичъ, академикъ С. И. Ивановъ, въ ли своей памятника Пушкину, бывшей въ числѣ другихъ на консѣ и находящейся здѣсь на нашей выставкѣ, какъ бы изваялъ изы, замѣняющей пьедесталъ, цѣлую семью возсозданныхъ поэтомъ имъ образовъ.... Сказочный міръ съ Людмилою, Бабой-ягой, Горыэмъ, по единогласному отзыву знатоковъ и художниковъ, есть одинъ счастливѣйшихъ скульпторныхъ замысловъ; взгляните и на эскизлки, готовой, кажется, сорваться съ бережка и булькнуть въ воду. Художниковъ звука, начиная отъ безсмертнаго Глинки, Даргомыжо, Рубинштейна до молодаго, даровитаго ученика его, Чайковскаго, епріимная область пушкинскихъ образовъ, видѣній, грезъ и чаръ не зазывала и будетъ долго зазывать въ гости.

Побывавъ въ вѣковыхъ, подземныхъ тайникахъ материка роднаго, вивъ допотопныя созданья дѣвственной, дикой еще творческой наой силы, добывъ мечъ-кладенецъ слова русскаго, обратавъ, объвъ крылатаго коня богатырскаго, погулявъ, натѣшившись вволю, чистомъ», необозримомъ полѣ роднаго вымысла, — пѣвецъ, благоясь, раскрылъ русскую лѣтопись; съ нею въ рукѣ, онъ подходилъ преддверію, къ завѣсѣ, къ скиніи, кивоту, гдѣ хранилась и хранится ни завѣтнѣйшая, вѣчная святыня души русской, духа русскаго, ь, полный вѣры, и любви. И въ эту-то минуту общихъ упованій, въ обѣтованной земли роднаго творчества, Россія, міръ лишились кина. . . . . .

Лишились для того, чтобы черезъ полвѣка, уразумѣвъ, найти его. Вотъ гдѣ, предъ трапезою храма остановилась его творческая ль.... Изъ вратъ обители Пречистой Дѣвы, — какъ бы встрѣчая

днесь, — Россія и вынесла, свои вѣнки и лавры, увѣнчавшіе поэта; радостная вѣсть о истинномъ безсмертіи души его намъ раздалась изъ устъ,—какъ бы пришедшихъ отъ видѣнія, — русскихъ отшельницъ дѣвъ, родныхъ сестеръ той, не чужой намъ, женщины, которую такъ возлюбилъ пѣвецъ и оцѣнилъ неслыханной цѣною.

Невольно вспоминается здѣсь дума вѣщаго пѣвца, раскрывающая одну великую, задушевнѣйшую тайну изъ трудовой жизни его духа, его творчества.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель;
Одной, чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель,
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ,
Взирали кроткіе во славѣ и лучахъ
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона;
Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, Тебя моя Мадона,
Чистѣйшей прелести, чистѣйшій образецъ.

Вотъ онъ, тотъ вѣчный совершеннѣйшій прообразъ нетлѣнной и чистѣйшей солнца красоты, передъ которымъ думалъ и молился въ мастерской своей нашъ русскій пѣснопѣвецъ; вотъ, вотъ чудотворный ликъ, предъ коимъ теплилъ онъ неугасимо, жарко до конца, священный пламень творческаго духа.

Храня завѣтъ пѣвца, да шествуетъ же подъ Ея святымъ Покровомъ вѣчно, безъ грозъ, безъ тучъ, изъ силы въ силу, да грядетъ родное творческое слово, на наслажденье человѣчеству, на радость русскихъ людей, на честь и славу нашей матери, Россіи.

14.

Рѣчь М. И. Осокина.

изнесена въ Самарской гимназіи, 26 мая 1880 года, въ день рожденія Пушкина) *),

М.м. Г.г!

егодня Россія празднуетъ 81-ю годовщину дня рожденія великаго своего А. С. Пушкина, а Москва, мѣсто рожденія поэта, ставитъ а дняхъ памятникъ. Если память великихъ людей должна хра- я въ человѣчествѣ, то это тѣмъ болѣе должно имѣть мѣсто среди народа, изъ котораго вышелъ тотъ или другой изъ великихъ лю- Чествуемый нами сегодня великанъ русской поэзіи и литературы це всего дорогъ намъ какъ крупный, типическій представитель й страны. Счастливо надѣленный отъ природы, при громадномъ ъ поэтическомъ талантѣ, Александръ Сергѣевичъ, можно сказать, доточилъ въ себѣ всѣ лучшія свойства своего народа, выразилъ ушу послѣдняго и выразилъ съ такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, высокою художественностью, какою, по всей справедливости, не атлѣны созданія ни одного изъ нашихъ поэтовъ. Такъ смотрѣли эта лучшіе сыны Россіи. Извѣстенъ восторженный отзывъ Бѣлин- —перваго и лучшаго толкователя и цѣнителя твореній А. С. ина. «Никто изъ нашихъ поэтовъ, говоритъ другой великій чело- Россіи, извѣстный Н. В. Гоголь, никто изъ нашихъ поэтовъ не Пушкина и не можетъ назваться болѣе національнымъ; это право тельно принадлежитъ ему... Пушкинъ, продолжаетъ Гоголь, даже да національнъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но тъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего на- когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ ка- я, будто это говорятъ и чувствуютъ они сами...» И дѣйствительно, личіи твореній А. С. Пушкина, такъ нравящихся каждому рус- человѣку, кроется типическое изображеніе русской жизни, обуслов- ое, помимо таланта и настроенія поэта, сильнымъ подъемомъ на-

*) Напечатана въ „Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

р однаго духа въ отечественную войну 1812 года. Какъ высшій моментъ сознанія, порожденный тяжелою и напряженною борьбою съ страшнымъ завоевателемъ, потрясшимъ тогдашній свѣтъ въ самыхъ его основаніяхъ, творенія поэта были лучшимъ и высшимъ проявленіемъ національнаго духа. Отсюда понятно, почему поэтъ могъ съ такимъ теплымъ участіемъ изображать сумрачныя картины родной природы, гдѣ, повидимому, все такъ ровно и однообразно, могъ находить прелесть въ пустыхъ и безграничныхъ пространствахъ степи, разбросанныхъ кой гдѣ селеніяхъ, въ сѣромъ небѣ, склонившемся надъ нашею равниною. Жалкая деревня вдали отъ большой дороги, скорбная пѣсня подъ гулъ веретена, дождливое утро ненастной осени, великолѣпные ковры снѣга, звонъ почтоваго колокольчика и мутные образы, кружащіеся въ волнахъ мятели,— развѣ это не яркая поэтическая картина большинства мѣстностей нашей страны? Но судьбѣ угодно было забросить поэта и туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью, гдѣ равнинность страны прерывается и смѣняется подъоблачными горами и обвѣвается югомъ. Исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ, среди знойныхъ долинъ своихъ, вызвалъ всѣ силы души поэта, которая плѣнила вольная поэтическая жизнь отважныхъ горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые неотразимые набѣги. «Съ тѣхъ поръ кисть поэта (по Гоголю) пріобрѣла тотъ широкій розмахъ, ту быстроту и смѣлость, ту молніеносность, которая такъ поражала и дивила только что начинающую читать Россію». Если такъ могуче сказывается геній поэта въ картинахъ родной природы, въ такъ памятныхъ всѣмъ блестящихъ описаніяхъ времени года, то, безъ сомнѣнія, еще выше, еще величественнѣе онъ долженъ былъ сказаться въ созданіи характеровъ, въ воспроизведенныхъ имъ этомъ типахъ русскаго народа. Взгляните на русскую женщину подъ кистью поэта. Простая, мечтательная, грустная по большой части, но съ залогомъ могучихъ душевныхъ силъ, съ возможностью глубокой страсти въ сердцѣ, Татьяна выросла на родныхъ поляхъ и снѣгахъ, подъ тѣнью родныхъ березъ, съ воображеніемъ, настроеннымъ тайными силами русской природы и преданіями народа, выросла въ поэзіи крещенскихъ вечеровъ, пѣсенъ и гаданій. Заговорившее въ ней чувство любви также просто, безхитростно и естественно выражается въ ней и тогда, когда она переносится изъ подъ деревенской кровли отцовскаго дома въ великолѣпныя залы столицы. Всѣмъ понятенъ также и Онѣгинъ,

гъ москвичъ въ Чайльдъ-Гарольдовскомъ плащѣ, натура, безъ сом-
нія, интеллигентная и элегантная, но обрѣтающаяся въ вѣчно «пу-
мъ кипѣніи», жертва заблужденій и неугомонныхъ страстей. Какъ
ндіозенъ, какъ могучъ и вмѣстѣ какъ ясенъ подъ кистью поэта тита-
ческій образъ Петра I; глубоко правдиво нарисовалъ поэтъ также и
азъ Годунова въ своей драматической хроникѣ, гдѣ все отъ царя до
ельника-лѣтописца носитъ на себѣ печать глубокаго пониманія
зни народа и теплаго сочувствія къ ней. Какъ симпатичны и вмѣстѣ
боко художественно воспроизведены типы коменданта Бѣлогорской
постцы съ его женою, дочерью и помощникомъ; не менѣе удачно
ѣщенъ и образъ Пугачева съ его свитой и волнующейся массой. А
рные типы Бѣлкина, Дубровскаго отца,—развѣ они не понятны
же русской душѣ? Нѣтъ нужды указывать здѣсь сказочные типы,
данные поэтомъ. И приведенные наши типы ясно говорятъ, что
тъ былъ лучшимъ другомъ своего народа, сберегшимъ въ своихъ со-
ніяхъ коренныя народныя начала.

Дорогъ намъ чествуемый сегодня поэтъ и какъ высоко развитый
гъ-художникъ, возвысившійся въ своихъ созданіяхъ до общечелове-
каго значенія и достоинства. Поэтическое искусство, гдѣ царствуетъ
ная гармонія, гдѣ нѣтъ борьбы и раздора, гдѣ примиряются
е ожесточенно враждующія народности, дало міровое значеніе
юбимому нашему поэту. Произведенія его, можно не обинуясь ска-
ь, перваго русскаго поэта, сдѣлались извѣстны и популярны среди
адно-европейскихъ, болѣе развитыхъ насъ, народностей. Тамъ его
еводили и изучали съ почти неменьшимъ интересомъ, чѣмъ
и даже сегодня Москва видитъ въ своихъ стѣнахъ лучшихъ
еводчиковъ нашего поэта. Боденштета и другъ. И причины этого,
имо оригинальной судьбы поэта, безъ сомнѣнія, кроются въ томъ,
ему одному удалось, къ тому времени, вознести типическія осо-
ности народнаго духа въ высшую форму искусства. Эта высо-
художественность давала ему средства обнимать своимъ взоромъ
чувствовать и многому чужому. Фантастическіе образы цвѣтистой
зіи востока, ясная прелесть классической формы, суровая поэзія
та, дышущая нѣгой и сладострастіемъ жизнь испанца, глубоко за-
анные и вполнѣ законченные характеры Шекспира, вызывающая на
бокое и серьезное размышленіе личность Гетевскаго Фауста, родные

намъ звуки и мотивы славянскихъ пѣсенъ, между прочимъ и Сербіи, воскрешавшей тогда свое политическое могущество, къ чему такъ тепло отнесся поэтъ,—все это было достояніемъ поэзіи нашего великаго художника, все это прошло черезъ горнило его творчества и вылилось въ образахъ и звукахъ полныхъ глубокой прелести и экспрессіи. Являясь пламеннымъ жрецомъ искусства, поэтомъ „искусства для искусства", избранникомъ небесъ, поэтъ, правда, не особенно заботился о томъ, чтобы исправлять сердца собратьевъ, давать смѣлые уроки имъ, за что и въ свое время поэтъ слышалъ не мало порицаній, но какъ титаническая сила художественная онъ, внѣ сомнѣнія, значительно повліялъ на развитіе эстетическаго вкуса своего народа, и въ этомъ отношеніи опять едва-ли мы найдемъ въ средѣ своихъ поэтовъ равнаго ему. Литературные старовѣры правда пытались, на первыхъ порахъ поэтической дѣятельности Александра Сергѣевича, оспаривать это высоко-художественное, образовательное значеніе произведеній его, но послѣдующее время народной жизни вполнѣ ясно опредѣлило и указало намъ это значеніе произведеній Пушкина. Новѣйшія теченія и движенія русской литературы также несомнѣнно говорятъ объ этомъ значеніи произведеній поэта.

Дорогъ намъ Александръ Сергѣевичъ и въ исторіи нашей русской литературы, какъ тотъ центръ, отъ котораго двумя главными теченіями идутъ наши литературныя школы. Какъ для своихъ современниковъ-литераторовъ онъ представлялся борцомъ романтизма и былъ сверчкомъ и врагомъ классиковъ; такъ и въ новѣйшихъ литературныхъ движеніяхъ онъ чествуется обѣими школами современныхъ нашихъ писателей—и идеалистовъ и реалистовъ.—Если всмотрѣться въ состояніе современной литературы глубже, то несомнѣнно, что А. С. Пушкинъ—родоначальникъ обоихъ литературныхъ теченій. Говорить о школѣ беллетристовъ-идеалистовъ художниковъ—здѣсь уже, разумѣется, нечего: но и реальная школа писателей, такъ любящая хищные, по удачному выраженію покойнаго критика Григорьева,—т и п ы, также, собственно говоря, должна восходить въ своихъ первоначальныхъ движеніяхъ къ А. С. Пушкину. Реальная школа писателей выдѣлилась, какъ извѣстно, изъ числа послѣдователей Гоголя, а послѣднему,—теперь уже можно вполнѣ считать вѣрнымъ, т э м ы для самыхъ капитальныхъ его твореній, отличающихся преимущественно тѣми чертами, которыя харак-

, созданія реальной школы, далъ А. С. Пушкинъ. Кромѣ того, далъ въ молодомъ Дубровскомъ, черкесахъ, цыганѣ Алеко и ипахъ характеры, близко подходящіе по своей активности къ исателей реальной школы.

воихъ современниковъ А. С. Пушкинъ дорогъ былъ какъ поэтъ ь и притомъ боецъ этого литературнаго направленія. Роман- тогда представлялся, съ одной стороны, литературнымъ ніемъ, уничтожающимъ всякое меценатство и вмѣстѣ зави- зъ дѣлѣ поэтическаго творчества, отъ предвзятыхъ литера- теорій, а съ другой—направленіемъ почвеннымъ, воскре- коренныя народныя начала. Гордый, независимый, полный лхъ причудъ, гонимый и долго неунимавшійся поэтъ, на современниковъ, вполнѣ и далеко выше, чѣмъ его Ленскій и олицетворялъ собою типъ романтическаго поэта въ истинномъ ого слова.

я указалъ на расово-типовое, художественное, историко-ли- е и историческое значеніе чествуемаго нами сегодня великаго ли русской. Можно бы еще говорить о значеніи Александра а въ дѣлѣ развитія русскаго стиха и слога, о мнѣніяхъ его амъ русской грамматики, но, помимо продолжительности вре- бходимаго для анализа подобнаго рода вопросовъ, для васъ аго, смѣю думать, достаточно, чтобы согласиться съ тѣмъ, что ій сегодня поэтъ своею политическою дѣятельностью

„Создалъ себѣ памятникъ нерукотворный,
Къ которому не заростетъ народная тропа“.

ѣ правъ былъ чествуемый поэтъ, когда въ этомъ же стихо- гакъ опредѣлилъ и охарактеризовалъ значеніе своей дѣятель- мять свою въ потомствѣ.

„Нѣтъ, весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ,—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ"...

X.

СТИХИ

НА

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.

СТИХИ

НА

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ.

1.

Стихотвореніе Я. П. Полонскаго.

На памятникъ Пушкину.

Пушкинъ — это возрожденье
Русской музы, — воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ;
Это — не запечатлѣнный
Ключъ поэзіи священный
Для поклонника искусствъ.

* *
*

Это — эллиновъ служенье
Красотѣ;—проникновенье
Въ область олимпійскихъ музъ.
Это—вѣщаго баяна
Струнный говоръ... месть Руслана
За поруганный союзъ.

* *
*

Это—арфа серафима
Въ часъ, когда душа палима
Жаждой вѣры въ небеса;
Это—шорохъ Нереиды
На зарѣ, въ волнахъ Тавриды...
И русалокъ голоса...

* *
*

Это—въ сумеркахъ Украйны
Прелесть чародѣйной тайны, —
Почь и Лысая гора...
Это—старой няни сказка;
Это—молодости ласка...
Жажда правды и добра.

* *
*

Свой въ столицахъ, на пирушкѣ,
Въ саклѣ, въ лагерѣ, въ избушкѣ,
Пушкинъ, чуткою душой
Слышитъ друга отзывъ дальній...
— Пѣсню Грузіи печальной,
— Бредъ цыганки кочевой.

* *
*

Слышитъ крикъ орла призывный...
Понимаетъ заунывный
Ропотъ моря въ бурной мглѣ;
Видитъ небо безъ лазури —
И—что краше волнъ и бури—
Видитъ дѣву на скалѣ...

* *
*

Знаетъ горе намъ родное
И разгулье удалое,
И сердечную тоску;
Но не падаетъ усталый
И, какъ путникъ запоздалый,
Самъ стучится къ мужику.

* *
*

Ничего не презирая,
Въ дымныхъ хатахъ изучая
Духъ и складъ родной страны,
Чуя русской жизни трепетъ,
Пушкинъ—правды первый лепетъ,
Первый проблескъ старины.

* *
*

Пушкинъ—это эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы
Отъ Невы до всѣхъ морей...
Это—сѣятель пустынный...
Другъ свободы,—неповинный
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней...

* *
*

Это геній, все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій
Сѣверъ, зацадъ и востокъ...
Это—тотъ «ничтожный міра»,
Что, — когда бряцала лира, —
Жегъ сердца намъ какъ пророкъ.

* *
*

Это—врагъ гордыни грязной,—
Въ жертву сплетни неотвязной
Свѣтомъ преданный.—Враждой
Словно терніемъ повитый,
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой.

* *
*

Поэтическій Мессія
На Руси,—онъ, какъ Россія,
Всеобъемлющъ и великъ.
Нынѣ мы поэта славимъ
И на пьедесталѣ ставимъ
Прославляющій насъ ликъ...

2.

Стихотвореніе А. Н. Майкова,

написанное ко дню открытія памятника Пушкину.

Русь сбирали и скрѣпляли
И ковали броню ей
Всѣхъ чиновъ и званій люди
Подъ рукой ея царей;

Люди Божьи, проникая
Въ глушь и дикія мѣста,
Въ духъ народный насаждали
Образъ чистаго Христа.

Что-жъ взойдетъ на общей нивѣ?...
Русь ужь многое дала,
Въ царство выросши подъ сѣнью
Византійскаго орла...

Что взойдетъ? Виссонъ и злато
Только мелкихъ душъ кумиръ,
Лишь созданья духа вѣчны,
Вѣченъ въ нихъ живущій миръ;

Не пройдутъ во вѣкъ побѣды
Въ свѣтломъ царствѣ красоты,
Звуки пѣсенъ полныхъ правды
И сердечной чистоты...

Пушкинъ! ты въ своихъ созданьяхъ
Первый намъ самимъ открылъ,
Что таится въ духѣ русскомъ
Глубины и свѣжихъ силъ!

Во всемірномъ пантеонѣ
Твой уже воздвигся ликъ;
Ужь тебя честитъ и славитъ
Всякъ народъ и всякъ языкъ,—

Но, юнѣйшіе въ народахъ
Мы, узнавшіе себя
Въ первый разъ въ твоихъ твореньяхъ,
Мы привѣтствуемъ тебя,—
Нашу гордость—какъ предтечу
Тѣхъ чудесъ, что, можетъ-быть,
Намъ въ разцвѣтѣ нашемъ полномъ
Суждено еще явить....

3.

Стихотвореніе Н. С. Курочкина.

На открытіе памятника Пушкину.

Русь память чествуетъ великаго пѣвца!
Немного у людей торжествъ, когда сердца
Влеченью, чувствъ однихъ, свободному послушно
У всѣхъ, въ комъ свѣтитъ мысль, стучатъ единодушно;
Переживаемъ мы сегодня день такой!
Поэтъ, безвременно скончавшій путь земной,
Витавшій между насъ лишь тѣнью величавой,
Всталъ вновь среди живыхъ—«изваянною славой!»
Бездушной глыбою лежавшій монолитъ
Теперь о Пушкинѣ въ вѣкахъ заговоритъ,
Въ подножье обратясь фигуры благородной
Поэта, гордостью служащаго народной.
Надъ нимъ и Пушкинъ самъ, скульпторомъ воскрешенъ,
Изъ бронзы прочное обличье принялъ онъ,
Чтобъ чтущему его народу показаться
И больше съ родиной своей не разставаться.
Увидятъ правнуки лица его черты,
Хранящаго печать той высшей красоты,
Какою отличенъ въ минуты вдохновеній
Лишь тотъ, кто сердцемъ простъ, а помыслами геній.
И скажутъ правнуки: былъ дѣдами почтенъ

Безсмертный Пушкинъ—какъ поэтъ, за то что онъ
Изящнымъ образомъ и звуковъ сочетаньемъ
Всѣхъ наполнялъ сердца святымъ очарованьемъ;
Что къ родинѣ своей любовью былъ великъ,
Что гармоническій онъ выковалъ языкъ,
Что въ жизни создавалъ своей легко и просто
Онъ формы новыя для русской мысли роста,
Что генію его послушно—русскій стихъ
Оправой яркою сталъ лучшихъ чувствъ людскихъ.
Вотъ въ чемъ на вѣкъ былъ слѣдъ оставленъ благотворный
Создавшимъ намятникъ себѣ нерукотворный!
Пришла нора воздать его заслугамъ честь
И лавры свѣжіе въ вѣнокъ поэта вплесть,
Чтобъ получилъ онъ въ нихъ за гробомъ воздаянье,
За терніи, въ вѣнцѣ его существованья!
Зевесъ не милостивъ къ судьбѣ земли дѣтей,
Огонь похитившихъ съ небесъ, какъ Прометей;
И Пушкина отъ злыхъ обидъ не охранила
Свѣтло горѣвшая въ немъ творческая сила.
Не мало горести онъ въ жизни испыталъ
И въ дни тяжелые онъ «мыслилъ и страдалъ»
Среди земныхъ заботъ, тревоги и волненій
Не зналъ свободы онъ для гордыхъ вдохновеній,
И мысли молодой неудержимый пылъ
Годами скорбнаго изгнанья искупилъ
Душою чистый, онъ—всю жизнь не зналъ покоя
Отъ зависти враговъ своихъ—друзей застоя
И палъ отравленный безстыдной клеветой
Въ борьбѣ за честь свою съ «ничтожной пустотой».
Любовь заката дней его не озарила
И современникамъ укоръ—его могила!
Но, встрѣтивъ столько золъ и пошлости кругомъ,
Провидѣлъ счастіе свое поэтъ въ другомъ
И жаждою томимъ къ свободному глаголу
Въ нѣмомъ молчаніи, потупивъ очи долу,
Онъ гордо сознавалъ, что часъ его придетъ,

Что будетъ знать о немъ въ Россіи весь народъ,
Что будутъ память чтить его въ подлунномъ мірѣ,
И прахъ переживетъ душа въ завѣтной лирѣ,
Что пѣсенъ золотыхъ его и складъ, и духъ
На долго услаждать потомкамъ будутъ слухъ
И долго будетъ тѣмъ онъ родинѣ любезенъ,
Что прелестью живой стиховъ онъ былъ полезенъ,
Что чувства добрыя онъ лирой возбуждалъ
И къ падшимъ, къ гибнущимъ онъ милость призывалъ;
Что былъ отзывчивъ онъ и далъ отвѣтъ какъ эхо
На все что находилъ достойнымъ слезъ иль смѣха.
Гостепріимною являлась искони
Москва... и вѣрится она и въ наши дни
Созрѣетъ ласкою сердечнаго привѣта
Гостить пришедшаго къ ней сына и поэта,
И памяти его чарующей вѣрна
Избыткомъ добрыхъ чувствъ проявится она,
Задумавшись отъ всей души несуетливо
Надъ смысломъ «милости и къ падшему» призыва.
Вотъ чѣмъ мы можемъ всѣ воздать поэту честь
И лавры пышные—какъ дань величью сплесть
Съ эмблемою кроткаго незлобья—павликой,
Въ день честный праздника для всей Руси великой!

4.

Памяти Пушкина. *)

Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!
Пушкинъ.

Пока надеждою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Пушкинъ.

Мы чтить тебя привыкли съ дѣтскихъ лѣтъ,
И дорогъ намъ твой образъ благородный.
Ты рано смолкъ; но въ памяти народной
Ты не умрешь, возлюбленный поэтъ!

* *
*

*) Напечатано въ іюньской книжкѣ „Русской Мысли“, вѣнокъ на памятникъ пушкину.

Безсмертенъ тотъ, чья муза до конца
Добру и красотѣ не измѣняла,
Кто волновать умѣлъ людей сердца,
И въ нихъ будить стремленье къ идеалу;

* *
*

Кто сердцемъ чистъ средь пошлости людской,
Средь лжи—кто вѣренъ правдѣ оставался.
И кто берегъ ревниво свѣточъ свой,
Когда на міръ унылый мракъ спускался.

* *
*

И все еще горитъ намъ свѣточъ тотъ,
Все геній твой пути намъ освѣщаетъ....
Чтобъ духомъ мы не пали средь невзгодъ,
О красотѣ и правдѣ онъ вѣщаетъ.

* *
*

Всѣ лучшіе порывы посвятить
Отчизнѣ ты зовешь насъ изъ могилы;
Въ продажный вѣкъ, вѣкъ лжи и грубой силы
Зовешь добру и истинѣ служить.

* *
*

Вотъ почему неизгладимый слѣдъ
Тобой оставленъ въ памяти народной;
Вотъ почему, возлюбленный поэтъ,
Такъ дорогъ намъ твой образъ благородный!

А. Плещеевъ.

5.

Съ невскаго берега.

(6 іюня 1880 года).

Пускай Москва пируетъ нынѣ
По праву родины пѣвца
И на торжественной годинѣ
Въ цвѣты и лавры безъ конца

Поэта памятникъ вѣнчаетъ,
Пусть въ день такого торжества,
Своимъ поэта величаетъ,—
Но не уступимъ первенства
Мы въ выраженіи привѣта
И здѣсь у царственной Невы
Не отдадимъ Москвѣ поэта:
Онъ нашъ не менѣе Москвы!

* *
*

Пусть тамъ, близь береговъ Яузы,
Его качалась колыбель,
Но здѣсь ему вручили музы
Свою волшебную свирѣль,
Здѣсь приводилъ всѣхъ въ изумленье
Могучей силы ранній всходъ
И первый лепетъ вдохновенья,
И первый генія полетъ;
Здѣсь пѣсня первая имъ спѣта
И онъ кумиромъ сталъ молвы...
Нѣтъ, мы не отдадимъ поэта:
Онъ нашъ не менѣе Москвы!

* *
*

Его съ Петрополемъ сближали—
Плеяда вѣрная друзей,
Любви волненья и печали,
И прочность нравственныхъ связей.
Сіяньемъ славы восходящей
Отсюда Русь онъ ослѣпилъ;
Пѣвца, у гроба прорицавшій
Державинъ—здѣсь благословилъ,
Прозрѣвъ лучи иного свѣта
Вкругъ еще юной головы...
Такъ намъ ли уступать поэта?
Онъ нашъ не менѣе Москвы!

* *
*

Онъ нашъ, въ величіи единый,
И въ роковой зловѣщій часъ,
Съ послѣдней пѣсней лебединой
Онъ здѣсь безвременно угасъ,
Какъ жертва лжи и злобы черной,—
Не будемъ поминать мы ихъ,—
Но памятникъ нерукотворный
Его—вкругъ насъ и въ насъ самихъ.
Имъ наша молодость согрѣта,
Онъ—гордость лучшая Невы...
Нѣтъ, не уступимъ мы поэта:
Онъ нашъ не менѣе Москвы!

Дмитрій Минаевъ.

6.

27 мая 1880 года*).

Въ разцвѣтѣ силъ, ума и вдохновенья,
Съ неконченною пѣсней на устахъ,
Могучій сынъ больнаго поколѣнья —
Онъ палъ въ борьбѣ, онъ былъ низвергнутъ въ прахъ.
Орлиныя его погасли очи,
Горѣвшія въ потьмахъ духовной ночи,
Какъ мысли путеводные огни;
Замолкъ поэтъ — и громъ великой славы,
Какъ праздный шумъ наскучившей забавы,
Въ толпѣ утихъ...
И понеслися дни.
Смѣнялись имена, событья, лица;
То спѣшной, то лѣнивой чередой
Предъ вѣчно изумленною толпой
Ихъ пестрая влеклася вереница.
Прошедшему вершился быстрый судъ

*) Напечатано въ майской книжкѣ журнала „Русская Мыс

Средь похоронъ и празднествъ новоселья;
И рѣдко лишь сквозь шумъ житейскихъ смутъ
Тревогъ и дѣлъ, потѣхи и бездѣлья
Звукъ имени священнаго порой
Вновь пролеталъ печально надъ отчизной,
То съ робкою, оглядчивой хвалой,
То съ громкою и дерзкой укоризной!

* *
*

Но свѣтлыхъ думъ и чудныхъ пѣсень кладъ,
Безцѣнный кладъ, толпою позабытый,
Въ холодный склепъ минувшаго сокрытый,—
Въ немъ не истлѣлъ! Годовъ пронесся рядъ,
Часъ миновалъ урочнаго отлива.
И, какъ на гласъ знакомаго призыва,
Въ обратный бѣгъ, раскаянья полна,
Вновь понеслась народная волна!
Красы, добра и правды идеалы
Блеснули вновь, какъ утра чистый свѣтъ,
И помянулъ народъ — въ борьбѣ усталый,
Заблудшій въ тьмѣ и духомъ обнищалый —
Что у него великій есть поэтъ.
И захотѣлъ (народъ) передъ собою
Его могучій образъ воскресить,
Почтить пѣвца безсмертною хвалою,
Его вознесть высоко надъ толпою
И памятникъ ему соорудить.
Онъ захотѣлъ прозрѣть и обновиться,
Прочь отогнать печальной ночи сны,
Забытымъ кладомъ вновь обогатиться,
Его красѣ нетленной поклонится,
Какъ свѣту возвратившейся весны!

* *
*

И день насталъ — исполнилось желанье:
Стоитъ предъ нами Пушкинъ, какъ живой!
Вокругъ него народа ликованье
И славное гремитъ именованье

Его, какъ громъ надъ русскою землей!
Вновь расцвѣли земли родной просторы;
Веселье, плескъ и пѣсни безъ конца!
Гремитъ весна, гремятъ живые хоры
Прилетныхъ птицъ на праздникѣ пѣвца;
А онъ стоитъ и смотритъ съ возвышенья
Съ привѣтомъ жизни, съ гордостью въ очахъ,
Какъ будто снова полный вдохновенья,
Какъ будто съ пѣсней новой на устахъ!
Онъ смотритъ вдаль и видитъ предъ собою
Сквозь многихъ дней таинственный туманъ,
Какъ движется пучиною живою
Грядущаго безбрежный океанъ.
И знаетъ онъ, что плещущія воды
Къ его стопамъ покорно притекутъ,
Что всей Руси языки и народы
Ему дань славы вѣчной принесутъ!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

7.

Стихотворенія г-жи Львовой *).

Ко дню открытія памятника Александра Сергѣевича Пушкина.

«Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа!»
Такъ восклицалъ пѣвецъ Баянъ нашъ чудотворный,
Когда вокругъ него завистниковъ толпа
Плоды высокихъ думъ безсмысленно топтала,
И съ злобою тупой ихъ славу отвергала.
Да! то былъ вѣщій крикъ, могучее сознанье,
Сознанье Генія въ избыткѣ гордыхъ силъ,

*) Напечатано въ „Кіевлянинѣ“.

То заповѣдь была, святое завѣщанье,
Которое народъ лелѣялъ и хранилъ.
Полъ-вѣка ужъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ поэта,
Какъ палъ безвременно онъ жертвой роковой
Бездушной клеветы испорченнаго свѣта...
Но дышетъ между насъ онъ славою живой.
И пробѣгутъ года, и протекутъ столѣтья,
Но имя Пушкина вѣка переживетъ:
Изъ пѣсенъ чудныхъ онъ сплеталъ вѣнецъ безсмертья,
И свято тотъ вѣнецъ потомство сбережетъ.
Орломъ онъ съ высоты взиралъ на всю природу,
Онъ Русь свою постигъ. Преданья старины
Народнымъ языкомъ разсказывалъ народу,
А моднымъ барынямъ—влюбленной дѣвы сны,
Онъ мыслью пережилъ всѣ страсти и волненья:
Великаго Петра великія мечты,
Отрепьева обманъ, Мазепы преступленья,
Жуана тщетное исканье красоты.
Мученья адскія Бориса Годунова,
Сальери ненависть, Онѣгина любовь,
Надъ грудой золота терзанія скупаго,
Цыгана дикаго разнузданную кровь!
Онъ все прочувствовалъ, во все онъ вникъ душою:
Съ кавказскимъ плѣнникомъ томился и скучалъ,
Съ черкешенкой онъ плакалъ молодою,
Съ своей Зюлейкою безумно ревновалъ!
Съ безумцемъ бредилъ онъ, грозясь и проклиная
Предъ мѣднымъ всадникомъ, надъ бѣшеной рѣкой;
Съ Татьяной томною, мечтательно вздыхая,
Признаніе писалъ дрожащею рукой.
Онъ прелесть находилъ на Сѣверѣ угрюмомъ
Въ прозрачномъ сумракѣ задумчивыхъ ночей,
У Финскихъ береговъ, гдѣ взморье плещетъ съ шумомъ,
Гдѣ ночи коротки, гдѣ солнце безъ лучей.
Онъ обезсмертилъ все безсмертными стихами:
Украинскую ночь, державную Неву,

И Бессарабію съ зелеными степями,
И моря южнаго густую синеву.
Природу скудную россійской деревушки,
Убогость бѣдныхъ юртъ, и внутренность шатра,
И келью скромную, и розсказни старушки,
Съ которой проводилъ вдвоемъ онъ вечера.
Хоть онъ «не дорожилъ любовію народной»,
Хоть пѣлъ онъ «для себя», какъ соловей весной,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный,
Но передъ нимъ въ долгу считался край родной.
И вотъ пришла пора! Въ Москвѣ его родимой,
Тамъ, гдѣ качалася поэта колыбель,
Гдѣ музой нѣжною, наставницей любимой,
Ребенку вручена «волшебная свирѣль»,—
На тризну славную великаго рожденья,
Россія памятникъ воздвигла наконецъ!
Прости же насъ, прости за годы промедленья,
И родину за то не осуди, пѣвецъ!
Пусть тѣнь твоя слетитъ на праздникъ повсемѣстный,
Пусть генія крыло коснется нашихъ лиръ!
И хоть ничтоженъ гимнъ, что смѣлъ поэтъ безвѣстный.
Принесть, какъ слабый даръ на твой великій пиръ,
Но чувство общее любви и восхищенья
Старался онъ тебѣ съ любовью передать.
Прими-жъ его, прими съ улыбкой снисхожденья,
И лаврами дозволь чело твое вѣнчать!

8.

Памяти Пушкина *).

Ты въ сердцѣ родины увидѣвъ Божій свѣтъ
И памятникъ тебѣ въ томъ сердцѣ создается:
Ты слышишь ли, какой оно любовью бьется
Къ тебѣ родной, народный нашъ поэтъ?

* * *

*) Напечатано въ іюнской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ

За чуждымъ свѣточемъ мы шли тропою узкой,
Но смѣло поднялъ ты свободное чело
И путь открылъ иной: въ потокѣ жизни русской
Твой духъ обрѣлъ широкое русло.

**
*

Ты, къ матери землѣ припавши чуткимъ ухомъ,
Услышалъ мощные, живые звуки въ ней,
И Русь проникнулась твоимъ могучимъ духомъ,
Ты далъ сознанье силы ей.

**
*

Далеко жизненной волной тебя взметало:
«И свѣтъ не пощадилъ и рокъ тебя не спасъ»!
Ты палъ, съ свинцомъ въ груди, въ неотвратимый часъ—
Въ Россіи Пушкина не стало!

**
*

Чего не досказалъ родимой ты странѣ?
Кто скажетъ: пламенемъ души твоей согрѣты,
Какія волны думъ остались на днѣ,
Какія пѣсни не допѣты?!

**
*

Безмолвно тамъ въ землѣ покоится твой прахъ,
Гдѣ ты въ изгнаньи жилъ, свой подвигъ совершая,
Но пѣснь твоя слышна отъ края и до края,
Въ равнинахъ, дебряхъ и горахъ.

**
*

Благословенъ глаголъ души твоей свободной:
Онъ въ сердцѣ русскаго безслѣдно не замретъ,
Онъ будитъ въ насъ любовь и помыслъ благородный,
Онъ къ жизни духа насъ зоветъ.

**
*

Въ великую пору народной жизни новой,
Твой—въ сердцѣ каждаго запечатлѣнный—ликъ,
На лонѣ матери—Москвы семивѣковой,
Народной волею возникъ.

**
*

Онъ вѣченъ—времени законамъ непокорный—
И вторитъ за тобой несметная толпа:
«Ты памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
«Къ нему не заростетъ народная тропа!»

А. Яхонтовъ.

9.

Памяти А. С. Пушкина *).

Отъ ранней юности, когда едва, едва
Во мнѣ проснулося къ высокому стремленье,
И стали милы мнѣ и звучныя слова,
И стройныхъ образовъ живое воплощенье,—
Ты овладѣлъ моей лепечущей душой
И, въ высь ее маня отъ пошлыхъ золъ вседневныхъ,
Съ отцовской нѣжностью, поэзіей святой
Въ ней мирно насаждалъ согласье силъ душевныхъ.

* *
*

Какъ часто отрокомъ, охваченный мечтой,
Я убѣгалъ въ твой садъ, обширный и прекрасной,
Гдѣ все исполнено привѣтливой красой,
Все дышетъ чистотой и стройностью согласной.
И тамъ въ таинственной, цвѣтущей тишинѣ,
Внималъ твоимъ словамъ душою полузрѣлой
И ихъ запоминалъ въ сердечной глубинѣ,
И робко вторилъ имъ на лирѣ неумѣлой.

* *
*

И тихимъ вечеромъ, и въ часъ пировъ ночныхъ,
Отрадно было мнѣ, въ дни юности мятежной,
И про себя, и вслухъ твердить твой дивный стихъ,
То бодрый въ горести, то полный страсти нѣжной;
Межъ юношей лишь тѣхъ я другомъ называлъ
И были любы мнѣ лишь тѣ младыя дѣвы,
Кто въ сердцѣ выносилъ твой свѣтлый идеалъ
И повторялъ твои волшебные напѣвы.

* *
*

*) Напечатано въ майской книжкѣ „Русскаго Вѣстника.“

Когда одолѣвалъ меня порывъ страстей
И увлекалъ на путь порочный и ничтожный,
И низко падалъ я,—въ безмолвіи ночей,
Стремясь подняться вновь, душой моей тревожной,
Къ тебѣ, о думъ моихъ завѣтный властелинъ!
Томимъ раскаяньемъ, больной и омраченный,
Къ тебѣ я прибѣгалъ, какъ недостойный сынъ,
И вновь свѣтлѣлъ душой, тобою исцѣленный.

***

Въ дни мужества, въ борьбѣ за свѣтлый идеалъ,
Какъ, оклеветанный, боязни униженья
Не въ силахъ превозмочь, я скорбно называлъ
Подъ грубой тяжестью невольнаго сомнѣнья,—
Я сердцемъ вспоминалъ великій твой завѣтъ
Велѣньемъ Божіимъ считать свое призванье,
И, бодро шествуя тебѣ, о вождь! во слѣдъ,
Я въ сердцѣ сохранялъ святое упованье.

***

И въ оный свѣтлый день, когда придутъ толпой
На памятникъ что ты воздвигъ нерукотворно,
Хвалы тебѣ воздать,—да встанетъ образъ твой
Во всей своей красѣ и силѣ чудотворной!
О, въ этотъ день, забывъ недавній крикъ глупцовъ,
О геніи твоемъ тупые пересуды,
Молю я чтобъ никто наборомъ пышныхъ словъ
Тебѣ не даровалъ лобзанія Іуды.

Д. Аверкіевъ.

10.

Предъ памятникомъ *).

Поэтъ по истинѣ народный,
Россіи духъ и идеалъ
Душою чутко-благородной
Онъ чудодѣйственне познялъ.

*) Напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

Въ нашъ вѣкъ бездушья и безбожья,
О Пушкинъ нашъ, какъ ты великъ,
Какъ здѣсь, у твоего подножья,
Теперь понятенъ твой языкъ!
Не разрушенья ярость злая,
Не злоба, не безвѣрья ночь,
Въ твоихъ стихахъ царитъ благая
Любви зиждительная мочь.
Изъ глубины своей могилы
Ты въ тайникахъ родной души
Живишь и окрыляешь силы
Надежды, вѣры и любви...

М.

11.

Предъ памятникомъ Пушкина *).

Пѣвца сразилъ судьбы ударъ ужасный,—
Во цвѣтѣ лѣтъ и силы онъ угасъ!
Но дивный голосъ лиры сладкогласной
По прежнему звучитъ, плѣняя насъ.

* *
*

Храня въ душѣ къ высокому стремленье,
Онъ честію поэта дорожилъ,
Глубоко чтилъ его онъ назначенье
И лишь добру и истинѣ служилъ.

* *
*

Ему была близка, мила природа,
Свой идеалъ онъ видѣлъ въ ней одной,
И, чуткій къ славѣ Русскаго народа,
Его любилъ онъ теплою душой.

* *
*

Вотъ памятникъ—Россіи приношенье:
Онъ о пѣвцѣ потомству говоритъ;
Но Пушкина безсмертныя творенья
Переживутъ и бронзу, и гранитъ!

* *
*

*) Напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

Да, будутъ жить они, не увядая,
И не замолкнетъ о пѣвцѣ молва,
Пока живетъ отчизна дорогая,
Пока стоитъ престольная Москва!

* *
*

Пройдутъ вѣка, другія поколѣнья
Займутъ страну, гдѣ прахъ его лежитъ;
Но и отъ нихъ къ нему благословенье,
Какъ дань сердецъ, въ міръ лучшій полетитъ!

* *
*

О Пушкинъ! братъ нашъ милый, незабвенный!
Въ свой краткій вѣкъ ты много совершилъ:
Въ сердцахъ согражданъ памятникъ нетлѣнный
Ты навсегда себѣ соорудилъ!

Ѳ. Миллеръ.

12.

На памятникъ Пушкину *).

Въ столицѣ Пушкину любезной,
Въ Москвѣ, въ виду монастыря,
Поднялся нынѣ ликъ желѣзный
Родного намъ богатыря.
То Пушкинъ, нашъ поэтъ великій
Задумчиво явился намъ
И утѣшеньемъ, и уликой
Наставшимъ смутнымъ временамъ.
Теперь, когда стремленій злоба
Не знаетъ гдѣ искать добра—
Проснись поэзія! пора,
Чтобъ Пушкинъ выступилъ изъ гроба!

графъ В. Соллогубъ.

---

*) Напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

13.

А. С. Пушкину *).

Ты чудной музою всѣ души обольстилъ,
Постигнувъ жизнь и строго, и глубоко;
И счастливъ тотъ народъ, который возростилъ
Въ своей глуши поэзіи пророка.

* *
*

Въ сердцахъ живъ изъ года въ годъ,
И живъ твой стихъ могучій, благотворный;
И вотъ тебѣ любимый твой народъ
Воздвигнулъ памятникъ духовно-рукотворный.

* *
*

Ты дивно пѣлъ, пѣлъ пѣсни до конца,
И пѣсни тѣ величіемъ согрѣты.
Живи-жъ, поэтъ! плѣняй стихомъ сердца —
Да учатся преемники — поэты!

И. Кондратьевъ.

14.

А. С. Пушкинъ **).

Есть тайна въ мірѣ: въ смутные года,
Когда повсюду надобны уроки,
Какъ даръ, съ печатью божьяго слѣда,
Нисходятъ къ намъ достойные пророки.
Ихъ голосъ вѣщій силою гремитъ —
То сладостно, то жгуче, то сурово.
Застонутъ — стонъ ихъ всякаго томитъ,
Заговорятъ — все въ говорѣ ихъ ново.

---

*) Напечатано въ „Альбомѣ памяти Пушкина“, изд. въ Москвѣ г. Ивановымъ ко дню открытія памятника.

**) Напечатано въ „Русской Газетѣ“.

Несутъ они законъ своей странѣ,
Предъ нимъ мрутъ завистливые взгляды,
Какъ передъ солнцемъ яркимъ въ глубинѣ
Ночныхъ свѣтилъ далекія плеяды.

Ихъ путь тяжелъ, гнететъ ихъ злобный рокъ.
Но рѣчь течетъ рѣкою многоводной...
Пройдутъ года, — но будетъ жить пророкъ
Кумиромъ цѣннымъ въ памяти народной.

Ив. Кондратьевъ.

15.

Открытіе памятника А. С. Пушкину *).

(Іюня 6 дня, 1880 года).

Москва, какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца русскаго слилось.
А. Пушкинъ.

Завѣса пала. Предъ толпою
Съ привычной думой на челѣ,
Съ поникшей долу головою
Въ своемъ обыденномъ плащѣ,
Какъ бы отъ міра отрѣшенный
Возсталъ поэтъ — и въ этотъ мигъ,
Увидя образъ вдохновенный,
Восторженный раздался кликъ
Толпы, у ногъ его стоявшей:
Предъ ней явился сынъ Москвы
Объ ней съ любовію слагавшій
Свои безсмертные стихи.
Свинцомъ безсмысленнымъ на мѣстѣ
Сраженный въ цвѣтѣ думъ и лѣтъ
Онъ рано палъ, «невольникъ чести» **)

*) Напечатано въ „Русской Газетѣ".
**) Выраженіе Лермонтова въ стих. „На смерть поэта".

Погибъ безвременно поэтъ,
Но пѣсни дивныя остались
Въ наслѣдье будущимъ вѣкамъ,
Ужъ поколѣнья воспитались
Внимая сладостнымъ стихамъ
Пѣвца, у ногъ кого лишь нынѣ
Шумитъ восторженно толпа.

Н. Гейнце.

XI.

Пушкинская Выставка.

Пушкинская выставка.

Обществомъ Любителей Россійской Словесности во время празднества въ честь Пушкина открыта была для публики выставка, заключавшая въ себѣ собраніе бюстовъ, портретовъ, автографовъ покойнаго поэта, нѣкоторыя изъ его вещей, портреты его друзей и знакомыхъ и проч. Выставка эта, хотя и занимала только двѣ небольшія комнаты дворянскаго собранія, но тѣмъ не менѣе отличалась полнотой и цѣнностью.

Первая комната. Здѣсь размѣщены были прежде всего гравюры проектовъ памятника, которые были представлены на конкурсъ художниками Забѣлло, Антокольскимъ, Шредеромъ, Ивановымъ, Бездарнымъ, Пименовымъ и Опекушинымъ. Разсматривая рядомъ группу этихъ проектовъ, нельзя не признать совершенно основательнымъ выборъ проекта послѣдняго художника. Далѣе помѣщены были переводы произведеній Пушкина на иностранные языки; главное мѣсто по количеству занимаютъ между ними французскія изданія, а затѣмъ идутъ нѣмецкія, итальянскія и славянскія. Далѣе слѣдовали изданія, современныя жизни и дѣятельности поэта, нѣкоторыя съ собственноручною надписью автора, какъ напримѣръ поэма «Цыгане» изд. 1827 года, на которой написано: «С. Д. Полтарацкому отъ А. Пушкина». Изданія, въ которыхъ участвовалъ Пушкинъ: «Невскій альманахъ» (изданіе Аладьина, 1830 года), «Сѣверные цвѣты», «Подснѣжникъ», его отдѣльныя поэмы: «Графъ Нулинъ» (1827 г.), «Евгеній Онѣгинъ» (1825 г.), «Бахчисарайскій фонтанъ» (1824 г.). Особенно интересны экземпляры изданнаго Пушкинымъ «Современника» (принадлежитъ князю Кугушеву) и

«Моя родословная», печатанная по рукописи, хранящейся въ кіевскомъ университетѣ (прислана изъ Кіева г. Иконниковымъ) *), и 2 тома исторіи Пугачевскаго бунта, изданіе 1834 г.

Далѣе по стѣнѣ размѣщены были виды мѣстностей, имѣющихъ что нибудь общее съ обстоятельствами жизни поэта: столь извѣстное «Михайловское», село Захарово, расположенное въ 40 в. отъ Москвы и принадлежавшее родителямъ Пушкина; флигель на Нѣмецкой улицѣ, въ которомъ жилъ нѣкоторое время Пушкинъ (этотъ флигель принадлежитъ теперь купцамъ Клюгинымъ); видъ могилы Пушкина въ Святогорскомъ монастырѣ и пр.

За этимъ поставлены были: ящикъ, съ изображеніями поэта, лежащаго въ гробу, снимокъ съ его гипсовой маски, и далѣе множество портретовъ Пушкина, между которыми обращали на себя вниманіе: прелестный миніатюрный портретъ Брюлова (дост. Кошелевымъ), портретъ съ натуры перомъ, исполненный членомъ акад. худож. М. Т. Дурновой (Лавиной), двѣ копіи масляными красками Ге и Тропинина съ оригинальнаго портрета, исполненнаго Кипренскимъ, копія пастелью и фотографія съ оригинала на слоновой кости.

Обзоръ первой комнаты завершался рядомъ гравюръ настоящаго и болѣе давняго времени, исполненныхъ на темы изъ произведеній Пушкина. Здѣсь были рисунки и изъ только-что вышедшаго въ Москвѣ Пушкинскаго альбома и старыя лубочнаго изданія гравюры, иллюстрирующія «Черную шаль» и «Нодъ вечеръ осенью ненастной».

Наибольшій интересъ представлялъ осмотръ второй комнаты пушкинской выставки. Справа находился рядъ потретовъ, которымъ Пушкинъ посвятилъ нѣсколько строфъ. Портретъ князя Вяземскаго, къ которому Пушкинъ писалъ: «Судьба свои дары явить желала въ немъ»..; Жуковскаго, къ которому относятся строки поэта: «Его стиховъ плѣнительная сладость»; затѣмъ портреты Языкова (и бюстъ его же), Соллогуба, Комовскаго, товарища Пушкина по лицею. Рядомъ помѣщались портреты самого Пушкина, исполненные одинъ — Кипренскимъ (достав. на выст. А. А. Пушкинымъ), другой — Тропининымъ (отъ кн. Хилковой) и затѣмъ превосходный портретъ Даля, ухаживавшаго за раненымъ Пушкинымъ; портретъ этотъ писанъ Перовымъ

*) См. ниже въ XII-мъ отд.

и принадлежитъ Третьякову. Далѣе портретъ Чаадаева, которому Пушкинъ писалъ: «Въ минуту гибели надъ бездной потаенной»..; Плетнева, подъ которымъ выписаны строфы изъ посвященія Плетневу «Евгенія Онѣгина»: «Не мысля гордый свѣтъ забавить»... и наконецъ портретъ Гоголя.

При входѣ во вторую комнату обращала на себя гравюра, представлявшая, какъ бы на прогулкѣ, четыре лица: Крылова, Пушкина, Жуковскаго и Гнѣдича. Здѣсь же, рядомъ съ портретами Плетнева и Шаховскаго, помѣщался и оригиналъ этой гравюры, писанный масляными красками, Чернецовымъ. Оригиналъ этотъ былъ исполненъ, по желанію покойнаго императора Николая Павловича, заказавшаго картину къ майскому параду. Крыловъ, Пушкинъ, Гнѣдичъ и Жуковскій собрались у послѣдняго и съ нихъ былъ нарисованъ этотъ прекрасный миніатюръ (квадратная четверть аршина), а съ него уже потомъ была скопирована большая картина. На миніатюрѣ этой (принадлежащей въ настоящее время г. Быкову), они изображены на воздухѣ, со шляпами на головахъ; особенно типична физіономія дѣдушки Крылова.

Далѣе помѣщались нѣсколько портретовъ канцлера Горчакова, бывшаго, одновременно съ Пушкинымъ, воспитанникомъ лицея. Тутъ же портретъ Е. А. Баратынскаго, висѣвшій нѣкогда въ кабинетѣ Пушкина. Вторая половина стѣны отведена была портретамъ предковъ и родственниковъ Пушкина. Было нѣсколько портретовъ супруги поэта, Н. Н. Пушкиной. Ея мало выражающій портретъ молоденькой дѣвушкой и два совершенно несходные другъ съ другомъ портрета: на одномъ она представлена почти брюнеткой, въ черномъ глухомъ платьѣ, покрытомъ пелеринкой, съ суровымъ взглядомъ, на другомъ — она шатенка, съ смѣющимися глазами и завитыми локонами, въ бѣломъ бальномъ платьѣ. Въ ряду этихъ родственныхъ портретовъ находились портреты отца и матери жены поэта, портретъ брата его Льва Пушкина, сохранившаго и въ миніатюрѣ свою типичную, обрамленную рыжими баками, физіономію, и портретъ самого Пушкина, исполненный Мазаромъ.

Далѣе шли автографы сочиненій поэта; всѣ они раскрыты были на тѣхъ страницахъ, гдѣ встрѣчаются иллюстрирующіе текстъ наброски, сдѣланные перомъ самого Пушкина. Такъ, рядомъ съ текстомъ «Простонародныхъ сказокъ» изображенъ, видимо привычною рукою, мужикъ, съ полштофомъ и стаканомъ на столѣ передъ собою. «Галубъ» иллю-

стрированъ двумя восточными фигурами, закутанными въ чадрахъ. На одной изъ страницъ «Евгенія Онѣгина», набросана городская, вѣроятно, петербургская, улица. Рядомъ съ текстомъ «Гробовщика» помѣщался рисунокъ, изображающій чаепитіе двухъ собесѣдниковъ въ гробовой лавкѣ. Текстъ «Донъ-Жуана» перебивался фигурою испанца, закутанного въ плащъ отъ шляпы до шпоръ.

Длинный стеклянный шкапчикъ занятъ былъ вещами, принадлежавшими покойному поэту. Какъ полагаютъ, Пушкинъ принадлежалъ къ обществу массоновъ и здѣсь выставлены два массонскихъ знака: бронзовый треугольникъ съ двумя, соединенными въ рукопожатіи руками внутри; на трехъ пластинкахъ треугольника написано—les-amis-reunis; второй знакъ: миніатюрная, не болѣе полувершка, бронзовая же, вѣроятно, лопаточка каменьщика, съ черною деревянной ручкой; тутъ же лежитъ кошелекъ Пушкина и два перстня: одинъ изумрудный, оставленный Далю, другой—полученный покойнымъ поэтомъ отъ кн-ни. Воронцовой; по поводу этого подарка и было написано Пушкинымъ стихотвореніе—«Талисманъ». Перстень этотъ имѣетъ видъ цѣпи съ сердоликовымъ камнемъ. Въ настоящее время онъ принадлежитъ И. С. Тургеневу. Здѣсь же помѣщалась гербовая печать Пушкина и табакерка, подаренная Екатериной II Ив. Абр. Ганнибалу.

Далѣе шли — портретъ Пушкина, писанный имъ самимъ; еще нѣсколько рисунковъ-иллюстрацій къ его стихотворенію («Марфуша»-кухарка), сабля, полученная Пушкинымъ отъ Паскевича и пр. Оригиналъ письма Пушкина къ барону Геккерну, начинающагося словами—«Monsieur le baron» (оно было уже въ переводѣ) и альбомы, въ которые Пушкинъ вносилъ свои лепты прекрасному полу, такъ напр. альбомъ Полтарацкой, альбомъ съ рисунками, принадлежащій Киселеву и пр.

Вообще выставка отличалась большимъ интересомъ, производила цѣльное впечатлѣніе и во всѣ дни своего открытія имѣла значительное число посѣтителей.

Подъ впечатлѣніемъ этой выставки газета „Современныя Извѣстія“ помѣстила слѣдующія прекрасныя строки:

«Только двѣ комнатки... но сколько драгоцѣнностей заключаетъ онѣ въ себѣ для любящаго и чтущаго память величайшаго изъ нашихъ поэтовъ Пушкина! Выставка носитъ чрезвычайно оригинальный характеръ, въ мельчайшихъ подробностяхъ разсказывая вамъ про поэта.

его дѣтскій румяненькій профиль; вотъ его юношеское лицо, съ
лавливающимися чертами его типичнаго лица; вотъ онъ мужъ...
флигель, гдѣ онъ родился; вотъ домъ, гдѣ онъ росъ; вотъ садъ,
оторомъ онъ «безмятежно расцвѣталъ»; вотъ тѣ поэтическія мѣста,
лѣсъ и долы, по которымъ скользилъ его взоръ, вызывавшій къ
и и безсмертію чудные образы; вотъ гостиная и кабинеты, гдѣ онъ
любилъ бывать, вотъ, наконецъ, его могила, пріютъ родимый,
щій его „вѣру, любовь и надежды“... По стѣнамъ комнатокъ порт-
современниковъ поэта. Глядя на нихъ, намъ невольно приходило
лову: вотъ должные гости, которыхъ собрала на свой народный
дникъ Москва! Но кто же эти гости? Дельвигъ, Жуковскій, Го-
Даль, Крыловъ, Языковъ, Вяземскій, Плетневъ... И много-много
ныхъ изъ той плеяды, которая въ былые дни окружала Пушкина,
ювляла его, питалась имъ, упиваясь сладкозвучными его стихами;
живые смотрятъ на васъ эти свидѣтели и радостныхъ и скорб-
, невыносимо тягостныхъ минутъ безвременно погасшей жизни. И
ько хорошаго, завѣтнаго, священнаго говоритъ эта чудная семья,
ъ-то жившая «для пѣсенъ сладкихъ и молитвъ». А вотъ и кровная
поэта: вотъ прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, мать; вотъ милые и присные
цу, которыхъ онъ такъ любилъ когда-то, которыми гордился, за
рыхъ страдалъ и въ концѣ концовъ такъ жестоко мучился. А эти
овищницы—витрины! Эти листы синеватой, пожелтѣвшей бумаги,
свидѣтели и первые воспріниматели его широкихъ думъ и поэтиче-
ь грезъ... Вотъ страничка сверху до низу покрытая какъ будто
ой: это строфа изъ «Евгенія Онѣгина», перечеркнутая, поправлен-
перепоправленная, надписанная, переписанная: съ какимъ поучи-
нымъ трудомъ вырабатывалась подчасъ та чарующая рѣчь, кото-
и по сію пору не находитъ подражателей!!.. Считаемъ долгомъ воз-
сердечную благодарность обществу любителей россійской словес-
и и тѣмъ, кто откликнулись на его призывъ—созвать потомство и
о сошедшихъ въ могилу друзей нашего любимаго поэта: настоящая
авка едва-ли не лучше краснорѣчивыхъ страницъ воскрешаетъ въ
раженіи великій образъ того, которому воздаетъ теперь столько по-
ей признательная Россія. Особеннаго вниманія на выставкѣ заслу-
етъ гипсовая маска, снятая, какъ извѣстно, съ облика поэта тот-
послѣ его смерти: черты лица выразительныя, съ таинственною

печатью смерти. Вглядываясь въ десятки портретовъ поэта, самымъ сходнымъ кажется портретъ (поясной) Кипренскаго, которымъ пользовался (вмѣстѣ съ маской) и создатель памятника, Опекушинъ. Очень много рисунковъ, начиная съ лубочныхъ картинъ и до произведеній нашихъ извѣстныхъ художниковъ, рисованныхъ и литографированныхъ на текстъ и образы поэта.

XII.

ЗАМѢТКИ И ДАННЫЯ

О

ПУШКИНѢ,

ВЫЗВАННЫЯ ТОРЖЕСТВОМЪ

ВЪ ЧЕСТЬ ЕГО ПАМЯТИ.

МѢТКИ И ДАННЫЯ О ПУШКИНѢ, ВЫЗВАННЫЯ ТОРЖЕСТВОМЪ ВЪ ЧЕСТЬ ЕГО ПАМЯТИ.

О родословной Пушкина *).

Какъ извѣстно, большая часть нашихъ дворянскихъ фамилій — инородческаго происхожденія: родоначальники однихъ были татарскіе мурзы, другихъ—нагайскіе ханы, третьихъ—вышли изъ ы, и т. д. Родъ Пушкиныхъ ведетъ свое начало (какъ это писамъ А. С. Пушкинъ въ своихъ «Запискахъ») отъ прусскаго вы- *Радши* или *Рачи*. Имя «Рачи», по всей вѣроятности, славян- происхожденія—фамиліи «Рачи», «Рачки» и теперь еще встрѣся у сербовъ. Впослѣдствіи, конечно, Пушкины совершенно обру- и смѣшались съ другими русскими родами. Заслуживаетъ внима- что прадѣдъ А. С. Пушкина, по отцу, Александръ Петровичъ, сумасшедшій, или по крайней мѣрѣ подверженный припадкамъ шествія. Онъ умеръ молодымъ, «въ припадкѣ сумасшествія зарѣжену свою, находившуюся въ родахъ». Сынъ его и дѣдъ А. С., Александровичъ, повидимому, также унаслѣдовалъ нѣкоторое раство мозга. А. С. Пушкинъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ его странхъ, о которыхъ однако сынъ его (отецъ А. С.) не любилъ гово- Отецъ Александра Сергѣевича происходилъ отъ втораго брака Александровича съ Чичериной, фамилія коей ведетъ свой родъ Италіи. По матери Пушкинъ происходилъ, какъ извѣстно, отъ негра. ъ моей матери,—разсказываетъ А. С. въ своихъ «Запискахъ»,—

*) Напечатано въ „Русскомъ Курьерѣ“.

былъ негръ, сынъ вліятельнаго князька». Судя, однако, по портрету имѣющемуся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и бывшему на Пушкинской выставкѣ, это былъ не настоящій, типичный негръ, с т шерстистыми волосами и широкимъ, приплюснутымъ носомъ. Правда, онъ былъ темнаго цвѣта, свѣтло-коричневаго или молочно-кофейнаго цвѣта, съ слабымъ развитіемъ волосъ на лицѣ и съ нѣсколько выступающими челюстями (о чемъ, впрочемъ, трудно судить по портрету, написанному en face), но губы у него были умѣренныя, носъ средній и волоса не короткіе и шерстистые, а довольно длинные и курчавые только на концахъ. Можно было бы предположить, что онъ былъ не чистымъ негромъ, а уже имѣвшимъ въ себѣ примѣсь кавказской расы, т. е. мулатомъ, но это невѣроятно, во-первыхъ, потому, что, какъ говоритъ А. С., онъ былъ сыномъ владѣтельнаго князька, а во-вторыхъ, что типъ мулатовъ (впрочемъ значительно варіирующій въ ту или другую сторону) отличается нѣсколько иными признаками. Всего вѣроятнѣе, что арабъ Петра Великаго попалъ въ Константинополь изъ Египта и былъ сыномъ князька одного изъ племенъ, населяющихъ область къ югу отъ Египта, по верхнему теченію Нила. Здѣсь живутъ, какъ извѣстно, многія племена, представляющія по своимъ физическимъ признакамъ переходъ отъ негровъ къ бѣлой расѣ и отдѣляемыя новѣйшими этнографами отчасти къ *хамитамъ*, отчасти въ особую расу *нуба*. Всѣ эти племена отличаются болѣе или менѣе темнымъ, кофейнымъ цвѣтомъ кожи, но имѣютъ волоса не шерстистые, а курчавые или волнистые, и черты лица болѣе правильныя, хотя нерѣдко съ толстыми губами и выдающимися челюстями. Весьма вѣроятно, что Ганнибалъ принадлежалъ именно къ одному изъ такихъ племенъ, какъ то подтверждаетъ и сравненіе его портрета съ фотографическими портретами племенъ фунье, беджасъ и др. Какъ видно изъ записокъ А. С. Пушкина, первая жена Ганнибала была гречанка, вторая же нѣмка—Христина-Регина фонъ-Шеберхъ. Отъ этого втораго брака онъ имѣлъ, по словамъ „Записокъ“, много «черныхъ» дѣтей обоего пола. Намъ неизвѣстно, однако, насколько они были черны и походили-ли они одинаково болѣе на отца, чѣмъ на мать. Портрета Осипа Абрамовича, отца матери Пушкина, на выставкѣ не было, а только портретъ старшаго его брата, Ивана Абрамовича. Судя по портрету, это былъ мужчина съ довольно красивыми и выразительными чертами лица, съ черными, волнистыми волосами и

цвѣта кожи скорѣе смуглаго, чѣмъ чернаго, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе свѣтлаго, чѣмъ у отца. Онъ былъ женатъ на Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, роднаго брата дѣду отца А. С. Мать А. С. Пушкина, Надежда Осиповна, была, судя по портрету, женщина красивая, съ выразительными чертами лица, черными глазами, черными вьющимися волосами и совершенно бѣлымъ цвѣтомъ кожи. Правильный носъ ея былъ, повидимому, съ легкою горбинкой, губы довольно полныя, челюсти слегка выступающія. Въ А. С. Пушкинѣ могла остаться уже только $^1/_8$ крови Петровскаго араба и $^1/_8$ нѣмецкой (отъ жены послѣдняго, урожденной фонъ-Шеберхъ); остальныя $^3/_4$ были русскою кровью, испытавшей, однако, по всей вѣроятности, примѣсь итальянской и татарской (отъ браковъ предковъ съ членами другихъ дворянскихъ родовъ). Нужно однако замѣтить, что вліяніе той или другой крови не всегда соотвѣтствуетъ ея количеству. Бываютъ не рѣдко случаи, что вліяніе одного, даже болѣе отдаленнаго предка, оказывается болѣе сильнымъ, чѣмъ другихъ, болѣе близкихъ. Кровь негровъ и родственныхъ имъ африканскихъ народовъ обладаетъ особенною способностью проявлять свое вліяніе до четвертаго и пятаго поколѣній. У А. С. Пушкина африканская кровь сказывается хоть и слабо, но явственно. Въ дѣтскомъ возрастѣ онъ имѣлъ, правда, голубые глаза и бѣлокурые кудрявые волосы; но довольно толстыя губы и нѣсколько выступающія челюсти уже и тогда указывали, судя по портретамъ, примѣсь африканской крови. Съ возрастомъ цвѣтъ его глазъ перешелъ въ карій, волоса сдѣлались темно-каштановыми, сохранивъ прежнюю кудрявость. Сохранились также полныя губы и выдающіяся челюсти, хотя и не на всѣхъ портретахъ эти признаки выражены одинаково сильно. Всего явственнѣе этотъ прогнатизмъ челюстей виденъ на портретѣ Тропинина, изображающаго 28-лѣтняго Пушкина въ положеніи дольно близкомъ къ профилю (въ три-четверти оборота); характеристично также его лицо на портретѣ Мазера. Носъ у Пушкина былъ однако совершенно европейскій и правильный, какъ это доказываетъ посмертная маска поэта. Психическая природа Пушкина, повидимому, соотвѣтствовала составу его крови: русская въ своей основѣ и сущности, она выказывала своею пылкостью и музыкальностью, если можно такъ выразиться, вліяніе природы африканской и въ то же время была не чужда и нѣмецкой положительности.

Автографъ «Моя родословная».

Въ декабрьской книжкѣ Русской Старины за 1879 годъ напечатано стихотвореніе А. С. Пушкина «Моя родословная», съ подробными библіографическими указаніями П. А. Ефремова, причемъ авторъ послѣднихъ замѣчаетъ, что снимокъ съ подлинной рукописи былъ сдѣланъ имъ въ 1873 г. на-скоро, а потому нѣкоторыя зачеркнутыя слова, замѣненныя другими, остались не отмѣченными, и высказываетъ желаніе, чтобы подлинникъ означеннаго стихотворенія былъ присланъ въ редакцію Русской Старины для напечатанія (729—737).

Между тѣмъ, въ засѣданіи Совѣта Университета Св. Владиміра 19 октября 1879 г. было сдѣлано представленіе г. библіотекаря Университета, слѣдующаго содержанія: «Помощникъ библіотекаря г. Г. Савенко пожертвовалъ для библіотеки Университета автографъ А. С. Пушкина «Моя родословная или русской мѣщанинъ. Вольное подражаніе Байрону», за что и выражена отъ совѣта благодарность жертвователю (Унив. Изв. 1879, № 12, стр. 7). Рукопись эта записана на двухъ листахъ, вложенныхъ одинъ въ другой, и имѣетъ нѣкоторыя отличія противъ копіи, сдѣланной г. Ефремовымъ: такъ въ заглавіи ея прибавлено: «или Русской мѣщанинъ», заглавіе же помѣщено на особой страницѣ; нѣтъ года и числа; но поправки, сдѣланныя самимъ авторомъ, также немногочисленны, хотя и представляютъ нѣкоторую разницу. Бумага рукописи имѣетъ слѣдующіе знаки: А Г (на одной половинѣ листа) 1830 (на другой половинѣ). Вотъ текстъ этой рукописи, напечатанный въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ».

Смѣясь жестоко надъ собратомъ
Писаки Русскіе толпой,
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри пожалуй... вздоръ какой.
Я не Лейб-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не Академикъ, не профессоръ,
Я просто—русской мѣщанинъ.

* *
*

Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей.
У насъ нова рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И слава Богу не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я Мѣщанинъ! я мѣщанинъ!

***

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князьяхъ не прыгалъ изъ хохловъ, *)
Не пѣлъ на крылосѣ съ (придворными) дьячками, **)
Не ваксилъ Царскихъ сапоговъ,
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ.
Куда жъ мнѣ быть аристократомъ
Я слава богу Мѣщанинъ.

***

Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ
Его потомство гнѣвъ вѣнчанный
Иванъ IV пощадилъ.
Водились Пушкины съ Царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій Мѣщанинъ.

***

Смиривъ крамолы и коварство,
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго стиха: „Не ваксилъ Царскихъ сапоговъ“.

**) „На крылосѣ“ поставлено сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: придворными“.

Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ,
Бывало нами дорожили,
Но я.... я (бѣдный) *) темный Мѣщанинъ.

* *
*

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ,
Въ родню свою не укротимъ,
Съ Петромъ мой Пращуръ не поладилъ,
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой,
Не любитъ споровъ Властелинъ,
Не всякъ Князь Яковъ Долгорукой,
Счастливъ покорный Мѣщанинъ.

* *
*

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся,
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра,
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился—мѣщанинъ.

*
* *

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
И не якшаясь съ новой знатью,
И крови спѣсь угомонилъ.
Я не извѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто, не Мусинъ,
Я (грамотей) самъ большой не Царедворецъ **),
Я грамотей, я мѣщанинъ.

*
* *

---

*) Зачеркнуто: „бѣдный“.

**) Слова „самъ большой“ поставлены сверху надъ зачеркнутымъ: „грамотей“.

PS.

Видокъ Фигляринъ сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома,
И въ руки Шкиперу попалъ.
Сей Шкиперъ былъ—Тотъ Шкиперъ Славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля;
Сей Шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, не подкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ,
И былъ отецъ онъ Ганибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
(Чесма) *) Громада кораблей вспылала,
И палъ впервые Наваринъ.
Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ—мѣщанинъ.
Что-жъ онъ, въ семьѣ своей почтенный?
Онъ?... Онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

А. Пушкинъ **)

Пушкинъ и Скобельцинъ.

ь этимъ заглавіемъ въ іюньской книжкѣ «Историческаго
ка», помѣщено интересное сообщеніе князя П. П. Вяземскаго,
омъ впервые приводится чрезвычайно характерный автографъ
ı — его помѣщику Скобельцину и письмо послѣдняго къ князю
іземскому. Заимствуемъ цѣликомъ это сообщеніе:
з письма А. С. Пушкина къ моему покойному отцу, кн. П. А.

черкнуто.
квы А и П слиты вмѣстѣ.

Вяземскому, сохранившіяся въ его бумагахъ, были напечатаны П. Бартеневымъ въ «Русскомъ Архивѣ». Неизданнымъ оказалось лишь одно письмо. Письмо это было написано Пушкинымъ 8 января 1837 г., нѣсколько дней до смерти. Какъ ни прискорбно, въ самое время всенароднаго торжества его памяти, припомнить обстоятельства, сопровождавшія его кончину, и то стѣсненное и тревожное состояніе, въ которомъ онъ находился вслѣдствіе неустроеннаго его денежнаго положенія, тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь напечатать это письмо въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ полной увѣренности, что никто не увидитъ упрека памяти Пушкина въ обнародованіи документа, свидѣтельствующаго о плохомъ устройствѣ финансоваго положенія нашего геніальнаго поэта. Письмо адресовано на имя Федора Аѳанасьевича Скобельцина и препровождено было послѣднимъ къ моему покойному отцу при запискѣ, также здѣсь печатаемой.

Ф. А. Скобельцинъ, лицо мнѣ весьма памятное. Онъ слылъ въ нашемъ семейномъ дѣтскомъ кружкѣ за тамбовскаго помѣщика, пріѣхавшаго въ Петербургъ нарочно для сближенія съ литературнымъ кружкомъ Пушкина и князя Вяземскаго. Скобельцинъ явился прямо съ заявленіемъ, что восторгъ къ поэтическимъ произведеніямъ обоихъ писателей заставилъ его бросить степь и пріѣхать въ Петербургъ на поклонъ представителямъ русской литературы. Скобельцинъ съ самаго начала знакомства, въ 1834 — 1835 г., угощалъ своихъ новыхъ друзей плохими обѣдами съ парадной обстановкой. Всего болѣе поражало его новыхъ знакомыхъ, что Скобельцинъ былъ совершенно чуждъ литературнаго міра и вообще не читалъ ничего. Загадочное появленіе Скобельцина въ нашемъ тѣсномъ и интелигентномъ кружкѣ возбуждало мою отроческую мнительность и я, не смѣя спрашивать объясненій у родителей относительно ихъ гостя, безбоязненно обратился къ А. С. Пушкину съ просьбою разъяснить мнѣ это необычайное и загадочное явленіе. Пушкинъ объяснилъ мнѣ, что Скобельцинъ лицо историческое, что онъ тотъ самый Скобельцинъ, который приказомъ императора Павла Петровича былъ переведенъ изъ гвардіи „за лицо, наводящее уныніе“. У Скобельцина, на правой, сколько помнится, щекѣ, была мышка, величиной съ куриное яйцо. Для полнаго убѣжденія меня въ исторической важности этой личности помню живо, какъ Пушкинъ пригласилъ его подтвердить мнѣ разсказъ о его удаленіи изъ Петербурга. Скобельцинъ весьма охотно по-

рилъ объ этомъ обстоятельствѣ. Это была единственная тема, которая выводила изъ совершенно безучастнаго положенія этого шестидесятилѣтняго старика въ нашемъ болтливомъ кружкѣ. Разсказъ этотъ изъ его устъ я слышалъ не разъ и дома, и у покойнаго Кривцова, также тамбовскаго помѣщика, жившаго въ томъ же домѣ Баташева, на набережной у Прачешнаго моста, гдѣ жили мы, и гдѣ затѣмъ жилъ А. С. Пушкинъ, до переѣзда въ домъ князя Волконскаго, у Полицейскаго моста. Кривцовъ, другъ моего отца, въ царствованіе Александра Павловича былъ тульскимъ губернаторомъ. Онъ былъ удаленъ за обвиненіе чиновъ губернскаго правленія въ полномъ присутствіи, въ подлогѣ. Кривцовъ пользовался особенной благосклонностію императора Александра I и былъ другомъ Блудова, Дашкова и всего Арзамаса. Онъ переселился въ Петербургъ около 1834 года для исходатайствованія продолженія пожалованной ему императоромъ Александромъ I аренды. Сообщаемыя здѣсь воспоминанія воскресли послѣ почти полувѣковаго покоя, при разборкѣ бумагъ покойнаго отца моего. Не могу ручаться, чтобы разновременныя обстоятельства, сообщаемыя мной, не сливались въ обманчивомъ полусвѣтѣ. Скобельцина я помню только въ домѣ Баташева, гдѣ мы жили до 1835 года и куда переѣхалъ А. С. Пушкинъ по отъѣздѣ семейства моего за границу. Затѣмъ Скобельцина я болѣе не помню въ гостиной моихъ родителей, получившей съ 1836 года по возвращеніи изъ-заграницы болѣе великосвѣтскій характеръ. Мнѣ весьма понятно тогдашнее впечатлѣніе, что подобная же перемѣна произошла и въ обстановкѣ Пушкина съ переѣзда въ домъ Баташева въ 1835 году, столь сильно повліявшая на его роковую кончину.

Изъ печатаемой записки Скобельцина видно, что онъ въ началѣ 1837 года, голодая, проживалъ еще въ Петербургѣ, въ ожиданіи полученія изъ казны 1,400 рублей. Повидимому, Пушкинъ смотрѣлъ еще и въ 1837 г. на Скобельцина, какъ на нѣкотораго рода мецената. По миновaніи 45 лѣтъ, послѣ моей встрѣчи съ Скобельцинымъ, вся отроческая мнительность, возбужденная его появленіемъ, воскресаетъ и появленіе его на поклоненіе литературнымъ свѣтиламъ, объясняется для меня зоркостію и смѣтливостію степного помѣщика, разсчитавшаго, что въ Петербургѣ только въ средѣ знаменитыхъ литераторовъ онъ найдетъ даровитыхъ и усердныхъ ходатаевъ.

*

Письмо Пушкина къ Скобельцину.

„Не можете ли вы, любезный Ѳедоръ Аѳанасьевичъ, дать мнѣ [redacted] займы на три мѣсяца, или достать мнѣ три тысячи рублей. Вы бы [redacted] чрезвычайно одолжили и избавили бы меня отъ рукъ книгопродавце[redacted] которые рады меня притѣснять".

А. Пушкинъ.

Письмо Скобельцина къ князю П. А. Вяземскому.

„При семъ имѣю честь приложить Вашему Сіятельству письм[redacted]о ко мнѣ писанное отъ Пушкина, неудовлетворенное по просьбѣ, за не[redacted]мѣ-ніемъ столь значительной суммы на тотъ разъ; къ крайнему сожал[redacted]нію моему я нынѣ нуждаюсь въ 50 руб., чтобы дожить двѣ недѣли до [redacted]воз-награжденія 1,400 руб. изъ казны, навѣрное мнѣ слѣдуемые и обѣщан-ные. Простите великодушно старикашку, меня, что беру смѣлость утруж-дать васъ въ огражденіе отъ голода сею суммою снабдить меня, до вре-мени моего полученія.

„Имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга, Федоръ Аѳанасьевичъ Скобельцинъ.

Мое знакомство съ Пушкинымъ *).

(Отрывки изъ моей памяти).

Въ настоящее время, когда Москва находится подъ свѣжимъ в[redacted]е-чатлѣніемъ открытія памятника знаменитому нашему поэту, имя Пу[redacted]ш-кина невольно вызываетъ въ моей памяти уцѣлѣвшія воспоминанія да[redacted]но прошедшихъ дней моей жизни, когда я знакомъ былъ съ Пушкинымъ [redacted]и часто встрѣчался съ нимъ. Полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ и мног[redacted]е, конечно, мною забыто, но и то, что сохранила мнѣ память о Пушки[redacted]нѣ какъ-то невольно въ настоящую минуту просится на свѣтъ Божій. [redacted]Я, придавая никакого особаго значенія этимъ воспоминаніямъ, я печат[redacted] ихъ только потому, что съ ними связано имя дорогаго для русскаго о[redacted] щества человѣка.

Въ 1829 году, кажется, Пушкинъ изъ Одессы пріѣхалъ въ Моск[redacted]

*) Напечатано въ „Русскомъ Курьерѣ".

и остановился въ моемъ домѣ (нынѣ домъ Обидина, въ Глинищевскомъ переулкѣ). Разъ онъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Меня требуютъ въ Петербургъ; вотъ вамъ ключъ отъ моего сундука съ книгами; я поручаю ихъ вамъ, Лаврентій Николаевичъ; читайте ихъ, если угодно, но не позволяйте никому рыться въ сундукѣ". Послѣ отъѣзда Пушкина, пользуясь его позволеніемъ, я сталъ пересматривать его книги: книги все были, большею частію, на иностранныхъ языкахъ; между прочимъ я нашелъ у Пушкина сочиненіе парижскаго академика—«Voyage de Chappe d'Auteroche en Russie et à la Tobolsk en Siberie pour observer le passage de Venus sous le disque du soleil, 1765 г.» На первомъ листѣ было написано: «Au Marechal Mortier, Moscou, 1812 г.» Этой находкѣ я очень обрадовался, потому что у меня былъ атласъ къ этому сочиненію и на первомъ листѣ моего атласа была тоже надпись: «Au Marechal Mortier. Moskou, 1812». Атласъ представлялъ вертикальный разрѣзъ почвы отъ Бреста во Франціи до Тобольска въ Сибири. Ясно было, что изъ дома Пашкова, гдѣ жилъ Мортье, книги попали какъ-то къ Пушкину, а атласъ къ этимъ книгамъ — въ мои руки. Когда возвратился Пушкинъ въ Москву, я сообщилъ ему о моемъ открытіи. «Уступите мнѣ вашъ атласъ, — сказалъ онъ,—а вы, Лаврентій Николаевичъ, выберете себѣ въ замѣнъ одну изъ моихъ книгъ».

Такъ какъ я тогда занимался составленіемъ историческаго путеводителя по Москвѣ, то и выбралъ книгу—«Опытъ повѣствованія о русскихъ древностямъ», соч. Успенскаго. Такъ мы на этомъ и окончили нашу мѣну.

Встрѣчался я также съ Пушкинымъ довольно часто въ салонѣ княгини Зинаиды Волхонской, которую прозвали тогда La Corinne du Nord; она жила на Тверской, въ домѣ Бѣлосельской (теперь Малкіеля) и у нея собиралось постоянно большое общество: тутъ всегда можно было встрѣтить весь monde d'or тридцатыхъ годовъ. Время на вечерахъ у княгини Волхонской проводилось очень разнообразно и весело: молодежь развлекалась пѣніемъ, танцами и разными замысловатыми играми, но игра въ карты строго запрещалась хозяйкой, и даже для стариковъ не дѣлалось исключеній. На этихъ вечерахъ любимою забавой молодежи были игры — charades en actions (загадки въ дѣйствіяхъ): обыкновенно выбирали одно какое нибудь слово, части котораго могли

бы имѣть самостоятельный смыслъ, и тогда смыслъ каждой части слова, а также и цѣлаго слова, одна часть общества представляла дѣйствіемъ и разговорами, тогда какъ, въ то же время, остальная часть общества должна была отгадывать; поэтому общество всегда дѣлилось на дѣйствующихъ лицъ и отгадывающихъ зрителей. Однажды Пушкинъ выбралъ слово для своей партіи дѣйствующихъ лицъ: онъ придумалъ для этого слова какой-то эпизодъ изъ исторіи евреевъ: помню только, что для второй части шарады нужно было представить переходъ евреевъ чрезъ Аравійскую пустыню подъ предводительствомъ Моисея и жреца Аарона. Пушкинъ роздалъ всѣмъ роли, причемъ мнѣ пришлось изображать Моисея, а Веневитинову—Аарона. Княгиня приказала выдать дѣйствующимъ лицамъ весь свой гардеробъ, и мы всѣ бросились другъ предъ другомъ выбирать разныя вещи изъ гардероба, мало-мальски подходящія къ нашей костюмировкѣ евреями. Тутъ было много смѣху. Пушкинъ между тѣмъ взялъ себѣ красную шаль княгини и сказалъ намъ, что онъ будетъ изображать «скалу въ пустынѣ». Мы всѣ были въ недоумѣніи отъ такого выбора: живой, остроумный Пушкинъ захотѣлъ вдругъ изображать неподвижный, неодушевленный предметъ. Когда мы всѣ нарядились въ импровизированные костюмы, Пушкинъ обратился къ намъ съ слѣдующей инструкціей: «Вы толпа,—училъ Пушкинъ,—будете шествовать по сценѣ подъ предводительствомъ Моисея и Аарона и будете пѣть въ полголоса гимнъ; такимъ образомъ два раза вы пройдете вокругъ скалы, а потомъ броситесь на колѣни, и тогда Ааронъ простретъ руки къ небу и будетъ умолять Іегову утолить жажду страдающихъ. Вы же, Оберъ,—обратился Пушкинъ ко мнѣ,—подойдите тогда къ скалѣ и троньте ее жезломъ» (нужно замѣтить, что роль жезла игралъ вѣеръ княгини). Самъ же Пушкинъ взобрался на столъ и покрылся большой красною шалью хозяйки. «Теперь Алексѣй,—обратился Пушкинъ къ Веневитинову, — отворите двери и пригласите зрителей». Когда всѣ зрители усѣлись, дѣйствіе началось. Все шло благополучно и спокойно; но когда я, по уговору, прикоснулся вѣеромъ къ скалѣ, Пушкинъ вдругъ высунулъ изъ-подъ шали горлышко бутылки и вотъ струя воды съ шумомъ полилась на полъ; при видѣ неожиданной бутылки и воды раздался дружный хохотъ и зрителей, и дѣйствующихъ лицъ. Пушкинъ соскочилъ быстро со стола, очутился въ минуту возлѣ княгини, а она, улыбаясь, взяла Пушкина за ухо и сказала: «Ma-

ais sujet que vous étes, Alexandre, d'avoir representé de la sorte ə rocher!» Пушкинъ поцѣловалъ руку у княгини и закричалъ зрителямъ: «Avez vous deviné le mot»... Отвѣта, однако, не было, и мы, йствующія лица, отправились переодѣваться къ слѣдующему дѣйствію....

Л. Оберъ.

Мѣсто дуэли Пушкина.

Опубликованное недавно въ «Голосѣ» заявленіе книгопродавца-издателя сочиненій Пушкина о мѣстѣ дуэли, въ связи съ другими обнародованными на этихъ дняхъ извѣстіями, а также въ связи съ брошюрою Амосова, подъ заглавіемъ: «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина». написанною въ 1863 г. со словъ его лицейскаго товарища и секунданта К. К. Данзаса,—устанавливаетъ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о томъ мѣстѣ, гдѣ Россія лишилась великаго человѣка. Г. Ѳедоровъ сообщилъ въ одной изъ столичныхъ газетъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ въ Тюмени ему удалось видѣть даже картину, приписываемую кисти художника Волкова (въ 60 годахъ) и изображающую «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ». Эта картина, по увѣренію его собственника, содержателя типографіи К. Высоцкаго, есть оригиналъ, пріобрѣтенный, кажется, отъ вдовы художника Волкова. Передаютъ также, что Данзасъ указалъ художнику мѣсто поединка и послѣдній съ натуры написалъ этюдъ. Оказывается, что копіи съ этой картины были прежде довольно распространенны и помѣщались въ иллюстрированныхъ изданіяхъ*). Картина представляетъ зимній пейзажъ, на заднемъ планѣ виднѣется обнаженный отъ листьевъ лѣсъ, изъ за котораго справа видны запряженныя сани, а у опушки стоитъ одинъ изъ секундантовъ. На переднемъ планѣ Пушкинъ, упавшій однимъ колѣномъ на свою шинель и направившій пистолетъ въ своего противника, стоящаго въ отдаленіи въ довольно спокойной позѣ, съ заложенною за бортъ сюртука рукой и съ опущеннымъ пистолетомъ въ другой рукѣ. Надъ Пушкинымъ, у котораго изъ лѣваго бока струится кровь, наклонился господинъ въ военной трехъ-угольной шляпѣ и эполетахъ. Г. Исаковъ описываетъ это мѣсто также по указанію К. К. Данзаса, сдѣлан-

*) Снимокъ съ этой картины помѣщенъ въ „Нивѣ“ 1873 года.

ному ему въ 1858 году. «Я, разсказываетъ г. Исаковъ, просилъ его указать мнѣ мѣсто дуэли, объявивъ ему и причину, по которой я интересовался этими свѣдѣніями. На просьбу посѣтить вмѣстѣ со мною мѣсто дуэли, онъ охотно согласился и назначилъ день поѣздки, 16-го ноября. Мы отправились на Черную рѣчку, переѣхавши мостъ у Ланскаго шоссе, повернули налѣво, по набережной, и потомъ направо, на дорогу въ Коломяги. По лѣвую сторону дороги остались строенія комендантской дачи, по правую—тянулся глухой заборъ огорода. Проѣхавши этотъ длинный заборъ, мы остановились. За этимъ заборомъ, по словамъ К. К. Данзаса, въ 1837 году начинался кустарникъ и потомъ лѣсъ, который продолжался параллельно во всю длину Ланской дороги. Въ недальнемъ разстояніи отъ забора, онъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ происходила дуэль. Въ нашъ пріѣздъ, въ 1858 году, кустарника этого мы уже не нашли: онъ вырубленъ арендаторомъ комендантской мѣстности и земля раздѣлана; оставалось только около канавокъ нѣсколько молодого березняка, занесеннаго снѣгомъ. Слѣдовательно, срисовать было нечего. «Теперь изъ четверыхъ, дѣйствовавшихъ въ несчастномъ дѣлѣ лицъ, не осталось въ живыхъ ни одного. Не знаю, указывалъ ли К. К. Данзасъ кому либо другому мѣсто дуэли. Во всякомъ случаѣ, считаю священною для себя обязанностью сообщить свѣдѣнія, мною отъ него полученныя. «На этихъ дняхъ я опять посѣтилъ мѣсто дуэли А. С. Пушкина. Мѣсто это желающіе могутъ найти слѣдующимъ образомъ: отъ Чернорѣченскаго пѣшеходнаго моста, по Коломягской дорогѣ, на протяженіи 148 саженъ, по правой сторонѣ—огороды Мякишева (по лѣвой—комендантскія дачи); отъ огородовъ Мякишева, гдѣ кончается заборъ, нужно отмѣрить 75 саженъ далѣе по той же Коломягской дорогѣ, до второй отъ забора канавы, идущей вправо отъ дороги (всего до этого пункта отъ Черной рѣчки 223 сажени); потомъ, свернувъ съ дороги вправо по второй канавѣ, на которой стоятъ три березы, и, отмѣривъ отъ дороги ровно 38 саженъ, что придется, какъ разъ до третьей березы, около которой вправо есть лощина въ 25 шаговъ длины и ширины. На этой то лощинѣ, непредставляющей никакихъ признаковъ лѣсной растительности, и былъ, по указанію секунданта Пушкина, смертельно раненъ дорогой и незабвенный нашъ поэтъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Теперь, близъ этой лощины, по лугамъ, пасутся лошади, принадлежащія кумысному заведенію".

Исторія болѣзни А. С. Пушкина *).

А. С. Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 г., умеръ 29 января 1837 г., ergo жилъ всего 37 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 3 дня. Собственно эти послѣдніе 3 дня и составляютъ исторію его болѣзни. Пушкинъ отъ природы былъ очень нервный. Мучимый ревностью, оскорбляемый рядомъ анонимныхъ гнусныхъ писемъ, касавшихся чести страстно любимой имъ красавицы жены, — онъ долго сдерживалъ себя, но, наконецъ, написалъ дерзкое письмо барону Гекерену — отцу, отвѣтомъ которое былъ вызовъ на дуэль А. С. Георгомъ Гекереномъ-Дантесъ. Дуэль состоялась 27 января 1837 года, въ исходѣ 5 часа пополудни, за Черной рѣчкою, близъ комендантской дачи, гдѣ, на разстояніи, примѣрно, 11 шаговъ, Пушкинъ былъ раненъ пистолетною пулею въ правую сторону живота; пуля, раздробивъ кость верхней части бедра у соединенія съ тазомъ, глубоко вошла въ животъ и тамъ остановилась». Такъ передаетъ это, со словъ секунданта К. К. Данзаса, Аносовъ. Пушкинъ, моментально падая, сказалъ: «Je crois que je la cuisse fracassée». Когда секунданты бросились къ нему на помощь, а вмѣстѣ съ ними и противникъ его, то Пушкинъ удержалъ его словами: «Attendez! je me sens assez de force, pour tirer mon coup.». Дантесъ сталъ къ барьеру (шинель секунданта д'Аршіака). Пушкину подали пистолетъ, онъ, приподнявшись немного, опираясь на правую руку, выстрѣлилъ въ противника (въ 10 шагахъ), и послѣ того сразу терялъ сознаніе; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ забытья, поправился и, узнавъ, что ранилъ Д., сказалъ: «браво»! Затѣмъ больного уложили, какъ умѣли, на извощичьи сани и повезли по самой кривой дорогѣ, потомъ пересадили его въ карету. Больной хотя сильно страдалъ, но считалось неприличнымъ выказывать это, — онъ предчувствовалъ опасность своего раненія и просилъ быть осторожнымъ съ его женою. Отъ Черной рѣчки на Мойку, въ домъ Волконскаго, больного довезли почти шагомъ; затѣмъ уложивъ, при помощи слугъ, больного въ постель, секундантъ отправился за докторами. Тщетно побывалъ у нѣсколькихъ, оставляя записки, наконецъ, наткнулся у воротъ воспитательнаго дома на акушера Шольца,

*) Напечатано въ „Врачебныхъ Вѣдомостяхъ".

который вмѣсто себя, какъ не хирурга, тотчасъ привезъ къ Пушки[illegible] доктора Задлера. Послѣдній осмотрѣлъ рану и, наложивъ компресс[illegible] на вопросъ секунданта отвѣтилъ: «пока еще ничего сказать нельзя[illegible] Вскорѣ пріѣхалъ лейбъ-медикъ покойнаго Государя Николая Павл[illegible] вича, д-ръ Арендтъ, осмотрѣлъ рану и, на просьбу А. С. сказать пра[illegible] ду откровенно, сказалъ слѣдующее: «Если такъ, то я долженъ ва[illegible] сказать, что рана ваша очень опасна и что къ выздоровленію ваше[illegible] я почти не имѣю надежды». Пушкинъ благодарилъ сердечно за пра[illegible] ду и просилъ только не огорчать этимъ его жену. Въ тотъ же день у Пушкина перебывало нѣсколько извѣстнѣйшихъ докторовъ, въ томъ числѣ проф. Буяльскій и Саломонъ. Особый врачъ дежурилъ всю ночь у постели больнаго. Къ вечеру и въ особенности ночью, страданія больного до того усилились, что онъ даже покушался застрѣлиться.

28-го января, къ утру, больной немного заснулъ, боль стала утихать. Къ полудню больному сдѣлалось значительно легче, онъ нѣсколько развеселился и былъ въ духѣ. Около часу дня пріѣхалъ къ нему д-ръ Даль. Пушкинъ просилъ его войти и, встрѣчая его глазами, сказалъ: «Мнѣ пріятно васъ видѣть не только какъ врача, но и какъ родного мнѣ человѣка по общему нашему литературному ремеслу». Съ нимъ Пушкинъ былъ веселъ и даже шутилъ, такъ что вселилъ сомнѣніе въ фатальномъ исходѣ у врачей и надежду у жены и окружавшихъ его. Д-ра ex consilio рѣшили нужнымъ (??) близь раны поставить піявки. Пушкинъ самъ помогалъ имъ ставить, смотрѣлъ, какъ они принимались, и приговаривалъ «вотъ это хорошо; это прекрасно». Послѣ того, больной чувствовалъ довольно хорошо цѣлый день, хотя жаловался, что онъ все болѣе и болѣе слабѣетъ. Ночью ему стало хуже; его мучила слабость и чувство тоски. Порою онъ какъ будто забывался, но не на долго; пробуждался, открывалъ глаза, просилъ пить, но пилъ только нѣсколько глотковъ. Обращаясь къ неотходившему отъ него д-ру Далю, онъ спрашивалъ: «скоро-ли это кончится?» Такъ прошла тревожная послѣдняя ночь страдальца-поэта.

29 января, утромъ, собравшійся консиліумъ врачей рѣшилъ, что состояніе Пушкина совершенно безнадежно. Лейбъ-медикъ Арендтъ сказалъ даже, что ему осталось жить не болѣе 2 часовъ. Память не покидала, однако, Пушкина. За нѣсколько минутъ передъ смертью, А. С. захотѣлось морошки—сейчасъ-же послали и супруга ложечкою давала

морошку, которую онъ съ особеннымъ жаднымъ аппетитомъ ѣлъ и хваливалъ: «ахъ, какъ это хорошо». Вскорѣ началась агонія, почти новенная; потухающимъ взоромъ, въ послѣдній разъ, умирающій этъ обвелъ шкафы своей библіотеки, чуть внятно прошепталъ: «прощайте, прощайте», и съ этими словами умеръ.

Эта крайне неполная исторія болѣзни незабвеннаго поэта даетъ мъ только смутное понятіе о самой сущности раненія. Что тутъ, бы-ли только «la cuisse fracassée», или было раздробленіе костей за, вмѣстѣ съ бедренной головкой въ тазобедренномъ суставѣ? Во якомъ случаѣ, современнымъ врачамъ, хорошо изучившимъ антисепческій методъ леченія, имѣющимъ болѣе довѣрія къ выпущенію въ зобедренномъ суставѣ (Еше, В. Пеликанъ-младшій), остается только жалѣть, что, 43 года тому назадъ, А. С. Пушкинъ умеръ преждеременною смертью.

Хирургія въ послѣднія десятилѣтія сдѣлала громадные успѣхи и, жетъ быть, въ настоящее время Пушкинъ могъ-бы быть спасенъ. Не воря о качествѣ самыхъ хирурговъ времени Пушкина, но уже при арыхъ методахъ пользованія ранъ, едвали-бы могла быть произведена то время съ благопріятнымъ исходомъ такая операція, какъ напр., Н. А. Некрасова при ракѣ прямой кишки, съ костоѣдою крестца. ы, конечно, совершенно не знаемъ, что именно было повреждено у ушкина. Повидимому, ни мочевой пузырь, ни большіе сосуды не были вреждены, а при этомъ, при благопріятныхъ условіяхъ, возможны хошіе исходы. Не говоря о множествѣ пулевыхъ ранъ таза и бедра, ончившихся удовлетворительно во время прошлой кампаніи, рана, наесенная на близкомъ разстояніи генералъ-адъютанту Трепову, по мѣсту напоминающая рану Пушкина, съ пулею, засѣвшею въ позвоночникѣ, тоже протекла сравнительно благопріятно.

Изъ неизданныхъ записокъ А. С. Пушкина *).

30-го ноября 1833 года. Вчера балъ у Бутурлина (Жомини). Любопытный разговоръ съ Блайемъ. Зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ?—Для безопасности Петербурга? Но онъ защищенъ Кронштадтомъ. Игрушка!—Долго ли вамъ распространяться? (мы смотрѣли карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бутурлинымъ). Ваше мѣсто Азія: тамъ совершили вы достойный подвигъ цивилизаціи ...etc.

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. Великій князь ихъ засталъ за ужиномъ: кого въ шлафрокѣ, кого безъ шарфа. Онъ пораженъ мыслью объ упадкѣ гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ царствованія Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи.

4-го декабря 1833. Вечеромъ у Загряжской (Натальи Кириловны). Разговоръ о Екатеринѣ. Наталья Кирилловна была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III, во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою, и оба раза на княгиню Дашкову. Екетерина звала ее въ Эрмитажъ. Княгиня Дашкова спросила у придворныхъ, какъ идятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь, остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста, и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали государыню, въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь отворилась, государыня влетѣла и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнемъ поступкѣ, говоря, что она не знала, чтобъ женщинѣ быть

*) „Русская Мысль“, изъ которой мы заимствуемъ въ сокращеніи этотъ отрывокъ, сопровождаетъ его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Печатаемый отрывокъ изъ записокъ А. С. Пушкина предоставленъ для напечатанія въ „Русской Мысли“ А. А. Пушкинымъ и кромѣ этого отрывка въ настоящее время остальная часть записокъ не будетъ напечатана ни въ отдѣльномъ и ни въ какомъ либо иномъ періодическомъ изданіи.

запрещенъ входъ въ алтарь.—Какъ вамъ не стыдно! отвѣчала Екатерина. Вы русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться... Наталья Кирилловна разсказала анекдотъ съ большою живостью. Княгиня Кочубей замѣтила, что Дашкова вошла вѣроятно въ алтарь въ качествѣ президента русской академіи. Втораго анекдота я не выслушалъ.

1-го января 1834. Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ?—Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только-бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ.

7-го января. Государь сказалъ княгинѣ Вяземской: J'espère que Pouchkin a pris en bonne part sa nomination. Jusqu' à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui etc. Великій князь намедни поздравилъ меня въ театрѣ. Покорнѣйше благодарю, ваше высочество: до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись; вы первый меня поздравили.

17-го января. Балъ у графа Бобринскаго, одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Государь мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ; «Жаль, что я не зналъ, что ты о немъ пишешь: я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости». Возможно ли? съ 1774 года! Правда, она жила на свободѣ, въ предмѣстьѣ, но далеко отъ своей Донской станицы, на чужой, холодной сторонѣ. Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ. Узнавъ, что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

26-го января. Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Пріѣхалъ въ мундирѣ. Мнѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя NN. и переодѣвшись отправился на вечеръ къ С. В. С. Государь былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites lui des reproches.

Въ четвергъ балъ у кн. Трубецкаго. Государь пріѣхалъ неожиданно, былъ на полчаса. Сказалъ женѣ: Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? (мундирныя

пуговицы. Старуха гр. Бобринская — извиняла меня тѣмъ, что у меня не были онѣ нашиты).

Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Пина, два Шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

28-го февраля. Протекшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, раутовъ etc. Масляница. Я представлялся. Государь позволилъ мнѣ печатать «Пугачева»; мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными). Въ воскресенье на балѣ въ концертной государь долго со мною разговаривалъ. Онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.

6-го марта. Царь далъ мнѣ взаймы 20,000 на напечатаніе «Пугачева». Спасибо.

17-го марта. Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи русскаго «Conversations-Lexicon». Насъ было человѣкъ со[illegible], большею частью неизвѣстныхъ мнѣ русскихъ великихъ людей. Гр[illegible]ъ сказалъ мнѣ предварительно: «Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ есть шар[illegible]танъ, а я пальяцъ; пью его лекарство и хвалю его». Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свиньинъ. Гаевскій подписался, но съ условіемъ. Кн. Одоевскій и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное сборище. Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался, Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ, ободрялъ меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!

2-го апрѣля. На дняхъ (въ прошедшій четвергъ) обѣдалъ у кн. Ник. Трубецкаго съ Вяземскимъ, Нарышкинымъ и съ Кук., котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ кажется очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю, имѣетъ ли онъ талантъ. Я не дочелъ его «Тасса» и не видалъ его «Руки» e. t. c. Онъ хорошій музыкантъ. Вяземскій сказалъ о его игрѣ на фортепіано: Il brédouille en musique, comme en vers. Кук. пишетъ «Ляпунова». Хомяковъ тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе таланта.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго. Онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ посланъ былъ изъ Петербурга по Тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провожатые полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта. Ваше превосходительство! Помилуйте: заступитесь великодушно: эти канальи лошадей намъ не даютъ. Сперанскій у себя очень любезенъ. Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. «Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ, противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага». Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

7-го апрѣля. «Телеграфъ» запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова). Жуковскій говоритъ: «Я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили». «Телеграфъ» достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большей наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

Моя Пиковая Дама въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и кн. Н. П. и, кажется, не сердятся.

Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики.

8-го апрѣля. Сейчасъ ѣду во дворецъ представиться царицѣ.

2 часа. Представлялся. Ждали царицу часа три. Насъ было человѣкъ 20. Братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вольховскій и др. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ смѣясь: Non, c'est unique! Je me creusais la tête pour savoir quel P. me sera présenté, il se trouve que c'est vous!... Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé la fille de son coeur, sa fille d'adoption... и повернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лѣтъ и даже 36.

14-го апрѣля. Слухъ о томъ, что Полевой былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, подтверждается. Говорятъ, кто-то его встрѣтилъ въ большомъ смущеніи, здѣсь, на улицѣ, тому съ недѣлю.

lire tout ce qui paraît».—«Oui, v. a. I., отвѣчалъ онъ:—la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice». Великая княгиня скорѣй отъ него отошла.—Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у К. Д. Она ѣдетъ въ Талицы, принадлежавшія нѣкогда Ганнибалу, моему прадѣду. У нея были Вяземскій, Жуковскій и Пиль. Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павлѣ I-мъ, романтическомъ нашемъ императорѣ.

3-го іюня. Обѣдали мы у Вяземскаго, Жуковскій, Давыдовъ и Киселевъ. Много говорили объ его управленіи въ Валахіи. Онъ можетъ самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова...

22-го іюля Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть было не поссорился я со дворомъ; но все перемололось. Однако это мнѣ не пройдетъ.

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ образцовымъ полкомъ. Арендъ объявилъ, что онъ внѣ опасности. Подъ Аустерлицомъ онъ искрошилъ кавалергардовъ. Долгъ платежемъ красенъ.

9-го августа. Трощинскій въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы просился онъ въ деревню. Государь не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трощинскій остался въ Петербургѣ, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды въ два часа ночи является къ его воротамъ фельдъегерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто нейдетъ. Фельдъегерь въ протаявшемъ снѣгѣ отыскалъ камень и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, пошли отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трощинскому, объявляя ему, что государь его требуетъ и что фельдъегерь за нимъ пріѣхалъ. Трощинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъегерь привозитъ его прямо къ Зимнему дворцу. Трощинскій не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ видитъ онъ, что его ведутъ на половину великаго князя Александра. Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ, происшедшей въ государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, обнялъ и поздравилъ съ новымъ императоромъ. Трощинскій нашелъ государя въ мундирѣ, облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: „Будь моимъ руководителемъ“. Тутъ былъ

тотчасъ же написанъ манифестъ и подписанъ государемъ, не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться.

28-го ноября. Я ничего не засыпалъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Я былъ въ отсутствіи. Выѣхалъ изъ Петербурга за пять дней до открытія Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, своими товарищами, былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ, видѣлъ А. Раевскаго, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть это пройдетъ. Отправился потомъ въ Калугу на перекладныхъ безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили: но я поставилъ на своемъ. «Какіе мы разбойники! говорили мнѣ они: намъ дана вольность, и поставленъ столпъ намъ въ честь». Графа Румянцова вообще не хвалятъ за его памятникъ и увѣряютъ, что церковь была бы приличнѣе; я довольно съ этимъ согласенъ, церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинною подписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго еще не разберетъ. Въ заводахъ я прожилъ двѣ недѣли, потомъ привезъ Н. Н. въ Москву, а самъ съѣздилъ въ Нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ, и кажется неудачно. Воротился къ 15-му октября въ Петербургъ, гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ. Я ждалъ все возвращенія царя изъ Пруссіи. Вечеромъ онъ пріѣхалъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ привезъ эту новость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекрасенъ. Воротились въ 3 ч.

5-го декабря. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще нѣтъ мундира. Ни за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами, молокососами 18-лѣтними. Царь разсердится. Да что мнѣ дѣлать?

PG 3353 .V5 C.1
Vienok na pamiatnik Pushkinu.
Stanford University Libraries
3 6105 035 544 530

PG
3353
V5

DATE DUE
APR 24 1990

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305